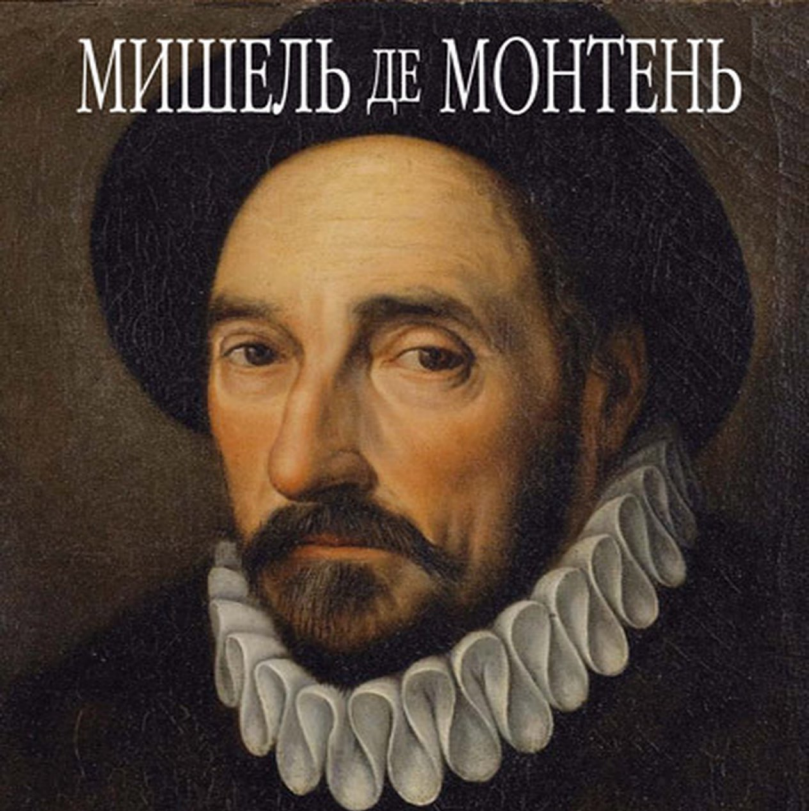
МИШЕЛЬ ДЕ МОНТЕНЬ



ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК

ПУТЕШЕСТВИЕ
МИШЕЛЯ ДЕ МОНТЕНЯ
в Германию и Италию

Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию

Мишель Экéм де Монтень

Аннотация
Мишель де Монтень. Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию
Предисловие Менье де Керлона, первого издателя «Путевого дневника» Монтеня
Названия этапов путешествия Монтеня
Часть 1, написанная рукой секретаря
Часть 2, написанная рукой секретаря
Часть 3, написанная самим Монтенем
Часть 4, написанная Монтенем по-итальянски
Часть 5, написанная Монтенем на родном языке
Краткая хронология жизни Монтеня
Хронология и этапы путешествия Монтеня
Послесловие переводчика

Аннотация

«Путевой дневник» Монтеня до настоящего времени был практически неизвестен в России. Рукопись, случайно найденную через 178 лет после смерти ее автора, впервые опубликовали во Франции в 1774 году. Настала пора предъявить «Дневник» и русскому читателю.

«Опыты» Монтеня читают и любят во всем мире, однако мало кому известно, что после своего путешествия по Германии, Швейцарии и Франции Монтень внес в два уже вышедших тома «Опытов» более шестисот добавлений и написал третий том, значительную часть которого составляют наблюдения, взятые им из своих путевых заметок. Внимательный читатель непременно обратит внимание на эту перекличку между «Дневником» и «Опытами» – книги взаимно дополняют друг друга, углубляя и расширяя понимание тех или иных фрагментов.

На русском языке произведение публикуется впервые.

Мишель де Монтень
Путевой дневник. Путешествие Мишеля де Монтеня в Германию и Италию

© Л. Ефимов, перевод, 2019
© ООО «Редакционно-издательский центр “Культ-информ-пресс”», 2019
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2019
© А. Веселов, оформление, 2019

MICHEL DE MONTAIGNE.

Гравированный портрет Монтеня к первым изданиям «Дневника» 1774 г.

IN TENEB
NOSTRA VAGATVR
PANTI
ΛΟΓΩ

QUAM CERTVM NIHIL ESSE CERTI ET HOMINE NIHIL

С. 6–7. Балки с латинскими и греческими изречениями в библиотеке замка Монтеня

Паломники на пути в Лорето. Фрагмент гравюры Маттеуса Мериана

Предисловие Менье де Керлона, первого издателя «Путевого дневника» Монтеня

I

В главе IX третьей книги «Опытов» Монтень упоминает о своих путешествиях и, в частности, о посещении Рима. Он даже подробно сообщает о *римском гражданстве*, которое было даровано ему «хранителями римского народа». Так что было вполне известно: Монтень совершил путешествие по Швейцарии, Германии, Италии, но вызывало удивление, почему наблюдатель такого масштаба, писатель, наполнивший свои «Опыты» множеством домашних и личных подробностей, ничего не написал об этой поездке. Однако, поскольку за сто восемьдесят лет, миновавших после его смерти, никаких ее следов так и не обнаружилось, о ней просто перестали думать.

Г-н Прюни, каноник Шанселадского аббат-

ства[1] в Перигоре, объезжал эту провинцию, разыскивая документы, имевшие касательство к ее истории. Заглянул он и в старинный замок Монтень[2], которым владел г-н граф де Сегюр де ла Рокет[3], чтобы порыться в его архивах, буде таковые там окажутся. Ему показали старый сундук, заключавший в себе давно преданные забвению бумаги, и позволили их просмотреть. И вот совершенно неожиданно он обнаружил там оригинал рукописи «Путешествия Монтеня», возможно, существовавший в единственном экземпляре. Он получил от г-на де Сегюра дозволение подвергнуть манускрипт всестороннему обследованию. И, убедившись наконец в подлинности этого драгоценного посмертного произведения Монтеня, совершил поездку в Париж, дабы вдобавок

---

[1] Примечания: 1

...каноник Шанселадского аббатства... — Так исстари называли монахов этой обители (*здесь и далее под звездочкой прим. переводчика).*

[2] Примечания: 2

...старинный замок Монтень... — Этот замок находится в приходе Сен-Мишель де Монтень, в 200–300 шагах от селения, в полулье от Дордони и в двух лье от городка Сент-Фуа; он относится к диоцезу Перигё и от него до этого города с епископскщй резиденцией примерно два лье. Замок большой, солидно построенный и хорошо расположен на возвышенном месте. Там имеются две башни и пристройки с красивым просторным двором. (*здесь и далее прим. М. де Керлона*).

[3] Примечания: 3

Г-н граф де Сегюр де ла Рокет происходит в шестом поколении от Элеоноры де Монтень, единственной дочери автора «Опытов». Элео-

нора была замужем два раза: от первого брака у нее не было детей, и она во второй раз вышла замуж за виконта Шарля де Гамаша. Ее единственная дочь Мари де Гамаш была замужем за Луи де Люром де Салюсом, бароном де Фаргом, у нее было три дочери. Последняя, Клод-Мадлен де Люр, вышла замуж за Эли Изака де Сегюра, от которого произошел Жан де Сегюр, отец Александра и дед того самого графа де Сегюра де ла Рокета, которому в итоге и достался замок Монтень согласно завещательным распоряжениям отца Элеоноры.

заручиться свидетельствами сведущих людей. Рукопись была изучена различными учеными и литераторами, а главное — г-ном Каперонье, хранителем Королевской библиотеки, и «Дневник путешествия» был единодушно признан автографом Монтеня. Этот манускрипт представляет собой небольшой том *in folio* в сто семьдесят восемь страниц. Прежде всего и почерк, и бумага неоспоримо относятся к концу XVI века. Что касается языка, то ошибиться невозможно: здесь вполне узнаваемы простодушие, искренность, а также выражения, на которых словно лежит печать самого Монтеня. Часть рукописи (примерно треть) написана рукой слуги, очевидно, выполнявшего при Монтене также обязанности секретаря, который всегда говорит о своем хозяине в третьем лице, но очевидно, что он писал под его диктовку, поскольку тут встречаются все *эгоизмы* Монтеня — характерные, присущие только ему обороты, которые вырываются у него, даже когда он диктует, выдавая его с головой. Весь остаток «Дневника» написан его собственной рукой, тут Монтень говорит непосредственно от первого лица (мы сличили почерк), однако больше половины этой части он изъясняется по-итальянски. На тот случай, если бы возникли какие-либо со-

мнения в подлинности рукописи, а также чтобы прибегать к ней в случае надобности, она была помещена в Королевскую библиотеку. Добавим для точности, что в ее начале не хватает одного или нескольких листков, которые, похоже, были вырваны.

Если рассматривать это посмертное произведение Монтеня только как некий исторический памятник, представляющий состояние Рима и значительной части Италии таким, каким оно было в конце XVI века, оно уже имело бы неоспоримую ценность. Но манера письма Монтеня, его энергичность, правдивость, искренность его философского ума и его гений, пропитывая собой все его идеи, воспринятые или произведенные его собственным разумом, делают «Дневник» еще более драгоценным.

Однако, чтобы иметь возможность представить это произведение публике, сначала требовалось расшифровать его и сделать с него разборчивую копию. Шанселадский каноник уже скопировал манускрипт и даже перевел всю итальянскую часть, но его копия грешила многими ошибками и пропусками, от которых весьма часто страдал смысл, а перевод с итальянского был еще менее пригоден. Так что для начала мы поработали,

чтобы переписать рукопись как можно точнее, ничего не опуская и не изменяя ни единого слова.

Эта первая операция не обошлась без трудностей как из-за плохого почерка слуги, который держал перо вплоть до самого Рима, так и из-за того, что и сам Монтень не очень-то охотно следовал правилам правописания, благодаря «Опытам» нам слишком хорошо известна его небрежность на сей счет[4]. Однако более всего трудными для чтения оба этих почерка делает в основном их орфография, потому что трудно вообразить себе что-нибудь более причудливое, беспорядочное и несогласованное, нежели то, что имеется в этой рукописи. Потребовалось много терпения и времени, чтобы преодолеть все трудности. Затем новая копия была тщательно вычитана, выверена и сличена с оригиналом, и сам г-н Каперонье уделил этому наибольшую заботу.

После того как эта копия была передана в ти-

---

[4] Примечания: 4

Монтень, упоминая о своих деловых письмах, говорит в «Опытах», I, 39: «...хотя почерк у меня омерзительный, я все же предпочитаю писать своей рукой, а не перекладываю это на других». И в кн. II, 17: «Руки мои до того неуклюжи, что я не могу толком писать даже для себя самого, и бывает, что, нацарапав что-нибудь, предпочитаю переписать заново, чем разбирать собственную пачкотню».

пографию, назрела необходимость добавить примечания, дабы разъяснить смысл старых и давно вышедших из обихода слов либо прояснить историю и дать, насколько возможно, необходимые сведения о людях, упомянутых Монтенем; однако мы постарались сделать свои примечания ни чересчур многословными, ни чересчур многочисленными. Впрочем, как мы увидим, и невозможно было еще больше увеличить количество комментариев, вдобавок обременяя их собственными размышлениями. Ограничившись чистой необходимостью, мы хотели избежать избытка пространных, излишне эрудированных и даже философических примечаний, которые порой расточают, забывая об авторе, чьи слова, собственно, и следует истолковать, а также без большой пользы для читателей, ищущих именно этого, а вовсе не чего-либо другого. Возможно, и не требовалось заурядное безразличие, чтобы воспротивиться искушению и не отдаться всем идеям Монтеня, самому его воодушевлению, комментируя написанное им; и я не знаю, стоит ли тут говорить более о том, от чего мы воздержались, нежели о действительно проделанной нами работе. Во всяком случае, мы не можем умолчать о своем долге по отношению к г-ну

Жаме-младшему, весьма образованному литератору, от которого мы получили большую помощь, в основном касавшуюся примечаний, многие из которых принадлежат ему[5].

Однако, без всякого сомнения, наибольших трудов нам стоила та часть «Дневника», которая написана Монтенем по-итальянски. Она была еще труднее для чтения, чем французский текст, как из-за своей дурной орфографии, так и из-за слишком вольного обращения с чужим языком, в результате чего он оказался переполнен массой словечек из различных наречий и галлицизмами[6]. Только итальянец мог расшифровать эту часть и привести ее в порядок, сделав вразумительной. По счастью, пока печатали первый том, в Париже находился г-н Бартоли, антиквар

---

[5] Примечания: 5

В кабинете у г-на Жаме имеются хорошие материалы для «Истории Монтеня» (совершенно не известные председателю Буйе), которые он любезно согласился нам передать. Двадцать лет назад он получил их от г-на *де Монтескье-сына* через г-на аббата *Бертена*, государственного советника, а в то время советника парламента Бордо и главного викария Перигё, для того чтобы жизнеописание Монтеня было опубликовано более точным и обширным, нежели напечатанный в Лондоне труд председателя Буйе. Мы охотно выполнили бы это пожелание, если бы могли иметь доступ к письмам Монтеня, которые, как известно, находятся в руках *некоторых особ*.

[6] Примечания: 6

Мы вполне представляем себе, что Монтеню писать на иностранном языке было так же трудно, как и на нашем. «Находясь в Италии, я дал одному человеку, дурно изъяснявшемуся по-итальянски, вот какой

совет: раз он не стремится хорошо говорить на этом языке, а хочет только, чтобы его понимали, пусть употребляет первые попавшиеся слова — латинские, французские, испанские или гасконские, — прибавляя к ним итальянские окончания; в таком случае его речь непременно совпадет с каким-нибудь наречием страны: тосканским, римским, венецианским, пьемонтским или неаполитанским, или с какой-нибудь из их разновидностей» («Опыты», II, 12). Тем не менее, находясь в Лукке, Монтень возымел желание изучить тосканский язык: «Мне пришла фантазия изучать флорентийское наречие, причем усердно и старательно; я потратил на это достаточно времени и усилий, но мало чего добился».

короля Сардинии, недавно избранный ассоциированным членом Королевской академии надписей и изящной словесности. Он-то и пожелал взяться за эту работу, не только переписав собственной рукой эту часть, но еще и добавив к ней грамматические примечания, как мы делали с французским текстом, и даже несколько исторических: отсюда следует, что вся итальянская часть отпечатана с его копии. И именно с этой копии, учтя также многочисленные поправки, внесенные им в перевод г-на Прюни, мы сделали нашу собственную переводную версию, не слишком рабски-буквально следуя итальянскому Монтеня, что могло бы привести к нелепостям. В остальном же «Дневнике» все выражения французского текста были нами тщательно сохранены; мы даже довели свою скрупулезность до того, что полностью передали всю орфографию Монтеня и его *секретаря*, чтобы никто не смог заподозрить нас в малейшем искажении текста; и мы действительно ничего подобного себе не позволяли.

II

Потеря одного или нескольких листков, которых не хватает в начале рукописи, наверняка

незначительна. Поскольку наш путешественник уехал из своего замка 22 июня 1580 года (как он нарочно это отмечает в конце «Дневника»), задержался на какое-то время при осаде Ла Фера, организованной маршалом Матиньоном для Лиги и начатой ближе к концу того же июня[7], а когда там был убит граф де Грамон[8], он с другими друзьями сопроводил тело погибшего в Суасон[9]. 5 сентября он находился только в Бомоне-на-Уазе, откуда и отбыл в Лотарингию. Тем не менее эта лакуна не позволяет нам узнать ни обстоятельств его отъезда, ни подробностей происшествия с ранением безвестного графа (быть может, во время той же осады), проведать которого Монтень отправил собственного брата[10], наконец, ни количества, ни имен всех участников путешествия.

---

[7] Примечания: 7

Согласно Мазерати, осада Ла Фера продлилась шесть недель и город сдался лишь 12 сентября 1580 года.

[8] Примечания: 8

Этот граф де Грамон был мужем *прекрасной Коризанды*, одной из любовниц Генриха IV.

[9] Примечания: 9

«Опыты», III, 4.

[10] Примечания: 10

У Монтеня было пять братьев: капитан Сен-Мартен, погибший в двадцать три года от удара мячом во время игры, «Опыты», I, 19; сеньор д'Арсак, владетель земли в Медоке, которая была занесена морскими песками; сеньор де Ла Брусс, изъятый председателем Буйе из жизнеописания Монтеня, но упомянутый в «Опытах», II, 5; сьер

де Матекулон, который участвовал в *путешествии* Монтеня; сьер де Борегар, ставший протестантом, как мы узнаем из письма Монтеня, которое содержит рассказ о смерти Этьена де Ла Боэси.

Известны имена *четырех* младших братьев Монтеня:

1. Тома (род. 1534), сеньор *де Борегар*, действительно протестант, стал также сеньором *д'Арсаком* благодаря своей женитьбе на Жакетте д'Арсак, родственнице Этьена де Ла Боэси, ближайшего друга Монтеня («В Медоке море засыпало песком земли моего брата, господина д'Арсака»; «Опыты», I, 31); так что Керлон ошибся, разделив его на двух человек.

2. Пьер (1535–1597), сеньор де Ла Брусс («Однажды, во время наших гражданских войн, я, путешествуя вместе с моим братом, сьером де Ла Бруссом…»; «Опыты», II, 5).

3. Арно (1541–1569), капитан Сен-Мартен («…мой брат, капитан Сен-Мартен, двадцатитрехлетний молодой человек, уже успевший, однако, проявить свои незаурядные способности, как-то во время игры был сильно ушиблен мячом, причем удар, пришедшийся немного выше правого уха, не причинил раны и не оставил после себя даже кровоподтека. Получив удар, брат мой не прилег и даже не присел, но через пять или шесть часов скончался от апоплексии, причиненной этим ушибом»). Но что касается его возраста, то тут явное недоразумение. По сохранившимся документам, на момент смерти их отца (в 1568-м) Арно было уже двадцать семь лет, и умер он (опять же по документам) в промежутке между двумя официально зарегистрированными датами: 22 августа 1568 года и 23 мая 1569 года (когда среди членов семьи распределялось его наследство, поскольку он не оставил после себя детей). Так что это либо описка самого Монтеня, либо (что скорее всего) ошибка наборщика в типографии, спутавшего числа 28 и 23 из-за известной неразборчивости монтеневского почерка.

4. Бертран-Шарль (1560–1627), сеньор де Матекулон, младший из братьев Монтеня, участник его итальянского путешествия, упоминается на первой же странице «Дневника». Возможно, были и другие братья, умершие ранее, но история не сохранила их имен. Так что вернее было бы сказать: «Монтень был старшим из пяти братьев».

Вот те, о ком продолжение «Дневника» нам даст некоторое знакомство, это: 1) брат Монтеня сьер де Матекулон, который во время своего пребывания в Риме ввязался в дуэль, о которой Монтень упоминает в добавлении к II книге «Опытов», гл. 37, но ничего не говорит о ней в самом «Дневнике»; 2) г-н д'Эстиссак, возможно, сын дамы д'Эстиссак, которой он в той же книге посвящает главу VIII «О родительской любви к детям» (это был наверняка молодой человек, поскольку папа римский во время аудиенции, на которой он был принят, призвал его «усердствовать в изучении добродетели»); 3) г-н де Казалис, который покинет их общество в Падуе; 4) г-н дю Отуа, лотарингский дворянин, который совершил путешествие вместе с Монтенем[11]. Из описаний этой поездки видно, что она совершалась либо в наемных повозках, которые использовались тогда скорее для перевозки багажа, нежели людей, либо (чаще всего) верхом на лошади — как путешествовали в то время и к чему особенно имел склонность сам Монтень, который никогда не чувствовал себя

[11] Примечания: 11

Ныне живущий в Лотарингии г-н граф дю Отуа происходит из этого же рода.

лучше, нежели «сидя в седле»[12].

Монтень родился живым, кипучим, полным огня; он ни в коем случае не был оседлым созерцателем, как могли бы подумать те, кто представляет его себе исключительно в домашней библиотеке, занятого сочинением «Опытов». Его молодость была весьма насыщенной. Смуты и волнения, свидетелем которых он был при пяти сменявших друг друга королях вплоть до воцарения Генриха IV, не смогли погасить в нем эту живость, эту порождающую любопытство неуемность ума, поскольку они отмечают собой даже самые холодные головы. Он путешествовал по королевству и, что подчас было ценнее путешествий, очень хорошо знал Париж и двор. Его любовь к столице изливается в III книге «Опытов», в гл. 9. Жак Огюст де Ту в «Частных мемуарах своей жизни» (*De vitâ suâ. Lib.* 3.) сообщает, что Монтень обхаживал одновременно слишком знаменитого герцога де Гиза — Генриха Лотарингского, и короля Наваррского, ставшего впоследствии Генрихом IV, королем Франции. И

[12] Примечания: 12

«Несмотря на мои колики, я не слезаю с лошади по восемь — десять часов кряду и все же не ощущаю чрезмерной усталости — *vires ultrà sortemque senectae*» («Сверх сил и удела старости» — *лат.*). «Опыты», III, 9.

добавляет, что в 1588 году он сам присутствовал на заседании Генеральных штатов в Блуа, когда там был убит герцог де Гиз. Так вот, по его словам, Монтень предвидел это и даже сказал, что смута в государстве сможет закончиться только смертью одного из двоих: либо герцога де Гиза, либо короля Наваррского. Он прекрасно разгадал намерения обоих принцев и говорил своему другу де Ту, что король Наваррский уже совсем готов вернуться к религии своих отцов (то есть к римскому причастию) и опасается только быть покинутым своей партией, а герцог де Гиз со своей стороны не слишком далек от Аугсбургского исповедания[13], склонность к которому внушил ему собственный дядюшка, кардинал Лотарингский, и существовала реальная угроза, что он к нему примкнет. Из «Опытов» (кн. III, гл. 2) видно, как Монтень вел себя с представителями различных партий. Так что он вполне был искушен в делах и наделен проницательностью, которая требовалась, чтобы принять в них участие, если

[13] Примечания: 13

То есть от лютеранства. Аугсбургское исповедание (*лат.* Confessio Augustana, *нем.* Augsburger Bekenntnis) — официальный вероисповедальный документ, является богословской нормой для лютеран, их кредо. Его первоначальная версия была написана Меланхтоном в 1530 году и одобрена самим Лютером как изложение исповедания веры Лютеранской церкви.

бы захотел в это вмешаться; однако, по счастью, ему удавалось сохранять философскую отрешенность во времена самых опасных испытаний.

Когда особая склонность Монтеня к философствованию меньше выражена в «Опытах», становится очевидным его своеобразное и весьма пространное знание людей, неизбежно предполагающее как действие, так и опыт: ведь людей не разгадывают в тиши своего кабинета, в их души проникают, лишь приближаясь к ним, рассматривая с очень близкого расстояния. Так и страсть к путешествиям вполне естественна у философа, которому любопытно познакомиться с другими нравами и другими людьми, нежели те, что его окружают. Правда, он сделает это немного поздновато, по крайней мере, для того путешествия, о котором повествует, поскольку ему сорок семь лет, — таким образом он оправдывается, что совершил его уже *женатым и старым*.

«Дневник» ничего нам не сообщает ни о точной цели этого последнего путешествия, ни о причине, побудившей Монтеня покинуть родной очаг, оставить жену и дочь в тревогах из-за довольно долгого отсутствия главы семьи (им обеим суждено пережить его), поскольку, к слову сказать, наш философ был хорошим мужем, хо-

рошим отцом, хорошим братом и т. д.[14]. Однако нам кажется очевидным, что отнюдь не одно лишь любопытство увидеть Германию и Италию побудило Монтеня предпринять эту семнадцатимесячную прогулку. Тут явно присутствовал вопрос о собственном здоровье. Он стал больным человеком — мочекаменная болезнь с ее коликами, либо наследственная, либо приобретенная из-за *расточительства лет*, оставляла ему в то время весьма мало возможностей расслабиться. Он совершенно не верил в медицину и сторонился врачей, что засвидетельствовано в его «Опытах»[15]. Использование минеральных вод в качестве ванн, душа и питья было, по его мнению, самым простым и надежным лечением. Он уже побывал в самых известных водолечебницах Франции, а теперь захотел испытать воды Лотарингии, Швейцарии и Тосканы. Этот

---

[14] Примечания: 14

Монтень, писавший своей жене, чтобы утешить ее после потери двухлетней дочери, которая родилась у них после четырех лет брака и была тогда их единственным ребенком, так начал свое письмо: «Жена моя, вы вполне понимаете, что сейчас не время быть галантным, увиваться за вами и любезничать. Люди говорят, что ловкий человек может взять женщину, но жениться на ней — значит сделать глупость. Пускай говорят: я со своей стороны держусь простого обычая древних времен, так что в нынешних обстоятельствах облачен скорее в шкуру… и т. д.».

[15] Примечания: 15

«Опыты», II, 37.

план и определил в основном цель его поездки; мы видим его в беспрестанных заботах о своем слабом здоровье, видим, как он исследует все сколько-нибудь известные минеральные воды и пробует их: именно это нравилось ему более всего[16]. Однако мы не можем скрыть: постоянная склонность Монтеня к поиску этих вод не добавляет занимательности его «Дневнику»; порой он даже становится из-за этого скучным и не слишком приятным. Но не надо относиться к нему как к произведению, которое сам Монтень имел хоть малейшее намерение сделать доступным для публики. Похоже, что он вел его (в том числе и своей рукой) лишь для того, чтобы отметить для самого себя то, что он видел и делал, запечатлеть маленькие происшествия, касавшиеся его собственной особы. Если бы он

[16] Примечания: 16

«Кто не приезжает на воды достаточно бодро настроенным, с желанием наслаждаться обществом людей, здесь находящихся, участвовать в прогулках, к которым весьма располагает красота мест, где обычно находятся целебные источники, тот несомненно сильно понижает полезное действие водолечения. По этой причине я до настоящего времени выбирал места с наиболее красивыми окрестностями, с наибольшими удобствами по части жилья, питания и общества; к числу их принадлежат во Франции — *баньерские* воды, на границе Германии и Лотарингии — *пломбьерские* воды, в Швейцарии — *баденские* источники, в Тоскане — *луккские*, а в особенности так называемые “воды *делла Вилла*”, которыми я пользовался чаще всего и в разное время». «Опыты», II, 37.

хотел опубликовать его, то наверняка избавил бы нас от всех подробностей своего лечения и особенно своего долгого пребывания на водах Лукки и Виллы, которые могли быть интересны лишь ему самому. Мы могли бы опустить их, и такая мысль действительно нас посещала. Но это значило бы исказить подлинник; повествование Монтеня уже утратило бы свою полноту и цельность, и при сокращении малейшей подробности нас заподозрили бы в том, что мы допустили изъятие и других. Так что мы приняли наиболее верное решение, состоявшее в том, чтобы опубликовать произведение таким, каким оно было в оригинале, то есть без малейших опущений и утаиваний. Если все детали подобного рода, которыми буквально нашпигованы «Опыты», нисколько не мешают тому, чтобы их читали, а читатели не без оснований предпочитают наиболее полные издания всем этим «Выдержкам» и «Извлечениям» из Монтеня, то, поступая так прежде, они вполне могут сделать, да и наверняка сделают, то же самое и с этим «Дневником». У тех, кто заскучает над подробностями пломбьерских или луккских водолечебниц, всегда остается возможность избавить себя от их чтения — и они перестанут существовать для них. Мы

предупреждаем их заранее и добавим к тому же, что весь эгоцентризм, в котором упрекают «Опыты», имеется и в этом «Дневнике». Тут мы увидим только Монтеня, он говорит исключительно о себе; все почести достаются только ему; его спутники по путешествию, за исключением г-на д'Эстиссака, здесь почти не упоминаются, и в конце концов создается впечатление, что он путешествует один и ради себя одного. Правда, сопровождавшее его общество не всегда следует за ним в его отклонениях от маршрута, и особенно на воды. Уже это маленькое наблюдение почти позволяет понять характер «Дневника», который вскоре будет развит.

Поскольку воды Лотарингии, Швейцарии и Италии отнюдь не были единственной целью путешествия, описание которого прочитает читатель (хотя действиями Монтеня руководило в основном желание испробовать все), надо установить, какую часть в этом занимали красоты страны, притягательность искусства и монументов, интерес к древности, к чужим нравам и т. д., и т. д.

III

Во время путешествия Монтеня в Италию (1580 год) эта прекрасная страна, усеянная античными руинами и обломками, уже два века как была родиной искусств. Ее обогатили своими трудами Палладио, Виньола, Микеланджело, Рафаэль, Джулио Романо, Корреджо, Тициан, Паоло Веронезе, Тинторетто и т. д. Правда, Алессандро Альгарди, Гвидо Рени, Франческо Альба-ни, Доменикино, Джованни Ланфранко, Пьетро да Кортона, Аннибале Карраччи и целая толпа других великих мастеров, близко следовавших за первыми, тогда еще не произвели бессчетное множество произведений во всех жанрах, которые ныне украшают церкви и дворцы Италии. Правившего тогда папу, Григория XIII, занимали скорее строительные работы и прочие общеполезные предприятия, нежели искусства, украшательство и развлечения. Сикст V, его преемник, избранный через четыре года после путешествия Монтеня, гораздо больше украсил Рим за шесть без малого лет, что длилось его правление, чем Григорий XIII за двенадцать лет своего понтификата. Тем не менее эта столица, равно как Флоренция, Венеция, а также многие другие

города, где побывал Монтень, уже имела чем привлечь внимание путешественников — своими богатствами и всевозможными монументами, которыми наполнили ее искусства. Так что Монтеню было чем себя занять. Мог ли человек с таким живым воображением, которое сквозит в его «Опытах», и со столь выразительным слогом равнодушно взирать на окружавшие его искусства Древней Греции? Если «Дневник» его путешествия содержит мало описаний статуй[17], картин и других достопримечательностей, которыми пестрят описания всех современных путешественников, бóльшая часть которых повторяет или копирует друг друга, то потому лишь, что в то время у него имелись книги, где все это было; а еще потому, что он любовался всем этим только для себя или же в его план наблюдений не входило записывать впечатления, которые предметы искусства оказывали на него, а также обременять себя познаниями, обладание которыми он оставлял самим художникам. Однако похоже, что все руины, оставшиеся после римлян, его необычайно поражали.

---

[17] Примечания: 17

Он пишет: *Это статуи, которые мне больше всего понравились в Риме.* Стало быть, наш философ сравнивал, а значит — был чувствителен к искусству.

Именно здесь он искал римский гений, который был для него столь реальным, столь явственно ощутимым, что он видел и чувствовал его, как никто другой, в знакомых ему произведениях римлян, а особенно в трудах Плутарха. Он замечал, как этот гений все еще дышит под обширными развалинами былой столицы мира. Никогда и никто, быть может, не постигал Рим так же глубоко, как он в своих прекрасных размышлениях о его гигантской могиле. По меньшей мере несомненно, что в огромном количестве рассказов и описаний, сделанных на всех языках о древних руинах и обломках великого города, ничто не приближается к этому красноречивому отрывку, ничто не дает столь полное представление о средоточии Римской империи.

Прежде чем прочесть эти размышления, посмотрим, как Монтень с картами и книгами *изучал* город, и тогда мы поймем, что мало путешественников и до него, и даже после него смогло лучше увидеть Рим. К тому же нельзя сомневаться, что он разделил свое внимание между древним Римом и новым, одинаково хорошо изучил останки римского величия и современные ему церкви, дворцы, сады со всем тем, чем они уже были украшены. Столь малое количество

описаний Рима и его окрестностей, сделанных в его «Дневнике», наводит на мысль, что ему не хватало вкуса к искусству, но она будет явно ошибочной, поскольку, чтобы не брать на себя эту задачу, он, как уже было сказано, отсылает нас к книгам. С тех пор облик Рима изменился, но нам показалось любопытным сопоставить его описание, каким бы оно ни было, с более недавними, и мы вовсе не пренебрегали этим сравнением и делали его, когда оно казалось нам необходимым. Монтень вовсе не проявляет чрезмерного восхищения Венецией, где пробыл всего семь дней, поскольку намеревался снова увидеть этот замечательный город, но уже в свое удовольствие; однако заметим, что, хотя он отнюдь не был нечувствителен к прекрасному, любуясь им, он был все же довольно сдержан в своих восторгах[18]. Похоже, более всего его трогают природные красоты, местное многообразие, приятная или необычная местность, живописный, порой пустынный или дикий пейзаж или, наоборот, возделанные и ухоженные земли, вну-

[18] Примечания: 18

Сегодня этим даже слишком восхищаются, и большинство наших философов (или тех из нас, кто называет себя этим именем) не больше других защищены от чувства, которое вовсе не доказывает величину ума, которую хотят показать.

шительный вид гор и т. д., и т. д. Тем не менее естественная история практически не затронута в его наблюдениях, если только речь не идет о минеральных водах: деревья, растения, животные занимают его весьма мало. Хоть он и сокрушается по-настоящему, что не увидел на флорентийской дороге вулкан *Pietra mala*, пропустив его по чистой забывчивости, однако назад не поворачивает. Мы видим его изрядное любопытство к гидротехническим и прочим машинам и вообще ко всем полезным изобретениям. Некоторые из них он даже описывает, хотя этим описаниям недостает ясности и точности, потому что ему самому явно не хватает технических терминов, что нисколько не умаляет его влечения к такого рода диковинам. Другой предмет его наблюдений, более близкий к его философии, это нравы и обычаи разных народов и областей, различные условия человеческого существования, которые он наблюдал особенно пристально. В частности, в Риме, Флоренции, Венеции он хотел не только видеть тамошних куртизанок, но и беседовать с некоторыми из них, вовсе не считая эту катего-

рию женщин недостойной своего внимания[19]. Ему самым естественным образом нравилось женское общество; но поскольку он всегда был гораздо более упорядочен в своих нравах или более целомудрен по складу своей личности, чем в своих произведениях, весьма внимательно относился к своему здоровью и всегда вел себя сообразно с собственными годами, то воздержание почти в пятьдесят лет не должно было стоить ему слишком дорого[20]. Что касается галантности, от которой собственная философия отнюдь не заставляла его отказываться (как мы увидим во время его пребывания на водах Лукки), то он позволял себе мало случаев и обстоятельств для этого.

Впрочем, Монтень обладал всеми необходимыми для путешественника качествами. Естественным образом воздержанный, не склон-

---

[19] Примечания: 19

Он довольно много наблюдал ловкость римских куртизанок и «восхищался тем, насколько умело они выставляют себя более красивыми, чем есть на самом деле. Они умеют представить на обозрение самое приятное из того, чем располагают; показывают нам только верх лица, или низ, или бок, прикрываются или открываются так, что в окне не видно ни одной дурнушки».

[20] Примечания: 20

«И сколь бы развращенным меня ни считали, — говорит Монтень в «Опытах», III, 5, — я на самом деле соблюдал законы супружества много строже, чем в свое время обещал или надеялся».

ный к чревоугодию, не слишком затруднявшийся в выборе блюд или в их приготовлении, хотя и лакомый до рыбы, он удовлетворялся тем, что находил; без труда приспосабливался ко вкусам и различным обычаям всех мест, через которые проезжал, и само это многообразие было для него наибольшим удовольствием. Истинный космополит, смотревший на всех людей как на своих природных сограждан, он был не менее покладист, не менее легок в устройстве собственной жизни. Он очень любил беседы и вполне умел удовлетвориться любым духовно развитым народом, поскольку собственная репутация обгоняла его и позволяла ему с легкостью заводить себе друзей. Будучи далеким от предубеждения, упрекающего французов в том, что они слишком много позволяют видеть чужестранцам, он сравнивает чужеземные обычаи с нашими, и когда первые кажутся ему лучше, без колебания

сохраняет их[21].

Так что его искренность неизменно делала его очень приятным даже для тех, кто не старался быть таким же, как он. Добавим ко всем этим преимуществам привычку к езде верхом, тем более удобную для него, что он с трудом переносил экипажи, но благодаря этой счастливой склонности собственное тело умело приспосабливаться к усталости, которую заставляли его сносить и плохие гостиницы, и почти постоянные изменения климатических условий, и все прочие неудобства путешествий.

Монтень путешествовал, как писал; обычно ни репутация места, ни, еще того менее, заранее составленный план, с которым приходилось его сообразовывать, ни опыт других путешественников не заставляли его следовать той или иной его части ради уточнения маршрута. Он редко пользовался обычными путями, и в его путеше-

---

[21] Примечания: 21

«Один немец, — говорит он в «Опытах», III, 13, — к великому моему удовольствию, поносил в Аугусте неудобство наших каминов, используя те же доводы, какими мы осуждаем их печи. И правда, жар в замкнутом пространстве и запах раскаленного кирпича, из которого сложены печи, тягостны для большинства тех, кто к этому не приучен. Для меня, впрочем, нет. Вообще же это устойчивое и равномерно распределенное всюду тепло, без пламени, без дыма, без ветра, задувающего через широкие зевы наших каминов, вполне выдерживает сравнение с нашим способом обогревания комнат».

ствиях мы не видим (за исключением особого интереса к минералам), чтобы у него был более определенный предмет, который он имел, работая над своими «Опытами». Едва ступив ногой в Италию, он, похоже, уже начинает сожалеть о только что покинутой Германии. «Думаю, — написано рукой его *секретаря*, — что, будь он один со своими близкими, он скорее отправился бы в Краков или сушей в Грецию, нежели в Италию; но хотя ему настолько приятно посещать незнакомые страны, что он забывает даже о слабостях своего возраста и здоровья, ему так и не удалось заразить своим удовольствием никого из отряда, и каждый просил только об отступлении»[22]. «Когда ему жаловались, что он часто ведет отряд разными путями по разным областям, порой близко возвращаясь к тому месту, откуда недавно уехал (ему случалось делать это, узнав о чем-то достойном осмотра или меняя прежнее намерение в зависимости от обстоятельств), он отвечал, *что сам лично не едет ни в какое место, кроме того, в котором окажется*, и поэтому не может ни ошибиться дорогой, ни отклониться от

[22] Примечания: 22

Так путешествует дряблость. Таким людям хотелось бы все увидеть, не доставляя себе ни беспокойства, ни малейшего труда; охотнее всего они путешествовали бы в своей постели.

нее, *поскольку не имеет никакого плана, кроме как прогуляться по незнакомым местам*; и раз никто не видит, как он снова сворачивает на прежний путь или дважды возвращается в одно и то же место[23], значит, в его замысле не было никакой ошибки». «Он говорил, что, как только после беспокойной ночи вспоминает поутру, что сегодня ему предстоит увидеть новый город или новую область, он встает с желанием и радостью». И добавлял, что, «видимо, становится похож на людей, читающих довольно занятную повесть или прекрасную книгу, но которые опасаются, что она скоро кончится; он тоже получает такое большое удовольствие от путешествия, что начинает ненавидеть близость места, где должен передохнуть, а потому строит разные планы, как бы он путешествовал в свое удовольствие, если бы смог остаться один».

Попав в Германию, Монтень сожалел о трех упущенных вещах: во-первых, что не привез из Франции повара, но не для того, чтобы тот готовил ему по его собственному вкусу или по-француз-

[23] Примечания: 23

Это правило, к соблюдению которого Монтень, похоже, обязывает себя, было не таким уж строгим, поскольку мы увидим в Италии, как он неоднократно проезжает по одним и тем же местам, да еще и задерживается там.

ски, но, наоборот, чтобы он научился готовить по-швейцарски, по-немецки, по-итальянски; во-вторых, что не взял в качестве сопровождающего какого-нибудь местного дворянина; в третьих, что не запасся путеводителями и книгами, которые называли бы места и достопримечательности, которые стоило посмотреть[24].

IV

Прежде чем говорить о форме и стиле этого «Дневника», нам необходимо сделать одно замечание, дабы не оставалось никаких возможностей заподозрить его в интерполяции и т. п. Две первые книги «Опытов» были впервые напечатаны в Бордо в 1580 году; следовательно, они появились по меньшей мере за несколько месяцев до путешествия Монтеня в Италию, поскольку он обнаружит свое произведение в руках у цензоров, чьей корректуре оно уже подверглось. Однако согласно *отцу Нисерону*[25], ни в этом бор-

[24] Примечания: 24

Том I, стр. 101. (Имеется в виду первый том двухтомного издания «Дневника» 1774 года.)

[25] Примечания: 25

Жан-Пьер Нисерон, или *отец* Нисерон (1685–1738), монах, французский писатель и компилятор, более всего известный своим трудом «Мемуары для истории знаменитых людей» (изд-во Бриассона, Париж, 1739).

доском издании, ни, без сомнения, в трех других, которые последовали за ним довольно скоро, никакого упоминания об этом путешествии в Италию нет. Но поскольку все последующие издания (включая пятое, подготовленное самим Монтенем и увидевшее свет в 1588 году в Париже у Абеля Ланжелье, in quarto) были выпущены вместе с третьей книгой и примерно шестьюстами добавлениями, сделанными к первым двум, то среди этих добавлений обнаруживаются и многие факты, касающиеся этого путешествия. Стало быть, они могут включать в себя и те, которые невозможно согласовать с датой изданий, предшествующих *добавлениям* Монтеня[26], если не знать, откуда взялись эти факты, то есть что он сам вставил их задним числом в первые книги «Опытов». Несомненно, что весь слог «Дневника» (где свободную и свежую речь Монтеня ни с чем невозможно спутать) еще более небрежен, чем

---

[26] Примечания: 26

Монтень охотно делал добавления к своим произведениям, но ничего не исправлял. И вот причина, которую он приводит в «Опытах», III, 9: «Я добавляю, но ничего не исправляю. Во-первых, потому, что тот, кто отдал в заклад всему свету свое сочинение, по-моему, начисто потерял на него права. Пусть, если может, говорит более складно где-нибудь в другом месте, но не искажает работы, которую продал. Покупать у таких людей нужно только после их смерти. Пусть они прежде хорошенько подумают и лишь потом берутся за дело. Кто их торопит?» Прекрасный вопрос! Жажда славы или чего-нибудь иного, а подчас и то и другое вместе.

в «Опытах», однако причина этого очевидна. Приходится повторить: этот «Дневник» был им написан исключительно для самого себя, для своего личного употребления, и нет никаких признаков того, что он когда-либо давал себе труд просмотреть его снова, чтобы выпустить в свет. Так что, совершенно не имея повода смущаться, именно здесь он должен был отдаться той небрежности, которая была ему так дорога. Его «Опыты» отделаны с гораздо бóльшим тщанием[27], потому что он их сам опубликовал. К тому же поскольку Монтень в отношении нравов был несколько не от века сего, то и его манера писать также относилась скорее к предшествующему времени. Да и его родная провинция (Перигор) явно была не тем местом, где наш язык сделал

[27] Примечания: 27

Отец Нисерон, который наверняка видел некоторые из четырех первых изданий «Опытов», уверяет, что текст Монтеня тут более последователен, чем во всех последующих изданиях, «потому что этот текст, содержавший лишь ясные и точные рассуждения, был взрезан и прерван различными добавлениями, которые автор вставлял *то тут то там* в разное время и которые основательно его запутали, притом что он так и не дал себе труда навести там порядок».

наибольший прогресс[28]. Впрочем, французский вовсе не был его родным или природным языком. Известно, что в шесть лет Монтень не знал ни слова по-французски и выучил этот язык лишь в том возрасте, когда дети обычно изучают начатки латыни, но зато это последнее наречие он знал так, словно впитал его с молоком матери, и именно тем способом, которым в детстве постигают свой родной язык. Однако его первое обучение было противоположно нашему, и он должен был еще долго это чувствовать, быть может, весь остаток своей жизни, и, следовательно, французский язык всегда оставался для него в некотором смысле иностранным. Отсюда все латинизмы, которыми переполнен его стиль, смелость его метафор, энергичность выражений, но отсюда же и бесчисленные неправильности, неуверенность в некоторых оборотах «Опытов», неестественных или даже натужных, и все словечки местного

[28] Примечания: 28

Не подлежит сомнению, что «Опыты» Монтеня содержат немало перигорских и гасконских выражений, чего лондонский издатель (г-н Кост), похоже, не слишком заметил. Перигорское наречие, как и наречия некоторых других провинций, сохранило больше следов *латинизма*, чем вообще уцелело во французском языке. Вот только один пример: латинское слово *Titubare*, означающее *колебаться, качаться, шататься*, легко узнается в перигорском слове *Tiboyer*, имеющем то же значение.

говора, которые он там рассеял[29]. В конце концов Монтень никогда не подчинял свои мысли языку; похоже, что он пользовался языком лишь как необходимой одеждой, в которую облекал их, чтобы выпустить наружу. Он всегда использовал наиболее удобное выражение или то, которое представлялось ему наиболее точным, и другого не искал. Ему требовалось, чтобы язык покорялся его перу, чтобы он по его прихоти принимал любую форму, которую мысль запечатлевала в нем. Но богатство и жар его воображения восполняли все потребности словесной *игры*, как он называл язык[30], они сообщали ему удачные формы и окраску, придавали нерв и отвагу, на которые, как казалось, этот язык не способен, — вот что заставляет читать его с такой увлеченностью.

---

[29] Примечания: 29

Автор латинской эпитафии (начертанной на его кенотафе в обители бордоских фельянов), похоже, собрав старинные латинские слова, из которых она составлена, хотел охарактеризовать ими красноречие «Опытов», хотя проще думать, что это монашеская педантичность или германское изящество *вероятного писателя, о котором нам ничего не известно*.

[30] Примечания: 30

У Керлона *boute-dehors*, хотя у самого Монтеня *bout-hors*, что действительно было названием детской игры, которое можно перевести как «вытолкни вон», «вышибала» и т. п. Монтень использовал это выражение в «Опытах» всего два раза: первый (кн. I, гл. 10) в смысле «вышибала», то есть проворный, быстрый на ответ игрок, который не лезет за словом в карман: «…одним в речах свойственна легкость и живость, они, как говорится, за словом в карман не лезут…»; а во

втором (кн. II, гл. 12) именно в смысле «игра»: «Ведь и они могут быть вытеснены из игры так же, как предшествовавшие им учения». (Здесь и далее «Опыты» Монтеня цитируются в основном по двухтомному изданию 1979 г., М., «Наука», серия «Литературные памятники».)

Мы почти всегда получаем его мысль в ее чистом и первозданном простодушии, она ничуть не *затемнена языком*, или завеса столь прозрачна, что мысль ничего не теряет из своей силы. Наш язык в долгу перед ним за некоторые выразительные слова, которые он сохранил, такие как *игривость, игривый, ребячество, обходительность*, а быть может, и другие[31].

То, что мы обычно говорим об особом стиле Монтеня, касается только «Опытов». Он не нуждается в том, чтобы его оправдывали стилем «Дневника», поскольку в этом последнем дается лишь картина новых мест, посещенных Монтенем, и как он ведет себя в каждом из них: это картина, которую торопливо, без малейшей заботы о тщательности набросал путешественник, совершенно не стремивший приукрасить факты, а лишь делавший набросок для себя самого, и где мы видим, по крайней мере, следы нескольких тамошних впечатлений.

Таким образом, чтобы никого не обманывать

---

[31] Примечания: 31

Можно было бы наверняка сохранить их и больше, как Жак Амио и некоторые другие писатели XVI века; они обогатили бы наш язык, а те, которыми их заменили, обладают гораздо меньшей силой или выразительностью, не будучи ни более мягкими, ни более гармоничными и т. д. Зато известно, как с ними обошлись первые академики и сколько вкуса у них было!

— поскольку чтение этого «Дневника» может отвратить людей манерных, сделавших для себя принципом вкуса читать только произведения, написанные языком, похожим на их собственный, или же тех, кого знакомство с «Опытами» так и не смогло даже в малейшей степени приучить к монтеневскому жаргону, — он опубликован вовсе не ради них. Мы уже дали понять, что в нем не найти многочисленных описаний архитектуры, живописи и скульптуры, которые являются главной материей почти всех новых путешествий. Не стоит также ожидать тех политических или литературных отступлений о народах и правительствах Италии, которые придают некоторым описаниям столь ученый вид, и еще менее тех истрепанных шуток о монахах и простонародных суевериях, которые никогда не надоедают по большей части иностранцам, а среди наших — не самым образованным вольнодумцам. Монтень действительно наблюдал, но писал здесь вовсе не для того, чтобы это читал кто-либо вне круга

его семьи[32], а чтобы развеять скуку домоседа или отвлечься от злобных поступков своих современников; в этом повествовании он следовал исключительно собственному вкусу, изображая в зависимости от обстоятельств предметы и события, чем-нибудь особо привлекшие его внимание, не привязываясь педантично к чему-то одному в ущерб другому.

Но вот что сделает «Дневник» интересным для читателей, которые ищут в этих записках *человека*: он даст возможность узнать автора «Опытов» даже гораздо лучше, чем сами «Опыты». Это кажется немного парадоксальным, поэтому перейдем к доказательствам. Хотя в «Опытах» Монтень так много и так часто говорит о себе самом, его подлинный характер тонет во множестве черт, которые могли бы сформировать стройное целое, но их не всегда легко точно подогнать друг к другу или же заключить в какие-либо общие рамки, подобно тому как с помощью оптического стекла объединяют разрозненные детали неко-

[32] Примечания: 32

Поскольку Монтень умер лишь десять с лишним лет спустя после этого итальянского путешествия (в 1592 году), так и не опубликовав свой «Дневник», то можно заключить из этого, что он никогда не увидел бы свет, никоим образом. В крайнем случае писатель хотел, чтобы он оставался в семье, как и множество частных мемуаров, которые были представлены публике лишь много лет спустя после кончины их авторов.

торых картин, чтобы из этого получилась в итоге некая правильная фигура. А это доказывает, что одних «Опытов» Монтеня недостаточно, чтобы его узнать, для этого важно собрать разнообразные суждения о нем[33]. Здесь мы видим уже не писателя, и даже не в наиболее холодный момент его наименее обдуманного сочинительства; этот человек и есть сам Монтень — без всякого умысла, без всяких прикрас, целиком отданный во власть своей природной импульсивности, своей простодушной манеры думать спонтанно, своих самых внезапных, самых свободных движений ума, желания и т. д. Мы ограничимся теми из фактов этого «Дневника», которые дадут об авторе (и особенно о его философии) более верное представление, нежели все вынесенные о нем

[33] Примечания: 33

Мы собрали их все и можем однажды устроить дискуссию по этому поводу, если покажется, что это заинтересует литераторов.

суждения[34].

Из всех мест Италии, достойных привлечь внимание Монтеня, Лорето менее всего можно заподозрить в том, что ему будет любопытно его увидеть. Тем не менее он, проведший в Тиволи всего полтора дня, задержался в Лорето почти на целых три.

Правда, часть этого времени ушла на заказ и изготовление богатого *Ex voto*[35] — серебряной таблички с четырьмя фигурами (изображавшими Пресвятую Деву, перед которой стояли на коленях он сам, его жена и дочь), а также на выпрашивание места для своего подношения, которое он получил лишь благодаря *превеликой милости*. Он там молится и выполняет религиозные обряды, что, быть может, удивит еще

---

[34] Примечания: 34

Один из самых негодных судей Монтеня среди многих других — Мальбранш. Будучи сам человеком метода, он должен находить его несносным. Этот философ-картезианец из-за некоей непоследовательности, одновременно формальной и реальной, всегда заявлявший, что он против воображения, своей преобладающей способности (хотя это его самого изрядно удивляло), совершенно не мог насладиться тем, у кого этого добра столько же, сколько и у него самого, но который нашел ему совсем другое применение. Так что мы совсем недостаточно знаем Монтеня, потому что судим о нем лишь по тому, что он сам говорит о себе, по его бесконечным личинам и по его смутным, неопределенным чертам, нарисованным его собственной рукой. Его характер философа был совершенно не развит.

[35] Примечания: 35

Дар по обету, или «обет», как называет его сам Монтень.

больше, чем само путешествие сюда и даже его *Ex voto*. Если бы автор научного сочинения о религии Монтеня[36], которое недавно увидело свет, прочитал «Дневник», который мы публикуем, он извлек бы оттуда самые сильные доказательства в пользу его христианства, посрамив всех тех, кто ошибочно почитает в нем ниспровержителя религии, словно они, несмотря на весь скептицизм философа[37], умудрились не заметить его веру в двадцати местах «Опытов» и словно его неизменная неприязнь к новым сектам не была разительным и совершенно недвусмысленным доказательством этого, как заметила «духовная дочь» Монтеня, м-ль де Гурне, его наилучшая защитница[38]. Однако в том, что касается Монтеня, достоинств «Дневника»

---

[36] Примечания: 36

Дон де Вьен, бенедиктинец из конгрегации Святого Мавра, автор *«Истории Бордо»*, первый том которой уже в руках публики.

[37] Примечания: 37

Что и дал почувствовать автор эпитафии на греческом, начертанной на кенотафе в обители бордоских фельянов. Вот эти две стихотворные строки, переведенные Монуа: *Solius addictus jurare in dogmata Christi // Cetera Pyrrhonis pendere lance sciens* — «Крепко привязанный к догмам христианства, // он умел взвесить остальное на Пирроновых весах».

[38] Примечания: 38

Взгляните на ее предисловие к «Опытам» Монтеня. Это слишком мало читаемое предисловие — в своем роде шедевр. Никогда Монтеня не будут лучше защищать, чем в этом произведении. Его защитница, его апологет красноречиво отвечает всем предводителям цензуры,

всем критикам «Опытов». Бальзак, Паскаль, Мальбранш и недавние критики не укоряют Монтеня ни в чем таком, в чем этот писатель заранее не был бы прекрасно оправдан — либо явно, либо неявно, судя по смыслу. Наконец именно там, даже больше, чем в произведениях его подражателя *Шаррона*, находят жар и нерв его языка. Сам Монтень тут одобрил бы все. И, возможно, нет ничего сильнее начала этого предисловия: *если вы спросите у человека заурядного, кто такой Цезарь*… и т. д.

все это ничуть не умаляет; там имеются кое-какие странности и факты, которые мы не найдем больше нигде. Именно это и будет видно из анализа, представленного ниже на суд читателей и в некотором смысле способного заменить собой *краткое содержание*.

V

Путешествие, в которое мы собираемся пуститься или попросту обозначить его маршрут, от Бомона-на-Уазе до Пломбьера в Лотарингии не предоставляет ничего достаточно любопытного, чтобы остановиться по пути. Да и в самом пребывании Монтеня в Пломбьере, где он в течение нескольких дней лечился водами, было мало замечательного, кроме наивного свода правил, составленного ради поддержания порядка на этом подробно описанном курорте, да встречи с пегобородым сеньором из Франш-Конте по имени д'Андело, который по приказу Филиппа II был комендантом Сен-Кантена после взятия этого города доном Хуаном Австрийским. Так что надо доехать до Базеля, описание которого знакомит с его тогдашним физическим и политическим состоянием, равно как и с его водами. Этот проезд Монтеня через Швейцарию — отнюдь не

малозначащая подробность. Мы видим, как наш путешественник-философ повсюду приноравливается к нравам и обычаям страны. Гостиницы, печи, швейцарская кухня — ему все годится; похоже даже, что весьма часто нравы и обычаи мест, через которые он проезжает, для него гораздо предпочтительнее нравов и повадок французов, а тамошняя простота и искренность были намного более сообразны с его собственными. В городах, где останавливался Монтень, он старался повидаться с протестантскими богословами, чтобы основательно ознакомиться с главными положениями их вероисповедания. Порой он даже спорил с некоторыми из них. По выезде из Швейцарии мы видим в Исни, имперском городе, его схватку с неким *убиквистом*. Он будет встречать на всем своем пути лютеран, цвинглиан и т. д., но заметит большую неприязнь к кальвинизму, на что прежде не обращал внимания. Во время своего пребывания в Аугсбурге, городе уже значительном, он изобразит нам *потерну* — обходной путь в него, описание которого, хоть и не слишком внятное, возможно, заинтересует механиков. Здесь нам предстоит с интересом наблюдать, как он приспосабливается к обычаям городов касательно своего внешнего облика,

чтобы не бросаться в глаза. Но вот черта, которая не ускользнет от тех, кто будет судить Монтеня так же, как судили Цицерона, — по его столь заурядным слабостям, от чего и в более простые времена философия не избавила ни Платона, ни даже Диогена[39]. Он не может удержаться от этой потребности тешить свое мелкое тщеславие, когда замечает, что его приняли за французского сеньора высокого ранга. И ему снова предъявят счет за эту столь упорную суетность, когда она заставит его оставить картуш со своим гербом на водах в Пломбьере, на водах Лукки и в других местах. Похоже, Монтень только проезжает через Баварию и мало говорит даже о Мюнхене.

Но когда он поедет через Тироль, стоит присмотреться к нему среди гор и ущелий этого живописного края, где ему понравилось гораздо больше, чем во всей стране, оставшейся у него за спиной. Он еще и потому чувствовал себя здесь

---

[39] Примечания: 39

Философия, которая есть не что иное, как краснобайство, не избавлена ни от каких человеческих убожеств и ничтожеств, а особенно от суетности. Смешно показать ее слишком открыто и даже желая скрыть; или творить свою славу всеми теми мелкими средствами, которые употребляют ныне и которые выдают сами себя. У Монтеня, по крайней мере, было то преимущество, что его суетность, более искренняя и более откровенная, поражает меньше, нежели суетность лицемерная. Сказано ведь, что после храбрости нет ничего храбрее, чем признаться в собственной *трусости*.

так хорошо, что его совершенно понапрасну пугали неудобствами, которые якобы ждут их на этом пути. Это даст ему повод сказать, «что он всю свою жизнь остерегался чужих суждений об удобствах иных стран, поскольку каждый способен воспользоваться ими лишь в согласии с требованиями собственной привычки и обычаев своей деревни, так что весьма мало прислушивался к предостережениям других путешественников». Он остроумно сравнивает Тироль с платьем, которое видят только смятым, но если его разгладить, это окажется весьма большой страной, потому что все горы тут возделаны и населены многочисленными жителями. Итак, он въехал в Италию через Тренто.

Прежде всего Монтень спешил повидать не Рим, не Флоренцию или Феррару: Рим слишком известен, говорил он, «и нет такого лакея, который не смог бы сообщить что-нибудь о Флоренции или Ферраре». В Роверето он заметил, что ему начинает недоставать раков, потому что после Пломбьера на протяжении почти всей дороги через Германию в двести лье ему подавали их на каждой трапезе. Повидав озеро Гарда, он поворачивает в сторону государства венецианцев. И проезжает последовательно через Верону, Ви-

ченцу, Падую, сообщая о каждом из этих городов больше или меньше подробностей. Очевидно, Венеция, куда он так стремился «из-за острейшего желания увидеть этот город», разочаровала его, совсем не совпав с его представлением о ней, поскольку он осматривает ее очень поспешно и надолго там не задерживается. Тем менее она все-таки восхищает его, во-первых, своим положением, затем Арсеналом, площадью Сан Марко, общественным устройством, толпами оказавшихся там иностранцев; наконец, пышностью, роскошью и большим количеством куртизанок определенного ранга. Минеральные воды Баттальи побуждают его сделать первое отвлечение и осмотреть тамошние купальни. Затем по очереди платят дань его любопытству Ровиго, Феррара и Болонья, но поскольку он делает там лишь краткие остановки, то мало распространяется об этих городах. Он держит направление на Флоренцию и для начала посещает несколько вилл великого герцога. Довольно подробно описывает сады и воды *Пратолино*. Во Флоренции нашлось чем занять его, однако мы не видим, чтобы он, прельстившись великолепием Медичи, стал большим поклонником этого города. Во Флоренции он даже говорит, что никогда не видел

народа, в котором было бы столь же мало красивых женщин, как в итальянском. Жалуется также на жилье и плохую еду, сожалея о немецких гостиницах. Будучи здесь, он ставит Флоренцию гораздо ниже Венеции, немного выше Феррары и на равных с Болоньей. Тут найдется также немало подробностей насчет телесных пропорций правившего тогда великого герцога, равно как и о его дворцах. Следует описание *Кастелло*, другой виллы того же правителя, откуда он едет в Сиену. Далее Монтень оказывается во владениях Церкви и, проехав через Монтефьясконе, Витербо, Рончильоне и т. д., 30 ноября 1580 года въезжает в Рим.

Представление о великолепии и блеске древнего Рима (уже известное из приведенного выше отрывка) он даст, изучая его величавые останки, однако любопытно добавить к этому картину, написанную им с современного ему Рима.

«Этот город — сплошь придворные и знать: тут каждый участвует в церковной праздности[40]… это самый открытый для всех город мира, где на инаковость и национальные различия обращают внимания менее всего, ибо он по самой своей природе пестрит чужестранцами — тут каждый

[40] Примечания: 40

Deus nobis haec otia fecit (Вергилий, Эклога I — *«…нам бог спокойствие это доставил»* — лат.).

как у себя дома. Его владыка объемлет своей властью весь христианский мир; подсудность ему распространяется на чужестранцев как здесь, так и в их собственных домах; в самом его избрании, равно как и всех князей и вельмож его двора, происхождение не принимается в расчет. Венецианская свобода градоустройства и польза постоянного притока иноземного люда, который тем не менее чувствует себя здесь в гостях. Ибо это вотчина людей Церкви, их служба, их добро и обязанности». Мне кажется, что сквозь старомодный язык тут можно заметить и несколько довольно новых идей.

Монтеню очень нравилось в Риме, и его пребывание в этом городе за время первого путешествия продлилось около пяти месяцев. Тем не менее он сделал признание: «…несмотря на все мои ухищрения и хлопоты, мне удалось познакомиться лишь с его публичным ликом, который он обращает и к самому незначительному чужестранцу». И досадовал, обнаружив там столь большое количество французов, что не встречал почти никого, кто не обратился бы к нему с приветствием на его родном языке. Послом Франции в Риме был тогда г-н д'Абен. Монтень, который на всем протяжении своего «Дневника»

проявляет большое уважение к религии, решает, что обязан отдать понтифику дань сыновнего почитания и благоговения, принятую при этом дворе. Г-н д'Абен делает свое дело. Он отвез Монтеня и сопровождающих его (в частности г-на д'Эстиссака) на папскую аудиенцию; они были допущены поцеловать ноги папы, и святой отец обратился к Монтеню, призвав его *и дальше хранить неизменную верность Церкви и служению христианнейшему королю*[41].

Папой, как уже было сказано, был тогда Григорий XIII, и его портрет, написанный рукой Монтеня, который не только видел его вблизи, но и был весьма осведомлен на его счет, оставаясь неподалеку во все время своего пребывания в Риме, — возможно, один из самых правдивых, самых надежных, которые только доступны нам. В нем ничто не упущено.

«Это очень красивый старец, среднего роста, осанистый, лицо с длинной седой бородою исполнено величия; ему более восьмидесяти лет, но он вполне здоров и силен для своего возраста, насколько это возможно, и не стеснен никаким недугом: ни подагры, ни колик, ни желудочных

[41] Примечания: 41

Генриху III. «Его христианнейшее величество» — обычная титулатура французских королей.

болей; по природе своей он мягок, не слишком интересуется делами мира сего[42], великий строитель, и как таковой оставил по себе в Риме и других местах необычайно благодарную память; это великий, я даже скажу, несравненный благодетель… Что до обременительных государственных обязанностей, то он охотно сбрасывает их на чужие плечи, всячески избегая этой хворобы. Аудиенций он дает сколько, сколько просят. Ответы его коротки и решительны, а пытаться оспаривать их — пустая трата времени. Он верит в то, что почитает справедливым, и не поступился этой своей справедливостью даже ради собственного сына[43], которого необычайно любит. Он продвигает своих родственников [но без какого-либо ущерба для прав Церкви, кото-

---

[42] Примечания: 42

В самом деле, хотя Монтень пишет, что он видел в ватиканском соборе Святого Петра знамена, захваченные у гугенотов войсками Генриха III (что довольно ясно показывает, какое участие принимал Рим в наших смутах, как это и отражено в его заметках), однако, хотя отвратительная Варфоломеевская резня совершилась в понтификат именно этого папы, *Дезер*, историк-гугенот, причем один из наименее умеренных, недвусмысленно пишет, что в 1584 году, когда Григорию XIII представили план Лиги, которому он дал свое благословение и объявил себя его *крестным отцом*, он все же не захотел стать зачинщиком войны, которую не мог бы погасить, а потому отправил депутатов восвояси без ответа («Общее описание истории Франции в правление Генриха III»).

[43] Примечания: 43

Этот папа был женат (до принятия сана, разумеется).

рые нерушимо блюдет. Не считается с затратами при строительстве и преобразовании улиц этого города], и на самом деле его жизнь и нравы во всем далеки от крайностей, хотя гораздо более склоняются к хорошему».

После этого мы видим, как Монтень использует в Риме все свое время на пешие и конные прогулки, на визиты и всякого рода наблюдения. Церкви, торжественные службы *(стояния)*, даже процессии, проповеди; потом дворцы, *вертограды* (то есть виллы с парками), сады, народные гулянья и забавы, карнавальные развлечения и т. д. Он не пренебрегал ничем. Видит обрезание еврейского ребенка и описывает всю операцию с обилием подробностей. На *стоянии* в церкви Святого Сикста встречает посла из Московии, второго, кто прибыл в Рим после понтификата Павла III; у этого посланника имелись депеши от своего двора в Венецию, адресованные *Великому наместнику Синьории*. Московитский двор поддерживал тогда так мало сношений с другими державами Европы и там были так плохо о них осведомлены, что полагали, будто Венеция — владение папы.

Ватиканская библиотека, которая уже в то время считалась богатейшей, была слишком

привлекательной, чтобы ускользнуть от внимания Монтеня; и из отчета, сделанного об этом, видно, что он стремился бывать там почаще. Без сомнения, именно там он встречает Мальдоната, Мюре и подобных людей, ставших ныне такой редкостью. Он с удивлением отмечает, что г-н д'Абен уехал из Рима, так и не увидев эту библиотеку, потому что не хотел расшаркиваться с ее кардиналом-библиотекарем. На что Монтень делает замечание, в котором весьма узнаваем его стиль: «У случая и своевременности имеются свои исключительные права, и нередко они предоставляют народу то, в чем отказывают королям. Любопытство подчас мешает само себе, и так же бывает с величием и могуществом».

Для по-настоящему любопытного человека один только Рим представляет собой целую вселенную, которую хочется обойти; это своего рода рельефная карта мира, где можно увидеть в миниатюре Египет, Азию, Грецию и всю Римскую империю, мир древний и современный. Если ты достаточно видел Рим — ты много путешествовал. Монтень отправляется посмотреть Остию и древности, которые попадутся по дороге, но это была всего лишь краткая экскурсия. После чего он сразу же возвращается в Рим, чтобы продолжить

свои наблюдения.

Быть может, кое-кто найдет, что не слишком достойно такого философа, как Монтень, повсюду с немалым любопытством наблюдать за женщинами, но эта естественная склонность была составной частью его философии и при этом совершенно ничего не исключала из всей нравственности рода человеческого[44]. В Риме ему попадалось мало красивых женщин, и он заметил, что наиболее редкая красота находится в руках тех из них, кто выставляет ее на продажу[45]. Тем не менее вскоре он призна́ет, что римские дамы обычно приятнее наших и тут не встретишь стольких уродин, как во Франции, однако добавит, что француженки все-таки грациознее.

Из всех подробностей пребывания Монтеня в Риме та, что касается цензуры его «Опытов»,

---

[44] Примечания: 44

Фраза Теренция: *Homo sum, humani a me nihil alienum* («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо») — хоть и полная смысла, но ставшая такой тривиальной, ни для кого, быть может, кроме как для нашего автора, не имела более полезного или более точного применения. Поскольку он охватывал своими размышлениями всю совокупность рода людского, то был в числе прочего и простым наблюдателем пола, самой природой предназначенного нравиться с помощью своих прикрас *(formarum elegans spectator)*, нежели прилежным зрителем чего-то другого.

[45] Примечания: 45

Мы уже давно сделали такое же замечание о Париже.

отнюдь не является наименее странной и способна очень сильно заинтересовать любителей его творчества.

Maestro del sacro palazzo (Магистр Священного апостолического дворца) вернул писателю его произведение *подвергнутым каре согласно мнению ученых монахов*. «Совершенно не понимая нашего языка, он смог судить о книге только со слов какого-то французского братца и удовлетворился множеством извинений, которыми я рассыпался на каждом пункте “порицаний”, оставленных ему этим французом, так что он предоставил моей собственной совести исправить те места дурного вкуса, которые я сам там найду. Я же, наоборот, умолял его, чтобы он следовал мнению того, кто об этом судил; и кое в чем признаваясь, как то: в использовании слова *фортуна*, в упоминании поэтов-еретиков (то есть *осквернителей*), в том, что я извинял Юлиана Отступника и строго увещевал молящегося, говоря, что тот должен быть свободен от порочной склонности к сему веку *(quod subolet Jansenisnum*[46]*)*; item[47] признавал жестокостью все, что выходит

[46] Примечания: 46
Что попахивает янсенизмом *(лат.)*.

[47] Примечания: 47
Также, тоже, равным образом *(лат.)*.

за пределы простой смерти[48]; item что ребенка надо воспитывать, приучая его делать все, и другие подобные вещи, которые я написал, поскольку так думал, не предполагая, что это ошибочно; но утверждал, что в других высказываниях корректор неверно понял мою мысль. Сказанный *Maestro*, ловкий человек, сильно меня извинял и хотел дать мне почувствовать, что сам он не слишком настаивает насчет переделки, и весьма хитроумно защищал меня в моем присутствии от своего сотоварища, тоже итальянца, который со мной спорил».

А вот что произошло во время объяснения, которое у Монтеня состоялось у Магистра Священного дворца по поводу цензуры его книги, когда перед своим отъездом из Рима он зашел к этому прелату и его товарищу, чтобы откланяться. Те повели с ним уже совсем другие речи. «Они попросили меня не обращать большого внимания на цензуру моих “Опытов”, поскольку другие французы уведомили их, что в ней много глупостей; и они добавили, что ценят мои намерения, приверженность Церкви и мою честность,

[48] Примечания: 48

Итальянский автор книги, в которой рассуждается *о преступлениях и наказаниях*, не нашел бы эту мораль излишне мягкой, поскольку думал то же самое.

а также мою искренность и добросовестность и что они предоставляют мне самому убрать из моей книги (буде я захочу переиздать ее) то, что я сочту там слишком вольным, и среди прочего некстати подвернувшиеся слова. [Мне показалось, что они остались весьма довольны мной]: и чтобы извиниться за то, что так курьезно оценили мою книгу и кое в чем осудили ее, сослались на многие книги нашего времени, написанные кардиналами и другими духовными лицами весьма хорошей репутации, которые тоже подверглись цензуре из-за нескольких подобных несовершенств, которые ничуть не умалили ни репутации автора, ни произведения в целом. Меня попросили даже помочь Церкви моим красноречием (это их собственные любезные слова) и сделать вместе с ними своим жилищем этот мирный город, избавленный от смут и тревог».

После столь умеренного приговора Монтень, разумеется, не стал слишком торопиться с исправлением своих «Опытов». Впрочем, как мы уже замечали, это был вообще не его случай. Он охотно добавлял, но ничего не исправлял и не выбрасывал, так что может показаться, будто у нас обе первые книги «Опытов» остались такими же, какими были до римской цензуры, за исклю-

чением добавлений, которые он туда внес.

Еще более настоятельным для Монтеня интересом, который, похоже, очень его занимал, была некая милость, которой ему помог добиться папский дворецкий Филиппо Музотти[49], *проникшийся к нему необычайной дружбой* и привлекший ради этого даже авторитет самого папы: мы говорим о *звании римского гражданина*, которое столь странным образом льстило его самолюбию или воображению, но о котором мы не можем умолчать. Добившись этого звания, он более не медлил, чтобы покинуть Рим. До этого он съездил в Тиволи, и сделанное им сравнение вод и природных красот этого очаровательного места с такими же водами и красотами виллы Пратолино и некоторых других отмечено вполне обоснованным вкусом. Выехав из Рима, Монтень направился в Лорето. Он проехал через Нарни, Сполето, Фолиньо, Мачерату и другие городки, о которых ограничивается всего парой слов. Еще будучи в Лорето, он собирался поехать в Неаполь,

[49] Примечания: 49

Именно признательность не позволила Монтеню опустить имя мажордома; но поскольку не менее интересно узнать имя прелата, который так хорошо защищал «Опыты», то этого доминиканца, который был магистром Священного апостолического дворца, звали *Систо Фабри*. Известно, что, с тех пор как святой Доминик учредил эту должность по распоряжению папы Гонория III, ею всегда облекаются монахи этого ордена.

который был не прочь повидать. Осуществлению этого путешествия помешали обстоятельства. Если бы он все-таки совершил его, одному богу ведомо, как долго ему пришлось бы задержаться на водах Байи и Пуццоли. Наверняка именно перспектива посетить воды Лукки заставила его сменить направление. Мы видим, что из Лорето он направляется прямиком в Анкону, Сенигаллью, Фано, Фоссомброне, Урбино и т. д. Снова проезжает через Флоренцию и, не задерживаясь там, поворачивает к Пистойе, городу, зависевшему от Лукки. Наконец в мае 1581 года он прибывает в *Баньи делла Вилла*, где и останавливается, чтобы заняться водолечением.

Именно там Монтень сам себе назначил пребывание и использование этих вод самым неукоснительным образом. Отныне он говорит только о том, как принимает их каждый день, одним словом, о своем режиме, не опуская ни малейшего обстоятельства, касающегося своих физических привычек и ежедневных процедур: питья, приема ванн, душа и т. д. Мы читаем уже не дневник путешественника, а памятные записки больного, внимательного ко всем мелочам всестороннего лечебного процесса, к малейшим результатам его воздействия на собственный

организм и к своему самочувствию; наконец это словно весьма обстоятельный отчет, который он дает своему врачу, чтобы проконсультироваться у него о своем состоянии и действии вод. Правда, отдаваясь всем этим скучным подробностям, Монтень предупреждает: «Поскольку в свое время я раскаялся, что не писал подробнее о других водах, что могло бы послужить мне правилом и примером для всех, с кем я могу увидеться впоследствии, то на сей раз я хочу распространиться об этой материи пошире и зайти дальше». Однако наиболее убедительный для нас довод состоит в том, что он писал это лишь для себя. Хотя мы и здесь найдем немало черт, время от времени живописующих и это место, и нравы страны.

Наибольшая часть этого довольно длинного отрывка, то есть всё его проживание на водах и остаток «Дневника» вплоть до первого городка на обратном пути во Францию, где Монтень слышит французскую речь, написана по-итальянски, потому что он хотел поупражняться в этом языке. Так что для тех, кто не понимает этого наречия, его здесь пришлось переводить.

Впрочем, описание довольно долгого пребывания на водах Виллы и сухость записок о ходе лечения несколько оживляются описанием

деревенского бала, который он там устроил, и невинным флиртом, которым при этом забавлялся. Можно даже счесть весьма поучительным его внимание к Дивиции, бедной неграмотной крестьянке, которая при этом была не только поэтессой, но к тому же обладала даром импровизатора. На самом же деле он признается, что из-за малого общения с местными жителями совсем не поддерживал репутацию остроумного и ловкого человека, которая за ним закрепилась. Тем не менее он был приглашен, и даже весьма настоятельно, присутствовать на консилиуме врачей, собравшихся ради племянника некоего кардинала, потому что они решили прислушаться к его мнению. И хотя он подсмеивался над этим в душе[50], подобные вещи неоднократно случались с ним и на этих водах, и даже в Риме.

Чтобы сделать некоторый перерыв в лечении, Монтень решает отдохнуть от вод и заезжает в Пистойю, потом в третий раз возвращается во Флоренцию и проводит там некоторое время. Наблюдает различные шествия, состязания

[50] Примечания: 50

И в самом деле, весьма странно, чтобы человека, менее всех верящего в медицину, пригласили, дабы судить об этой материи, но, поскольку он верил в минеральные воды, видимо, предположили, что он и в остальном придерживался общепринятых взглядов.

колесниц, скачки берберских коней, странный смотр всех городов Великого герцогства Тосканского, представленных оруженосцами самого непрезентабельного вида. Находит в книжной лавке Джунти «Завещание Боккаччо» и сообщает о его главных распоряжениях, которые показывают, до какой нищеты дошел этот писатель, еще и ныне столь знаменитый. Из Флоренции Монтень заезжает в Пизу и дает ее описание. Но, не заходя дальше, заметим здесь, что он может показаться излишне доверчивым в отношении чудес, слухи о которых итальянцы весьма охотно распространяли, и что его философия в этом пункте отнюдь не всегда достаточно тверда. Он некоторое время проводит в Пизе и из любопытства посещает местные воды, после чего возвращается в Лукку, задерживается там и заодно описывает этот город. А из Лукки возвращается в Баньи делла Вилла, чтобы продолжить водолечение. Одновременно с этим возобновляет собственную термально-диетическую историю и ведет подробный отчет о своих лечебных процедурах, хворях и т. п.

Из-за этого столь пристального и неослабного внимания Монтеня к своему здоровью, к самому себе можно было бы заподозрить у него тот крайний страх смерти, который, вырождаясь,

превращается в малодушие. Мы полагаем скорее, что эта боязнь была вполне соразмерна явлению, которого тогда очень опасались как раз из-за его грандиозности, или же, быть может, он думал как тот греческий поэт, чьи слова приводит Цицерон: «Я не хочу умирать, но когда умру, мне это будет довольно безразлично»[51]. Впрочем, надо просто подождать, чтобы он сам весьма ясно объяснился на сей счет:

«Было бы слишком большой слабостью и малодушием с моей стороны, если бы, будучи уверен, что в любом случае погибну таким образом[52] и что смерть с каждым мгновением приближается, я не сделал бы усилия, перед тем как это случится, чтобы смочь вытерпеть ее без труда, когда придет время. В конце концов разум советует нам с радостью принимать благо, которое Богу угодно ниспослать нам. Однако единственное лекарство, единственное правило и единственное знание, пригодные, для того чтобы избежать всех зол, осаждающих человека со всех сторон и в любое время, какими бы они ни были, это решиться либо претерпеть их по-людски, либо пресечь

[51] Примечания: 51
Эпихарм: *Emori nolo, sed me esse mortuum nihili æstimo* (лат.).

[52] Примечания: 52
Мочекаменная болезнь (la gravelle).

мужественно и быстро»[53].

Он все еще был на водах Виллы, когда 7 сентября 1581 года, прочитав присланное из Бордо письмо, узнал, что чуть меньше месяца назад, 1 августа, его избрали мэром этого города. Эта новость заставила его ускорить свой отъезд из Лукки, и он отправился в путь по римской дороге.

Вернувшись в Рим, он проводит здесь еще некоторое время, подробности чего мы видим в «Дневнике». И здесь же[54] получает письма от членов городского совета Бордо, которые официально уведомили его об избрании в мэрию этого города и пригласили прибыть туда как можно скорее. Он уехал из Рима в сопровождении молодого д'Эстиссака и некоторых других дворян, которые проводили его довольно далеко, но никто за ним не последовал, даже спутник по странствию.

---

[53] Примечания: 53

То есть (как это объяснено в примечании, касающемся этого размышления в III томе «Дневника» на стр. 271, издание 1774 года), отдаваясь природе и позволяя ей осуществлять над нами всю свою власть, не борясь с развитием недуга с помощью лекарств или болезненных операций, от которых нас избавляет быстрая смерть. Быть может, он говорил себе в душе, как некий современный поэт: *Ah! non est tanto digna dolore salus — «Ах! это не награда за нашу боль, это спасение»* (лат.).

[54] Примечания: 54

А вовсе не в Венеции, как это написал, ссылаясь на де Ту, *отец Нисерон*, а вслед за ним и *Песселье* в своем сборнике «Историческое похвальное слово», во главе которого он поставил «Дух Монтеня».

На его пути, где он оказался зимой и проделал его весь, несмотря на свое слабое здоровье (поскольку у него по-прежнему время от времени выходили вместе с мочой камни или песок), лежали Рончильоне, Сан Квирико, Сиена, Понте а Эльса, Лукка и Масса ди Каррара. Ему очень хотелось проехать через Геную, но он решил отказаться от этого по причинам, которые излагает в «Дневнике». И выбирает дорогу через Понтремоли и Форново, оставляя в стороне Кремону. Приезжает в Пьяченцу, краткое описание которой дает. Осматривает Павию и ее знаменитый монастырь, которые описывает достаточно бегло, проезжает через Милан, не задерживаясь там надолго, и через Новару и Верчелли прибывает в Турин, который изображен настолько убогим, что его совершенно невозможно узнать. Мон-Сени[55], Монмельян, Шамбери упоминаются всего лишь росчерком пера. Он проезжает через Бресс[56], прибывает в Лион, город, который ему очень понравился своим видом; это единственное, что он о нем говорит. После Лиона пересекает Овернь и верхний Лимузен, чтобы въехать в Перигор;

---

[55] Примечания: 55
По-итальянски Мончинизио.

[56] Примечания: 56
Бресс — название области.

и через Перигё добирается до замка Монтень — *longæ finis chartæque viæque*[57].

P. S. Мы заканчивали печатать это предисловие, когда г-н Каперонье, хранитель Королевской библиотеки, получил из Бордо письмо, касающееся родословия Монтеня, и захотел поделиться его содержанием. Это письмо сообщает нам, что в Бордо до сих пор существует семейство по имени Монтень и оно в точности то самое, к которому принадлежал и автор «Опытов». Вот это родство:

«Мишель де Монтень был сыном Пьера Экема, сеньора де Монтеня, мэра города Бордо.

У этого Пьера было трое братьев, двое из которых умерли, не оставив потомства. Третий, Реймон Экем де Монтень, сеньор де Бюссаге, приходился, следовательно, Мишелю де Монтеню дядей с отцовской стороны. Он женился на Адриене де ла Шассень, от которой имел пятерых детей, в том числе и Жоффруа Экема де Монтеня, сеньора де Бюссаге, советника бордоского парламента, как и его отец. Именно от этого Жоффруа и происходит дом Монтеней, в настоящее время существующий в Гиени, последний отпрыск ко-

[57] Примечания: 57

«…кончился путь и конец описанью» (Гораций, из последней строки *Сатиры V*).

торого женился на м-ль де Галато».

Автор письма, г-н де ла Бланшери, уверяет, что написал его, лишь имея подтверждающие документы перед глазами.

В *Библиотеке дю Вердье*, в томе II, на стр. 143 (издание г-на Риголе де Жювиньи, Париж, 1773), мы находим, что одновременно с автором «Опытов» жил некий председатель Монпелье по имени *Монтань*: «Это был человек ученый, — пишет библиограф, — который написал еще не изданную Историю королевы Шотландии (явно Марии Стюарт)». Однако непохоже, чтобы он был из того же рода, и дю Вердье имеет большую заботу различать их.

Названия этапов путешествия Монтеня

— МО — ШАРЛИ — ДОРМАН — ЭПЕРНЕ — ШАЛОН — ВИТРИ-ЛЕ-ФРАНСУА — БАР-ЛЕ-ДЮК — МОВАЖ — ВОКУЛЁР — ДОМРЕМИ — НЁФШАТО — МИРЕКУР — ЭПИНАЛЬ — ПЛОМБЬЕР — РЕМИРМОН — БЮССАН — ТАН — МЮЛУЗ — БАЗЕЛЬ — ХОРНУССЕН — БАДЕН — ШАФФХАУЗЕН — КОНСТАНЦ — МАРКДОРФ — ЛИНДАУ — ВАНГЕН — ИСНИ — КЕМПТЕН — ПФРОНТЕН — ФЮССЕН — ШОНГАУ — ЛАНДСБЕРГ — АУГСБУРГ — БРУК — МЮНХЕН — КЁНИГСДОРФ –

— КЁНИГСДОРФ — МИТТЕНВАЛЬД — ЗЕЕФЕЛЬД — ИНСБРУК — ХАЛЛЬ — ИНСБРУК –

ШТЕРЦИНГ — БРИКСЕН — КОЛЬМАНН — БОЛЬЦАНО — БРАНЦОЛЛЬ — ТРЕНТО — РОВЕРЕТО — ТОРБОЛЕ — РОВЕРЕТО — БОРГЕТТО — ВОЛАРНЕ — ВЕРОНА — ВИЧЕНЦА — ПАДУЯ — КА’ ФУЗИНА — ВЕНЕЦИЯ — КА’ ФУЗИНА — ПАДУЯ — БАТТАЛЬЯ — РОВИГО –

ФЕРРАРА — БОЛОНЬЯ — ЛОЯНО — СКАРПЕРИЯ — ФЛОРЕНЦИЯ — СИЕНА — БУОНКОНВЕНТО — ЛА ПАЛЬЯ — МОНТЕФЬЯСКОНЕ — РОНЧИЛЬОНЕ — РИМ –

— РИМ — ОСТИЯ — РИМ — ТИВОЛИ — РИМ — КАСТЕЛЬ НУОВО — БОРГЕТТО — НАРНИ — СПОЛЕТО — ФОЛИНЬО — ЛА МУЧЧА — ВАЛЬЧИМАРА — МАЧЕРАТА — ЛОРЕТО — АНКОНА — СЕНИГАЛЛЬЯ — ФАНО — ФОССОМБРОНЕ — УРБИНО — КАСТЕЛЬ ДУРАНТЕ — БОРГО ПАЧЕ — БОРГО САН СЕПОЛЬКРО — ПОНТЕ БУРЬЯНО — ЛЕВАНЕЛЛА — ПЬЯН ДЕЛЛА ФОНТЕ — ФЛОРЕНЦИЯ — ПРАТО — ПИСТОЙЯ — ЛУККА — БАНЬИ ДЕЛЛА ВИЛЛА –

— БАНЬИ ДЕЛЛА ВИЛЛА — ПЕША — ПИСТОЙЯ — ФЛОРЕНЦИЯ — СКАЛА — ПИЗА — БАНЬИ ДЕЛЛА ВИЛЛА — ЛУККА — СКАЛА — ПОДЖИБОНСИ — СИЕНА — САН КВИРИКО — САН ЛОРЕНЦО — ВИТЕРБО — (БАНЬАЙЯ) — МОНТЕРОССИ — РИМ — РОНЧИЛЬОНЕ — ВИТЕРБО — САН ЛОРЕНЦО — САН КВИРИКО — СИЕНА — ПОНТЕ А ЭЛЬСА

— АЛЬТОПАШО — ЛУККА — МАССА ДИ КАРРАРА — (САРЦАНА) — ПОНТРЕМОЛИ — ФОРНОВО — БОРГО САН ДОНИНО — ПЬЯЧЕНЦА — МАРИНЬЯНО — ПАВИЯ — МИЛАН — БУФФАЛОРА — НОВАРА — ВЕРЧЕЛЛИ — ЛИВОРНО — КИВАССО — ТУРИН — САНТ'АМБРОДЖО — СУЗА — НОВАЛЕЗА –

— ЛАНЛЕБУР — СЕН-МИШЕЛЬ — ЛА ШАМБР — ЭГБЕЛЬ — МОНМЕЛЬЯН — ШАМБЕРИ — ИЕН — СЕН-РАМБЕР — МОНЛЮЭЛЬ — ЛИОН — БУРДЕЛЬЕР — Л'ОПИТАЛЬ — ТЬЕР — ПОН-ДЮ-ШАТО — КЛЕРМОН — ПОНТОМЮР — ПОНШАРО — ШАТЕН — СОВЬЯ — ЛИМОЖ — КАР — ТИВЬЕ — ПЕРИГЁ — МОРИАК — МОНТЕНЬ

Часть 1, написанная рукой секретаря

– Мо – Шарли – Дорман – Эперне – Шалон – Витри-ле-Франсуа – Бар-ле-Дюк – Моваж – Вокулёр – Домреми – Нёфшато – Мирекур – Эпиналь – Пломбьер – Ремирмон – Бюссан – Тан – Мюлуз – Базель – Хорнуссен – Баден – Шаффхаузен – Констанц – Маркдорф – Линдау – Ванген – Исни – Кемптен – Пфронтен – Фюссен – Шонгау – Ландсберг – Аугсбург – Брук – Мюнхен – Кёнигсдорф –

[…] г-н де Монтень спешно послал г-на де Матекулона вместе с прибывшим нарочным навестить вышеназванного графа и решил, что

его раны не смертельны[58]. В Бомоне к нашему отряду примкнул г-н д'Эстиссак[59], чтобы проделать то же путешествие; его сопровождал еще один дворянин, а также камердинер, пеший погонщик с мулом и двое лакеев. Присоединившись к нам, он взял на себя половину издержек. В понедельник, 5 сентября 1580 года, мы выехали из сказанного Бомона после обеда и за один перегон прибыли к ужину в Мо.

МО [двенадцать лье][60], маленький красивый городок, расположенный на берегу Марны. Он состоит из трех частей. Сам город и предместье находятся за рекой, со стороны Парижа. А за мостами имеется еще одно обширное место с большим количеством жителей и домов, окруженное рекой и очень красивым рвом, которое

---

[58] Примечания: 58

В рукописи «Дневника» не хватало начальных листов, к тому же на первой странице, поврежденной сверху, невозможно было прочитать название места, откуда Монтень послал г-на де Матекулона (а также осталось совершенно неизвестным, кто такой был этот раненый граф и что за несчастный случай с ним приключился). Однако в копии Леде (см. Послесловие, с. 445) вместо пропуска значится «в Ниоре» (à Niort), хотя он явно ошибся, переписывая название города, поскольку от реального Ниора до Бомона-на-Уазе, о котором идет речь в этом же абзаце, почти 450 километров, поэтому некоторые исследователи предлагали заменить Niort на Mors или Mours, имея в виду Мур, местечко рядом с Бомоном. — Бертран-Шарль де Матекулон был самым младшим из братьев Монтеня, юношей всего двадцати лет от роду.

[59] Примечания: 59

Матери этого Шарля д'Эстиссака, присоединившегося к путешествен-

никам со своими людьми, Монтень посвятил главу 8 II тома своих «Опытов» («О родительской любви»). Судя по количеству свиты, это представитель старинной знати, и он еще часто будет упоминаться на страницах «Дневника». Остальные спутники Монтеня, помимо слуг и *секретаря*, это его зять Бернар де Казалис и лотарингский дворянин, которого звали дю Отуа.

[60] Примечания: 60

Слова в квадратных скобках, отсутствующие в прочих изданиях, вставлены сюда из копии Леде.

называется *Рынком*. Некогда это место было мощно укреплено высокими и толстыми стенами с башнями; но во время наших вторых гугенотских волнений, поскольку большинство его обитателей принадлежали к этой партии, все укрепления тут снесли[61]. Эта часть города выдержала осаду англичан, а все остальное было потеряно. В награду жители этого места были освобождены от тальи[62] и других податей. Они показывают на реке Марне остров длиной двести — триста шагов, про который говорят, что это был *кавальер*, насыпанный в воду англичанами, чтобы биться за этот рынок с помощью своих орудий[63], который отвердел со временем. В предместье мы видели аббатство Св. Фарона, очень древнее здание, где они показывают обиталище

---

[61] Примечания: 61

Вторые волнения разразились в 1567 году и закончились в 1568 году миром, заключенным в Лонжюмо. Однако на следующий день после Варфоломеевской ночи, 25 августа 1572 года, гугеноты в Мо были перебиты.

[62] Примечания: 62

Талья (*фр.* taille) — прямой налог, введенный в средневековой Франции, один из важнейших и самый тяжелый. Был отменен лишь с приходом Великой французской революции.

[63] Примечания: 63

Во время Столетней войны Мо был в 1422 году осажден королем Англии Генрихом V. *Кавальер (cavalier)* — земельная насыпь, позволявшая осаждавшим возвышаться над укреплениями осажденных.

Ожье Датчанина и его палату[64]. Там имеется старинная трапезная с большими и длинными каменными столами необычной величины, посреди которой до наших гражданских войн бил сильный источник, которым они пользовались во время трапезы. Большая часть монахов все еще дворяне. Среди прочего тут также имеется очень старая и почтенная могила с каменным изваянием двух лежащих рыцарей необычайных размеров. Они утверждают, что это тела Ожье Датчанина и еще кого-то из тех паладинов. Нет ни надписи, ни каких-либо гербов; только вот это надгробное слово по-латыни, которое некий аббат велел тут высечь лет сто назад: «Здесь погребены два неизвестных героя». Среди своих сокровищ они показывают кости этих рыцарей. Кость руки от плеча до локтя длиной примерно с целую руку современного человека среднего роста, она немного длиннее, чем рука г-на де Монтеня. Они показывают также два из их мечей, которые по длине примерно с наши двуручные мечи, и лезвия сильно иззубрены.

В этом месте Мо г-н де Монтень посетил хра-

[64] Примечания: 64

Старинное бенедиктинское аббатство Сен-Фарон было разрушено во время французской революции. Согласно легенде, Ожье (Огьер) Датчанин, один из паладинов Карла Великого, удалился в эту обитель.

нителя церковной сокровищницы в соборе Сент-Этьен по имени Жюст Терель[65], весьма известного среди ученых Франции, маленького шестидесятилетнего старичка, который побывал в Египте и Иерусалиме и семь лет провел в Константинополе. Он показал ему собственную библиотеку и диковины своего сада. Мы там не увидели ничего диковиннее самшита, раскинувшего вокруг свои ветви, столь густые и подстриженные с таким искусством, что дерево кажется очень гладким и очень массивным шаром в человеческий рост.

Пообедав во вторник в Мо, мы отправились на ночлег в

ШАРЛИ, семь лье. В среду после обеда приехали в

ДОРМАН, семь лье, где и переночевали. Утром следующего дня, в четверг, приехали к обеду в

ЭПЕРНЕ, пять лье. Там по приезде г-да д'Эстиссак и де Монтень по своему обычаю пошли к мессе, в церковь Богоматери; и сеньор де Монтень, поскольку видел раньше, что тело г-на маршала Строцци, убитого при осаде Тионвиля, было принесено в эту церковь, осведомился о его

---

[65] Примечания: 65

Этот Жюст Терель, казначей кафедрального собора в Мо, купил на Востоке греческие рукописи для библиотеки Франциска I.

могиле и обнаружил, что тот погребен без всяких опознавательных знаков: ни надгробного камня, ни герба, ни эпитафии напротив главного алтаря, и нам было сказано, что это королева велела так похоронить маршала, потому что такова была его собственная воля[66]. Служил службу в сказанной церкви епископ Реннский из рода парижских Эннекенов[67], потому что он в ней настоятель, а еще потому, что это был праздник Богоматери Сентябрьской.

После мессы г-н де Монтень подошел к г-ну Мальдонату, иезуиту, чье имя весьма известно из-за его эрудиции в теологии и философии[68], и они вместе вели многие ученые беседы во время и после обеда в гостинице г-на де Монтеня, где сказанный Мальдонат его посетил. И среди

---

[66] Примечания: 66

Маршал Строцци, кузен королевы Екатерины Медичи, был убит при осаде Тионвиля в 1558 году. Его атеизм был общеизвестен. Об этом выдающемся полководце Монтень говорит также в «Опытах», II, 17 и 34.

[67] Примечания: 67

Эймар Эннекен, ярый лигист из старинного рода, давшего Франции многих церковных деятелей, стал в 1594 году Реймским архиепископом.

[68] Примечания: 68

Жан Мальдонат (или Мальдонадо, 1534–1583) — знаменитый испанский иезуит, с которым Монтень снова встретится в Риме, куда его призвал папа Григорий XIII для работы над изданием Библии на греческом.

прочего, поскольку он приехал с вод в Спа[69], которые находятся в Льеже, где он был вместе с г-ном де Невером, он рассказал ему, что эти воды необычайно холодны, и там даже утверждали, что самые холодные и есть самые лучшие. Они так холодны, что любого, кто их пьет, пробирает дрожь и появляется гусиная кожа, но вскоре после этого чувствуется большой жар в животе. Он выпивал по сто унций, поскольку там есть люди, которые предоставляют стаканы, где по желанию каждого нанесена его мера. И пьют не только натощак, но также после приема пищи. По своему действию, которое он описал, эти воды похожи на гасконские. Что же касается его самого, то он сказал, что от собственного недуга они ему не слишком помогли; хотя он пил много раз, вовсю разгорячившись и потея. Он наблюдал ради опыта, что лягушки и другие мелкие твари, которых бросают в воду, тотчас же подыхают, и сказал, что, если накрыть носовым платком стакан, наполненный этой водой, он немедленно пожелтеет.

Ее пьют по меньшей мере пятнадцать дней или три недели. Он в этом месте очень удачно посе-

---

[69] Примечания: 69
Самая известная водолечебница Бельгии.

лился и удобно устроился; вода пригодна против любой закупорки и мочекаменной болезни. Тем не менее ни г-н де Невер, ни он сам ничуть не стали здоровее. С ним вместе был дворецкий г-на де Невера, и они вручили г-ну де Монтеню *отпечатанный картель* по поводу размолвки между г-ном де Монпансье и г-ном де Невером с целью осведомить его о ней и дабы он сам мог просветить других дворян, буде они его об этом спросят[70]. Мы уехали оттуда в пятницу утром и приехали в

ШАЛОН[71], семь лье. И поселились там в «Короне», хорошей гостинице, где еду подают на серебряной посуде, а бóльшая часть постелей и покрывал шелковые. Обычные постройки в этом краю сложены из мела, нарезанного на небольшие квадраты по полфута или около того, а другие из дерновой земли той же формы. На следующий день мы оттуда уехали после обеда и

---

[70] Примечания: 70

Герцог де Монпансье сообщил герцогу Анжуйскому, брату короля, о нелестных речах герцога де Невера на его счет. Невер напечатал опровержение, картель, ту самую брошюрку, которую его дворецкий и вручил Монтеню для распространения среди прочих дворян. Однако, предупрежденный, что герцог де Монпансье решил лично отправиться в Париж, чтобы разобраться с этой ссорой, дворецкий благоразумно удалился в Спа.

[71] Примечания: 71

Шалон-сюр-Марн.

прибыли на ночлег в

ВИТРИ-ЛЕ-ФРАНСУА, семь лье. Это маленький городок на берегу Марны, построенный тридцать пять или сорок лет назад вместо другого Витри, который был сожжен[72]. Он еще сохранил свой первоначальный, весьма пропорциональный и приятный вид, а его большая квадратная площадь в центре — одна из лучших во Франции.

Мы там узнали три достопамятные истории. Одна — о вдовствующей старой даме, г-же де Гиз де Бурбон, восьмидесяти семи лет, которая до сих пор жива и все еще проделывает четверть лье своими ногами[73].

Другая: всего за несколько дней до этого в местечке Монтье-ан-Дер, неподалеку отсюда, состоялось повешение, и вот по какому случаю: семь-восемь девиц из окрестностей Шомон-ан-Бассиньи несколько лет назад затеяли одеться мужчинами и так продолжить свою жизнь в мире. Одна из них под фамилией Мари пришла в Витри, зарабатывая себе на жизнь как ткач, — мо-

---

[72] Примечания: 72

Витри-ан-Пертуа, сожженный Карлом V в 1544 году, был полностью отстроен Франциском I, давшим ему свое имя.

[73] Примечания: 73

Антуанетта де Бурбон, вдова Клода де Лоррена, герцога де Гиза, мать и бабка всех знаменитых Гизов, умерла в 1583 году в возрасте восьмидесяти девяти лет.

лодой человек хорошего нрава, который каждому становился другом. Тут, в Витри, он даже обручился с одной женщиной, которая до сих пор жива, но из-за какой-то размолвки, случившейся между ними, дальше этого их сделка не зашла. Потом, отправившись в Монтье-ан-Дер и по-прежнему зарабатывая себе на жизнь сказанным ремеслом, он стал возлюбленным некоей женщины, на которой женился и прожил с нею четыре-пять месяцев, к ее удовольствию, как говорят. Но когда его узнал кто-то из Шомона, дело было передано в суд, и девица была приговорена к повешению. А вот что она говорила: лучше уж разом отмучиться, чем вернуться к девичьему состоянию; и была повешена за противозаконную выдумку: восполнить изъян в ущерб своему полу.

Третья история — о человеке по имени Жермен, который до сих пор жив, он низкого происхождения, без всякого ремесла и занятия, и до двадцати двух лет был девицею, известной всем жителям города, тем более что на подбородке у нее было чуть более волос, чем у прочих девиц, за что ее и прозвали Бородатой Мари. И вот однажды, когда она, сделав усилие, прыгнула, у нее от этого вдруг открылись мужские орудия, так что кардинал де Ленонкур, епископ Шалона, перекрестил его, дав

ему имя Жермен. Однако он так и не женился; и у него большая борода, весьма густая. Увидеть его мы не смогли, потому что он был в деревне. В этом городе даже песенка есть, ее обычно девушки поют, предостерегая друг дружку не делать слишком широкие шаги из опасения стать мужчиной, как Мари Жермен. Местные говорят, что Амбруаз Паре вставил эту историю в свою очень достоверную книгу по хирургии[74], а также ее засвидетельствовали г-ну де Монтеню самые значительные должностные лица города. Мы уехали оттуда в воскресенье утром после завтрака и за один перегон приехали в

БАР-ЛЕ-ДЮК, девять лье. Г-н де Монтень бывал в этом городе и раньше[75] и не нашел тут из нового ничего примечательного, кроме необычайных расходов, которые одно частное лицо, тамошний священник и настоятель, уже понес и продолжает каждодневно нести на строительство. Его зовут Жиль де Трев; он возвел самую роскошную

---

[74] Примечания: 74

Амбруаз Паре, хирург Генриха II, Франциска II, Карла IX и Генриха III, автор многочисленных трудов, и в самом деле приводит эту историю в своей книге «О монстрах и чудесах». Монтень добавит ее к своим «Опытам», I, 21 (издание 1588 года).

[75] Примечания: 75

В 1559 году, после коронации Франциска II в Реймсе, Монтень последовал за двором в Бар-ле-Дюк; см. «Опыты», II, 17.

мраморную часовню во Франции, расписанную и украшенную, а заодно построил и даже закончил обставлять самый красивый городской дом во Франции, прекрасного устройства, соразмерный, наилучшим образом обеспеченный всем необходимым и всякими изделиями и украшениями, самый удобный для проживания: он хочет превратить его в учебное заведение, а после этого снабжать деньгами и содержать за свой счет[76]. Из Бара, позавтракав там в понедельник утром, мы приехали на ночлег в

МОВАЖ, четыре лье. Маленький городок, где г-н де Монтень остановился из-за колики, которая также стала причиной его отказа от намерения повидать Туль, Мец, Нанси, Жуанвиль и Сен-Дизье, города, рассеянные вдоль этой дороги, чтобы поскорее достичь вод Пломбьера. Из Моважа мы уехали во вторник утром и прибыли к обеду в

ВОКУЛЁР, одно лье. И вдоль реки Мёзы приехали в деревню

ДОМРЕМИ, на Мёзе, в трех лье от упомянутого Вокулёра. Отсюда была родом знаменитая Орле-

---

[76] Примечания: 76

Жиль де Трев, каноник Святого Марка, заказал скульптору Лижье Рикье великолепную часовню для своей церкви (разрушена во время революции в 1792 году). Он также завещал средства на основание городского коллежа; им руководили иезуиты вплоть до революции.

анская дева, которая звалась Жанной д'Арк или дю Лис. Ее потомки были возведены во дворянство милостью короля, и нам показывали герб, который король им пожаловал: на лазурном поле стоящий впрямь меч с золотой рукоятью, увенчанный короною, и по бокам от него — два золотых цветка лилии. Один сборщик податей из Вокулёра подарил изображение этого герба г-ну де Казалису[77]. Фасад домика, где она родилась, весь расписан ее деяниями, но время сильно повредило росписи. Есть также дерево на краю виноградника, которое называют Древом Девственницы, в котором нет ничего примечательного[78]. Мы приехали тем вечером на ночлег в

НЁФШАТО, пять лье. Там, в церкви кордельеров, имеется множество старинных трехсот-четырехсотлетних могил местного дворянства, и на всех начертано в таковых выражениях: «Здесь покоится такой-то, опочивший за тысяча двух-

[77] Примечания: 77

Бернар де Казалис, зять Монтеня, женатый на его сестре Мари.

[78] Примечания: 78

Фрески с изображением *деяний* (подвигов) Жанны д'Арк не сохранились. Дерево, возле которого она слышала свои голоса, было буком, его называли еще Древом Дам или Фей.

сотым мильным камнем»[79]. Г-н де Монтень видел их библиотеку, где имеется множество книг, но ничего редкого, и колодезь, из которого тут черпают весьма большими ведрами, крутя ногами вал с деревянными педалями, к которому присоединена круглая деревянная деталь с привязанной колодезной веревкой. Подобные устройства встречаются и в других местах. Выше края колодца на пять-шесть футов имеется большущая каменная лохань, куда поднимается ведро и опрокидывается в нее без всякой посторонней помощи, а опустев, само спускается вниз. Эта лохань установлена на такой высоте, что вода оттуда по свинцовыми желобам самотеком направляется в их трапезную, и на кухню, и в хлебопекарню и брызжет из продолговатых, вытянутых кверху камней наподобие естественных родников[80]. Из Нёфшато, позавтракав утром, мы приехали к обеду в

МИРЕКУР, шесть лье. Красивый маленький городок, где г-н де Монтень услышал новости о г-не и г-же де Бурбонн, которые оказались тут по

---

[79] Примечания: 79

То есть после 1200 года.

[80] Примечания: 80

Этот интерес Монтеня к техническим изобретениям будет засвидетельствован в «Дневнике» еще не раз.

соседству[81].

А на следующее утро после завтрака он отправился посмотреть на воспитанниц обители Пуссэ, отклонившись от своего пути на четверть лье. Таких религиозных заведений в тех краях много, они устроены для воспитания девиц из хороших домов[82]. Каждая из них располагает собственным бенефицием, то есть средствами, чтобы содержать себя, в сто, двести, а то и триста экю, кто похуже, кто получше, и отдельным жилищем, где они живут каждая сама по себе. Сюда принимаются и девицы, выросшие в семье кормилицы. Никакой обязательной девственности не требуется, если только речь не идет о должностных лицах, об аббатисе, приорессе и прочих. Девицы одеты по всей свободе, как другие барышни, кроме белого покрывала на голове да большого плаща в церкви во время службы, который они оставляют на своем месте в хоре[83]. Посещения отдельных воспитанниц,

---

[81] Примечания: 81

Эрар де Ливрон, барон де Бурбонн и его жена, урожденная Габриель де Бассомпьер, были, без сомнения, в замке рядом с Аруэ.

[82] Примечания: 82

То есть из благородных семейств.

[83] Примечания: 83

Восточная (алтарная) часть церкви до апсиды.

либо чтобы посвататься, либо по другому поводу, тут допускаются совершенно свободно. Те, что покидают заведение, могут уступить свое место и продать бенефиций кому хотят, лишь бы избранница была подобающего происхождения и положения. Потому что на местных сеньоров возложена неукоснительная обязанность: они должны клятвой засвидетельствовать знатность тех девиц, которых сюда представляют. Никто не возражает, чтобы одна воспитанница имела три-четыре бенефиция. Впрочем, в остальном они служат такую же божественную службу, как в других монастырях. Большинство из них там же и заканчивает свои дни, не желая менять свое положение. Оттуда мы приехали к ужину в

ЭПИНАЛЬ, пять лье. Это красивый маленький городок на берегу реки Мозель, куда во въезде нам было отказано ввиду того, что мы проехали через Нёфшато, где недавно была чума. На следующее утро мы приехали к обеду в

ПЛОМБЬЕР, четыре лье. После Бар-ле-Дюка лье становятся такой же длины, как в Гаскони, и удлиняются по мере приближения к Германии, вплоть до того, что удваиваются, а то и утраиваются.

Мы приехали сюда в пятницу, 16 сентября 1580

года, в два часа пополудни. Это место расположено в предгорьях у границы Лотарингии и Германии, в низине среди множества высоких холмов с покатыми вершинами, которые теснят ее со всех сторон. В глубине этой лощины рождаются многие источники, как холодные от природы, так и горячие. У горячей воды нет никакого запаха и вкуса, и она горяча настолько, что едва можно вытерпеть при питье, так что г-н де Монтень был вынужден перемешивать ее стакан за стаканом. Тут имеется только два [источника], из которых пьют. Вода из того, который повернут задом на восток и где устроена купальня, которую прозвали Купелью Королевы, оставляет во рту немного сладковатый вкус, как от лакрицы, без всякого неприятного послевкусия, однако если пить ее весьма осторожно, то г-ну де Монтеню показалось, что в ней заметен какой-то непонятный железистый привкус. Другой источник бьет у подножия горы, на противоположной стороне, эту воду г-н де Монтень пил всего один день, она немного резковата и в ней можно обнаружить присутствие квасцов.

В обычаях этого места только принимать ванны, причем два-три раза в день. Некоторые едят в купальне, где им обычно ставят банки и пускают

кровь, и угощаются только после очищения желудка. Если они и пьют, то стакан-другой в ванне. Они находят странным обычай г-на де Монтеня, который без всяких предварительных процедур выпивает по девять стаканов и примерно то же количество возвращает в горшок каждое утро, в семь часов; обедает в полдень, а когда принимает ванны, что случается через день, то в четыре часа, оставаясь в купальне примерно на час. В такие дни он намеренно отказывается от ужина.

Мы видели людей, излечившихся от язв и прочих красных пятен на теле. Обычно тут проводят по меньшей мере один месяц. Приезжают по большей части весной, в мае. И совсем не пользуются этим после августа из-за холодного климата; но мы еще находили здесь общество, из-за того что сухость и жара здесь сильнее и держатся дольше, чем обычно. Помимо прочего, г-н де Монтень близко сдружился с сеньором д'Андело из Франш-Конте́, чей отец был обер-шталмейстером императора Карла V, а он сам — первым лагерным маршалом в армии дона Хуана Австрийского и стал комендантом Сен-Кантена, когда мы его

потеряли[84]. У него часть бороды была совсем белая, а также часть брови; он рассказал г-ну де Монтеню, что это с ним произошло в один миг, в день его великой скорби из-за смерти брата, которого герцог Альба велел умертвить как сообщника графов Эгмонта и Горна[85]; он тогда уронил свою голову на руку и закрыл ладонью это место, так что присутствующие подумали, что туда случайно попала мука. И с тех пор оно так и осталось.

Эти воды некогда посещали одни только немцы; но вот уже несколько лет, как жители Франш-Конте и многие французы приезжают сюда во множестве. Для купания отведено много мест, но тут имеется одно главное и большое, овальной формы и старинной постройки. Эта купальня тридцать пять шагов в длину и пятнадцать в ширину. Горячая вода бьет снизу и растекается по многим отводам, а сверху пускают

---

[84] Примечания: 84

Сеньор д'Андело (сын знаменитого Жана д'Андело, который в битве при Павии схватился врукопашную с Франциском I) служил под началом дона Хуана Австрийского, внебрачного сына Карла V и победителя турок при Лепанто, а затем наместника Нидерландов с 1576 по 1578 год. Крепость Сен-Кантен, над которой д'Андело начальствовал, после того как Франция ее потеряла в 1557 году, вернулась к ней в 1559-м по Като-Камбрезийскому договору.

[85] Примечания: 85

Они были обезглавлены в Брюсселе в 1568 году; см. «Опыты», I, 7.

холодную, чтобы умерить жар горячей по желанию тех, кто ею пользуется. По бокам купальные места отделяются друг от друга навесными барьерами, как стойла в наших конюшнях, а сверху их закрывают досками, чтобы укрыть от солнца и дождя. Вокруг купелей идут три-четыре ряда каменных ступеней, наподобие театральных, на которых те, кто принимает ванны, могут сидеть или опираться. Здесь наблюдается необычайная скромность, однако неприлично погружаться в воду иначе как совсем нагишом: мужчинам дозволяются только короткие подштанники, а женщинам одни сорочки[86].

Мы поселились в «Ангеле», наилучшей гостинице[87], тем более что она недалеко от обеих купален. Все наше жилище, в котором несколько комнат, стоило всего пятнадцать солей в день. Хозяева тут повсюду предоставляют дрова, это входит в договор; но в этом краю полно деревьев, платить приходится только за рубку. Хозяйки здесь очень хорошо готовят. Во времена большого

---

[86] Примечания: 86

Жан Ле Бон в «Кратком очерке Пломбьерских вод» (1576) подтверждает все, что говорится в «Дневнике» об этих водах, в том числе и о совместно принимающих ванны мужчинах и женщинах.

[87] Примечания: 87

Находилась на месте нынешнего Hôtel des Bains, на улице Станислас.

наплыва это жилище стоило бы экю за день, и это еще довольно дешево. Корм для лошадей — семь солей. Все прочие виды расходов — по столь же хорошему и разумному счету. Жилье без всякой напыщенности, но очень удобное; потому что они тут ради обслуживания делают множество галерей, так что все помещения независимы друг от друга и нет проходных комнат. Вино и хлеб тут плохие.

Это хороший народ, свободный, здравомыслящий, готовый услужить. Все местные законы неукоснительно соблюдаются. Каждый год они освежают на доске перед большой купальней правила, начертанные на немецком и французском языке, приведенные ниже:

> *Клод де Ринак, рыцарь, сеньор де Сен-Балесмон, де Монтюрёль-ан-Феррет, де Ландакур и прочая, советник и камергер нашего суверенного государя монсеньора Герцога и прочая, а также его Вогезский бальи:*
>
> «Доводим до сведения, что ради обеспечения отдыха и спокойствия многих дам и прочих особ, прибывающих из многих краев страны на эти Пломбьерские воды,

мы, следуя намерению Его Высочества, постановляем и приказываем следующее:

Надлежит знать, что надзор за старинным порядком и наказание за легкие провинности остается в руках немцев, как в прежние времена; им предписано принуждать к соблюдению церемоний, уставов и правил, которые они применяют для благоустроения сказанных вод и наказания проступков, которые будут совершены любой особой из любой нации без каких-либо исключений, в виде штрафа, дабы не совершалось никаких богохульств, поношений и не велось прочих непочтительных речей против католической церкви и ее традиций.

Воспрещается всем особам любого достоинства, положения и звания, из каких бы краев они ни происходили, подстрекать либо обличать друг друга несправедливыми и направленными к распре речами, носить на сказанных водах оружие либо хвататься за него под страхом сурового наказания, как возмутителей спокойствия, бунтовщиков и строптив-

цев, непокорных воле Его Высочества.

Равным же образом всем блудливым и бесстыжим девкам воспрещено под страхом кнута входить в сказанные купальни и даже приближаться к ним на пятьсот шагов с любой из четырех сторон. А хозяевам, которые примут их или укроют, грозит тюремное заключение и произвольный штраф.

Под страхом того же наказания всем запрещено употреблять по отношению к дамам, благородным барышням и прочим женщинам и девицам, пребывающим в сказанных купальнях, какие-либо похотливые или распутные слова, делать какие-либо непристойные прикосновения, а также входить в сказанные купальни или выходить из них без должного почтения к общепринятым приличиям.

А поскольку через пользу сих вод Бог и природа ниспосылают нам многие исцеления и облегчения от недугов и требуется изрядная опрятность и чистоплотность, дабы предотвратить распространение мерзости и всяческих заражений, которые могли бы при этом случиться, то

смотрителю сказанных купален особливо наказано принять тщательную предосторожность и обозревать тела всех, кто туда входит, как днем, так и ночью, понуждая их держаться в ночи скромно и тихо, без шума, возмутительных выходок и глумливого смеха. А если кто-либо в том не подчинится, ему надлежит немедля подать жалобу судьям,дабы его подвергли примерному наказанию.

Кроме того, воспрещено и заповедано под страхом смерти всем особам, приезжающим из зараженных мест, являться и даже приближаться к сему месту Пломбьеру; а городским старшинам и представителям правосудия нарочито предписано соблюдать тщательную предосторожность, а всем обывателям сказанного места под страхом тюремного заключения наказано подавать нам записки с указанием имен, прозваний и мест проживания особ, которых они примут и поселят у себя.

Все эти распоряжения сегодня обнародованы перед главной купальней сказанного Пломбьера, а списки с них,

сделанные как на французском, так и на немецком языках, прибиты в наиболее заметном месте возле главной купальни и подписаны нами, Вогезским бальи. Дано в сказанном Пломбьере 4 дня месяца мая в год милости Господней тысяча пятьсот…»

Следует имя бальи.

Мы пробыли тут с 18 до 27 сентября[88]. Г-н де Монтень пил здешнюю воду одиннадцать дней, с утра, восемь дней — по девять стаканов, три дня — по семь стаканов, и пять раз принимал ванны. Он нашел, что она легко пьется, и отливал ее каждый день перед обедом. Но никакого другого действия, кроме того, что он мочился, она на него не оказала. Аппетит у него и так был хороший; сон, желудок — ничто в его обычном состоянии не ухудшилось от этого лечебного питья. На шестой день у него случилась колика, очень острая и гораздо сильнее, чем обычно, с правой стороны, где он прежде никогда не чувствовал боли,

[88] Примечания: 88
Явная описка, выше речь шла о 16 сентября.

кроме как в Арсаке[89], довольно легкой и без последствий. А эта длилась у него четыре часа, и он, разумеется, почувствовал последствия при выходе камня через мочеиспускательный канал и нижнюю часть живота. В первые два дня у него вышли два маленьких камня из мочевого пузыря, и потом временами песок. Но он уехал с этих вод, полагая, что у него в пузыре еще остался камень от сказанной колики и другие, мелкие, ему даже казалось, что он чувствует, как они спускаются. Он счел, что действие этих вод и их качества весьма похожи на воду верхнего источника в Баньере, где есть купальня. Что касается воды для ванн, то он нашел, что она вполне терпимой температуры; и правда, обычно там плещутся годовалые и полугодовалые дети. Он сильно, но мягко потел. И велел мне оставить для нашей хозяйки согласно обычаю этого народа деревянный щиток со своим гербом, каковой местный художник сделал за один экю, и тщательно прикрепить

[89] Примечания: 89

Арсак, деревня в провинции Медок, упоминается в «Опытах», I, 31, принадлежала Тома де Борегару, брату Монтеня, который стал ее владельцем благодаря своей женитьбе на Жакетте д'Арсак, родственнице Этьена де Ла Боэси, ближайшего друга Монтеня. Упомянутый ниже в этом же абзаце Баньер, это водный курорт Баньер-де-Бигор в предгорьях Пиренеев, известный с древнеримских времен.

его к стене снаружи[90].

В этот день, 27 сентября, после обеда мы уехали и проследовали через гористую местность, которая на всем нашем пути грохотала под копытами лошадей, словно внизу были гулкие своды, так что казалось, будто вокруг нас барабаны барабанят, и приехали на ночлег в

РЕМИРМОН, два лье. Красивый маленький городок и хорошее жилье в «Единороге», поскольку во всех городах Лотарингии (это последний) имеются такие же удобные гостиницы и такое же хорошее обслуживание, как нигде более во Франции.

Тут есть женский монастырь, столь же известный благородным происхождением своих воспитанниц, как и обитель Пуссэ, о которой я уже говорил. Они, вопреки г-ну де Лоррену, притязают на суверенность и княжеское досто-

[90] Примечания: 90

Монтень здесь следует местному обычаю, чтобы постояльцы оставляли изображение своих гербов в гостиницах, хотя и не придавая этому никакого особого значения. Он иронически говорит о подобном геральдическом тщеславии в «Опытах», I, 46, правда, заодно сообщая нам, как выглядел его собственный герб: «Поперек лазурного поля, усеянного золотыми трилистниками, золотая же львиная лапа с червленьми когтями».

инство этого города[91]. Вскоре после приезда г-да д'Эстиссак и де Монтень отправились туда с визитом и посетили несколько отдельных жилищ, которые очень красивы и очень хорошо обставлены. Аббатиса из рода де Дентевилей умерла, и их посещение случилось уже после поставления другой, на что притязала сестра графа де Сальма. Они повидались со старейшиной, которая происходит из рода де Людров и чуть ранее оказала честь г-ну де Монтеню, отправив ему на воды в Пломбьер артишоки, куропаток и бочонок вина[92]. Они там узнали, что некоторые соседние деревни обязаны обители регулярной повинностью: им надлежит поставлять туда два чана снега на каждый праздник Троицы; а за отсутствием снега — тележку, запряженную че-

---

[91] Примечания: 91

Настоятельница этого монастыря причудливо именовала себя: «...Милостью Божией смиренная Аббатиса, Принцесса Священной Империи и Суверенная Правительница Ремирмона» (французский язык не делает различия между принцессой, княгиней и княжной). Благородный капитул Ремирмона претендовал на то, что подчиняется только империи, и всячески подчеркивал свою независимость от герцогов Лотарингских, к каковым относился и *г-н де Лоррен.*

[92] Примечания: 92

Покойную аббатису Рене де Дентевиль (ум. в 1580 году) сменила Барб де Сальм, но ее избрание было оспорено, потому что она являлась дочерью Жана де Сальма, маршала Лотарингии, который в 1566 году захватил аббатство вооруженной силой. Капитул противопоставил ей Умберту де Шассене и просил одобрения папы Григория XIII: возможно, именно эту миссию в Ватикане и хотела так настойчиво

поручить Монтеню старейшина Ремирмона Маргарита де Людр — см. в следующем абзаце.

тырьмя белыми волами. Говорят, что этот оброк снегом всегда ими выполнялся, однако, когда мы туда приехали, стояла такая великая жара, какой никогда не бывает в Гаскони ни в какое время года. Воспитанницы носят на голове только белое покрывало и поверх него маленький креповый лоскуток. Пока они в обители — платья у них черные, из такой ткани и такого фасона, какой им заблагорассудится; а в прочих местах — цветные; нижние юбки по своему усмотрению, как и туфли, и башмачки; головные уборы поверх покрывала тоже как у других[93]. Им нужно быть благородного происхождения в четырех коленах и со стороны отца, и со стороны матери. Вечером они с ними распрощались.

На следующий день спозаранок мы уехали оттуда. Когда мы были уже в седле, настоятельница прислала к г-ну де Монтеню дворянина, попросив заглянуть к ней, что он и сделал; это нас задержало на один час. Сообщество этих дам дало ему полномочия на ведение их дел в Риме. После чего мы проследовали очень красивой и очень приятной долиной вдоль реки Мозель и к обеду прибыли в

[93] Примечания: 93

То есть как у воспитанниц Пуссэ и подобных заведений; вне богослужений эти монашки-воспитанницы одевались по своему усмотрению.

БЮССАН, четыре лье. Маленькая дрянная деревенька, последняя, где говорят по-французски. Там г-да д'Эстиссак и де Монтень, облачившись в холщовые балахоны, которые им выдали, отправились осматривать серебряные рудники, принадлежащие г-ну де Лоррену, это не меньше двух тысяч шагов вглубь горы. После обеда мы проехались по горам, где нам среди прочего показали места на неприступных скалах, где ловят ястребов, которые тут стоят всего три местных тестона[94], а также исток Мозеля; и добрались к ужину в

ТАН, четыре лье. Первый город Германии, подвластный императору, очень красивый. На следующий день утром мы увидели прекрасную и большую равнину, подпертую сбоку по левую руку косогорами со множеством виноградников, красивейших и прекрасно возделанных, и на таком обширном пространстве, что гасконцы, которые там случились, говорили, что никогда прежде не видывали их столько, следующих одни за другими. Тогда была пора сбора винограда; мы прибыли к обеду в

---

[94] Примечания: 94

Тестон (teston) — монета с изображением головы короля, что следует из ее названия: teste *(стар. фр.)* — голова.

МЮЛУЗ[95], два лье. Красивый маленький городок, относящийся к швейцарскому кантону Базель. Г-н де Монтень отправился посмотреть здешнюю церковь, поскольку они тут не католики. Он нашел, что она, как и другие по всей этой стране, в хорошей сохранности и в ней почти ничего не изменилось (разве что алтари и образа отсутствуют), поскольку тут ничего не увечили[96]. Он получил бесконечное удовольствие, видя свободу и хорошую организованность этого народа, [и в частности] хозяина «Винограда», вернувшегося с заседания городского совета, где председательствовал, из весьма великолепного и кругом раззолоченного дворца, чтобы потчевать своих гостей за столом, — человека без свиты и без заносчивости, который сейчас подавал ему пить, а когда-то вел четыре отряда пехотинцев

[95] Примечания: 95

Его немецкое название — Мюльхаузен.

[96] Примечания: 96

Монтень восхищается умеренностью швейцарских протестантов: в отличие от кальвинистов во Франции, разорявших, а порой и уничтожавших церкви, они ограничивались лишь тем, что убирали из них алтари и религиозные изображения. — Мюлуз, некогда имперский город, присоединился к швейцарской Конфедерации и перейдет под власть Франции лишь в 1798 году.

против королевских войск при Казимире[97] во Франции, а потом более двадцати лет подряд получал от короля пенсию за службу в триста экю в год[98]. И этот сеньор рассказал ему за столом, без чванливости и позерства, о своем положении и о своей жизни; и сообщил ему среди прочего, что они тут не испытывают никаких затруднений из-за своей религии, даже служа королю против гугенотов (это же самое многие другие неоднократно говорили нам на нашем пути, да и в нашей осаде Ла Фера участвовало больше полусотни человек из их города)[99]. А еще они без разбора женятся на женщинах нашей религии у священника и не принуждают их ее сменить.

Оттуда, отобедав, мы проехали через прекрасный край, изобильный, плодородный, со

---

[97] Примечания: 97

Иоганн-Казимир, пфальцграф Рейнский, ставший потом регентом Курпфальца, дважды посылал подкрепления гугенотам во Франции (1568 и 1576 годы).

[98] Примечания: 98

Монтень восхищается и удивляется легкости швейцарских нравов, рассказывая историю трактирщика, который сначала принял участие в экспедиции Казимира, а затем в мирное время поступил на службу французскому королю.

[99] Примечания: 99

В 1580 году Монтень находился под Ла Фером, осажденным королевскими войсками, откуда сопроводил в Суассон останки своего друга графа де Грамона, убитого во время тамошних боев (см. «Опыты», III, 4). После чего отправился в путешествие, не став дожидаться капитуляции

города, который сдался 12 сентября.

многими красивыми деревнями и гостиницами, и приехали на ночлег в

БАЗЕЛЬ, три лье. Красивый город размером с Блуа или около того, который состоит из двух частей, потому что Рейн пересекает его посредине под большим и очень широким деревянным мостом. Местная управа оказала честь г-дам д'Эстиссаку и де Монтеню, прислав к ним с одним из своих должностных лиц вина вместе с длинной торжественной речью, которая была зачитана им за столом; г-н де Монтень весьма долго на нее отвечал, и все держались с непокрытой головой среди многих немцев и французов, которые были с ними в столовом зале, обогреваемом печью. Хозяин служил им толмачом. Вина были весьма хорошими.

Мы видели там необычный дом медика Феликса Платеруса[100], самый расписной и богато украшенный на французский лад, который можно осмотреть; этот врач построил его весьма большим, просторным и пышным. Среди прочего

---

[100] Примечания: 100

Феликс Платтер, родившийся и умерший в Базеле (1536–1614), автор многочисленных трудов по медицине, учился на медицинском факультете университета Монпелье, имел репутацию сторонника экспериментальной науки в анатомии и ботанике в отличие от традиций Сорбонны. Ботанический сад в Монпелье, старейший во Франции, был основан Генрихом IV в 1593 году и славится до сих пор.

он пишет книгу про лекарственные растения, которая уже весьма далеко продвинулась; но вместо того, чтобы рисовать травы, как другие, передавая их расцветку, он изобрел искусный способ наклеивать их на бумагу в том виде, какой у них в природе, да так подлинно, что там заметны мельчайшие листики и волокна, как они есть, и когда он перелистывает свою книгу, оттуда ничего не выпадает; он показал лекарственные растения, которые были приклеены туда больше двадцати лет назад. Еще мы видели и у него, и в общественной школе целые скелеты умерших людей, которые держатся стоя.

Их часы в городе, но не в предместьях, всегда отзванивают время на час раньше. Если бьют десять ударов, это значит, что всего девять часов: как они говорят, это потому, что некогда такая нечаянная ошибка часов уберегла их город от нападения, которое там готовили[101]. Базелем он называется не от греческого слова, а потому, что

[101] Примечания: 101

Обычай переводить часы на час вперед возник, похоже, благодаря уловке былого бургомистра, сорвавшего благодаря ей планы заговорщиков, злоумышлявших против городских властей.

base по-немецки означает *переход*[102].

Мы там видели многих ученых мужей, таких как Гринеус, и того, кто написал *Theatrum*, и сказанного медика [Платеруса], и Франсуа Отмана[103]. Двое этих последних приходили ужинать с господами на следующий день после их прибытия. Г-н де Монтень нашел, что они не слишком согласны в своей религии, судя по [разным][104] ответам, которые он от них получил: одни называли себя цвинглианцами, другие кальвинистами, а третьи мартинистами[105]; и все же он уразумел, что многие до сих пор хранят римскую религию в своем сердце. Они и причастие получают по-разному: обычно прямо через рот; однако некоторые протягивают за ним руку, а их министры[106] не осмеливаются задевать

---

[102] Примечания: 102

Basilea, Βασιλέα — «царственная», «царская», если греческая этимология верна; однако здесь предполагается, что Базель должен скорее называться *Passel* от слова *pass* (нем.).

[103] Примечания: 103

Базель, интеллектуальный центр, был знаменит своими учеными, некоторые из них названы здесь. Гринеус — это, вероятно, Самуэль Гринеус (1539–1599), профессор красноречия и юриспруденции, или его племянник Симон, автор *Economion medicinae* (Базель, 1592). «...Тот, кто написал *Theatrum*» — это, скорее всего, Теодор Цвингер (1533–1588), автор *Theatrum vitae humanae*, но речь также может идти о знаменитом географе Абрахаме Отреле, чей *Theatrum orbis terrarum* удостоился большого успеха. Франсуа Отман (Париж, 1524 — Базель, 1590) — это юрисконсульт-протестант, известный по всей Европе, избежал Варфоломеевской ночи благодаря своим ученикам и нашел

убежище в Женеве и Базеле, где преподавал право; Монтень, возможно, поддерживал с ним связь после публикации протестантами «Рассуждения о добровольном рабстве» Ла Боэси и написал ему из Больцано (см. ниже).

[104] Примечания: 104

Дается по копии Леде, в остальных изданиях отсутствует.

[105] Примечания: 105

По имени Мартина Лютера.

[106] Примечания: 106

То есть священнослужители — во французском языке так называют, как правило, протестантских пасторов.

струну этих различий в религиозных практиках. Внутри их церкви имеют тот вид, о котором я уже говорил выше. Снаружи полно изображений и нетронутых старинных могил с надгробными камнями для душ умерших. Органы, колокола и кресты на колокольнях и всякого рода изображения в витражах сохранились в целости, равно как и скамьи и сиденья хора[107]. Они ставят крестильную купель на то место, где прежде был главный алтарь, а во главе нефа возводят другой алтарь, для причащения; базельский очень красив. Церковь картезианцев, очень красивое здание, сохранена и на диво хорошо содержится; там уцелели и украшения, и прочая обстановка, на что они приводят довод: дескать, это чтобы засвидетельствовать свою верность, поскольку обязаны к этому верой, которой в свое время дали свое *согласие*. Местный епископ, который очень сильно им враждебен, находится вне города, в своем диоцезе, и поддерживает в прежней вере большую часть остальных жителей, живущих в деревне, и получает более пятидесяти тысяч ливров от города, продлевая существование епископального податного округа.

---

[107] Примечания: 107
Что такое хор, см. выше, с. 59, прим. 2.

Многие жаловались г-ну де Монтеню на женское распутство и пьянство обывателей. Мы там видели, как вырезают пупочную грыжу у маленького ребенка одного бедняка, с которым хирург очень сурово обошелся. Еще видели на берегу реки прекрасную публичную библиотеку в прекрасном состоянии. Мы пробыли там весь следующий день, а назавтра после этого пообедали и пустились в путь вдоль Рейна. Проехав примерно два лье, оставили его по левую руку и дальше следовали по весьма плодородной и довольно ровной местности.

У них тут имеется бесконечное изобилие источников по всей области; нет ни деревни, ни перекрестка, где не оказалось бы одного, и очень красивого. Они говорят, что в Базеле, если посчитать, их найдется более трехсот. Они тут так привыкли к галереям[108], даже в Лотарингии, что во всех домах делают между окнами верхних комнат двери, выходящие на улицу, чтобы со временем пристроить там галерею. По всей этой области после Эпиналя нет ни одного самого маленького деревенского домика, который не был бы остеклен, а хорошие жилища там и внутри и

[108] Примечания: 108
Имеются в виду длинные балконы во весь этаж.

снаружи очень украшает отлично прилаженное и обработанное разными способами стекло[109]. У них тут изобилие железа и хороших ремесленников, работающих с этим материалом: в этом они намного нас превосходят; кроме того, тут не найдется столь малой церкви, чтобы в ней не оказалось часов и великолепного циферблата. Они также превосходны в черепичном промысле, так что кровли их домов весьма красивы из-за разноцветной поливной черепицы и прочих украшений; плиточные полы в комнатах тоже хороши, но нет ничего изысканнее, чем их печки, а ведь это всего лишь гончарные изделия. Они часто используют пихту, и у них тут немало очень хороших умельцев в плотницком рукомесле, поскольку их деревянная посуда вся резная и по большей части расписана и вылощена. Печи у них роскошные, то бишь те, что в общих залах для трапез. В каждом зале, который, впрочем, очень хорошо меблирован, обычно имеется пять-шесть столов со скамьями, где все гости обедают вместе, каждая группа за своим столом. В мельчайших

[109] Примечания: 109

Оконные стекла, которые использовали римляне, были затем заменены во Франции и Италии (см. ниже) натянутой на раму тканью или глухими деревянными ставнями. Вот почему Монтень здесь особо отмечает, что в немецких домах стекла так хорошо «прилажены».

гостиницах имеются два-три таких зала, очень красивых. И во всех хватает богато остекленных окон; хотя похоже, что они больше заботятся о своих обедах, чем о постояльцах, поскольку комнаты довольно убогие. Нигде нет занавесей на постелях; всегда в одной комнате три-четыре кровати притиснуты одна к другой; никакого камина, обогреваться приходится только всем вместе, у печек, поскольку в других местах об огне нет и помину; а когда кто-нибудь заходит к ним на кухню, они принимают это весьма дурно. В обслуживании комнат они очень нечистоплотны: ибо блажен тот, кто может получить чистое постельное белье, а на изголовье по их обычаю никогда нет покрывала, и нет никакого другого покрытия, кроме весьма грязной перины. Тем не менее готовят они превосходно, особенно рыбу. У них нет никакой защиты ни от вечерней росы, ни от ветра, кроме простого стекла, не прикрытого деревянными ставнями; но окон в их домах хватает; и чисто везде — и в их печках, и в комнатах; однако стекла они ставнями совсем не закрывают, даже на ночь.

То, как они прислуживают за столом, сильно отличается от нашего. Они никогда не подают воду к своему вину, и они почти правы; поскольку

их вина такие слабые, что наши дворяне находят их еще более слабыми, чем сильно разбавленные водой гасконские, и их вряд ли можно счесть очень изысканными. За обедом они сажают слуг за одним столом с хозяевами или за соседним, но одновременно с ними: поскольку надобен только один слуга, чтобы обслуживать большой стол, тем более что тут перед каждым стоит серебряная чарка или чашка, и тот, кто подает, воздерживается наполнять ее сразу же, как она опустеет, он, не двигаясь со своего места, наливает в нее вино издалека, из оловянной или деревянной братины с длинным носиком. А что касается мяса, то они подают только два-три кушанья на каждую перемену и смешивают вместе разные виды весьма приправленного мяса, а распределяют кушанья весьма далеким от нашего способом — с помощью железных приспособлений на длинных ножках. На этом приспособлении одно блюдо помещается над другим. Столы у них очень широкие и круглые, бывают и квадратные, хотя на эти неудобно разносить блюда. Слуга ловко раздает эти кушанья за один раз, тут приносят два других, и так далее, до шести-семи перемен. Новое блюдо подается только после того, как предыдущее будет убрано; а что касается тарелок,

то, когда они хотят подать какой-нибудь фрукт, они ставят на середину стола, после того как мясо будет убрано, ивовую корзинку или большое деревянное расписное блюдо, и в эту корзинку самый видный и знатный первым бросает свою тарелку, а вслед за ним и остальные: поскольку в этом деле очень соблюдаются правила этикета. Корзину слуга проворно уносит, а потом подает фрукты на двух блюдах, как и остальное, вперемешку; и там обычно подают к жаркому редьку или печеные груши.

Среди прочего они весьма почитают раков, подавая их всегда на блюде под крышкой и отдельно объявляя, в виде особой привилегии, чего не делают ни с каким другим мясом. Хотя в этом краю их полно и подают каждодневно, но почитают их за редкий деликатес. Воду для мытья рук они совсем не подносят, однако, перед тем как садиться за стол или по выходе из-за стола, каждый может воспользоваться водой из маленького сосуда, привязанного в углу зала, как у монахов. На стол по большей части подают деревянные тарелки, даже кувшины тут деревянные и ночные горшки, и все это некрашеное и чистое, елико возможно. Кое-где к деревянным тарелкам добавляют оловянные, вплоть до по-

следней подачи фруктов, когда остается только дерево. Но на дереве они подают только в силу привычки, потому что вместе с ним они подают и серебряные чарки, которые у них во множестве.

Свою деревянную мебель, вплоть до половиц в комнатах, они начищают до блеска. Кровати у них такие высокие, что обычно поднимаешься туда по ступенькам, и почти повсюду под большими кроватями имеются другие, поменьше. Поскольку они превосходные работники по железу, почти все их вертелы крутятся с помощью пружин или гирь, как часы, или же посредством неких деревянных вертушек с широкими и легкими лопастями из пихты, которые они помещают в своих каминных трубах, и те крутятся на большой скорости в дымном ветре и паре от огня, медленно и долго поворачивая жаркое, и поэтому слегка пересушивают мясо. Такими ветряными мельницами пользуются только в крупных гостиницах, где есть большой огонь, как в Бадене[110]. Движение это очень плавное и равномерное. После Лотарингии большая часть каминов тут устроена не по-нашему; они ставят

[110] Примечания: 110

Это замечание могло быть добавлено только после посещения Бадена, что указывает на ревизию ежедневных заметок, сделанную, скорее всего, по указанию самого Монтеня.

очаг посредине или в углу кухни и используют для него почти всю ее ширину. У камина большое жерло шириной от семи до восьми шагов в квадрате, а дальше его труба идет, сужаясь, до самого верха жилища. Такое обширное пространство дает им возможность поместить внутри большие лопасти, которые заняли бы в наших трубах столько места, что проход дыма был бы затруднен. Малейшие трапезы тут тянутся от трех до четырех часов из-за длительности этого обслуживания; но они и в самом деле едят не так торопливо, как мы, что более здорово[111]. У них тут большое изобилие всякого рода снеди, мяса и рыбы, и они весьма пышно накрывают столы, по крайней мере, пышнее, чем у нас. По пятницам мясное никому не подают, и они говорят, что в этот день не едят даже птицу. Дороговизна примерно такая же, как во Франции вокруг Парижа. Лошади обычно получают овса больше, чем могут съесть. Мы приехали на ночлег в

[111] Примечания: 111

«Опыты», III, 13, помогают понять удовольствие, которое Монтень мог получить от обслуживания за столом, которое он тут описывает: он объявляет, в частности, что весьма лаком до рыбы, которую базельцы превосходно готовят, и поясняет, что разбавляет водой свое вино, правда, делая при этом оговорку: «Самый обычный и распространенный образ жизни и есть самый прекрасный, и немец, разбавляющий вино водой, был бы мне так же неприятен, как и француз, пьющий его неразбавленным».

ХОРНУССЕН, четыре лье. Маленькая деревушка герцогства Австрийского. На следующий день было воскресенье, мы сходили к мессе и заметили, что там все женщины держатся в левой стороне церкви, а мужчины в правой, не смешиваясь между собой. У них тут поперек церкви идут несколько рядов скамей, одни за другими, такой высоты, чтобы можно было сесть. На них-то женщины и преклоняют колени, а не на полу, и, следовательно, [это выглядит так] будто они стоят; у мужчин, кроме того, имеются поперечные дощечки, чтобы на них опираться, и они тоже преклоняют колени на сиденьях, которые перед ними. Вместо того чтобы, как мы, соединять руки, молясь Богу при вознесении даров, они их раздвигают и держат поднятыми, пока священник не покажет *мир*[112]. Они предоставили г-дам д'Эстиссаку и де Монтеню третью мужскую скамью, а остальные впереди них были затем заняты людьми весьма убогого вида, как и на женской

[112] Примечания: 112

Мир *(instrumentum pacis)* — это *монстранц* или *остенсорий* — драгоценный сосуд, в котором хранятся гостии и который перед причастием демонстрируют пастве. Что до остального, то тут довольно тщательно отмечены местные обычаи. Разделение мужчин и женщин во время богослужения, существовавшее в первоначальной церкви и в некоторых лютеранских храмах, было еще в ходу. Установка в церквях скамей для верующих, которые в Средние века во время богослужения стояли, прижилась лишь во второй половине XVI века.

стороне. Нам показалось, что первые ряды тут не были самыми почетными. Переводчик и проводник, которого мы взяли в Базеле, записной городской вестник, явился на мессу вместе с нами и на собственный лад проявил большое желание быть здесь и горячую набожность.

После обеда мы переехали через реку Аар в Брюгг, маленький красивый городок, принадлежащий господам из Берна, и оттуда поехали посмотреть аббатство, которое королева Катерина Венгерская передала в 1524 году бернским сеньорам; там погребен Леопольд, эрцгерцог Австрийский, а также множество дворян, разгромленных вместе с ним швейцарцами в 1386 году[113]. Там высечены их гербы и имена, и эти могилы на удивление хорошо содержатся. Г-н де Монтень переговорил с неким сеньором из Берна, который там командует, и тот велел все им показать. В этом аббатстве раздают круглые, вполне пропеченные буханки хлеба и похлебку для прохожих, которые об этом просят, никогда им не отказывая со времен основания аббатства.

---

[113] Примечания: 113

В аббатстве Кёнигсфельден, основанном в 1310 году императрицей Елизаветой на том месте, где был убит ее супруг Альберт I, находятся могилы австрийских рыцарей, разбитых швейцарцами в битве при Семпахе (1386), равно как и несколько членов рода Габсбургов.

Оттуда мы на пароме, который управляется с помощью железного шкива и высоко протянутой веревки, пересекли реку Рёйс, вытекающую из Люцернского озера, и приехали в

БАДЕН, четыре лье, небольшой город, и в стороне от него предместье, где расположены купальни. Он католический, под протекцией восьми швейцарских кантонов, и в нем проходили многие большие собрания важных господ. Мы поселились не в самом городе, а в сказанном предместье, которое находится прямо у подножия гор, вдоль реки, скорее потока, который называется Лиммат и вытекает из Цюрихского озера. Тут имеются две-три публичные купальни, непокрытые, из-за чего ими пользуются только бедняки. Остальные, которые тут во множестве, заключены в домах и разделены на многие отдельные келейки, как закрытые, так и открытые, которые сдают вместе с комнатами; сказанные келейки —самые порядочные и лучше всего приспособленные, насколько возможно; туда проведены жилы горячей воды для каждой купели.

Гостиницы просто великолепны. В той, где мы поселились, однажды накормили триста ртов, и тому были свидетели. Когда мы туда въехали, там уже имелось большое общество, поскольку

для гостей они располагают ста семьюдесятью постелями. Тут семнадцать печей и одиннадцать кухонь, а в соседней с нашей гостинице пятьдесят меблированных комнат. Все стены увешаны гербами дворян, которые тут проживали.

Сам город раскинулся наверху, на округлой возвышенности, небольшой, но очень красивой, как почти все они в этом краю. Кроме того, они делают свои улицы более широкими и открытыми, чем наши, площади более просторными, и повсюду множество богато остекленных окон, у них еще есть обычай расписывать снаружи почти все дома, снабжая их эмблемами и надписями, что придает им очень приятный вид; кроме того, здесь нет ни одного города, где не текли бы многие ручьи из источников, богато обрамленных на перекрестках либо деревом, либо камнем. Это делает их города гораздо более красивыми, чем во Франции.

Вода в купальнях источает серный запах, как в Эг-Коде и других местах. Она в меру горячая, как в Барботане или Эг-Коде, и по этой причине

купания тут весьма мягкие и приятные[114]. Буде кто захочет со всем уважением и тактичностью привести сюда дам, пожелавших принять ванну, то он вполне может это сделать, потому что дамы тоже могут уединиться в купальне, которая выглядит очень богатым покоем — он светлый, остекленный, весь вокруг облицован расписными филенками и очень аккуратно обшит досками: возле всех сидений имеются маленькие столики, чтобы читать или играть, если хочется, будучи в купальне. Тот, кто принимает ванну, наливает и использует столько воды, сколько ему потребно, и имеются соседние комнаты, где у каждой своя купальня, и красивые променады[115] для гуляния вдоль реки, помимо всяких искусно сработанных балконов. Эти купальни устроены в небольшой лощине, над которой господствуют склоны высоких, но тем не менее в большинстве своем плодородных и возделанных

[114] Примечания: 114

Эг-Код (Aigues-caudes) — окситанское название «Горячих вод» (О-Шод, Eaux-Chaudes), где Монтень лечился, см. «Опыты», II, 37, издание 1580 года (в 1582 году он заменит свои высказывания о французских водах воспоминанием о термальных курортах, посещенных во время недавнего путешествия).

[115] Примечания: 115

Здесь — крытые галереи.

гор[116]. Для питья здешняя вода кажется немного увядшей и невкусной, будто многократно перелитой из сосуда в сосуд, а что касается ее вкуса, то она отдает серой и в ней есть какая-то непонятная солоноватость, которая словно пощипывает язык. Местные используют ее в основном для купаний, во время которых ставят себе банки и отворяют кровь, да так обильно, что две общественные купальни, куда я заглянул, порой казались наполненными чистой кровью. Те, что привыкли пить, выпивают самое большее стакан-другой. Они останавливаются здесь обычно на пять-шесть недель и почти в течение всего лета навещают друг друга. Ни в какой другой нации нет такой взаимопомощи, как в немецкой (или гораздо меньше), но они приезжают сюда довольно большими толпами. Так издревле повелось, об этом обычае упоминал еще Тацит[117]. Он [то есть г-н де Монтень] пытался отыскать коренной источник и не мог ничего понять, но

[116] Примечания: 116

В «Опытах», II, 37 (добавление к изданию 1582 года), Монтень упоминает Баден вместе с Баньер-де-Бигором, Пломбьером и Луккой как водолечебницу, где к терапевтическим достоинствам добавляются приятности местоположения.

[117] Примечания: 117

Тацит, «История», I, 67: «…поселение, привлекавшее своим красивым местоположением и целебными источниками многих приезжих и разросшееся благодаря этому до размеров небольшого города…»

казалось, что они все тут расположены весьма низко, почти на уровне реки. Вода в ней не такая чистая, как в других, которые мы видели прежде, и туда стекаются воды из других жил, помельче, совсем незначительных. В ней нет тех крошечных искорок, которые поблескивают в других сернистых водах, когда наливаешь их в стакан, в Спа, например, по словам г-на Мальдоната.

На следующий день после нашего приезда, в понедельник утром, г-н де Монтень выпил семь маленьких стаканчиков, что равнялось большой бутылке из дома[118]; на следующий день — пять больших стаканов, которые равнялись десяти маленьким и могли составить пинту. В тот же вторник, в девять часов утра, пока другие завтракали, он пошел в купальню, а выйдя оттуда и перебравшись в постель, весьма сильно потел. Это прекратилось только через полчаса, поскольку местные, хоть и проводят в купальнях весь день за игрой или питьем, но сидят в воде только по пояс, а он лежал в своей купели, погрузившись

[118] Примечания: 118
Здесь — *chopine*, полуштоф, емкость примерно пол-литра.

по шею[119].

И в этот день с вод уехал некий швейцарский сеньор, весьма хорошо служивший нашей короне, который весь предыдущий день весьма долго занимал г-на де Монтеня беседой о делах Швейцарского государства и показал ему письмо, которое посол Франции, сын председателя Арле́, написал ему из Солёра, где сейчас находится, рекомендуя послужить королю во время его отсутствия, поскольку королева попросила его встретиться с ним в Лионе и воспрепятствовать планам Испании и Савойи[120]. Недавно скончавшийся герцог Савойский заключил год или два назад союз с некоторыми кантонами, чему король открыто воспротивился, ссылаясь на то, что они, будучи связаны с ним обязательствами, не могут брать на себя никаких новых обяза-

---

[119] Примечания: 119

Монтень считал благотворным принимать ванну и мыть тело каждый день, что вообще-то в его время вовсе не было распространено; см. «Опыты», II, 37.

[120] Примечания: 120

Шарль де Арле (сын Кристофа де Арле, председателя парижского парламента) был облечен несколькими дипломатическими миссиями. Здесь речь идет об усилиях, которые Генрих III и королева-мать Екатерина Медичи предпринимали, чтобы помешать политике Эммануэле Филиберто, герцога Савойского и победителя при Сен-Кантене: тот в свои последние годы (ум. в августе 1580 года) подыгрывал Испании и пытался распространить свое влияние на швейцарские кантоны.

тельств без учета его интересов[121]; некоторые из кантонов оценили эти доводы, в том числе и при посредстве сказанного швейцарского сеньора, и отказались от этого союза. В самом деле, имя короля во всех этих областях встречают с глубоким почтением и дружбой, а нам расточают всевозможные любезности. Испанцам здесь не по себе. Поезд этого швейцарца состоял из четырех человек на лошадях. На одной ехал его сын, уже получавший, как и его отец, пенсию от короля, на другой слуга; еще высокая и красивая девица на третьей, накрытой суконным чепраком и с подножкой на французский лад[122], с чемоданом на крупе и шляпной вешалкой на ленчике седла, без какой-либо дамы при ней; и однако им оставалось еще два полных дня до собственного дома, находившегося в городе, который сказанный сеньор возглавляет — это уже пожилой человек, ехавший на четвертой.

Обычная одежда здешних женщин мне кажется такой же опрятной, как и у нас, даже их смешной головной убор, который представляет

---

[121] Примечания: 121

Которые в противном случае были бы ущемлены.

[122] Примечания: 122

По утверждению Брантома, первой стала обходиться без нее Екатерина Медичи.

собой шапочку с кокардой, имеющую сзади отворот, а спереди, на лбу, маленький выступ, и все это украшено вокруг шелковыми кисточками или меховым околышем, а их природные свитые волосы ниспадают сзади[123]. Если вы в шутку сдернули с них эту шапочку, поскольку наших это тоже искушает, и их головы становятся видны совсем непокрытыми, они на это не обижаются. Самые молодые вместо шапочки носят на голове только гирлянды. У них нет большой разницы в одежде, чтобы различать их положение. Их приветствуют, целуя [себе] руку[124] и предлагая им коснуться их собственной. Иначе говоря, если, проходя мимо, вы приветствуете их, сняв шляпу, и кланяетесь, большинство из них стоят столбом без всякого движения, и так исстари повелось. Разве что некоторые слегка наклоняют голову, чтобы поприветствовать вас в ответ. Это обычно красивые дамы, высокие и белокожие.

Это очень хороший народ, особенно с теми, кто к ним приспосабливается. Г-н де Монтень, желая во всем испробовать разность нравов и манер,

---

[123] Примечания: 123

Шапочка с кокардой, украшенная шелковыми кисточками, имела сзади отворот, оставлявший волосы свободными.

[124] Примечания: 124

См. ниже, с. 119, прим. 3.

повсюду позволял обслуживать себя по обычаям каждого края, с какими бы трудностями он при этом ни сталкивался[125]. И все-таки в Швейцарии он говорил, что ничуть не страдает, имея за столом всего лишь маленький кусок полотна полфута [длиной][126] в качестве салфетки[127], но даже этот кусок полотна швейцарцы разворачивают только во время обеда, да и то, если на столе много соусов и разнообразных похлебок[128]; однако там всегда подают деревянные ложки с серебряной ручкой по числу едоков. И никогда швейцарец не обходится без ножа, с его помощью они берут все и совершенно не прикасаются рукой к кушанью.

Почти во всех их городах над частным городским гербом красуется герб императора и

---

[125] Примечания: 125

См. «Опыты», III, 9: «Когда я бываю за пределами Франции и у меня спрашивают, желая оказать мне любезность, не хочу ли я, чтобы мне подали французские блюда, я неизменно отшучиваюсь и усаживаюсь за стол, уставленный исключительно чужеземными кушаньями».

[126] Примечания: 126

Дается по копии Леде.

[127] Примечания: 127

См. «Опыты», III, 13: «Пообедать без скатерти я могу, но на немецкий манер, без чистой салфетки — очень неохотно. Я пачкаю салфетки гораздо больше, чем немцы или итальянцы, и редко пользуюсь ложкой и вилкой».

[128] Примечания: 128

Так Монтень называет все приготовленное в горшке в противопо-

ложность жаркому.

Австрийского дома; хотя большинство из них отпали от герцогства из-за плохих управителей этого самого дома. Они тут говорят, что все, относившиеся к Австрийскому дому (в отличие от тех, что относились к владениям его католического величества), доведены до большой бедности, да и самого императора в Германии мало уважают[129].

От воды, которую г-н де Монтень пил во вторник, он три раза садился на стульчак и до полудня полностью очистился. В среду утром он выпил столько же, что и накануне. Он нашел, что если пропотеет в ванной, то на следующий день у него выходит гораздо меньше мочи и он не выпускает всю воду, которую выпил; то же самое было с ним в Пломбьере. Поскольку вода, которую он пьет, на следующий день выходит из него окрашенной и в весьма малом количестве, он рассудил, что она внезапно претворяется в пищу, и это происходит либо из-за выделения предыдущего пота, либо из-за воздержания от пищи, ведь, принимая ванну, он ест всего один раз; по этой-то причине он и стал принимать ванну только единожды.

В среду его хозяин купил много рыбы; сказан-

[129] Примечания: 129

Его католическое величество — король Испании Филипп II. Германский император — Рудольф II Габсбург.

ный сеньор [де Монтень]осведомился почему. Тот ему ответил, что бóльшая часть города Бадена ест рыбу в среду из-за религии; это подтвердило ему то, что он уже слышал: люди, что придерживаются католической религии, более привержены к ней и набожны из-за одного обстоятельства — наличия противоположного мнения. И вот как он рассуждал: когда смута и смешение случаются в одинаковых городах, распространяются в одном полисе, это высвобождает людские пристрастия. Такая смесь дотекает и до отдельных людей, как это случилось в Аугсбурге и имперских городах. Но когда в каком-нибудь городе устанавливается единое устройство (а ведь каждый город в Швейцарии устанавливает свои собственные отдельные законы, свое особое управление, и они в деле своего устроения никак не зависят друг от друга, будучи соединены и связаны только в некоторых общих условиях), города, которые представляют собой отдельное поселение, отдельное гражданское тело со всеми его членами, имеют чем себя укрепить и поддержать; и они, конечно, укрепляются, еще крепче сплачиваясь и сближаясь из-за угрозы заражения от соседей.

Мы сразу привыкли к жару их печек, и никто из наших на это не жаловался. Потому что, если

притерпеться к некоторому запаху в воздухе, который настигает вас при входе, в остальном это тепло мягкое и ровное. Г-н де Монтень, который ложился у самой печки, очень ее нахваливал, всю ночь ощущая приятное и умеренное тепло. По крайней мере, мы не обжигали себе ни лицо, ни обувь и забыли о французском дыме[130]. И если мы, вселяясь в гостиницы, надеваем теплые и подбитые мехом халаты, они тут, наоборот, остаются в одних камзолах и держатся возле печи с непокрытой головой, а одеваются потеплее, только чтобы выйти наружу.

В четверг он пил то же самое; вода подействовала и спереди и сзади и вывела песок в небольшом количестве; а главное — он решил, что эти воды более действенны, нежели другие, которые он пробовал, либо из-за силы самой воды, либо же из-за расположенности собственного тела, и хотя он пил ее меньше, чем любую другую, но не возвращал такой же чистой. В этот четверг он говорил с одним пастором из Цюриха, здешним уроженцем, который, приехав сюда, сказал, что у них [в Цюрихе] первоначальной религией было

[130] Примечания: 130

См. также о немецких печах в «Опытах», III, 13, где Монтень хвалит «устойчивое и равномерно распределенное всюду тепло, без пламени, без дыма».

цвинглианство, но, как сказал ему этот пастор, потом они приблизились к кальвинизму, который помягче. А будучи спрошен о предопределении, он ему ответствовал, что у них там нечто среднее между Женевой и Аугустой[131], но что они не обременяют свой народ этими прениями[132].

В своем частном суждении он склонялся больше к крайности Цвингли и высоко восхвалял это вероучение как наиболее близкое к первоначальному христианству.

В пятницу после завтрака, в семь часов, в седьмой день октября, мы покинули Баден; и перед отъездом г-н де Монтень опять выпил свою меру: таким образом, он пил эти воды пять раз. Что до сомнений в их действенности, то он находит повод надеяться на них, как ни на какие другие, либо из-за питья, либо из-за ванн, и он охотно советовал бы эти воды, как никакие другие, которыми он прежде пользовался, тем более что тут имеются не только удобства самого места,

---

[131] Примечания: 131

Здесь и далее под Аугустой имеется в виду Аугсбург, который в римские времена назывался по-латыни *Augusta Vindelicum* или *Municipium Aelia Augusta*.

[132] Примечания: 132

Цвинглианцы из Цюриха, не желая смущать народ спором о предопределении, держались середины между кальвинизмом Женевы и лютеранством, вероисповеданием Аугсбурга (Аугусты).

но и гостиничного жилья, такого опрятного, такого хорошо разделенного на части, которое каждый себе хочет, без проходных и зависимых друг от друга комнат, и еще тут имеются места для маленьких частностей и другие, для больших омовений, галереи, кухни и отдельные помещения для свиты[133]. И соседняя с нами гостиница, которую тут называют *городским двором*, и наша *(задний двор)* — это общественные здания, принадлежащие правительству кантонов, и содержатся арендаторами. В этой соседней гостинице еще имеется несколько каминов на французский лад. Во всех главных помещениях стоят печки.

Взимание платы тут немного тираническое по отношению к чужеземцам, как и во всех странах, и в нашей в частности. Четыре комнаты с девятью кроватями, в двух из которых имелись печки и купальни, стоили нам один экю в день на каждого из господ; и четыре *батца*[134] за слуг, то есть с каждого девять солей с небольшим; за лошадей шесть *батцев*, что составляет примерно четырнадцать солей в день; но, кроме этого,

[133] Примечания: 133
То есть для слуг и прочих сопровождающих.

[134] Примечания: 134
Batz, Batzen (нем.) — швейцарская монета.

сюда против их обыкновения добавилось всякое плутовство.

Их города охраняются караулами, и во́ды тоже, хотя это всего лишь деревня. Каждую ночь двое дозорных обходят кругом дома, но не столько из-за врагов, сколько опасаясь огня или прочих непорядков[135]. Когда звонят часы, одному из них велено кричать другому во все горло, спрашивая его, который час, на что тот столь же громогласно сообщает тому новости о часе и добавляет, чтобы тот глядел в оба. Женщины тут занимаются стиркой открыто и в общественных местах, устраивая возле воды маленький костерок, на котором греют свою воду и стирают наилучшим образом; а еще надраивают до блеска посуду, гораздо лучше, чем в наших французских гостиницах. Тут в гостиницах к каждой горничной под ее начало приставлен слуга.

Это прямо беда, что, какую бы услужливость здесь ни проявляли, невозможно добиться от местных жителей, как от самых смекалистых, так и от самых заурядных, чтобы они осведомляли чужестранца о достопримечательностях каждого места; они даже не понимают, что вы у них про-

[135] Примечания: 135

Этим дозорным, делавшим обход, поручалось защищать города от пожаров и предупреждать возмущения общественного спокойствия.

сите. Это я о том, что, пробыв там пять дней со всем нашим нерастраченным любопытством, мы и слыхом не слыхали о том, что обнаружилось по выезде из города. Камень в рост человека, который выглядел как часть какой-то колонны, с виду непритязательный, без украшений, вделанный в угол дома и заметный только при переходе большой дороги; там есть латинская надпись, которую у меня не было возможности переписать, но это простое посвящение императорам Нерве и Траяну[136]. Мы переправились через Рейн у города Кайзерштуль, союзного швейцарцам и католического, и, проследовав оттуда вдоль сказанной реки по очень красивой ровной местности, повстречали обрывистые пороги, где вода пробивается через скалы и которые тут зовут водопадами, как Нильские. Возле Шаффхаузена русло Рейна загромождают большие камни, где он разбивается, а ниже на таких же камнях поток встречает скальный обрыв высотой примерно в две пики[137], откуда и обрушивается с пеной

[136] Примечания: 136

Скорее всего, весь этот пассаж — запечатленная *секретарем* прямая речь самого Монтеня.

[137] Примечания: 137

Пика (фр. *pique*) — старинная мера длины составляла примерно 1,60 метра.

и необычайным грохотом. Это останавливает движение судов и прерывает навигацию на сказанной реке. Мы за один перегон приехали в

ШАФФХАУЗЕН, четыре лье. Главный город швейцарских кантонов цюрихского вероисповедания, о котором я уже говорил выше. Выехав из Бадена, мы оставили Цюрих по правую руку, хотя г-н Монтень намеревался туда заехать, будучи от него всего в двух лье, но ему сообщили, что там чума.

В Шаффхаузене мы не увидели ничего особенного. Здесь строят крепость, которая будет довольно красивой[138]. Тут имеется срельбищный вал для стрельбы из арбалета и площадь для этого упражнения, самая красивая и большая, затененная густой листвой, с сиденьями, балконами и жилыми помещениями в достаточном количестве; и есть еще одна, похожая, для стрельбы из аркебузы. Имеются тут и водяные мельницы, приспособленные, чтобы пилить деревья (мы немало таких видели в других местах),

[138] Примечания: 138

От прежних городских укреплений (XV–XVI веков), комплекс которых был весьма замечательным фортификационным сооружением для своего времени, сохранился только большой донжон. Возможно, что строящейся цитаделью, которую видели путешественники, был форт Мюно (1564–1585). Однако удивительно, что внимание Монтеня не привлекли красивые расписанные фасады городских домов.

а еще чтобы трепать лен и толочь просо. Растет тут также некое дерево, мы уже видели такие, даже в Бадене, правда, не такие большие. Его первыми, самыми нижними ветвями пользуются, для того чтобы сделать пол круглой навесной галереи, двадцати шагов в диаметре; эти ветви они сперва загибают по кругу, а потом вверх, насколько возможно. Затем они подстригают дерево, не давая ему выпускать ветви до той высоты, на которой они хотят устроить эту галерею, примерно десять футов. Они берут выше другие ветви, которые растут у дерева, и кладут их на ивовые плетенки, чтобы сделать кровлю будущей беседки, и загибают их книзу, чтобы соединить с теми, которые загнуты вверх, и заполняют все пустоты зеленью. После чего снова подстригают дерево до самой верхушки, где позволяют ветвям разрастаться свободно. Это придает дереву очень хороший вид и получается очень красиво. Кроме этого, подводят к его корням течение родника, и он бьет над полом этой галереи.

Г-н де Монтень посетил бургомистров города, которые, чтобы доставить ему удовольствие, пришли вместе с другими должностными лицами отужинать в нашу гостиницу и преподнесли ему и г-ну д'Эстиссаку вино. Это не обошлось без

многих церемонных торжественных речей как с той стороны, так и с другой. Главный бургомистр был дворянином и детство провел в пажах у покойного герцога Орлеанского[139], хотя уже совершенно забыл свой французский. Этот кантон откровенно встал на нашу сторону, а недавно засвидетельствовал это, отказавшись в нашу пользу от конфедерации, которую покойный герцог Савойский домогался заключить с кантонами, о чем я выше уже упоминал[140].

В субботу, 8 октября, утром, в восемь часов, после завтрака, мы уехали из Шаффхаузена, где у нас было очень хорошее жилье в «Короне». Некий ученый человек из местных беседовал с г-ном де Монтенем; и среди прочего о том, что жители этого города на самом деле вовсе не являются приверженцами нашего двора; так что на всех обсуждениях, где поднимался вопрос о конфедерации с королем, наибольшая часть народа по-прежнему была за то, чтобы ее разорвать; однако из-за происков некоторых богачей это дело повернулось иначе. Уезжая, мы видели

---

[139] Примечания: 139

Карл (1522–1545) — герцог Ангулемский, потом Орлеанский, третий сын Франциска I.

[140] Примечания: 140

См. выше, с. 83, прим. 1.

некий железный снаряд (такие же, впрочем, мы видели и в иных местах), с помощью которого, не используя людскую силу, поднимают большие камни и грузят их на повозки.

Мы проехали вдоль Рейна, оставляя его по правую руку, до Штайна, маленького городка, который состоит в союзе с кантонами той же религии, что и Шаффхаузен. По пути нам встретился большой каменный крест, где мы пересекли Рейн по другому деревянному мосту и, проследовав вдоль берега, теперь имея его по левую руку, проехали мимо другого маленького городка, также союзника католических кантонов. Тут Рейн разливается на диво широко, как наша Гаронна перед Бле[141], потом сужается вплоть до того места, где расположен

КОНСТАНЦ, четыре лье, куда мы прибыли в четыре часа. Этот город величиной с Шалон принадлежит эрцгерцогу Австрийскому, а еще он католический, потому что император Карл V насильно выселил оттуда всех лютеран, которые прежде владели им на протяжении тридцати лет.

---

[141] Примечания: 141

Маленький городок — вероятно, Штекборн на Нижнем озере (Унтерзее) Констанца, что напоминает путешественникам местоположение Бле, порта на правом берегу Гаронны.

В церквях это еще заметно по изображениям[142]. Епископ-кардинал, происходящий из местных дворян, но проживающий в Риме, извлекает из него сорок тысяч экю дохода[143]. В церкви Богоматери имеются и каноники, которые стоят тысячу пятьсот флоринов, и они тоже дворяне. Мы видели одного верхом на коне, въезжавшего в город, — он был одет не как духовное лицо, а как человек военный; недаром говорят, что в городе развелось полно лютеран[144]. Мы поднялись на колокольню, которая весьма высока, и обнаружили человека, прикованного там в качестве караульного, который, что бы ни случилось, никуда оттуда не может уйти, поскольку заперт. Они возводят на берегу Рейна большое крытое здание пятидесяти шагов в длину и сорока ши-

---

[142] Примечания: 142

Констанц — место проведения известного церковного собора (1414–1418), который был призван восстановить единство католической церкви и приговорил к сожжению Яна Гуса, — впоследствии примкнул к Реформации. Но в 1548 году император Карл V вынудил его сдаться и отнял у Австрийского дома. Во время волны иконоборческого движения среди реформатов пострадали многие произведения искусства.

[143] Примечания: 143

Этот прелат, чье богатство подчеркивается, — кардинал Сант-Анжело, племянник Пия IV Марко Ситтич Альтемпс из рода графов Хохенемс (собственно, Альтемпс — неточный перевод этой фамилии на итальянский), имевший свой замок в Форарльберге, близ Констанцского озера.

[144] Примечания: 144

Неприличное богатство высшего католического духовенства, а также слишком вольное его поведение были важнейшими причинами распространения Реформации.

риной или около того и собираются поместить туда двенадцать — пятнадцать больших колес, посредством которых будут беспрестанно поднимать большое количество воды на следующий этаж и выливать там на пол, а другие колеса, железные, в похожем количестве, но с деревянными основаниями, будут поднимать ее с этого этажа на следующий, еще выше. Эта вода, будучи поднята на высоту примерно в полсотни футов, будет низвергаться через большой и широкий искусственный канал и дальше направится в их город, чтобы там заработали многие мельницы. Архитектор, который руководил постройкой этого здания, только за свою работу получил пять тысяч семьсот флоринов, а кроме того, был обеспечен вином. В самом низу они закрывают воду со всех сторон настилом, прерывая, как они говорят, ее течение, чтобы она там успокоилась и стало бы можно черпать ее оттуда легко с бóльшим удобством. Они ставят также снаряды, чтобы с их помощью поднимать и опускать все эти колеса в зависимости от того, какой приходит вода, высокой или низкой. Рейн здесь не имеет этого названия, поскольку к головной части города он простирается в виде озера, которое имеет четыре немецких лье в ширину и пять-шесть

в длину. У них тут имеется красивая терраса с видом на это большое озеро, на самом мысу, где они собирают товары; а в пятидесяти шагах от озера стоит красивый домик, где они постоянно держат часового: и там привязана цепь, которой они закрывают доступ на мост, поскольку с двух сторон вбито много свай, которые огораживают это пространство озера, где причалены загружающиеся лодки. В церкви Богоматери есть ход, который над Рейном ведет в предместье города.

Мы поняли, что покинули страну Швейцарию, потому что еще до прибытия в город видели много дворянских усадеб[145], поскольку в Швейцарии их совсем не встретишь. Но что касается просто частных домов, то они имеются и в городах, и в полях вдоль дороги, по которой мы ехали, и несравнимо более красивые, чем во Франции, им недостает только аспидного сланца[146], а главное — гостиниц и обслуживания получше, поскольку то, чего им не хватает к нашим услугам, отсутствует у них отнюдь не из-за бедности, впрочем, их достаток хорошо известен; и если

[145] Примечания: 145

Здесь имеются в виду укрепленные дома или замки.

[146] Примечания: 146

То есть природного шифера — кровельного сланца, по виду напоминающего графит, который широко используется во Франции.

каждый тут не пьет из объемистых серебряных кубков, по большей части вызолоченных и тонко сработанных, то не потому, что у них не хватает серебряной посуды, а всего лишь по привычке. Это очень плодородная страна, особенно в том, что касается вин.

Чтобы вернуться в Констанц, мы поселились в «Орле», плохо, да еще и получили от хозяина обхождение вполне в духе немецкой вольности и варварской гордыни из-за стычки одного из наших людей с нашим же базельским проводником. А поскольку дело дошло до судей, к которым он пошел жаловаться, то местный прево, итальянский дворянин, который там прижился, завел себе жену и давно стал полноправным членом городской коммуны, так ответил г-ну де Монтеню на вопрос: поверят ли свидетельству домашних слуг сказанного сеньора в нашу пользу, он ответил, что да, при условии, если их уволят; но сразу же после этого их можно будет снова взять на службу. Замечательное хитроумие.

На следующий день, в воскресенье, из-за вчерашнего безобразия мы до обеда сменили гостиницу и остановились в «Вертеле», где нам было весьма хорошо. Сын капитана города, в

детстве ходивший в пажах у г-на де Мерю[147], постоянно был с господами за их трапезами и в других местах, хотя и не знал ни слова по-французски. Подача блюд на столы часто менялась. После убирания скатерти им часто подавали другие кушанья, новые, к стаканам вина: во-первых, *canaules*, как их называют гасконцы[148], затем пряники и наконец — нежный белый хлеб, нарезанный ломтиками, но не до конца, а в разрезах много пряностей с солью, которой присыпана также сверху хлебная корочка.

В этом краю необычайно много лепрозориев, и дороги полны прокаженными. В деревнях на завтрак работникам подают довольно плоские лепешки с укропом, а сверху кусочки мелко нарезанного сала и зубчики чеснока[149]. Среди немцев, когда хотят оказать честь человеку,

---

[147] Примечания: 147

Шарль де Монморанси, сеньор де Мерю, сын коннетабля Анна де Монморанси, был главным полковником швейцарцев.

[148] Примечания: 148

Canaules — окситанское название печенья в виде коронки; Фредерик Мистраль в своих «Сокровищах Фелибрижа» утверждал, что *manjacanaulas* (т. е. «поедатели канауласов») было насмешливым прозвищем борделезцев.

[149] Примечания: 149

Еще и сегодня во многих окситанских районах Франции едят такие лепешки (*fouaces* или *fogassas*) с кусочками сала, напоминающие немецкие.

всегда выбирают его левую сторону, в каком бы положении он ни находился, и почитают за обиду поместиться с правой стороны от него, говоря, что, желая уважить кого-либо, надо оставить ему правую сторону свободной, чтобы он мог схватиться за оружие. В воскресенье после обеда мы уехали из Констанца, а переправившись через озеро в одном лье от города, приехали на ночлег в

МАРКДОРФ, два лье, маленький католический городок под властью кельнского епископа, и поселились на почтовой станции, устроенной для проезда императора из Италии в Германию[150]. Там, как и во многих других местах, заполняют тюфяки листьями некоего дерева, которые служат лучше, чем солома, и сохраняются дольше. Город окружен обширной областью виноградников, и местные вина считаются очень хорошими.

В понедельник, 10 октября, после завтрака мы уехали оттуда, потому что хорошая погода побудила г-на де Монтеня изменить планы насчет поездки в Равенсбург и отклониться на один день, чтобы съездить в Линдау. Г-н де Монтень

---

[150] Примечания: 150

Имперская почтовая служба была организована семейством Таксис в начале XVI века.

никогда не завтракает, но ему приносят кусок сухого хлеба, который он ест по дороге, иногда с виноградом, если найдет; а в этом краю еще убирали урожай, поскольку страна полна виноградниками, в том числе и вокруг Линдау. Они поднимают свои лозы над землей на шпалеры, и поэтому здесь так много прекрасных, обрамленных зеленью дорог, которые очень красивы[151]. Мы проехали город, который называется Зонхем, имперский и католический, на берегу Констанцского озера[152]; в каковой город все товары из Ульма, Нюрнберга и прочих мест доставляются на телегах, а дальше рейнским водным путем, по озеру. В три часа пополудни мыдобрались до

ЛИНДАУ, три лье, маленький городок, расположенный в сотне шагов от берега озера, эти сто шагов проезжают по каменному мосту: это единственный вход, поскольку весь остальной город окружен озером. Он, пожалуй, в одно лье шириной, а за озером начинаются Граубюнденские горы. И в этом озере, и во всех окрестных

[151] Примечания: 151

Этот местный обычай выращивать виноград на шпалерах (которому следовали и в Италии) особенно привлекал внимание путешественников из Гаскони, где лозы растут низко.

[152] Примечания: 152

Лотре считал возможным отождествить Зонхем с Буххорном, который ныне называется Фридрихсхафен.

реках зимой уровень воды низкий, но летом они вздуваются из-за тающих снегов. Все женщины в этом краю носят на голове меховые шляпки или шапочки без полей, вроде наших скуфеек; сверху они покрыты каким-нибудь благородным мехом, «серым», например, а внутри ягнячьим, и стоит такая шапочка всего три тестона[153]. Прорезь, которая в наших шапочках спереди, у них сзади, и через нее видны их скрученные волосы[154]. Они также охотно обуваются в ботиночки, красные или белые, которые выглядят на них весьма недурно.

Здесь исповедуют две религии. Мы осмотрели католическую церковь, построенную в 866 году, где все осталось в целости и сохранности, и видели также церковь, которой пользуются пасторы. Все имперские города вольны иметь два вероисповедания, католическое и лютеранское, согласно воле жителей. Они более-менее привержены тому, которое выбрали. Как г-ну де Монтеню сказал священник, в Линдау име-

[153] Примечания: 153

«Серый» в данном случае — зимний мех северной белки. Teston — см. выше, с. 68, прим. 2.

[154] Примечания: 154

Эти шапочки, с прорезью сзади, позволяющей видеть скрученные волосы, напоминают шапочки с кокардой, уже описанные в заметках о Бадене, см. выше, с. 84, прим. 1.

ется всего два-три католика. Священникам тут не позволяют свободно получать свой доход и совершать богослужение, как это делают местные монахини[155]. Сказанный сьер де Монтень говорил также с пастором, от которого не так уж много узнал, кроме как об обычной ненависти к Цвингли и Кальвину. Утверждают, что на самом деле мало найдется городов, в верованиях которых не было бы какой-нибудь особенности, и под влиянием Мартина [Лютера], который признается ими вождем, они устраивают много диспутов об истолковании смысла его писаний[156].

Мы поселились в «Короне», хорошей гостинице. В облицовке печки тут имеется нечто похожее на птичью клетку (хотя это часть той же облицовки); оно способно вместить большое количество птиц: там даже подвешены латунные жердочки на всем внутреннем пространстве — от одного края печки до другого. Вся меблировка и отделка тут только из пихтового дерева, самого

[155] Примечания: 155

В аббатстве бенедиктинок, относившемся к империи, настоятельница которого оспаривала у города сеньориальную власть над его территорией.

[156] Примечания: 156

См. «Опыты», III, 13: «В Германии я убедился, что после Лютера его учение вызвало не меньше, а даже больше раздоров и споров, чем сам он высказал сомнений насчет истин Священного Писания».

распространенного в их лесах; но они его красят, покрывают лаком и лощат на удивление искусно и имеют даже волосяные веники[157], которыми смахивают пыль со своих скамеек и столов. У них большое изобилие кочанной капусты, которую они мелко рубят особым орудием, и, нарубив таким образом, набивают ее с солью в кадки, а затем всю зиму готовят с ней похлебки[158]. Здесь г-н де Монтень попробовал накрыться в постели периной по их обычаю, а попробовав, очень хвалил это применение, найдя, что это покрывало и теплое, и легкое. По его мнению, жаловаться на такой ночлег могут только люди изнеженные, однако те, кто укрываются матрасом, не знают, зачем держать занавеси в своем сундуке, и не нашлись бы, что на это сказать[159]; а что каса-

---

[157] Примечания: 157

Здесь: метелки из кабаньей щетины.

[158] Примечания: 158

Эти похлебки (то есть все то, что приготовлено в горшке, в отличие от жаркого, см. выше, с. 85, прим. 3) — конечно же, *Sauerkraut* (фр. *choucroute*); гастрономические привычки, отмеченные в нижеследующем пассаже (компот из яблок к некоторым видам мясных блюд, хлеб с тмином), по-прежнему присутствуют в кухне различных немецких областей.

[159] Примечания: 159

По поводу матрасов и занавесей для постели см. «Опыты», III, 13: «Немец плохо себя чувствует, лежа на матрасе, итальянец — на перине, а француз — если спит без занавесей и огня в камине».

ется еды на столе, то у них такое обилие снеди и они так разнообразят свою подачу множеством похлебок, соусов, салатов, чего нет в нашем обыкновении. Одни подавали нам похлебки из айвы, другие — из вареных, нарезанных кружочками яблок и салаты из кочанной капусты. Они подают также разнообразные похлебки, куда не надо крошить хлеба, рисовые, например, которые все едят сообща, потому что отдельно никому не подают, и все это такого хорошего вкуса в такой хорошей гостинице, что едва ли кухни нашего французского дворянства могут с этим сравниться, да и мало у кого залы так же украшены. У них тут изобилие хорошей рыбы, которую они подают одновременно с мясом, однако пренебрегают форелями и едят только их икру[160]; у них также много дичи, бекасов, молодых зайцев, которых они готовят совсем не так, как у нас, но по меньшей мере не хуже. Мы никогда не видывали столь нежной снеди, как та, что тут обычно подают. Они соединяют с подачей мяса вареные сливы, открытые пироги из груш и яблок и ставят на стол сначала жаркое, а похлебку в конце или наоборот. Из фруктов у них не только груши и яблоки, которые очень

[160] Примечания: 160

«Икра» *(le frai)* — исправление Лотре; в изначальном тексте — «печень» *(le foye)*.

хороши, есть еще орехи и сыр. Вместе с мясом они подают некий серебряный или оловянный судок о четырех ячейках, куда насыпают различные виды измельченных пряностей, а тмин или похожее на него семя, островатое и от которого тепло во рту, они примешивают к своему хлебу, а хлеб у них по большей части с укропом. После трапезы они вновь ставят на стол полные стаканы и за два-три раза подают то, что возбуждает жажду.

О своем путешествии г-н де Монтень сделал [с сожалением] три замечания: первое, что он не взял с собой повара, чтобы тот научился их приемам и смог однажды состряпать что-нибудь на пробу; другое, что он не взял с собой немецкого слугу или не искал общества какого-нибудь местного дворянина, потому что, будучи отдан на милость тупицы проводника, испытывал тут большое неудобство; третье, что перед путешествием не просмотрел книги, в которых мог бы почерпнуть сведения о редкостях и достопримечательностях каждого места, где при нем не было его Мюнстера или чего-нибудь друго-

го в дорожных сундуках[161]. На самом деле он примешивал к своему суждению и некоторую долю презрения к собственной стране, которая невольно внушала ему отвращение к себе, но по другим соображениям[162]; в общем, как бы то ни было, он предпочитал удобства этой страны, несравнимые с французскими, и вполне освоился с ними, даже с питьем неразбавленного водой вина. Что же касается питья вина на спор, то его приглашали к этому только из вежливости, и он никогда этого не делал[163].

Дороговизна в верхней Германии больше, чем во Франции; поскольку по нашему счету на содержание человека и коня уходит по меньшей мере один экю с солнцем[164]. Прежде всего хозяева оценивают трапезу за общим столом в четыре,

---

[161] Примечания: 161

В библиотеке Монтеня имелась «Всеобщая космография» Себастьяна Мюнстера; д-р Пейен разыскал экземпляр с его подписью и подчеркиваниями, которые он, вероятно, сделал по возвращении, хотя, конечно, они могли быть сделаны и перед отъездом в путешествие.

[162] Примечания: 162

В «Опытах», III, 9, Монтень указывает среди толкающих его к путешествиям причин «…отвращение к царящим в нашей стране нравам», порожденным из-за «…раздирающих Францию междоусобиц и распрей, в которые мы себя ввергли».

[163] Примечания: 163

О привычке Монтеня разбавлять вино водой см. выше, с. 77, прим. 2. А вот что он рассказывает в «Опытах», II, 17, про тот единственный раз, когда решился пить на спор (кто кого перепьет): «…приготовления к

тому, чтобы пить сверх моей обычной и естественной меры, настолько туго сдавили мне горло, что я так и не смог проглотить ни капли, лишив себя даже того, что привык выпивать за обедом».

[164] Примечания: 164

Экю с солнцем был золотым, название же его происходит из-за маленького солнца, изображенного над королевской короной.

пять, а то и шесть *батцев*[165]. Другую расходную статью они делают из всего, что выпивается до и после двух трапез и малейших приемов пищи; так заведено, потому что немцы обычно съезжают из гостиницы утром, не выпивая. Еда, которая подается после трапезы, и вино, которое при этом потребляется, — основной расход для постояльцев, за это им выставляют счет вместе с завтраком. На самом деле, учитывая щедрость их стола, и вина в частности, притом что оно тут крайне дорого и привозится из дальних мест, я нахожу эту дороговизну вполне извинительной. Постояльцы сами угощают служителей выпивкой и вынуждают их держать стол накрытым два-три часа кряду. Их вино подается во вместительной посудине, похожей на большие кувшины, и тут преступление видеть пустой стакан, не наполнив его тотчас же снова[166], причем никогда не водой, даже тем, кто об этом просит, разве что их очень уважают. Они ставят в счет овес для лошадей, а еще стойло, включая сюда

[165] Примечания: 165

См. выше, с. 88, прим. 2.

[166] Примечания: 166

См. «Опыты», II, 2: «Немцы, например, почти с одинаковым удовольствием пьют любое вино. Они его не смакуют, а стараются влить в себя побольше».

также сено. И предпочитают почти с первых же слов требовать то, что им надо, а не выгадывают, торгуясь[167]. Они бахвалы, гневливы и пьяницы, говорил г-н де Монтень, но не предатели и не воры. Мы уехали оттуда после завтрака и в два часа пополудни прибыли в

ВАНГЕН, два лье, где неприятность с вьючным мулом, который поранился, вынудила нас задержаться здесь, а назавтра нанять тележку за три экю в день: возчик, у которого было четыре лошади, кормился с этой суммы. Это маленький имперский городок, который никогда не соглашался принимать гарнизон другого вероисповедания, кроме католического, и в котором делаются столь знаменитые косы, что их продают вплоть до Лотарингии.

Он [г-н де Монтень] уехал оттуда назавтра, в среду утром, 12 октября, и свернул прямо на Трен-

[167] Примечания: 167

См. «Опыты», I, 14: «Для меня нет ничего ненавистнее, чем торговаться».

то[168], выбрав самый короткий и обычный путь, и мы приехали к обеду в

ИСНИ, два лье, маленький имперский городок, и очень приятно расположенный.

Г-н де Монтень по своему обыкновению поспешил разыскать здешнего ученого для беседы, и сказанный доктор пообедал вместе с ними. Он [г-н де Монтень] пришел к выводу, что весь народ тут — лютеране, и осмотрел лютеранскую церковь, незаконно отнятую ими, как и остальные в имперских городах, у католической церкви. Среди прочих речей, которые они вместе вели по поводу таинств евхаристии, г-н де Монтень заметил, что некоторые кальвинисты осведомили его по дороге, что лютеране примешивают к прежним мнениям Мартина [Лютера] многие чужие заблуждения, например, убиквизм[169], который утверждает, что тело Христово повсюду, а зна-

---

[168] Примечания: 168

Город в Северной Италии, который называли также Трентом или Тридентом от лат. *Tridentum*; место проведения XIX Вселенского (Тридентского) собора католической церкви, открывшегося по инициативе папы Павла III 13 декабря 1545 года и закрывшегося 4 декабря 1563 года, в понтификат Пия IV. Был одним из важнейших соборов в истории католической церкви, так как собрался ради того, чтобы оказать сопротивление Реформации.

[169] Примечания: 169

С точки зрения католицизма — лютеранская ересь, согласно которой тело Христово присутствует в евхаристии лишь по причине присущей божеству вездесущности.

чит, и в гостии; и через это они впадают в ту же цвинглианскую несуразицу, хотя и пришли к ней разными путями: один — потому что слишком экономил присутствие тела, другой — потому что слишком его расточал, ибо по этому счету таинство причастия не имеет никакого преимущества над телом Церкви, где довольно собрать всего лишь трех хороших человек[170]; и их главные доводы состоят [во-первых] в том, что если неотделимая от тела божественность вездесуща, то и тело, следовательно, тоже. А во-вторых, что Иисус Христос, будучи всегда по правую руку от Бога, на самом деле повсюду, тем более что и десница Божия, то есть его могущество, присутствует повсюду. Этот ученый муж изо всех сил отвергал словесно это обвинение и защищался от него, как от клеветы, хотя на самом деле г-ну де Монтеню показалось, что он делал это не так уж хорошо.

Он составил компанию г-ну де Монтеню, когда тот поехал посмотреть очень красивый и пышный монастырь[171], и вошел туда, когда

[170] Примечания: 170

См. Евангелие от Матфея: «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

[171] Примечания: 171

Бенедиктинское аббатство, перестроенное в XVII веке и после этого превращенное в замок.

там служили мессу, даже не обнажив головы, и так присутствовал, пока г-да д'Эстиссак и де Монтень молились. Они спустились в подвал аббатства, чтобы осмотреть длинный круглый камень без всякой отделки, отколотый, похоже, от какой-то колонны, на котором сделана очень разборчивыми латинскими буквами надпись, что императоры Пертинакс и Антонин Вер обновили дороги и мосты в одиннадцати милях от Кампидонума, который теперь зовется Кемптен, где мы собирались переночевать. Этот камень мог оказаться там с починенной дороги[172], поскольку они утверждают, что сказанный город Исни не очень древний. Тем не менее, осмотрев улицы Кемптена со всех сторон, и помимо того, что в нем нет никакого моста, мы не смогли обнаружить следов какого-либо мощения, достойного участия рабочих. Тут есть несколько изрезанных гор, но это никак не большая [каменная] выработка.

КЕМПТЕН, три лье, город размером с Сент-

[172] Примечания: 172

Этот обломок колонны мог быть найден в окрестностях Кемптена, на месте дорожных работ, о которых сообщает латинская надпись. У Моммзена в *Corpus inscriptorum* он упоминается в собрании Аугсбургского музея.

Фуа[173], очень красивый, многолюдный и богато живущий. Мы остановились в «Медведе», прекрасной гостинице. Там в наше распоряжение предоставили большие и разнообразные серебряные чаши (которые используются только в качестве украшения, изрядно сработанные и усеянные гербами разных сеньоров), каких не встретишь и во многих хороших домах. Там подтвердилось то, что г-н де Монтень говорил в другом месте[174]: они забывают наше, поскольку пренебрегают им; ведь, имея большое изобилие оловянной посуды, начищенной, как в замке Монтень, они подают только деревянные тарелки, на самом деле весьма вылощенные и очень красивые. На сиденья по всей этой стране они кладут подушки, а большая часть их оштукатуренных потолков сводчатые, в виде полумесяца, что придает им прекрасное изящество. Если вначале мы жаловались касательно белья, то потом в нем уже никогда не было недостатка и мне не приходилось раздобывать его, чтобы сделать

[173] Примечания: 173

Сент-Фуа-ла-Гранд расположен на реке Дордони неподалеку от замка Монтень.

[174] Примечания: 174

А именно в Базеле, см. выше: что у них вполне хватает серебряной посуды, а деревом они пользуются только по привычке.

занавеси на постель для моего хозяина[175], а если ему тут не хватало салфетки, ее меняли ему несколько раз[176].

В этом городе имеется некий купец, который ведет торговлю полотном на сто тысяч флоринов. После Констанца г-н де Монтень намеревался посетить этот швейцарский кантон, откуда по всему христианскому миру расходится полотно, вот только, чтобы вернуться в Линдау, ему пришлось бы три-четыре часа плыть через озеро[177].

Это лютеранский город, а странного в нем вот что: тут, как и в Исни, служба служится в католической церкви очень торжественно, а поскольку назавтра утром был четверг, рабочий день, мессу служили в аббатстве вне города, так же как ее служат в соборе Парижской Богоматери на Пасху, с музыкой и органом, но где собираются только монахи. Народ за пределами имперского города не получил свободы менять религию. Эти прихо-

---

[175] Примечания: 175

Из этого замечания видно, что *секретарь* Монтеня был его личным слугой, скорее всего, камердинером.

[176] Примечания: 176

В Бадене Монтень жаловался, что столовые салфетки слишком малы (см. выше, с. 85, прим. 2). Обилие же белья в Кемптене объясняется торговлей полотном и процветающей текстильной промышленностью кантона Аппенцель, о которой пойдет речь в следующем абзаце.

[177] Примечания: 177

Монтень плохо переносил лодки, см. «Опыты», III, 6.

дят сюда на службу в праздники[178]. Это очень красивое аббатство. Аббат держит его в качестве княжества, и оно приносит ему пятьдесят тысяч флоринов ренты. Он из дома Штейнов. Все монахи по необходимости дворяне. Хильдегарда, жена Карла Великого, основала его в 783 году, в нем же и была похоронена, почитается святой; ее мощи извлекли из некоего подвала, где они хранились, и поместили в раку.

В тот же четверг утром г-н де Монтень сходил в лютеранскую церковь, похожую на другие церкви их секты, а также гугенотские, разве что на месте алтаря, который поставлен во главе нефа, имеется несколько деревянных скамей с нижними подлокотниками, чтобы те, кто получает причастие, могли преклонить колена, как они и делают. Он повстречал там двух старых пасторов, один из которых читал на немецком проповедь собравшейся пастве, совсем небольшой. Когда он закончил, они запели псалом по-немецки; само пение немного отличалось от нашего. При каждом стихе вступал орган, поставленный недавно,

---

[178] Примечания: 178

Имеются в виду загородные и деревенские жители, которые, оставшись католиками, ходили к мессе в аббатство Сент-Ильдегард (Sainte-Hildegarde; Хильдегарда — имя третьей жены Карла Великого). Это аббатство принадлежало Империи; аббат, носивший титул герцога Кемптенского, был князем Священной Империи.

очень красивый, музыка которого гармонично сочеталась с песнопением; сколько раз проповедник поминал Иисуса Христа, столько раз народ обнажал голову. После проповеди другой священнослужитель встал у этого алтаря, повернувшись лицом к народу и держа книгу в руке; к нему подошла молодая женщина с непокрытой головой и распущенными волосами, сделала небольшой реверанс, как принято в их стране, и осталась там стоять одна. Вскоре после этого некий юноша, ремесленник, со шпагой на боку, тоже подошел к алтарю и встал рядом с женщиной. Пастор им обоим сказал какие-то слова на ухо, потом приказал, чтобы каждый из них произнес «Отче наш», а потом стал читать по книге. Это были наставления для людей, которые вступают в брак, после чего велел им коснуться руки друг друга, не целуясь.

Сделав это, он пошел прочь, но г-н де Монтень перехватил его, и они долго беседовали; он отвел сказанного сьера [де Монтеня] к себе домой, в красивый и весьма удобный кабинет; его имя Йоханнес Тилианус Аугустанус. Сказанный сьер [де Монтень] спросил его о новом *Исповедании*, принятом лютеранами, которое подписали все поддержавшие его ученые доктора и князья, но

тот оказался не на латыни[179]. Когда они выходили из церкви, музыканты, игравшие на скрипках и тамбуринах, сопровождая новобрачных, выходили с другой стороны. На вопрос, заданный пастору, позволяют ли они танцы, тот ответил: почему бы и нет? На это: почему на стеклах и в этом новом здании с органом они велели изобразить Иисуса Христа и сделали много других изображений? — Они не запрещают изображения, служащие для просвещения людей, лишь бы они им не поклонялись. На это: Почему же они убрали прежние изображения из церквей? — Это не они, а их добрые ученики цвинглианцы, подстрекаемые злым духом, прошли здесь раньше них, они-то и совершили это разорение, как и многие другие; тот же самый ответ давали и другие, того же вероисповедания, сказанному сьеру [де Монтеню], даже доктор из Исни, которого он спросил, ненавидит ли тот изображение крестного распятия, вдруг возопил: «Как могу я быть таким безбожником, чтобы ненавидеть

[179] Примечания: 179

Здесь имеется в виду новая редакция так называемой «Формулы согласия», то есть формулы религиозного мира 1577 года, опубликованная в 1580 году. Монтень, не зная немецкого, не смог ознакомиться с ней. Беседа с пастором, назвавшимся латинизированным именем Йоханнес Тилианус Аугустанус (то есть Аугсбургский), наверняка проходила на латыни.

этот столь священный и славный для христиан образ! Что за диавольское измышление!» И он же со всей откровенностью сказал за обедом, что предпочел бы лучше прослушать сто месс, чем участвовать в кальвинистском причастии.

В том месте нам подали белых зайцев. Город расположен на реке Иллер, мы отобедали там в сказанный четверг и через гористую бесплодную местность приехали на ночлег в

ПФРОНТЕН, четыре лье, маленькая католическая деревенька, которая принадлежит, как и все остальное в этом краю, эрцгерцогу Австрийскому.

Я забыл упомянуть о достопримечательности Линдау: на входе в город имеется большая стена, которая свидетельствует о большой древности, где я не заметил никаких надписей. Как я понимаю, ее название по-немецки значит *старая стена*, которое, как мне сказали, из-за этой древности и происходит[180].

В пятницу утром, хотя гостиница была весьма убогой, это не помешало нам найти достаточно

---

[180] Примечания: 180

Römermauer (римская стена) до сих пор существует в Линдау, равно как и Römerschanze (римский бастион) к востоку от гавани. Само упоминание достопримечательности в этом месте «Дневника» свидетельствует, скорее всего, о спонтанном дополнении, продиктованном самим Монтенем, контролировавшим его написание.

съестного. Их обычай — никогда не согревать ни белье, чтобы лечь в постель, ни одежду, чтобы встать; и они оскорбляются, когда ради этого разжигают огонь на их кухне или пользуются тем, что там уже есть; из-за чего случилась одна из самых больших ссор, которые у нас были в этой гостинице. Там, среди гор и лесов, где десять тысяч футов пихты не стоят и полусотни солей, они не хотели нам позволить, в отличие от прочих мест, чтобы мы разжигали огонь.

В пятницу утром мы уехали и, свернув налево, двинулись по более пологому пути, оставив горную тропу, ведущую напрямик к Тренто. Г-н де Монтень прежде желал отклониться на несколько дней, чтобы увидеть некоторые красивые города Германии, но в Вангене передумал и отказался от своей первоначальной затеи поехать туда, а выбрал этот другой путь. По дороге нам попались, как и во многих других местах, водяные мельницы, которые получают воду только из деревянного желоба, прислоненного к склону, куда она попадает от подножия некоторой вершины, а потом, будучи довольно высоко над землей, по весьма прямому пути, который этот желоб имеет в конце, ее течение низвергается вниз; и приехали к обеду в

ФЮССЕН, одно лье. Это маленький католический городок, принадлежащий епископу Аугусты[181]. Мы там нашли много людей из свиты эрцгерцога Австрийского, который оказался в соседнем оттуда замке вместе с герцогом Баварским[182].

Там, на берегу Леха, мы поставили свои дорожные сундуки, и я вместе с остальными, чтобы отправить их в Аугсбург на *флотоне*, как они тут его называют, — это соединенные вместе бревна, которые собирают в здешней гавани. Там имеется аббатство, господам показывали чашу и епитрахиль, которые тут почитают за реликвии святого, которого они называют Магнус и говорят, что он был сыном короля Шотландии и учеником Коломбануса. Для этого Магнуса Пипин [Короткий] основал этот монастырь и сделал его первым настоятелем, о чем там имеется надпись, начертанная вверху нефа, а над сказанной надписью — музыкальные ноты, дабы ее можно было

---

[181] Примечания: 181

То есть Аугсбурга; о названии «Аугуста» см. выше, с. 87, прим. 2.

[182] Примечания: 182

Ближайший к Фюссену замок — это Хоэншвангау, названный некогда Шванштайн; со временем он пришел в упадок и в 1832 году был воссоздан в неоготическом стиле по приказу будущего короля Максимилиана II Баварского. Ниже, уже в следующем абзаце: *floton* — искаженное *floss* (нем.) — плот.

пропеть: *Comperta virtute beati Magni fama, Pipinus Princeps locum quem Sanctus incoluit regia largitate donavit*[183]. С тех пор его обогатил Карл Великий, как также написано в сказанном монастыре. После обеда и те и другие[184] прибыли на ночлег в

ШОНГАУ, четыре лье, маленький городок герцога Баварского, следовательно, точно католический, поскольку этот властитель более чем кто-либо в Германии был заинтересован в том, чтобы удержать свою юрисдикцию чистой от заразы, и упорствовал в этом[185].

«Звезда» — хорошая гостиница, и с новой церемонией: тут на квадратные столы солонки ставят на одни два угла, а подсвечники — на два других, делая крест Святого Андрея. Они никогда не подают яиц, по крайней мере, пока не пода-

---

[183] Примечания: 183

«Узнав из молвы о добродетелях блаженного Магнуса, властитель Пипин наполнил королевскими щедротами место, где обитал святой». Это старинное бенедиктинское аббатство, основанное в VIII веке Магнусом, сподвижником святого Коломбана, и которое обогатили Пипин Короткий (отец Карла Великого) и сам Карл Великий, расположено у подножия замка, который возвышается над Фюссеном.

[184] Примечания: 184

...и те и другие — это господа, ехавшие по суше, и слуги, плывшие на плоту вместе с *секретарем*, который присматривал за багажом. Таким образом, весь отрывок об аббатстве, включая приведенную латинскую надпись, был надиктован Монтенем позже.

[185] Примечания: 185

Имеется в виду область, на которую распространяется его юрисдик-

ция. Согласно принципу *cuius regio, eius religio* подданные следовали в религии за своим государем. Этот компромисс, установленный Аугсбургским религиозным миром в 1555 году, сломал религиозное единство германских государств, разделив Империю между двумя конфессиями.

вали, разве что в салатах, сваренные вкрутую и разрезанные на четыре части, а салаты у них очень хороши, и травы очень свежие; вино они подают молодое, обычно сразу после того, как все съедено; а молотят зерно в ригах по мере надобности и бьют его большим цепом. В субботу мы приехали к обеду в

ЛАНДСБЕРГ, четыре лье, маленький городок сказанного герцога Баварского, расположенный на уже упомянутой реке Лех, очень красивый своей соразмерностью, с предместьем и замком. Мы приехали туда в рыночный день, когда там было множество народа; а посредине весьма большой площади там имеется фонтан, вода из которого через трубки бьет в высоту на одну пику и очень искусно рассеивает ее во все стороны в зависимости от изгиба трубок[186]. Там имеется очень красивая церковь, которой пользуются и город, и предместье, расположенные, как и замок, на холме, круто обрывающемся к реке[187].

Г-н де Монтень пошел взглянуть на коллегию иезуитов, которые весьма хорошо устроились в

---

[186] Примечания: 186

Фонтан Девы Марии на Ратушной площади. Насчет «пики» см. выше, с. 90, прим. 1.

[187] Примечания: 187

Старинная готическая церковь Успения Богородицы.

совсем новом здании, а теперь строят прекрасную церковь. Г-н де Монтень занимал их беседой в зависимости от того, каким досугом располагал. В замке начальствует граф Хельфештейн. Если кто-то исповедует здесь другую религию, кроме римской, ему следует помалкивать.

На воротах, которые отделяют город от предместья, имеется большая латинская надпись от 1552 года, где говорится в следующих выражениях, что *Senatus Populusque* этого города возвели этот монумент в память о братьях Вильгельме и Людвиге, герцогах *utriusque Boïariæ*[188]. В этом месте имеется много надписей, таких как вот эта: *horridum militem esse decet, nec auro coelatum, sed animo & ferro fretum;* и сверху: *caveat stultorum mundus*[189]. А на другом месте, весьма заметном, слова, извлеченные из латинского историка о победе, которую консул Марцелл потерял в битве против царя этого племени: *Carolami Boïorumque*

[188] Примечания: 188

Senatus Populusque — «Сенат и народ» (римская формула); *utriusque Boïariæ* — «…обоих герцогов Баварских»: это Вильгельм IV, герцог Баварский с 1508 по 1550 год, и его брат Людвиг, герцог Нижней Баварии, умерший в 1545 году.

[189] Примечания: 189

«Солдату подобает быть суровым и украшенным не чеканным золотом, а храбростью и железом»; «мир — клетка для безумцев».

Regis cum Marcello Cos. pugna qua eum vicit[190] и так далее. Имеется много других хороших надписей на частных воротах. Они часто освежают краску в своих городах, что придает их облику и церквям цветущий вид. А поскольку они помечают датой свою работу, то в названном месте к нашему приезду, как и везде, где мы побывали, они за три-четыре года были почти все обновлены. Часы в этом городе, как и во многих других в этом краю, звонят каждую четверть часа (а в Нюрнберге, как говорят, они вызванивают даже минуты). Мы уехали оттуда после обеда и по длинной равнине с пастбищами, однообразной, как равнина в Босе, прибыли в

АУГСБУРГ, четыре лье, который считается самым красивым городом Германии[191], как

---

[190] Примечания: 190

«Битва, в которой этот Карломан, царь бойев, победил консула Марцелла» (в 196 году до н. э., Тит Ливий, «История», XXXIII, 36). — В этом рассказе, включающем латинские цитаты, мы снова слышим голос самого Монтеня.

[191] Примечания: 191

Аугсбург, основанный императором Августом и изначально называвшийся Augusta Vindelicum или Municipium Aelia Augusta, был самым процветающим римским поселением на севере Империи. К XVI веку он сделался одним из главных торгово-промышленных центров Европы и приобрел также большое значение в религиозной истории: Лютер изложил там свои доктрины на сейме 1518 года, и мы уже упоминали Аугсбургское исповедание (1530) и Аугсбургский мир (1555). Оставался вольным городом вплоть до 1806 года, когда Наполеон передал его Баварии. Аугсбург сохранил от своего прошлого много замечательных

памятников.

Страсбург — самым укрепленным.

Первая же странность, с которой мы столкнулись по приезде, но показывающая их стремление к чистоте, это ступени винтовой лестницы в нашей гостинице, все покрытые тряпками, по которым нам пришлось ступать, чтобы не напачкать, поскольку их недавно мыли и скоблили, как они делают каждую субботу. Мы ни разу не замечали в наших комнатах ни пауков, ни грязи; в некоторых на окнах имеются даже занавеси, чтобы задергивать их, если кто хочет. Зато совсем нет столов, кроме тех, что прикреплены к ножке каждой кровати, будучи навешены на штырях, и поднимаются и опускаются как угодно. Остов кроватей весьма красивый и покрыт резьбой, в изножии и изголовье одинаковой высоты, на двух-трехфутовых ножках; но наш орех намного превосходит их пихту. Тут тоже ставят оловянные, очень блестящие тарелки под деревянными, из пренебрежения; и часто кладут возле стены, рядом с кроватями, белье и занавеси, чтобы их стены не пачкали плевками. Немцы очень любят гербы: поэтому во всех гостиницах их тьма-тьмущая, заезжие дворяне из местных оставляют их на стенах, да и на всех стеклах они тут тоже имеются. Порядок подачи блюд часто

меняют; здесь раки подаются в первую очередь, хотя во всех других местах под конец, и весьма необычного размера. Во многих больших гостиницах их подают под крышкой[192]. А стекла у них такие блестящие из-за того, что оконные рамы тут крепятся совсем не по-нашему, а могут двигаться, когда им нужно[193], так что они моют их довольно часто.

Г-н де Монтень, поскольку на следующий день было воскресенье, с утра осмотрел несколько церквей, в том числе у католиков, которых тут много, и повсюду нашел службу весьма хорошо проведенной. Здесь имеется шесть лютеранских и шестнадцать пасторов; две из шести захвачены у католиков, четыре построены ими самими. Одну он видел этим утром, она выглядит как большой зал какой-нибудь коллегии: ни изображений, ни органа, ни креста[194]. На стене много

---

[192] Примечания: 192

Подача кушаний на блюде, закрытом крышкой, обычно практиковалась за столом монархов и вельмож, чтобы избежать попыток отравления.

[193] Примечания: 193

Во Франции оконные рамы вставлялись намертво, без петель, благодаря которым их можно было открыть и помыть.

[194] Примечания: 194

В «Опытах», II, 12, Монтень неоднократно возвращается к пустоте протестантских храмов и рассуждает об эмоциональной ценности украшений и музыки в католических церемониях.

изречений на немецком, отрывки из Библии; две кафедры, одна для священнослужителя, который читает проповедь, а под первой — вторая для того, кто руководит пением псалмов. На каждом стихе они ждут, чтобы он задал тон следующему; но поют вразнобой, кому как заблагорассудится, заглушая друг друга. После этого пастор поспешил к алтарю, где прочитал много молитв по книге, и на некоторых молитвах народ вставал, складывал руки и низко кланялся во имя Иисуса Христа. Закончив читать с непокрытой головой, он положил на алтарь салфетку, поставил туда кувшин и соусник с водой. Некая женщина, за которой следовала дюжина других, предъявила ему спеленутого ребенка с открытым лицом. Пастор трижды обмакнул пальцы в соусник и побрызгал на лицо ребенка, сказав несколько слов. Когда это было сделано, к ним приблизились двое мужчин, и каждый прикоснулся к ребенку двумя пальцами правой руки: пастор что-то сказал им, и все.

По выходе г-н де Монтень заговорил с этим священнослужителем. Пасторы здесь не касаются никакого церковного дохода, Сенат платит им публично; в этой одной церкви народу было гораздо больше, чем в двух-трех католических. Мы не увидели ни одной красивой женщины,

их платья весьма отличаются одно от другого; зато среди мужчин трудно отличить дворян, тем более что тут люди всякого рода носят бархатные шапочки и все со шпагой на боку.

Мы поселились в гостинице под вывеской с изображением дерева, которое в этой стране называется *linde*[195], примыкающей к дворцу Фуггеров[196]. Один из этого рода несколько лет назад умер, оставив своим наследникам два миллиона полновесных французских экю; а эти наследники стали постоянно давать здешним иезуитам за молитвы о его душе тридцать тысяч флоринов, к чему те очень быстро привыкли[197]. Сказанный дом Фуггеров крыт медью. Обычно дома тут гораздо красивее, больше и выше, чем в любом городе Франции, а улицы гораздо шире; он

---

[195] Примечания: 195

Linde (нем.) — липа.

[196] Примечания: 196

Фуггеры были династией известных по всей Европе банкиров, которую основал рабочий-ткач, поселившийся в Аугсбурге в XIV веке. Поддерживая дело католиков, они часто ссужали значительные суммы Максимилиану, Карлу V и Филиппу II. Будучи возведены в дворянское достоинство за свои услуги, они даже получили право чеканить монету. Их построенный в 1512–1515 годах дворец, рядом с которым остановился Монтень, до сих пор существует, равно как и *Fuggerei* (который в «Дневнике» не упоминается) — это был своего рода рабочий поселок с ничтожной платой за жилье, основанный около 1520 года Георгом и Ульрихом Фуггерами.

[197] Примечания: 197

Иезуиты вновь обосновались в Аугсбурге в 1573 году, а этот Фуггер, вскоре умерший, возможно, Якоб (1516–1575), известный своим меценатством.

[г-н де Монтень] нашел, что Аугсбург размером с Орлеан.

После обеда мы пошли посмотреть, как фехтуют в общественном зале, где было очень многолюдно, и там платят за вход, как в балаган к фиглярам, и, кроме того, там сиденья — простые скамьи. Сражались кинжалом, шпагой в обеих руках, палкой о двух концах, бракемаром[198]; а потом в месте еще более восхитительном, чем в Шаффхаузене, видели соревнования с призом по стрельбе из арбалета и лука.

Вернувшись оттуда к городским воротам и въехав через них в город, мы увидели, что под мостом, где нам пришлось проехать, проложен большой канал, куда вода попадает из-за городских стен и течет дальше по деревянному мосту над городским рвом, который наполнен речными водами[199], а под этим мостом ходят люди. Вода этого канала вертит множество колес, приводящих в действие насосы, которые по двум свинцовым трубам качают воду из источника, довольно низкого в этом месте, на самый верх

[198] Примечания: 198

Бракемар *(braquemart)* — обоюдоострый короткий и широкий меч.

[199] Примечания: 199

Река, вода которой отведена в ров, — это Лех. Внимание Монтеня опять привлекают гидротехнические сооружения.

башни по меньшей мере пятидесяти футов высоты. Там она изливается в большую каменную емкость, и из этой емкости по многим желобам стекает вниз, и оттуда распределяется по городу, в котором благодаря этому единственному средству полно источников воды. Частным людям, желающим приобрести такой отвод для себя лично, это дозволяется, надо только заплатить городу двести флоринов сразу или назначить ему десять флоринов ренты. Уже сорок лет, как тут пользуются этим прекрасным устройством.

Бракосочетания католиков с лютеранами тут — обычное дело, и тот, кто этого больше желает, подчиняется закону другого; и таких браков множество: наш хозяин был католиком, а его жена — лютеранка. Они чистят стекла метелкой из щетины на длинной палке. Говорят, что здесь имеются очень красивые лошади за сорок — пятьдесят экю.

Городские власти оказали честь г-дам д'Эстиссаку и де Монтеню, отправив им к ужину четырнадцать больших кувшинов, полных вина, которое доставили семь приставов в ливрее вместе с почтенным магистратом, которого пригласили к ужину, потому что таков местный обычай; и носильщикам тоже кое-что перепало: они по-

лучили экю. Магистрат, который ужинал вместе с господами, сказал г-ну де Монтеню, что в этом городе решено почтить таким образом всего троих именитых чужестранцев, а посему в заботе об их достоинстве соблюдаются подобающие церемонии: одним дают больше вина, нежели другим. Один из бургомистров поднес это какому-то герцогу; а нас они приняли за баронов и рыцарей. Г-н де Монтень по каким-то причинам захотел, чтобы мы [*т. е. слуги*] схитрили, не рассказывали, кто они такие на самом деле, и в течение дня прогуливался по городу один; он считал, что само это побуждает других к большему уважению[200]. Эту честь им оказывали все города Германии.

Когда он зашел в церковь Богоматери, до крайности замерзнув и держа платок у носа (потому что, начиная с Кемптена, холода начали кусаться, а до этого было тепло, насколько возможно), то даже не подумал об этом, полагая, что никто не обратит на него внимания и не будет остерегаться, поскольку он тут один и одет совсем не по

[200] Примечания: 200

Выдвигались довольно смелые гипотезы о причинах, которые побуждали Монтеня сохранять инкогнито, ему приписывали даже роль тайного политического агента, что, правда, не находит никаких подтверждений. Может, это было вызвано просто его желанием «не бросаться в глаза», чтобы лучше слиться со средой и наблюдать ее изнутри в свое удовольствие (см. ниже). Однако и тут и там, как видим, это привело к совершенно противоположным результатам.

погоде. Когда же люди больше привыкли к нему, они ему сказали, что церковникам такая повадка показалась странной. В общем, он совершил как раз то, чего более всего избегал: сделаться заметным каким-нибудь образом, который враждебен вкусам тех, кто его видел, потому что, хоть и оставаясь таким, какой есть, он всегда сообразуется с обычаями того места, где находится, и в Аугусте, гуляя по улицам, носил подбитую мехом шапочку.

Они в Аугусте говорят, что избавлены если не от мышей, то от больших крыс, каковой напастью захлестнуло остальную Германию; и рассказывают о многих связанных с этим чудесах, приписывая сию благодать одному из своих епископов, который похоронен в их земле, а землю с его могилы они продают малыми комочками размером с орех и утверждают, что можно изгнать эту нечисть из любой области, куда бы эту землю ни принесли[201].

В понедельник мы были в церкви Богоматери, чтобы посмотреть на торжественное бракосочетание некоей богатой, но безобразной девицы из города с приказчиком Фуггеров, венецианцем:

---

[201] Примечания: 201

В Германии многие легенды касаются крыс и способов избавления от них, но конкретно об этой легенде сведений не сохранилось.

мы там не увидели ни одной красивой женщины. Фуггеры, которые многочисленны и все очень богаты, занимают в этом городе все первейшие ряды. Мы видели также два зала в их доме: один высокий, большой, мощенный мрамором, другой низкий, со множеством древних и современных медалей, с маленькой комнаткой в самом конце. Это самые богатые помещения, какие я когда-либо видел. Мы видели также танцы в этой ассамблее: это были только *аллеманды*[202]. Они то и дело прерывают их и возвращают дам обратно на их скамьи, обтянутые красным сукном и расставленные по бокам зала в два ряда: кавалеры тут не смешиваются с дамами. Сделав маленькую передышку, они возобновляют танцы, поцеловав себе руки[203], а дамы их принимают, не целуя свои, потом, положив им руку под мышку, обнимают их и прижимаются щекой сбоку, а те кладут им правую руку на плечо. Они танцуют, поддерживая друг друга, без всяких

---

[202] Примечания: 202

Аллеманды (фр. *allemandes*) — досл. «немецкие»; старинные танцы на три такта.

[203] Примечания: 203

В «Опытах», I, 43, Монтень выступает против обычая целовать себе руки перед приветствием: «Пусть они откажутся… от обычая целовать… *свои пальцы* перед тем, как сделать приветственный жест, — в старину такая церемония была в ходу лишь по отношению к принцам».

головных уборов и не слишком богато одетые.

Мы видели и другие дома этих Фуггеров в других местах города, содержание и украшение которых обходятся им недешево: это летние дома для удовольствий и развлечения. В одном мы видели часы, в которых движителем является вода, служащая противовесом. А также два больших рыбных пруда, полных рыбы, накрытых кровлей, двадцати шагов в квадрате. Со всех четырех сторон у каждого пруда имеется много маленьких трубок, одни прямые, другие изогнутые кверху: через все эти трубки изливается вода, весьма приятно для глаз, через одни горизонтально, а из остальных бьют вверх на высоту одной пики. Между двумя прудами имеется пространство в десять шагов с дощатым настилом, и в досках этого настила имеется много маленьких, обрамленных медью дырочек, совершенно незаметных. И вот, когда дамы забавляются, любуясь, как играет эта рыба, остается лишь привести в действие некую скрытую пружину: внезапно через все эти дырочки бьют тонкие и упругие струйки воды на высоту человеческого роста, окатывая этой прохладой дамские исподние юбки вместе с ягодицами. В другом месте, где имеется трубка такого занятного фонтана, пока вы, да и кто угод-

но, смотрите на него, вам в лицо вдруг отовсюду брызжут тонкие струйки воды из маленьких неразличимых трубочек, и там есть вот эта латинская надпись: *Quæsisti nugas, nugis gaudeto repertis*[204]. Имеется там также вольер двадцати шагов в квадрате, двенадцати — пятнадцати футов высоты, закрытый со всех сторон латунной проволокой, весьма искусно завязанной и переплетенной; внутри десять — двенадцать пихт и фонтан; и все это полно птицами. Мы видели там польских голубей, которых тут называют индийскими, я видел таких и в других местах: они большие и у них клюв как у куропатки. Мы оценили также предусмотрительность садовника, который в ожидании возможной грозы или заморозков перенес в маленький сарайчик множество артишоков, капусты, латука, шпината, цикория и прочих растений, собранных будто для еды, и воткнул их стебли в определенную почву, надеясь сохранить их пригодными и свежими месяца два-три. И в самом деле, так у него была сотня ничуть не увядших артишоков, а если бы он просто срезал их, то этого хватило бы разве

[204] Примечания: 204

«Ты искал развлечения, так вот оно — наслаждайся». Эти фонтаны-шутихи тогда вошли в моду, см. далее описание тех, которые Монтень видел при посещении знаменитых итальянских вилл.

что на шесть недель. Мы видели также некий свинцовый, изогнутый и открытый с двух сторон инструмент с отверстиями. [Если], наполнив эту трубку водой, держать ее обоими отверстиями кверху, а потом резко и проворно перевернуть ее так, чтобы один конец набирал воду в наполненной ею посудине, то из другого она польется наружу: когда воде задано это истечение, она, дабы избежать пустоты, все время будет наполнять канал и беспрерывно вытекать[205]. Герб Фуггеров, который император Карл V пожаловал им, возведя их во дворянское звание, — это разбитый пополам щит, слева лазурная лилия на золотом поле, справа золотая лилия на лазурном поле[206].

Мы пошли повидаться с людьми, сопровождавшими из Венеции к герцогу Саксонскому пару страусов: черного самца с красной шеей и сероватую самку, которая несет много яиц. Они ведут их пешком и говорят, что эти животины устают меньше, чем они сами, и вынуждены уворачиваться от всех их ударов, когда те затевают лягаться; но они держат их с помощью хомута и

---

[205] Примечания: 205
Собственно, это описание сифона и принципа его действия.

[206] Примечания: 206
См. выше, с. 116, прим. 1.

постромок, натянутых над птичьими ляжками и плечами, охватывая все тело, а также длинных поводьев, которыми они их останавливают или заставляют сворачивать по своему усмотрению.

Во вторник благодаря необычайной любезности городских властей нам показали окольные ворота, которые имеются в сказанном городе и через которые тут во всякое время ночи принимают хоть пешего, хоть конного, кто хочет войти, лишь бы сообщил свое имя и адрес, у кого он проживает в этом городе, или название городской гостиницы, которую ищет. Этим окольным входом ведают два верных человека, нанятых городом. Верховые платят за въезд два батца[207], пешие проходят за один. Эти ворота, куда проникают снаружи, обиты железом, и сбоку у них имеется железная рукоятка с присоединенной цепью, за которую надо потянуть. Эта цепь по весьма долгому пути со многими поворотами сообщается с очень высоким помещением для привратников, где дергает колокольчик. Привратник со своей лежанки в одной рубашке тянет на себя другую рукоятку и открывает эту первую дверь, которая находится более чем в доброй сотне шагов от

[207] Примечания: 207
См. выше, с. 88, прим. 2.

его караульни. Тот, кто входит, оказывается на крытом мосту над городским рвом длиной примерно сорок шагов, вдоль которого двигаются рычаги, открывшие эту первую дверь, и та вдруг захлопывается за спиной вошедших. Когда этот мост пройден, они оказываются на маленькой площадке, где говорят с первым привратником и называют свое имя и свой адрес. Выслушав это, привратник посредством колокольчика предупреждает своего напарника, который помещается этажом ниже, в большом помещении, и этот второй привратник с помощью пружины в галерее, прилегающей к его караульне, открывает в первом месте небольшой железный барьер, а потом с помощью большого колеса поднимает подъемный мост, притом что ничего этого нельзя заметить, потому что все движения происходят в толще стен и ворот, и вдруг все это с грохотом закрывается. Потом со своего поста открывает большую, весьма толстую дверь из дерева, усиленную многими железными пластинами. Пришелец, который на всем своем пути не видит никого, с кем можно было бы перемолвиться словом, оказывается запертым в некоем зале. После этого ему открывают другую, похожую дверь; он входит во второй зал, где имеется свет, и видит

там медную плошку, которая свешивается вниз на цепочке; в нее-то он и кладет деньги, которые должен за проход. Эти деньги поднимаются вверх привратником: если тот недоволен [размером суммы], он оставляет его там томиться до завтрашнего дня; если же удовлетворен, то согласно заведенному обычаю таким же образом открывает еще бóльшую дверь, похожую на другие, которая неожиданно захлопывается сзади, стоит ему пройти; и вот он в городе. Это одно из самых хитроумных изобретений, что мне доводилось видеть. Английская королева нарочно отправила сюда своего посла, чтобы упросить городской совет раскрыть ей действие этого механизма: они говорят, что отказали ей в этом[208]. Под этим входом имеется большое подземелье, в котором можно укромно разместить пятьсот лошадей, чтобы получить помощь или отправить на войну втайне от большинства городского населения.

Уйдя оттуда, мы пошли осматривать церковь Святого Креста, которая весьма красива. Они там устраивают большой праздник в честь чуда,

[208] Примечания: 208

Это столь изобретательное устройство, секрет которого так и не смог узнать посол Елизаветы Английской, — знаменитый *Einlass*, сооруженный в 1514 году; позже его опишет также Монтескье в своем «Путешествии из Граца в Гаагу».

которое случилось более ста лет назад, когда одна женщина, не захотев проглотить тело нашего Господа[209], вынула его изо рта, обмазала воском и положила в шкатулку, а когда исповедалась, то обнаружила, что все там превратилось в плоть, чему они приводили множество свидетельств, и это чудо описано во многих местах на латыни и на немецком. Они показывают под хрусталем этот воск с маленькой частицей плотской красноты. Эта церковь покрыта медью, как дом Фуггеров, и здесь это вовсе не большая редкость. К ней примыкает церковь лютеран, и они так же строятся и селятся возле своих церквей, как католические священники возле клуатров своих[210]. При вратах этой церкви они поместили образ Богородицы, держащей Иисуса Христа, среди других святых и детей и эти слова: *Sinite parvulos venire ad me*[211] и т. д.

Имелся в нашей гостинице некий снаряд из же-

---

[209] Примечания: 209

То есть облатку во время причастия.

[210] Примечания: 210

Клуатр — крытая, замкнутая, как правило, четырехугольная молитвенная галерея, обычно примыкающая к церкви, в том числе монастырской.

[211] Примечания: 211

Фраза на латинском языке из Евангелия от Луки: «Пустите детей приходить ко мне» (Лк. 18:16).

лезных деталей, который слуга опускал с высоты на дно весьма глубокого в двух местах колодца и приводил в движение неким инструментом, заставляя подниматься и опускаться одну за другой на два-три фута эти железные детали; они двигаются, погружаясь в воду в этом колодце и черпая ее своими плошками, выливают в свинцовый желоб, который направляет ее в кухни и повсюду, где в ней нуждаются. У них тут имеется и портомой, нанятый, чтобы срочно отстирывать вещи, которые запачкались в их стенах. Они подают паштеты, и большие и малые, в цветных глиняных посудинах, полностью по форме их корки; и мало проходит трапез, чтобы вам не предложили драже и горшочки с вареньем; хлеб тут самый превосходный, насколько возможно; вина у этого народа хорошие, чаще всего белые, но не из окрестностей Аугсбурга, их доставляют из мест в пяти-шести днях отсюда. Из ста флоринов, которые хозяева тратят на вино, республика требует себе шестьдесят и меньше половины с частного человека, который покупает его для собственного потребления. Еще у них во многих местах есть обычай класть благовония в комнатах и в печах.

Изначала город был весь цвинглианским. Но,

с тех пор как сюда были призваны католики, место цвинглиан заняли лютеране; и в настоящее время католиков больше имеется во власти, хотя гораздо меньше в общем количестве населения. Г-н де Монтень посетил также иезуитов и нашел среди них весьма ученых.

В среду утром, 19 октября, мы там позавтракали. Г-н де Монтень весьма сетовал, что уезжает, потому что был всего в одном дне пути от Дуная, так и не увидев его, и от города Ульма, где тот протекает, и от места Зауэрбруннен с его водами в полудне пути оттуда[212]. Эта водолечебница находится в равнинной области, вода там прохладная, ее подогревают, чтобы пить и принимать ванны: от нее во рту некое покалывание, что делает ее приятной для питья, она пригодна при головных и желудочных болях; ванны замечательные, и, как нам рассказывали, там великолепно селят в весьма удобно устроенных гостиницах, как в Бадене; но уже быстро приближалась зимняя пора, да к тому же нам было совсем не по пути, пришлось бы снова пройти по своим следам, возвращаясь в Аугусту, а г-н де

[212] Примечания: 212

Sauerbrunnen (в первых изданиях Керлона — *Sourbronnen*) значит «кислый источник»; в настоящее время близ Ульма нет водного курорта с таким названием.

Монтень всегда избегал вновь проезжать одной и той же дорогой[213]. Я оставил щиток с гербом г-на де Монтеня перед дверцей печки в комнате, где он проживал; это было очень хорошо нарисовано, и я заплатил два экю художнику и двадцать солей столяру[214]. Там протекает река Лех, *Lycus*. Мы проехали через очень красивую местность, которая родит много хлеба, и приехали на ночлег в

БРУК, пять лье, большая деревня с очень хорошим местоположением в герцогстве Баварском, католическая. Мы оттуда уехали на следующий день, в четверг, 20 октября, и после этого продолжали двигаться по большой хлебной равнине (поскольку в этом краю совсем не делают вина), а потом по лугам, тянувшимся насколько хватало глаз, и приехали к обеду в

МЮНХЕН, пять лье, большой город, размером примерно с Бордо, расположенный на реке Изар, *Iser*, главный в герцогстве Баварском, который они[215] сделали своей столицей. Там имеется

---

[213] Примечания: 213

Монтень любил делать зигзаги, «лишь бы снова не попадать на тот же путь и не видеть дважды одно место». См. ниже, в Роверето.

[214] Примечания: 214

Гербы рисовались на деревянных щитках, см. выше, с. 66, прим. 1.

[215] Примечания: 215

То есть курфюрсты Баварские.

красивый замок и самые прекрасные конюшни, какие я когда-либо видел во Франции или в Италии, сводчатые, способные вместить две сотни лошадей[216]. Это очень католический город, многолюдный, красивый и торговый.

После дня, проведенного вне Аугусты, можно прикинуть расходы: четыре ливра в день на человека с лошадью и по меньшей мере сорок солей на пешего. Мы нашли занавеси в своих комнатах, но никаких балдахинов над кроватями, а впрочем, тут все довольно чисто; они подметают свои полы с древесными опилками, которые кипятят. По всей этой стране рубят репу и рапс с тем же усердием и проворством, как при молотьбе зерна: семь-восемь человек, взяв каждый в обе руки по тесаку, размеренно бьют ими в корытцах, действуя наподобие наших прессов[217], а потом солят это на зиму, как и кочанную капусту. Оба эти корнеплода они выращивают не в огородах, а в полях, где сажают их во множестве и собирают урожай.

---

[216] Примечания: 216

Эта фраза — лишнее свидетельство того, что Монтень возвращался к тексту «Дневника» и вносил в него дополнения, потому что путешественники еще не ступили ногой в Италию.

[217] Примечания: 217

Для винограда или маслин.

Их нынешний герцог женился на сестре г-на де Лоррена, и от этого брака у него двое уже подросших мальчиков и девочка. У него есть брат, они оба живут в одном городе[218]; в тот день, когда мы там были, оба отправились на охоту с дамами и так далее. В пятницу утром мы уехали оттуда и сквозь леса сказанного герцога видели несметное количество каких-то рыжих животных, сбитых в стада, как овцы, и за один перегон прибыли в

КЁНИГСДОРФ[219], захудалую деревушку, шесть лье, в сказанном герцогстве.

---

[218] Примечания: 218

Герцоги Вильгельм V и Фердинанд. Первый женился на Рене де Лоррен, от которой имел трех детей: Максимилиана (1573), Марию-Анну (1574, которая станет императрицей) и Филиппа (1576). Его брат вступил в неравный брак (1588) и положил начало ветви графов фон Варенбергов.

[219] Примечания: 219

Название Kœnigsdorf, предложенное В. Риттером, принято как наиболее вероятное; в первых изданиях Керлона было — Kinief; в копии Леде — Kiniestaf.

Часть 2, написанная рукой секретаря

– Кёнигсдорф – Миттенвальд – Зеефельд – Инсбрук – Халль – Инсбрук – Штерцинг – Бриксен – Кольманн – Больцано – Брандолль – Тренто – Роверето – Торболе – Роверето – Боргетто – Воларне – Верона – Виченца – Падуя – Ка' Фузина – Венеция – Ка' Фузина – Падуя – Батталья – Ровиго – Феррара – Болонья – Лояно – Скарперия – Флоренция – Сиена – Буонконвенто – Ла Палья – Монтефьясконе – Рончильоне – Рим –

Иезуиты, которые крепко заправляют в этом краю, вызвали тут большое волнение и снискали народную ненависть за то, что понуждали священников прогнать своих сожительниц, угрожая им великими карами; а те жаловались, поскольку прежде к этому относились столь терпимо, что они пользовались этой поблажкой, как чем-то вполне законным, и теперь укоряли своего

герцога[220].

Именно тут нам подали первые яйца в Германии в рыбный день, а иначе [их подают] в салате, четвертинками. Равным же образом нам тут подали деревянные стаканы из маленьких клепок и, среди прочих, с серебряными обручами. Некая благородная барышня дворянского рода, оказавшаяся в этой деревне, отправила г-ну де Монтеню своего вина.

В субботу рано поутру мы оттуда уехали и, повстречав по правую руку реку Изар и большое озеро у подножия Баварских гор, за один час поднялись на небольшую гору[221], наверху которой имеется надпись, гласящая, что герцог Баварский велел пробить тут скалу сто лет назад или около того, и по нетрудной, удобной и заботливо содержимой дороге устремились в самое чрево Альпийских гор, а хорошая тихая погода нам в этом сильно помогла.

Спустившись с этой невысокой горы, мы по-

---

[220] Примечания: 220

Браки священников, вызывавшие споры еще в Средние века, долго оставались проблемой. О контроверзах с орденом иезуитов, обосновавшимся в Баварии примерно в середине XVI века, см. Анри Эстьен «Апология Геродота».

[221] Примечания: 221

Гора находится в Кессельбергском ущелье; река же — не Изар, а скорее его приток Лойзах, большое озеро — Кохельзее.

встречали очень красивое озеро[222] длиной в одно гасконское лье и столько же в ширину, окруженное со всех сторон очень высокими и неприступными горами, и, по-прежнему следуя этой дорогой, иногда встречали у подножия гор маленькие равнины с очень приятными лугами, где имеются жилища, и за один перегон добрались на ночлег в

МИТТЕНВАЛЬД, маленькую деревушку герцога Баварского, довольно хорошо расположенную вдоль реки Изар. Там нам впервые в Германии подали каштаны, причем совсем спелые. В гостинице имеется парильня, где проезжие имеют обычай потеть за полтора *батца*. Я ходил туда, пока господа ужинали. Там было много немцев, которым ставили банки и отворяли кровь[223].

На следующее утро, в воскресенье, 23 октября, мы продолжили следовать по этой тропе меж двух гор и встретили на ней ворота и дом, кото-

---

[222] Примечания: 222

Вальхензее.

[223] Примечания: 223

Судя по тому, что эти наблюдения остались в «Дневнике», Монтень, вероятно, сам послал слугу разузнать об этой парильне, по какой-то причине не сумев или не захотев посетить ее. Во всех прочих случаях, оставшись один, этот *секретарь-камердинер* ничего о своих впечатлениях не сообщает.

рые закрывали проход[224]. Это был вход в страну Тироль, принадлежавшую герцогу Австрийскому: мы приехали к обеду в

ЗЕЕФЕЛЬД, маленький городок с аббатством, три лье, приятное местоположение; церковь довольно красива и знаменита одним чудом. В 1384 году некто из простолюдинов, именуемый держателем прилегающих земель,не желая удовлетвориться на праздник Пасхи обычной облаткой, потребовал себе бóльшую, но когда она очутилась у него во рту, земля под его ногами разверзлась, и он провалился туда по шею, успев ухватиться за угол алтаря; священник вынул эту облатку у него изо рта. Они до сих пор показывают эту расселину в полу, забранную железной решеткой, и алтарь, на котором остался отпечаток пальцев того человека и облатки, весь красноватый, как капли крови. Мы нашли там также одну недавнюю запись некоего тирольца на латыни, который подавился несколько дней назад кусочком мяса, застрявшим у него в глотке, так что он три дня не мог ни проглотить его, ни выплюнуть, но дал обет и пришел в эту церковь, где неожиданно исцелился.

---

[224] Примечания: 224

Малый форт, закрывавший горный проход через теснину Шарниц, был разрушен французами в 1805 году.

Уехав оттуда, мы обнаружили на той высоте, где находились, красивые деревни, а потом, преодолев получасовой спуск, встретили у ее подножия красивое селение, весьма удачно расположенное, а над ним, на обрывистом утесе, который казался неприступным, красивый замок[225], который господствует над этой спускающейся вниз узкой, вырубленной в скале дорогой. Ее ширина чуть меньше, чем нужно обычной повозке, какими пользуются во многих местах среди этих гор: возчики, которые по ней ездят, привыкли тут сужать обычные повозки по меньшей мере на фут.

Дальше мы обнаружили очень длинную долину, по ней течет река Инн, которая в Вене впадает в Дунай[226]. По латыни Инн называется *Œnus*. От Инсбрука до Вены пять-шесть дней водного пути. Эта долина показалась г-ну де Монтеню самым приятным пейзажем, который он когда-либо видел; она то сужалась, когда ее теснили горы, то расширялась с нашей стороны, слева от реки, достигая области, где возделывают и пашут землю прямо на склонах довольно отлогих гор,

[225] Примечания: 225

Фрагенштайн, сегодня в руинах.

[226] Примечания: 226

На самом деле Инн сливается с Дунаем в Пассау, между Инсбруком и Веной.

то открывая с другой стороны равнины, одна над другой в два-три этажа, и везде полно красивых дворянских усадеб и церквей. И все это замкнуто и ограждено со всех сторон горами бесконечной высоты.

На нашей стороне мы обнаружили на скалистой горе распятие в таком месте, куда ни одному человеку невозможно добраться без помощи спущенных сверху веревок[227]. Говорят, что император Максимилиан, дед Карла V, отправившись на охоту, заблудился в этих горах и в знак избавления от опасности велел поставить там образ креста. Эта история изображена также в городе Аугусте, в зале стрелков из арбалета. Вечером мы приехали в

ИНСБРУК, три лье. Главный город графства Тироль, по-латыни *Œnopontum*. Это столица Фердинанда, эрцгерцога Австрийского[228]: очень красивый, маленький и очень хорошо построенный город в глубине этой долины, полной источников и ручьев, что является удобством,

---

[227] Примечания: 227

Этот утес называется Мартинсвальд.

[228] Примечания: 228

Фердинанд Австрийский (1529–1595), граф Тирольский, второй сын императора Фердинанда I и племянник Карла V. «Инсбрук» по-немецки значит «Иннский мост», а *Œnopontum* — перевод этого названия на латынь.

весьма обычным для городов Германии и Швейцарии, которые мы видели. Почти все дома построены здесь террасами.

Мы остановились в «Розе», очень хорошей гостинице: тут нам подавали оловянные тарелки. Что касается салфеток на французский лад, то мы их уже получили несколько дней назад. Вокруг постели имелись кое-какие занавеси, но, чтобы показать нрав этого народа, они были красивые и богатые, полотняные, определенного вида: открытые и искусно изрезанные, да к тому же короткие и узкие, в общем, никак не пригодные для того, как мы ими пользуемся; а балдахин маленький, всего в три пальца шириной, зато весь в кисточках. Мне для г-на де Монтеня дали постельное белье, на четыре пальца вокруг богато отделанное белым позументом. Как в большинстве других городов Германии, тут имеются люди, которые на улицах выкрикивают час и звонят. Повсюду, где мы были, у них принято подавать рыбу вперемешку с мясом; однако не наоборот, в рыбные дни они ее с мясом не мешают[229], по крайней мере для нас. В понедельник мы оттуда уехали, следуя вдоль сказанной реки Инн по

[229] Примечания: 229

Монтень, большой любитель рыбы, как мы уже видели (см. выше, с. 77, прим. 2), не любил смешивать ее с мясом (см. «Опыты», III, 13).

нашу левую руку, по этой красивой равнине; и приехали к обеду в

ХАЛЛЬ, два лье; мы совершили эту поездку исключительно ради того, чтобы увидеть этот город. Он невелик, как и Инсбрук, величиной с Либурн[230] или около того, на сказанной реке, которую мы переехали по мосту. Это там добывают соль, которой снабжается вся Германия; и каждую неделю делается девятьсот чушек по экю за штуку. У этих чушек объем в полмюи[231] и почти такая же форма, потому что посудина, которая служит ей изложницей, и есть бочка. Все это принадлежит эрцгерцогу; но и издержки очень велики. Для варки этой соли я видел там больше дров, чем в любом другом месте, потому что под многими большими сковородами из листового

[230] Примечания: 230

По поводу величины городов, а также разных мест, рамки сравнения отсылают часто к Гаскони, родине наших путешественников. Рейн, который, разливаясь, превращается в озеро Унтерзее, напоминает им Жиронду перед Бле; Кемптен сравнивался с Сент-Фуа-ла-Гранд, Мюнхен с Бордо, а здесь Зольбад Халль сравнивается с Либурном на Дордони, километрах в тридцати от Бордо. Несколько далее Монтень сравнит с Либурном также Больцано.

[231] Примечания: 231

Мюи *(muid)* — винная бочка; в 1590 году, т. е. через десять лет после путешествия Монтеня, объем мюи по указу Генриха IV, прежде варьировавшийся в зависимости от области, был установлен в 300 парижских пинт, это почти 280 литров; соответственно, бочка в полмюи *(demi-muid)* стала составлять 150 парижских пинт, около 140 литров.

железа величиной в добрых тридцать шагов по кругу они поддерживают огонь и кипятят в них соленую воду, которая приходит сюда с одной из соседних гор, с расстояния более двух больших лье, из нее-то и выпаривается их соль. Там имеется несколько красивых церквей, в частности церковь иезуитов, которую г-н де Монтень посетил, как сделал то же самое в Инсбруке; другие духовные лица тоже великолепно поселены и устроены.

После обеда мы вновь увидели этот берег реки, равно как и прекрасный замок[232], где находился эрцгерцог Фердинанд Австрийский, которому г-н де Монтень хотел облобызать руки и заехал туда утром, но обнаружил, что тот занят в совете, о чем ему сказал некий граф. После обеда мы снова туда зашли и нашли его в саду, по крайней мере, подумали, что мельком видели его там. Однако те, кто пошли сообщить ему, что господа здесь по случаю, передали им, что он-де просит его извинить, но на следующий день это будет ему удобнее; хотя, если они имеют надобность в его благорасположении, им стоит послушаться какого-то графа-миланца. Эта холодность в сочетании

[232] Примечания: 232

Замок Амбрас, где Фердинанд Австрийский по преимуществу проживал и собрал там известную коллекцию произведений искусства.

с тем, что им позволили всего лишь увидеть замок, немного покоробила г-на де Монтеня; а поскольку он в тот же день пожаловался на это какому-то офицеру свиты, тот ему ответил, что, как сказал ему этот принц, у него нет никакой охоты видеться с французами и что французский королевский дом является врагом его собственного[233]. Мы вернулись в

ИНСБРУК, два лье. Там мы увидели в одной церкви восемнадцать бронзовых изваяний принцев и принцесс Австрийского дома[234].

Мы побывали также на торжественном ужине кардинала Австрийского и маркиза Бургау, отпрысков сказанного эрцгерцога и его сожительницы, купеческой дочки из Аугусты, которая родила ему этих двух сыновей, а не других, он и женился-то на ней ради того, чтобы их узако-

[233] Примечания: 233

Честно говоря, монархи Франции и Австрии вовсе не были тогда в состоянии войны. По мнению П. Мишеля, «подлинная причина холодности Фердинанда не имела отношения к политике: просто французская почта отказывалась возместить ему убыток от потери изумруда большой ценности».

[234] Примечания: 234

В Хофкирхе находится мавзолей императора Максимилиана с изображениями представителей рода Габсбургов.

нить[235]; и в том же году эта его жена умерла. Весь двор все еще в трауре по ней. Их прием был почти как у наших принцев; и зал, и навесы, и стулья обтянуты черным. Кардинал старший, и думаю, что ему нет еще двадцати лет.

Маркиз пьет вино только из закупоренных бутылок, а кардинал — сильно разбавленное. Они тут совсем не пользуются закрытыми блюдами[236], а только открытыми и подают мясо по-нашему. Когда они рассаживаются за столом, получается немного длинновато, и все подходы к нему загромождены яствами; кардинал сидит в его главе, а у них это всегда с правой стороны.

Мы видели в этом дворце игру в мяч и довольно красивый сад. Этот эрцгерцог — большой строитель, знаток архитектуры и подобных удобств. Мы видели у него десять — двенадцать пушек, стреляющих ядрами с большое гусиное яйцо, поставленных на раззолоченные и изукрашенные, насколько возможно, колеса, да и сами орудия тоже были раззолоченными. Они всего лишь из

---

[235] Примечания: 235

Старший, Андреас (1557–1600), был кардиналом с 1576 года; младший, Карл (1560–1618), был маркизом фон Бургау. Их мать, Филиппина Вельзер, принадлежала к очень богатой купеческой семье из Аугсбурга.

[236] Примечания: 236

Здесь nef — блюдо с крышкой для подачи кушаний принцам, чтобы избежать попыток отравления; см. выше, с. 114, прим. 1.

дерева, но их ствол покрыт металлическими пластинами, и жерло внутри тоже все обито тем же листом. Такую пушку может нести за горловину всего один человек и стрелять из нее хоть и не слишком часто, но столь же большими зарядами, как из литых орудий.

Мы видели в полях при его замке двух быков необычайной величины, серых, с белой головой, которых ему подарил герцог Феррарский, потому что этот герцог женат на одной из его сестер, на другой герцог Флорентийский, а Мантуанский на третьей[237]. В Халле раньше были три сестры, которых называли *тремя королевами*[238], потому что дочерей императора удостаивают такого титула, как других называют графинями или герцогинями из-за их земельных владений; и именуют их по королевствам, которыми владеет император. Из этих троих две уже мертвы; третья еще жива, но с ней г-н де Монтень не смог повидаться. Она затворница, как монахиня, и

[237] Примечания: 237

Барба, жена Альфонса II д'Эсте, герцога Феррарского; Иоанна, жена Франческо I Медичи; Элеонора, жена Гульельмо Гонзага, герцога Мантуанского. Большие серые быки перестанут удивлять путешественников в Италии, где их разводили во множестве; см. ниже, этап между Баттальей и Ровиго.

[238] Примечания: 238

Маргарита, Елена, а также Магдалена — халльская аббатиса, единственная, кто еще была еще жива в 1580 году.

приняла там и разместила иезуитов.

Утверждают, что сказанный эрцгерцог не может оставить свои владения собственным детям и что они вернутся к преемникам Империи, однако так и не смогли растолковать причину, говорят только о его супруге, дескать, она была не совсем подобающего происхождения для женитьбы на ней, и каждый твердит, что хоть она и была законной, но вот ее дети ¯непохоже. Тем не менее у него имеется большая куча звонкой монеты, чтобы им оставить.

Во вторник мы уехали утром и возобновили наш путь, пересекая эту равнину и следуя по горной тропе. В одном лье от гостиницы мы поднялись на маленькую гору, подъем на которую занял один час по довольно отлогой дороге. По левую руку виднелись многие другие горы, с более широкими и мягкими склонами, а потому там много деревень и церквей и большая часть земли возделана до самых вершин; очень приятно для глаз различие и многообразие этих мест. Горы по правую руку были намного более дикими, где жилье попадалось только изредка. На своем пути мы пересекли много ручьев или потоков с разным течением, и как наверху, так и у подножья гор нам попалось много больших селений и

деревень с прекрасными гостиницами, и среди прочего по левую руку от нас встретилось немало замков и дворянских усадеб.

Примерно в четырех лье от Инсбрука по нашу правую руку на очень узкой дороге нам попалась прикрепленная к скале и богато украшенная бронзовая доска с вот такой латинской надписью: «Император Карл Пятый, возвращаясь из Испании и Италии, где получил императорскую корону, и Фердинанд, король Венгрии и Богемии, его брат, шедший из Паннонии ему навстречу, в 1530 году встретились на этом месте после восьмилетней разлуки, и Фердинанд повелел сделать этот памятный знак»; они там изображены обнимающими друг друга[239]. Немного погодя, проезжая под аркой ворот, которые перекрывают дорогу, мы обнаружили латинские стихи, упоминающие проезд сказанного императора и его остановку в этом месте после захвата короля Франции и Рима[240].

Г-н де Монтень сказал, что ему очень понрави-

---

[239] Примечания: 239

Карл V возвращался из Болоньи, где папа Клемент VII короновал его императором, а его брат Фердинанд — из Венгрии после окончания войны с турками. Эта памятная доска не сохранилась.

[240] Примечания: 240

Намек на битву при Павии (1525), когда Франциск I попал в плен, и на взятие Рима (1527) коннетаблем де Бурбоном.

лось в этом ущелье из-за разнообразия того, что предстает перед глазами, и мы находили неудобство лишь во все более густой и невыносимой пыли, сопровождавшей нас в этом горном проходе; ничего хуже нам никогда не приходилось вдыхать[241]. Через десять часов г-н де Монтень сказал: ну и перегон![242] — и то правда. У него заведено задать овса своим лошадям, прежде чем уехать утром из гостиницы, независимо от того, собирается он останавливаться по дороге либо нет. Мы приехали поздно ночью, натощак, как и он, в

ШТЕРЦИНГ[243], семь лье. Маленький городок сказанного Тирольского графства, довольно красивый, в четверти лье от которого возвышается красивый новый замок[244].

Нам подали там хлебы, по кругу, на придви-

---

[241] Примечания: 241

Этот горный проход — ущелье (иначе горловина) Бреннер.

[242] Примечания: 242

Хоть больным, хоть здоровым, Монтень лучше всего чувствовал себя в седле и мог делать десятичасовые перегоны, см. «Опыты», I, 48, и III, 9, а также ниже, этап от Штерцинга до Бриксена.

[243] Примечания: 243

По-итальянски Випитено, поскольку Южный Тироль в настоящее время принадлежит Италии.

[244] Примечания: 244

Близ Штерцинга имеется два замка, да и в самом городке сохранилось немало красивых домов XV–XVI веков.

нутых друг к другу столах. Во всей Германии горчицу подают жидкой, и она по вкусу как белая французская. Уксус тут повсюду белый. Не верится, что в этих горах жителям хватает вина или хлеба, но тут пьют очень хорошие белые вина. Все эти горные проходы очень надежны, и через них проезжает множество торговцев и возчиков с телегами. В этом ущелье вместо холода, как его описывают, стоит почти невыносимая жара.

Женщины в этой области носят суконные шапочки, совсем как наши, а их сплетенные волосы ниспадают, как и в других местах. Г-н де Монтень, встретив в церкви молодую и миловидную девицу, принял ее за школяра и спросил, не умеет ли она говорить по-латыни.

Здесь на кроватях имеются занавеси — грубые, полотняные, окрашенные в красный цвет, из квадратов четыре на четыре пальца: одна часть — из целого полотна, другая — из прореженного. За все наше путешествие по Германии мы нигде не нашли ни комнаты, ни зала, которые не были бы обшиты панелями, а потолки очень низкие.

У г-на де Монтеня этой ночью случилась колика и продлилась часа два-три, довольно сильная, как он признался наутро, и в этот же день у него вышел камень средней величины, который легко

сломался, желтоватый снаружи, а внутри, на изломе, — беловатый. Днем раньше он простудился и чувствовал себя неважно. Колик у него не было с самого Пломбьера. А нынешняя отчасти подтвердила подозрения, которые появились у него в сказанном Пломбьере, к тому же он опасался, что оставшийся в мочевом пузыре песок не вышел оттуда, потому что его задержала и склеила какая-то попавшая туда материя; однако увидев тот, который у него вышел, он резонно решил, что он слился с другими, если те у него там были[245]. В дороге он жаловался на боль в пояснице, причиной которой, по его словам, было то, что он продлил этот перегон, считая, что ему скорее полегчает в седле, нежели в любом другом месте. В этом городе он обратился к школьному учителю, чтобы поговорить с ним на латыни, но тот оказался тупицей, и он не смог вытянуть из него никаких сведений об этом крае.

На следующий день, в среду, 26 октября, мы уехали оттуда по равнине шириной с полчетверти лье, имея реку Айзах справа от себя; эта равнина тянулась у нас примерно два лье, и свер-

[245] Примечания: 245

Монтень уехал из Пломбьера, «полагая, что у него в пузыре еще остался камень от сказанной колики, и другие, мелкие, ему даже казалось, что он чувствует, как они спускаются».

ху на соседних горах было много возделанных и населенных мест, часто плоских, но нам было невдомек, как туда добраться. На этой дороге нам встретилось пять замков. Мы проехали через реку на другой берег по деревянному мосту. И обнаружили многих дорожных рабочих, которые починяли дороги только потому, что те были каменистые, примерно как в Перигоре. Затем мы через каменную арку поднялись выше и обнаружили там равнину примерно в одно лье, а за рекой увидели другую, похожей высоты, но обе бесплодные и каменистые. Внизу под нами, вдоль реки, оставались прекрасные луга. Мы за один перегон приехали в

БРИКСЕН[246], четыре лье. Очень красивый маленький городок, через который под деревянным мостом протекает река; это епископство. Мы видели здесь две очень красивые церкви и остановились в «Орле», прекрасной гостинице. Здешняя равнина вовсе не широка; но окрестные горы, даже по левую руку от нас, стелются так мягко, что вполне позволяют себя обрабатывать и возделывать. Тут все вокруг наполнено колокольнями и деревнями, весьма высоко в горах и

[246] Примечания: 246
По-итальянски Брессаноне.

рядом с городом много красивых домов с очень приятным расположением.

Г-н де Монтень сказал, что всю свою жизнь остерегался чужих суждений об удобствах иных стран, поскольку каждый способен воспользоваться ими лишь в согласии с требованиями собственной привычки и обычаев своей деревни, так что весьма мало прислушивался к предостережениям других путешественников; но тут он еще больше восхищался их глупостью, наслушавшись за время своего путешествия россказней о том, что именно альпийское междугорье полно трудностей, нравы у людей странные, дороги непроезжие, гостиницы дикие, воздух невыносим. Что касается воздуха, то он благодарил Бога, что нашел его таким мягким, потому что предпочитает скорее избыток тепла, нежели холода; и за все это путешествие у нас пока было только три холодных дня и примерно один дождливый час; но что до остального, то, если бы ему понадобилось выгуливать свою дочь, которой всего восемь годиков, он предпочел бы прогуляться с ней по этому пути, нежели по аллее собственного сада; а что касается гостиниц, то он никогда не видел края, где бы они были так густо рассеяны и такие прекрасные, всегда останавливаясь в красивых

городах, где не было недостатка в снеди, вине, и по лучшим ценам, чем в других местах[247].

Тут имелся способ крутить вертел посредством механизма со многими колесами; сначала веревку наматывали на железный барабан. Потом она разматывалась, и ее обратный ход притормаживали таким образом, чтобы это движение растянулось примерно на час, и тогда надо было ее наматывать на барабан; а что касается дымного ветра, то мы видели это много раз[248].

У них такое большое изобилие железа, что все окна зарешечены, причем различными фасонами, а их двери и даже ставни обиты полосами железа. Мы обнаружили там столько виноградников, что они терялись из виду перед Аугустой. Здесь вокруг бóльшая часть домов со сводами на всех этажах. Чего не умеют делать во Франции,

---

[247] Примечания: 247

Этот пассаж наиболее четко выражает отказ Монтеня от всякого предубеждения и склонность к *собственным* открытиям; о Леоноре, единственном выжившем ребенке Монтеня (остальные умерли во младенчестве), см. «Опыты, II, 8, и III, 5.

[248] Примечания: 248

См. пребывание в Базеле, где речь шла о вертелах, приводимых в действие с помощью «деревянных вертушек с широкими и легкими лопастями из пихты, которые они помещают в своих каминных трубах, и те крутятся на большой скорости в дымном ветре и паре от огня».

так это пользоваться выгнутой черепицей[249], чтобы крыть слишком узкие скаты, как это делают в Германии, где ею кроют даже колокольни. Их черепица более мелкая и более выгнутая, а в некоторых местах на стыках покрыта штукатуркой.

Мы покинули Бриксен на следующее утро и продолжили путь по той же весьма открытой долине, холмы которой на большей части пути усеяны множеством красивых домов. Имея реку Айзах по левую руку, мы проехали через маленький городок, где проживают всякого рода ремесленники, называемый Клаузен, и оттуда к обеду прибыли в

КОЛЛЬМАНН[250], три лье, маленькая деревенька, где у эрцгерцога имеется загородный дом. Там нам вместе с серебряными стаканчиками подали глиняные, раскрашенные, их тут моют с белым песком; и первое блюдо было подано на весьма чистой сковороде, которую они поставили на стол с помощью небольшого железного орудия:

---

[249] Примечания: 249

Речь идет о т. н. римской или средиземноморской черепице, которая до сих пор используется от Италии до Испании.

[250] Примечания: 250

Колльманн в настоящее время называется по-итальянски *Ла Кольма*, а Клаузен — *Кьюза*.

его приставляют к ней и поднимают за рукоятку[251]. На этой сковороде были яйца в мешочек со сливочным маслом.

Когда мы уехали оттуда, дорога немного сузилась, и некоторые скалы стали нас теснить, так что она сделалась совсем узкой для нас, да еще с опасностью свалиться в реку, если бы та не была ограждена парапетом, который в некоторых местах тянулся больше одного немецкого лье[252]. Хотя бóльшая часть гор, которая нас там касалась, это дикие скалы, одни массивные, другие все в расщелинах и прорезаны течением потоков, а третьи слоистые и растрескавшиеся, с которых вечно падают камни необычайного размера, я думаю, что во время больших бурь тут так же опасно, как и в других местах. Мы там видели целые пихтовые леса, вырванные с корнем и увлекшие в своем падении холмики земли, которая уцепилась за их корни; и все же эта область так многолюдна, что за этими первыми горами мы видели другие, еще более высокие, но притом возделанные и обитаемые, и узнали, что наверху имеются большие и пре-

[251] Примечания: 251
По описанию это явно сковородник.

[252] Примечания: 252
Теснина Кунстервег тянется от Торколо к Камподаццо.

красные равнины, которые снабжают хлебом города внизу, и очень богатые земледельцы, и прекрасные дома. Мы переехали через реку по деревянному мосту, каких тут много, и оставили его по правую руку. И обнаружили среди прочего замок на вершине самой почтенной и неприступной горы из тех, что предстали нашему взгляду; про него говорят, что он принадлежит местному барону, который там живет, и у него там наверху прекрасная местность и прекрасные охотничьи угодья. За этими обитаемыми горами имеются другие, которые представляют собой Альпийский барьер, они нарочно оставлены невозделанными и прикрывают эту узкую горловину, так что из долины есть только один возможный выход. Эрцгерцогу это Тирольское графство приносит доход в триста тысяч флоринов в год, и большая часть этого богатства заключена в сих горах; они лучшее из всего, чем он владеет. Мы еще раз переправились через реку по каменному мосту и рано приехали в

БОЛЬЦАНО, четыре лье. Город размером с Либурн[253], на той же реке, и не слишком приятный по сравнению с другими германскими города-

[253] Примечания: 253
См. выше, с. 132, прим. 2.

ми; так что г-н де Монтень даже воскликнул, дескать, он прекрасно видит, что начал покидать Германию. Улицы тут гораздо у́же и вовсе нет красивой публичной площади. Еще остались, правда, источники, ручьи, стенные росписи и стекла в рамах.

Тут большое изобилие вин, которые они поставляют по всей Германии. Лучший хлеб в мире едят вдоль этих гор. Мы здесь видели церковь, одну из красивых. Среди прочего в ней имеется деревянный орган: он высокий, рядом с распятием, перед главным алтарем; и тот, кто на нем играет, находится на двенадцать футов ниже труб, у опоры, где те крепятся, а органные меха установлены за стеной церкви, более чем в пятнадцати шагах позади органиста, и напор воздуха приходит к нему из-под пола[254]. Пространство, где находится этот город, не больше, чем ему потребно, чтобы

[254] Примечания: 254

Интерес к техническим устройствам здесь, как и в прочих местах, преобладает. Однако Монтень ограничивается совершенно общим замечанием о красоте больцанского собора, готического здания XIV века, хотя путешественники часто интересуются архитектурой и скульптурой. Что касается его якобы малого интереса к живописи, то это, скорее всего, ошибка исторической перспективы: шедевры живописцев Возрождения, совсем недавние в эпоху Монтеня, еще не приобрели такого значения, которое было признано за ними с тех пор; впрочем, даже если Монтень не называет художников, то часто признается, что его поразили сами произведения (см. R. A. Sayce, The Visual Arts in Montaigne's *Journal de voyage).*

разместиться; но сами горы по нашу правую руку немного расширяют его, отодвигая свое чрево.

Из этого места г-н де Монтень написал Франсуа Отману[255], с которым виделся в Базеле, что получил такое большое удовольствие, посетив Германию, что оставляет ее с большим сожалением, хотя и направлялся в Италию; что чужестранцам случается здесь, как и в других местах, подвергаться незаконным поборам, но он полагает, что с этим можно было бы справиться, если бы путешественник не был отдан на милость проводников и толмачей, которые продают его, участвуя в этом ради собственной выгоды. Все остальное показалось ему исполненным удобства и учтивости, а главное, справедливости и надежности. Мы уехали из Больцано в пятницу и завернули, чтобы задать лошадям мерку овса и отобедать, в

БРАНЦОЛЛЬ[256], два лье. Маленькая деревушка, за которой река Айзах, приведшая нас сюда, впадает в реку Адидже, которая течет дальше, до Адриатического моря, широко и спокойно, а не так, как те, которые встречались нам наверху,

---

[255] Примечания: 255
См. выше, с. 72, прим. 1.

[256] Примечания: 256
По-итальянски Бронцоло.

среди гор, шумные и яростные. Также эта равнина начинает немного расширяться до самого Тренто, а горы кое-где понижают немного свои зубцы; однако их склоны уже не так плодородны, нежели предыдущие. Кое-где в этой долине встречаются заболоченные места, сжимающие дорогу, но остальной путь очень удобен, почти все время ровный и идет понизу.

По выезде из Брансолля нам через два лье встретилось большое селение, где из-за ярмарки было большое стечение народа. За ним была другая деревня, называемая Салорно[257], где эрцгерцог владеет маленьким замком, прилепившимся на самом краю высокого утеса по левую руку от нас.

Оттуда мы приехали на ночлег в

ТРЕНТО, пять лье. Город немного больше Ажана[258], не слишком приятный и ничего не сохранивший из прелестей немецких городов; улицы по большей части узкие и кривые.

Перед тем как добраться сюда, примерно за два

---

[257] Примечания: 257

В Салорно (по-немецки Залорн) проходит языковая граница. Предыдущее селение — это либо Ауер, либо, что вероятнее, Эгна (по-немецки Нёймаркт).

[258] Примечания: 258

Город во Франции, на реке Гаронне.

лье, мы въехали в область итальянского языка. Этот город поделен между двумя наречиями, и тут есть городской квартал с церковью, которые зовут Немецкими, и проповедники на обоих этих языках[259]. Что касается новых религий, то после Аугусты о них и речи нет. Город расположен на сказанной реке Адидже. Мы там видели собор, который кажется очень старинным зданием, и совсем рядом с ним — квадратную башню, которая свидетельствует о большой древности. Видели мы и новую церковь, Богоматери, где проходил наш собор[260]. В этой церкви имеется орган, преподнесенный ей в дар неким частным лицом, превосходно красивый, приподнятый на мраморном подпоре тонкой работы, который украшен многими превосходными статуями, особенно об-

[259] Примечания: 259

Хотя немецкий в Тренто был в явном меньшинстве.

[260] Примечания: 260

Тридентский, см. здесь же, ниже, прим. 2, а также выше, с. 103, прим. 1.

разами поющих детей[261]. Эту церковь построил в 1520 году *Bernardus Clesius, Cardinalis,* который был епископом этого города и его уроженцем[262]. Раньше это был вольный город под властью епископа и обязанный ему повинностями. Но с тех пор из-за тягот войны с венецианцами они обратились за помощью к графу Тирольскому, и за это он получил некоторую власть и право на их город. Он и епископ оспаривают его друг у друга, но епископ, которым в настоящее время является кардинал Мадруччо, пока сохраняет свою власть[263].

Г-н де Монтень сказал, что особо отмечает граждан, которые, родившись в каком-либо городе, сделались его благодетелями; Фуггеры [например], которым Аугуста обязана большей частью

---

[261] Примечания: 261

Хотя Монтень и счел этот город «не слишком приятным», но все же отметил его художественные богатства: Дуомо (собор) — романо-готическую базилику XIII–XIV веков; большую квадратную башню — Торре Гранде или Торре ди Пьяцца — возможно, древнеримского происхождения; новую церковь Санта Мария Маджоре, начатую в 1520 году, — именно там проходил Тридентский собор (1545–1563), который Монтень называет «нашим», потому что католическая церковь, вынужденная противостоять Реформации, зафиксировала на нем догмы и состав католической литургии; а также *канторию (cantoria)* — мраморный балкон под органом работы скульптора Винченцо Гранди из Виченцы с изображением детей-певчих.

[262] Примечания: 262

Бернардо Клезио (1484–1539), Трентский епископ с 1514 года, в 1530 году стал кардиналом.

[263] Примечания: 263

С 1567 года епископом стал Лодовико Мадруччо или Мадруцци (1532–1600); спор с графами Тирольскими (который начался гораздо раньше войн с Венецией, еще в XII веке) закончился в 1578 году победой последних.

своих красот, потому что они украсили своими дворцами все ее перекрестки, а ее церкви — множеством произведений искусства; а также этот кардинал Клезиус: поскольку, кроме сказанной церкви и многих улиц, отстроенных им за свой счет, он возвел еще прекрасное здание городского замка[264]. Снаружи это не бог весть что, но внутри все прекрасно обставлено, и украшено, и гораздо более удобно для жизни, чем это можно увидеть где-либо еще. Все панели внутри богато расписаны и снабжены надписями, а узорчатая лепнина изрядно вызолочена; пол из обожженной глины, затвердевшей и раскрашенной под мрамор; это частью сработано на наш лад, частью на немецкий, с печами; среди прочих имеется одна из обожженной глины, затемненной под бронзу, с изображениями нескольких знаменитых персон, которые получают огонь в свои члены, а два-три возле стены изливают воду, которая приходит сюда из источника, бьющего во дворе, довольно низко; это прекрасная работа. Мы видели также среди прочих потолочных росписей ночной триумф с факелами, которым г-н де Монтень очень

[264] Примечания: 264

Кастелло дель Буон Консильо (замок Доброго Совета), резиденция правителей-епископов, где среди прочих работали такие художники, как Доссо Досси, Романино, Фоголино и керамист Дзакки.

восхищался[265]. Тут есть две-три круглые комнаты; в одной имеется надпись, что сказанный Клезиус был отправлен в 1530 году послом на коронацию императора Карла V, устроенную папой Клементом VII в День святого Матиаса; а отправлял его Фердинанд, король Венгрии и Богемии, граф Тирольский, брат сказанного императора; и он, Клезиус, епископ

Трентский, сделанный кардиналом, велел нарисовать на стене вкруг этой комнаты гербы с именами дворян, которые сопровождали его в этой поездке, примерно с полсотни, все вассалы этого епископства, и графы или бароны[266]. Имеется также в одной из [этих] комнат потайная дверца, через которую можно ускользнуть в город, минуя ворота. Есть тут также два богатых камина. Это был добрый кардинал. Фуггеры тоже строили, но для собственного потомства[267]; а этот для публики: ибо он оставил этот замок

[265] Примечания: 265

Этот написанный на потолке триумф принадлежит, возможно, кисти Марчелло Фоголино.

[266] Примечания: 266

В письме к Жоффруа д'Эстиссаку Рабле описывает еще более пышный кортеж, сопровождавший кардинала в Рим.

[267] Примечания: 267

Похоже, путешественники действительно не слышали о *Fuggerei*, см. выше, с. 116, прим. 1.

епископам-преемникам как можно лучше обставленным, потратив на мебель, которая до сих пор там, сто тысяч экю; а еще в государственную казну последующих епископов — сто пятьдесят тысяч талеров в звонкой монете; ими хоть пользуются, но не трогая основной капитал, а тратя только проценты с него, вот почему его церковь Богоматери оставили незавершенной, а его самого погребли довольно убого. Среди прочего имеется несколько портретов и много карт[268]. Следующие епископы не пользовались другой мебелью в этом замке; она тут имеется на два времени года, зимняя и летняя, и не может быть отчуждена.

Тут в ходу итальянские мили, пять итальянских равны одной немецкой; а еще тут повсюду считают полными сутками, не деля их пополам[269]. Мы поселились в «Розе», хорошей гостинице.

В субботу после обеда мы уехали из Тренто и проследовали схожим путем через ту же широкую долину, подпертую с боков безлюдными

[268] Примечания: 268

Без сомнения, это географические карты, живописное воспроизведение которых вошло в моду благодаря эпохе Великих открытий; см. ниже, в Ватикане и Капрароле.

[269] Примечания: 269

Эта итальянская привычка отсчитывать двадцать четыре часа от наступления темноты удивляла иностранцев вплоть до XIX века.

горами, и имея реку Адидже по правую руку. Миновали там замок эрцгерцога, прикрывающий дорогу, как и в иных местах, нам уже попадались другие укрепления, которые господствуют над путями, запирая проход, и очень поздно (поскольку неуклонно продолжали свое путешествие, до сих пор не имея роздыха) прибыли в

РОВЕРЕТО, пятнадцать миль. Город принадлежит эрцгерцогу.

Что касается гостиницы, то мы снова обрели то, от чего отвыкли, и у нас нашлось что сказать не только о немецкой чистоте комнат и мебели, но также об их еде и печах, которые г-н де Монтень счел более удобными, нежели камины. Что до снеди, то здесь нам недоставало раков, однако г-н де Монтень заметил на это, что и так было большим чудом, что их подавали на все наши трапезы после Пломбьера, на протяжении почти двухсот лье той страны. Здесь и вдоль всех этих гор они едят обычно улиток, гораздо более крупных и жирных, чем во Франции, но не такого хорошего вкуса. Едят также трюфели, их чистят, потом кладут тонкими ломтиками в оливковое масло с уксусом, которые тут неплохи. В Тренто нам их подавали выдержанными так в течение года. Снова, и к удовольствию г-на де

Монтеня, мы нашли здесь апельсины, лимоны и оливки. Занавеси на кроватях тут разрезные — либо из полотна, либо из кадиса[270],большими полотнищами, и раз от раза их привязывают все дальше. Г-н де Монтень сожалел также о той разновидности белья, которую в Германии кладут на постели в качестве одеял. Они не такие, как наши, но из нежнейшего пуха, а в хороших гостиницах заключены в весьма белую бумазею. Те, что под ними[271], в самой Германии устроены иначе, и без неудобства ими нельзя пользоваться как одеялом.

Думаю, правда вот в чем: будь он один со своими близкими, он скорее отправился бы в Краков или сушей в Грецию, нежели в Италию; но хотя ему настолько приятно посещать незнакомые страны, что он забывает даже о слабостях своего возраста и здоровья, ему так и не удалось заразить своим удовольствием никого из отряда, и каждый просил только об отступлении. Тут он привык говорить, что, как только после беспокойной ночи вспоминает поутру, что сегодня ему предстоит увидеть новый город или новую

---

[270] Примечания: 270
Кадис *(cadis)* — разновидность шерстяной ткани.

[271] Примечания: 271
То есть перины.

область, он встает с желанием и радостью. Когда его ум был занят тем, с чем он встретился в дороге или в гостинице, он всегда казался мне не таким усталым и меньше сетовал на свои хвори, ища любой повод поговорить с иностранцем, — наверное, это отвлекало его от боли.

Когда ему жаловались, что он часто ведет отряд разными путями по разным областям, порой близко возвращаясь к тому месту, откуда недавно уехал (ему случалось делать это, узнав о чем-то достойном осмотра или меняя прежнее намерение в зависимости от обстоятельств), он отвечал, что сам лично не едет ни в какое место, кроме того, в котором окажется, и поэтому не может ни ошибиться дорогой, ни отклониться от нее, поскольку не имеет никакого плана, кроме как прогуляться по незнакомым местам; и раз никто не видит, как он снова сворачивает на прежний путь или дважды возвращается в одно и то же место, значит, в его замысле не было никакой ошибки. А что касается Рима, куда стремились другие, то он тем меньше желал его увидеть, в отличие от прочих мест, что тот известен всем и каждому и нет такого лакея, который не смог бы сообщить что-нибудь о Флоренции или Ферраре. Он говорил также, что, видимо, становится похож

на людей, читающих довольно занятную повесть или прекрасную книгу, но которые опасаются, что она скоро кончится; он тоже получает такое большое удовольствие от путешествия, что начинает ненавидеть близость места, где должен передохнуть, а потому строит разные планы, как бы он путешествовал в свое удовольствие, если бы смог остаться один[272].

В воскресенье утром, имея желание увидеть озеро Гарда, которое знаменито в этой стране и откуда привозят весьма хорошую рыбу, он нанял три лошади — для себя и для сеньоров де Казалиса и де Матекулона, за двадцать *батцев* каждую; а г-н д'Эстиссак нанял две другие для себя и г-на де Отуа; и без слуг, оставив на этот день своих лошадей в гостинице [в Роверето], они поехали обедать в

ТОРБОЛЕ, восемь миль. Маленькая деревушка в тирольской юрисдикции. Она расположена в верхней части этого большого озера; на другой стороне этого верха имеется местечко с замком, называемое Рива, куда они отправились по озеру, это пять миль туда и столько же обратно, и проделали этот путь с пятью гребцами за

---

[272] Примечания: 272
Ср. «Опыты», III, 9.

три часа или около того. В сказанной Риве они ничего не увидели, кроме башни, которая показалась им весьма древней, и повстречали сеньора этого места по имени Фортунато Мадруччо, он брат кардинала, в настоящее время епископа Трентского[273]. Панорама озера к югу выглядит бесконечной, потому что оно имеет тридцать пять миль в длину. А все, что они смогли видеть из ширины, были только эти пять миль. Его верх находится в графстве Тироль, но весь низ по обе его стороны ¯владение Венецианской синьории, там имеется много красивых церквей и полно прекрасных парков с оливковыми, апельсиновыми и прочими плодовыми деревьями. Это озеро подвержено необычайно яростному волнению, когда тут случаются бури. Вокруг озера — горы, более хмурые и обрывистые, чем любые другие из тех, что мы видели с дороги, о чем сообщили сказанные господа; а что касается их отъезда из Роверето, то они переехали через реку Адидже и, оставив по левую руку дорогу на Верону, двинулись вглубь, где им повстречалась весьма

[273] Примечания: 273

См. выше, с. 146, прим. 3. На самом деле барон Фортунато Мадруччо был не сеньором Ривы, а всего лишь капитаном, возглавлявшим гарнизон местного замка; сама же Рива дель Гарда принадлежала князьям-епископам Тренто, а вовсе не графству Тирольскому. Старинная башня — это Торре Апонале, постройку которой относят к XIII веку.

вытянутая деревня с маленьким предместьем; это была самая суровая дорога, которую они видели, и самый дикий вид из-за этих гор, которые мешали проезду по ней[274]. Выехав из Торболе, они вернулись к ужину в РОВЕРЕТО, восемь миль. Там они сложили свои дорожные сундуки на *zatte*, которые в Германии называют *flottes*[275], чтобы доставить их в Верону по сказанной реке Адидже за один флорин; и мне была поручена на следующий день эта доставка. Сначала нам подали яйца в мешочек, потом щуку среди большого изобилия разнообразного мяса.

На следующий день, в понедельник, очень рано утром они уехали; и проехав этой довольно густонаселенной, но очень плодородной долиной, подпертой с боков высокими обрывистыми горами с множеством расселин, добрались к обеду в

БОРГЕТТО, пятнадцать миль. Это еще в графстве Тироль, поскольку сказанное графство очень велико. Здесь г-н де Монтень осведомился, бы-

---

[274] Примечания: 274

Эта экскурсия, в которой участвовали только господа, описана исключительно с их слов.

[275] Примечания: 275

См. выше, с. 110, прим. 2. *Zatte* (в тексте дано по-итальянски), *zattere*, — плоты.

ла ли та долина, которую мы[276] проехали, и представшие перед нами вершины гор уже чем-то другим; ему ответили, что тут много таких больших и плодородных междугорий и других прекрасных городов и что это словно платье, которое мы обычно видим только скомканным, однако если его разгладить, то Тироль — весьма обширная страна. У нас по-прежнему река была по правую руку.

Оттуда, уехав после обеда, мы последовали таким же путем до Кьюзы[277], маленькой крепостцы, которую захватили венецианцы, она находится в углублении между утесов на той же реке Адидже, вдоль которой мы спустились по склону из сплошной скалы, где лошади шли, с трудом удерживая равновесие. Через сказанный форт, где государство Венеция, в юрисдикцию которого мы въехали через две-три мили, после

[276] Примечания: 276

Мы знаем, что *секретарь* был послан по воде вместе с багажом и в конной поездке до Вероны не участвовал, так что все эти «мы», «они» и ниже «у нас» могут озадачить, однако этому есть простое объяснение: видимо, Монтень надиктовал ему свои впечатления или пересказал позже, вот откуда это взялось в его рассказе; и, кстати, в «Дневнике» такой разнобой — отнюдь не единственный случай.

[277] Примечания: 277

Кьюза ди Риволи — укрепленный горный проход; и опять разнобой: здесь «мы», а в конце абзаца — «они».

того как покинули Боргетто, держит двадцать пять солдат. Они [т. е. Монтень с остальными путешественниками] прибыли на ночлег в

ВОЛАРНЕ, двенадцать миль. Маленькая деревня и убогая гостиница, как все остальные вплоть до Вероны. Там некая благородная барышня, девица, сестра отсутствующего сеньора, отправила из местного замка г-ну де Монтеню вина.

На следующее утро они совсем потеряли горы справа от себя, а холмы, тянувшиеся слева, оставили далеко в стороне. Они долго следовали по бесплодной равнине, но потом по мере приближения к сказанной реке она стала немного лучше, более плодородной виноградными лозами, которым тут дают взбираться на деревья по обычаю этой страны[278], и в День Всех Святых перед мессой прибыли в Верону.

ВЕРОНА, двенадцать миль. Город величиной с Пуатье и имеющий наконец пространную ограду; через него под тремя мостами протекает ска-

[278] Примечания: 278

Обычай поднимать лозы на молодые вязы (как это делали еще древние римляне) до сих пор сохраняется в Италии, см. выше, с. 97, прим. 1.

занная река Адидже[279]. Я прибыл туда вместе с сундуками. Без *bolettes de la sanita*[280], которые они взяли в Тренто и подтвердили в Роверето, им не удалось бы въехать в город, даже если бы не ходило никаких слухов об опасности чумы; но это делается по привычке или чтобы вытрясти из путешественников несколько катренов[281], которые за них требуют.

Мы осмотрели Дуомо[282], где он [г-н де Монтень] нашел, что в такой день на праздничной мессе с песнопениями здешние мужчины странно вели себя: они беседовали между собой, стоя в самом хоре[283] церкви, не обнажив головы, повернувшись спиной к алтарю, и для приличия вспоминали о богослужении только при возношении святых даров. Тут имелся орган и скрипки,

---

[279] Примечания: 279

Остатки крепостных стен (у Монтеня «ограды» — *cloture*) сохранились до сих пор. Три моста — это Понте Пьетра (древнеримской постройки), Понте Нуово и Понте делле Нави, построенные Скалигерами — сеньорами Вероны в XIII–XIV веках; равно как и Понте Скалигеро или мост Кастельвеккио, который связывал город с предместьями.

[280] Примечания: 280

«Свидетельств о здоровье», в тексте на искаженном итальянском.

[281] Примечания: 281

Катрен (фр. *quatrin*, итал. *quattrino*) — старинная монета, составляла четверть *baiocco*.

[282] Примечания: 282

Дуомо — романская церковь, построенная на месте римского храма Минервы и перестроенная в XIV–XV веках.

[283] Примечания: 283
Что такое хор, см. выше, с. 59, прим. 2.

которые сопровождали мессу. Мы видели и другие церкви, где не было ничего особенного — ни в убранстве, ни в женской красоте.

Они посетили среди других церковь Святого Георгия[284], где немцы имеют сильное свидетельство, что были здесь, и много гербов. Имеется там также надпись [где сказано], что некоторые немецкие дворяне, сопровождавшие императора Максимилиана, когда он отбил Верону у венецианцев, положили здесь какое-то произведение на алтарь[285]. Он [г-н де Монтень] заметил на это, что здешняя Синьория сохраняет в своем городе свидетельства своих потерь, так же как она сохраняет в целости славные могилы своих бедных сеньоров делла Скала. Правда, хозяин нашей «Кобылки», очень хорошей гостиницы, где нас даже излишне обхаживали и где мы благодаря счету расходов заметили, что это дороже на четверть,

[284] Примечания: 284

Сегодня Сан Джорджетто или Сан Пьетро Мартире (Святого Петра Мученика, XV век).

[285] Примечания: 285

В XIX веке были расчищены гербы бранденбургских рыцарей, которые поддержали Кангранде II делла Скала (Скалигера) против его незаконнорожденного брата. Здесь можно видеть также фрески Фальконетто, где среди прочих фигур изображены два немецких рыцаря, а также латинская надпись с упоминанием Максимилиана, который взял Верону в 1509 году.

чем во Франции[286], пользуется одной из этих могил ради собственной выгоды[287]. Мы там видели замок[288], где им [господам] все показал поручик кастеляна[289]. Синьория тут держит шестьдесят солдат; как ему [г-ну де Монтеню] откровенно здесь сказали, скорее против горожан, нежели против чужеземцев.

Мы познакомились также с одним монашеским братством, они называют себя иезуатами Святого Иеронима[290]. Они не священники, не служат мессу и не проповедуют и по большей части невежественны, но считаются превосходными перегонщиками, дистиллируют душистую воду с запахом цветков апельсина и прочие подобные воды[291]. И здесь, и в других местах они носят белые, закопченные сверху рясы и малень-

---

[286] Примечания: 286

Здесь текст, видимо, был испорчен, в разных изданиях его интерпретировали по-разному, но мы придерживаемся варианта Керлона.

[287] Примечания: 287

Могилы Скалигеров (Arche Scaligere) знамениты — очевидно, хозяин «Кобылки» расхваливал их.

[288] Примечания: 288

Скорее всего, это Кастель Сан Пьетро, но речь может идти также о Кастельвеккио.

[289] Примечания: 289

То есть коменданта замка.

[290] Примечания: 290

Иезуаты — sic! — *Jesuati* (лат.), *Gesuati* (итал.) — изначально брат-

ство католиков-мирян, которое позже превратилось в религиозную конгрегацию.

[291] Примечания: 291

Этот орден учредил в XIV веке святой Джованни (Иоанн) Коломбини из Сиены (был упразднен в 1668 году), и с самого начала эти монахи не были священниками: их главными задачами была помощь немощным и калекам, а также дистилляция, в частности, флердоранжевой воды (*eau de naffes*). Остатки их обители еще существуют возле церкви Санта Либера.

кие белые шапочки; много красивых молодых людей. Их церковь весьма обустроена, равно как и их трапезная, где стол был уже накрыт для ужина. Они [господа] видели там некоторые старые развалюхи, очень древние, времен римлян, про которые монахи говорят, что это было амфитеатром, и латают их с помощью других камней, которые находят под ними в земле[292]. Возвратившись оттуда, мы обнаружили, что они ради нас надушили свои внутренние покои и впустили нас в некое рабочее помещение, наполненное сосудами и глиняными горшками, и нас тоже надушили. Но самым красивым из того, что мы осмотрели (и про что г-н де Монтень сказал, что это самое прекрасное сооружение, виденное им в своей жизни), было место, которое они называют *Arena*[293]. Это овальный амфитеатр, который виден почти целиком, все сиденья, все

[292] Примечания: 292

Речь идет о римском театре, построенном в эпоху Августа, реставрация которого была предпринята в XVIII веке.

[293] Примечания: 293

Арена (в тексте по-итальянски) — один из лучше всего сохранившихся римских амфитеатров (наряду с ареной в городе Ниме). Ее реставрация была начата Венецианской синьорией еще в XIII веке и позже была продолжена. В начале XVI века там устраивались турниры; сегодня дают оперы. Когда Монтень писал в своих «Опытах», III, 6, пассаж об амфитеатрах, он, без сомнения, думал не только о Колизее, но и о веронской арене.

арки и полукружья, кроме самых крайних наружных; короче говоря, тут имеется достаточно остального, чтобы увидеть вживе формы и предназначение этих строений. Синьория тут велела использовать некоторые взятые с преступников штрафы и на эти средства починила отдельные участки; но это весьма далеко от того, что потребно, дабы воссоздать арену всю целиком, и я сильно сомневаюсь, что у всего города хватит на это денег. Она в виде овала; в ней сорок три ряда ступеней, каждая высотой в один фут или более, и примерно шестьсот шагов в самом длинном месте округлости. Местные дворяне еще пользуются ею, чтобы устраивать конные поединки и состязания и прочие публичные увеселения.

Мы видели также евреев, г-н де Монтень побывал в их синагоге и много там расспрашивал об их церемониях. Тут есть весьма красивые площади и прекрасные рынки. Из замка, который наверху, перед нашими глазами предстала Мантуанская равнина, которая в двадцати милях по правую руку от нашей дороги. У них нет недостатка в надписях, потому что не найдется такой починки или малейшего водосточного желоба, хоть в городе, хоть на дорогах, куда бы они не втиснули

имени подеста и ремесленника[294]. Это у них общее с немцами, у тех везде понапиханы гербы, как купеческие, так и прочие, а ведь в Германии не только города, но и бóльшая часть местечек и поселений определенно имеет собственные гербы.

Мы покинули Верону и на выезде из города осмотрели церковь Мадонны Чудотворительницы, которая знаменита многими необычайными явлениями, оценив которые, ее отстроили заново очень красивой круглой формы[295]. Тамошние колокольни во многих местах покрыты кирпичами, причем положенными вкривь и вкось. Мы проехали по длинной разнородной равнине, то плодородной, то не очень, имея горы весьма далеко по нашу левую руку и кое-где по правую, и приехали одним перегоном к ужину в Виченцу.

ВИЧЕНЦА, тридцать миль. Это большой город, немного меньше Вероны, где полным-полно

---

[294] Примечания: 294

В «Опытах», III, 10, Монтень будет насмехаться над этим тщеславием муниципальных магистратов (*подеста* — один из них), но дальше в «Дневнике» (при упоминании Отриколи) выскажет иное мнение.

[295] Примечания: 295

Церковь Мадонна ди Кампанья, или Мадонна делла Паче, круглая снаружи, восьмиугольная внутри, была закончена в 1586 году по планам Санмикели.

дворцов знати[296].

Мы тут видели на следующий день несколько церквей и ярмарку, которая была тогда на большой площади; а многие лавки нарочно для нее строили из дерева в поле.

Мы видели там также *иезуатов*, у которых там прекрасный монастырь, и видели их лавку с душистыми водами, они ими торгуют и устраивают публичную продажу, и мы там приобрели два[297] этой душистой воды на один экю, потому что они их делают и лечебные, от всех болезней. Их основателем был Святой Иоанн Коломбини, дворянин из Сиены, который основал это братство в 1367 году, *P. Urb.*[298]. В настоящее время их покровитель — кардинал де Пельве[299]. Монастыри у них имеются только в Италии, но здесь их три

---

[296] Примечания: 296

Многие великолепные дворцы Виченцы были построены выдающимся архитектором Андреа Палладио. Наши путешественники приехали в город во время ярмарки, которую там устраивали раз в два года, с конца августа до середины октября, на площади Кампо Марчо.

[297] Примечания: 297

Два флакона.

[298] Примечания: 298

То есть в понтификат Урбана V.

[299] Примечания: 299

Никола де Пелеве, или де Пельве (1518–1594), архиепископ Санса в 1563 году, кардинал в 1570 году, архиепископ Реймса в 1592 году. Был одним из вождей Католической лиги во Франции и подвергся нападками в «Менипповой сатире» (*Satyre Menippée*). Монтень будет обедать у него

в Риме (см. ниже).

десятка. У них очень красивая обитель. Говорят, что они бичуют себя каждый день: каждый имеет цепочки для этого на своем месте в их часовне, где они безгласно молят Бога[300] и собираются там вместе в некоторые часы.

Тогда нам уже не хватало выдержанного вина, и это меня огорчало из-за его [г-на де Монтеня] колик, потому что он пил эти мутноватые вина, хоть в остальном и неплохие. Приходилось сожалеть о немецких винах, хотя они по большей части с искусственной отдушкой, из-за чего наделены разными ароматами, к которым там имеют пристрастие, даже шалфея, его так и называют: шалфейным вином; оно недурно, когда к нему привыкнешь, потому что в остальном оно хорошее и щедрое.

Мы уехали отсюда в четверг после обеда и по очень ровной дороге, широкой, прямой, немного приподнятой и с канавами по бокам, по обе стороны от которой простирались очень плодородные земли, а вдалеке, как обычно, горы насколько хватает глаз, и приехали в Падую.

ПАДУЯ, восемнадцать миль. Гостиницы тут не идут ни в какое сравнение с немецкими ни в

---

[300] Примечания: 300
То есть без песнопений.

обхождении, ни в чем другом. Правда, они не так дороги, на добрую треть, и в этом весьма приближаются к французским.

Она довольно велика, думаю, размером по меньшей мере с Бордо, если судить по обводной стене. Улицы узкие и некрасивые, весьма малолюдны, мало красивых домов; у нее довольно приятное местоположение — на равнине, далеко открытой со всех сторон. Мы там пробыли весь следующий день и видели разные школы: фехтовальные, бальных танцев, верховой езды, где оказалось больше сотни французских дворян, что г-н де Монтень счел большой помехой для молодых людей, приезжающих сюда из нашей страны, потому что такое общество, приучая их к нравам и языку собственной нации, тем самым отнимает у них средство свести знакомство с чужестранными[301]. Церковь Святого Антония ему показалась красивой, ее купол держится не

[301] Примечания: 301

Падуя была известнейшим образовательным центром, где располагался один из старейших университетов Европы (1222), откуда в XVI веке распространилось рационалистическое учение Пьетро Помпонацци. Можно лишь удивляться, что улицы города показались путешественникам «весьма малолюдными» и что Монтень ограничился посещением школ фехтования, танцев и верховой езды. Хотя некоторые исследователи полагают, что это можно объяснить кризисом, который парализовал университет в 1580 году вследствие студенческого бунта, жестоко подавленного властями.

сам по себе, но благодаря множеству углублений в своде. Имеется много замечательных скульптур из мрамора и бронзы. Ему понравилось лицо кардинала Бембо, свидетельствующее о мягкости его нрава и некоем благородстве ума[302]. Здесь [в Падуе] имеется самый большой зал без колонных опор, который я когда-либо видел, где отправляется их правосудие; и в одном конце голова худощавого Тита Ливия, образ, выдающий человека усердного в трудах и меланхоличного, старинное произведение, так и кажется, будто он вот-вот заговорит. Посвященная ему эпитафия тоже там имеется, найдя эту надпись, ее подняли, чтобы оказать ей честь, и поделом. Юрисконсульт Паулюс также здесь присутствует, у входа в этот дворец, но г-н де Монтень счел, что это недавнее

[302] Примечания: 302

Романо-готическая базилика Сан Антонио, дополненная в XV веке семью куполами, заключала в себе памятник Бембо работы Санмикели. Кардинал Бембо (1470–1574) — знаменитый гуманист, автор *Asolani*, упоминается в «Опытах», III, 5.

произведение[303]. Дом, который построен на месте древней арены, вполне достоин того, чтобы его увидеть, а также его сад[304]. Ученики тут живут, с полным основанием платя в самых порядочных пансионах семь экю в месяц учителю и шесть слуге.

Мы уехали оттуда в субботу рано утром по очень красивой насыпи вдоль реки[305], имея по обе стороны весьма плодородную, богатую хлебами равнину, где в полях тенистые деревья перемежаются виноградниками[306], а на дороге со всех сторон виднеются красивые загородные дома для отдохновения, и среди прочих принадлежащий роду Контарини, у ворот которого имеется надпись, что здесь, возвращаясь из Польши, останавливался король[307]. Мы приехали в

---

[303] Примечания: 303

Большой зал в палаццо делла Раджоне (XIII–XV века) был крыт свинцовыми листами по деревянной основе, сам зал декорирован Джотто; уничтоженный пожаром свод был восстановлен в 1430 году. Бронзовый бюст Тита Ливия (родившегося, как считалось, в Абано, воды которого Монтень посетит, см. ниже), который «будто вот-вот заговорит», на самом деле не «старинное произведение», а датируется всего лишь 1547 годом; латинская же надпись касается не самого знаменитого историка, а вольноотпущенника его семьи. Паулюс, римский юрисконсульт, жил в IV веке при императоре Александре Севере.

[304] Примечания: 304

Без сомнения, палаццо Дальсеманини, позже палаццо Фоскари; разрушено в XIX веке.

[305] Примечания: 305

Имеется в виду канал Навильо дель Брента.

[306] Примечания: 306

См. выше, с. 154, прим. 1.

[307] Примечания: 307

Генрих III, покинув польский престол ради французского, остановился в палаццо Контарини (сегодня палаццо деи Леони) в Мире в 1574 году.

Ка’ Фузину, где отобедали.

КА’ ФУЗИНА, двадцать миль. Это всего лишь постоялый двор, откуда по воде отправляются в Венецию[308]. На реке[309], по которой сюда прибывают всевозможные суда, устроены машины со шкивами, наподобие жерновов для выжимания масла, их крутят две лошади, и перетаскивают эти суда на деревянном поддоне при помощи всех этих колес под ним и над ним, и спускают их в канал, соединенный с морем, где и расположена Венеция[310]. Мы пообедали там и сели в гондолу, чтобы поужинать в Венеции.

ВЕНЕЦИЯ, пять миль. На следующий день, в воскресенье утром, г-н де Монтень увиделся с г-ном де Ферье, королевским послом, который радушно его принял, отвел к мессе и удержал

---

[308] Примечания: 308

Вплоть до постройки моста через лагуну в Ка’ Фузине заканчивался сухой путь в Венецию.

[309] Примечания: 309

Название реки — Брента.

[310] Примечания: 310

Возле местечка Фузина (или Лицца Фузина, Lizza Fusina) река Брента в 1339 году была перегорожена дамбой и с помощью каналов отведена как можно дальше в сторону, а остаток русла превращен в судоходный канал (это делалось, чтобы не допустить заиливания лагуны речными наносами и тем самым сохранить островное положение Венеции). После 1456 года груженые суда, приходившие в Фузину по Бренте и из лагуны по каналу, стали перетаскивать, даже не разгружая, в обе стороны через дамбу (где перепад уровней воды в реке и в канале достигал

нескольких метров) с помощью приспособления, которое называлось «тележка» *(il carro)*: канаты, тянувшие колесные платформы с судами, наматывались на крутившиеся с помощью лошадей барабаны. Этот механизм, предложенный французом Антуаном Марини, просуществовал до конца XVII века. Его-то и описывает здесь Монтень.

у себя на обед. [Этому старцу уже за семьдесят пять лет, по каковому поводу он говорит, что в своем возрасте здоров и жизнерадостен; но в его манерах и речах есть что-то схоластическое, мало живости и остроумия, а его мнения о наших делах весьма очевидно склоняются к кальвинистским новшествам[311].]

В понедельник они с г-ном д'Эстиссаком снова отобедали там. Вот что из сказанного послом среди прочего показалось ему [т. е. г-ну де Монтеню] странным: дескать, он не завел в городе ни одного близкого знакомства, поелику у здешних людей нрав такой недоверчивый, что, если бы один из их дворян поговорил с ним хотя бы раза два, они сочли бы это подозрительным; а также то, что Венеция приносит Синьории сто пятьде-

[311] Примечания: 311

Пассаж в квадратных скобках, добавленный на полях рукой самого Монтеня, сохранился в копии Леде. Что до самого Арно дю Ферье, доктора права Падуанского университета, который был также послом на Тридентском соборе, то по окончании своих полномочий в Венецианской республике (1582) он стал канцлером Генриха Наваррского и, видимо, сменил веру, сделавшись протестантом. Монтеню, ставшему посредником в переговорах между маршалом Матиньоном и Генрихом Наваррским, пришлось снова иметь с ним дело; вероятно, именно на Ферье он намекает в первом томе своих «Опытов» (I, 56, «О молитвах»), когда говорит: «Один человек, открывшись мне, признался в том, что всю свою жизнь исповедовал догматы религии и выполнял ее обряды, хотя и отвергал их в душе, для того чтобы не утратить своего высокого положения и почетных должностей».

сят тысяч экю ренты. Впрочем, редкости этого города достаточно известны. Он [г-н де Монтень] сказал, что нашел его не совсем таким, каким представлял себе, и чуть менее восхитительным. Он с крайним усердием осмотрел его со всеми особенностями. Местоположение, политическое устройство, Арсенал, площадь Св. Марка и толпы чужестранного люда показались ему самым примечательным[312].

В понедельник за ужином синьора Вероника Франко, венецианская благородная дама[313], прислала г-ну де Монтеню для ознакомления сочиненную ею книжечку писем[314]; он велел передать ей с тем же посыльным два экю[315].

Во вторник после обеда у него случилась колика, которая длилась два-три часа, не самая

[312] Примечания: 312

Монтень отмечает в «Опытах», I, 55, резкий и неприятный запах Венецианской лагуны, который, однако, не помешал ему оценить ее своеобразие; впрочем, он рассчитывал снова увидеть этот город (см. ниже). Политическое устройство республики, само название которой (Serenissima) символизировало идеал правосудия, основывалось на Большом совете (Consiglio Maggiore), сформированном представителями народа, и Малом совете (Consiglio Minore), состоящим из «мудрых», т. е. окружавших дожа советников, власть которого была таким образом ограничена своего рода конституционной хартией; другие стороны общественной жизни регламентировались совокупностью других государственных должностей. — Арсенал, учрежденный в 1104 году, увеличенный и обогащенный с XIV по XVI век, окруженный крепостными стенами и башнями, был военным центром республики, обладавшей грозным флотом. Площадь Сан Марко с ее собором и Дворцом дожей (Palazzo Ducale) были ее религиозно-политическим

центром.

[313] Примечания: 313

Вероника Франко (1546–1591) — одна из самых известных куртизанок Венеции в эпоху Возрождения, обладала довольно высоким социальным статусом, что позволяет Монтеню называть ее janti fame, то есть женщиной благородного происхождения, дворянкой. Была поэтессой, писательницей, увлекалась философией, музицировала, принимала в своем салоне выдающихся литературных и политических деятелей. В июле 1574 года, возвращаясь из Польши во Францию, ее посетил король Франции Генрих III; ее портрет писал сам Тинторетто. В 1575 году она опубликовала собрание своих стихов Terze Rime (т. е. терцины, трехстишия), многие из которых вошли в антологии поэзии Возрождения. В 1580 году вышли ее же *Lettere familiari a diversi* («Интимные письма к разным людям»), включавшие, помимо пятидесяти писем, два сонета, обращенных к королю Франции Генриху III (с которым Вероника провела ночь шесть лет назад), а также посвящение кардиналу Луиджи д'Эсте. Письмо № 1 предназначалось королю Генриху III, а письмо № 21 — Якопо Тинторетто с благодарностью за ее портрет. В 1998 году Маршалл Херсковиц снял по книге Маргарет Розенталь (1992) фильм, посвященный Веронике Франко, Dangerous Beauty (в России «Честная куртизанка»).

[314] Примечания: 314

Lettere familiari a diversi, 1580.

[315] Примечания: 315

Пикантность этого эпизода состоит в том, что в опубликованном около 1570 года «Каталоге самых знаменитых и почитаемых куртизанок Венеции» *(Catalogo di tutte le principal et più honorate cortigiane di Venetia)* указана сумма гонорара Вероники Франко — два скудо, а Монтень послал ей за книгу два экю, т. е. 2,4 скудо. Впрочем, в 1574 году она уже оставила свою «основную профессию», а 8 октября 1580 года, *за четыре дня* до отъезда Монтеня из Венеции, инквизиция предъявила ей обвинение в колдовстве. Состоялся суд, на котором Веронике удалось оправдаться, но оправиться от этого она уже не смогла.

сильная из тех, что приходилось видеть, и до ужина у него вышли один за другим два больших камня.

Он [г-н де Монтень] не нашел у венецианских дам той хваленой красоты, которую им приписывают, даже если присмотреться к самым благородным из тех, что сделали это своим промыслом; но ему показалось более удивительным, нежели что-либо другое, весьма изрядное их количество — полторы сотни или около того[316], — и они тратятся на мебель и достойные принцесс платья, не имея другого дохода, кроме торговли собственными прелестями; и многие даже из тамошней знати имеют на своем содержании куртизанок — что всем и видимо, и ведомо.

Он нанимал для себя гондолу на день и ночь за два ливра, что составляет примерно семнадцать солей, больше ничего не платя гондольеру[317].

---

[316] Примечания: 316

В том же «Каталоге самых знаменитых и почитаемых куртизанок Венеции» перечислены по алфавиту двести пятнадцать имен; Вероника Франко там значится двести четвертой. Но поскольку в этом перечне упоминались только «самые знаменитые и почитаемые», то подлинное их количество было, разумеется, неизмеримо больше, потому что власти республики негласно поощряли существование института куртизанок, считая, что тем самым предохраняют женщин от изнасилований, а мужчин, и особенно молодежь, от гомосексуализма.

[317] Примечания: 317

Монтень здесь употребляет искаженное *barquerol* от итал. *barcarolo* — лодочник, гондольер.

Продовольствие здесь так же дорого, как в Париже; но это вселенский город, где живут по лучшему счету, тем более что свита из слуг нам здесь была совершенно ни к чему, каждый ходил сам по себе; и расходы на платье были те же, да к тому же тут совершенно не нужна лошадь. В субботу, 12 ноября, мы отбыли оттуда утром и прибыли в Ка' Фузину.

КА' ФУЗИНА, пять миль, где за два экю наняли барку, в которой разместили и людей, и багаж. Г-н де Монтень привык опасаться воды[318], но, полагая, что его желудок тревожит только движение, хотел проверить, не будет ли ровное и однообразное течение этой реки (учитывая, что судно тянут лошади) тоже беспокоить его, однако, попробовав, нашел, что это не доставило ему никакой неприятности. На этой реке надо было пройти двое-трое ворот[319], которые закрываются и открываются для проплывающих. Мы добрались до Падуи.

ПАДУЯ, двадцать миль, где и заночевали. Здесь г-н де Казалис распрощался со всеми и остановился в пансионе за семь экю в месяц, с

---

[318] Примечания: 318
Монтень плохо переносил лодки, см. «Опыты», III, 6.

[319] Примечания: 319
Имеются в виду створы шлюзов на Бренте.

хорошим жилищем и обхождением. Он мог бы там нанять и лакея всего за пять экю; однако это самые лучшие пансионы, где есть хорошее общество, в частности сьер де Мийяк, сын г-на де Салиньяка[320]. У обоих не было слуг, кроме гостиничного лакея или горничных, которые занимаются обслуживанием; у каждого там была своя комната, весьма чистая. Огонь в комнатах и свечи им предоставлялись. Обхождение, как мы видели, очень хорошее. Тут живут задешево, по очень хорошей цене, которая, по моему мнению, и есть причина, по которой многие иностранцы здесь селятся, даже те, кто не учится здесь. Тут не принято разъезжать по городу на лошади и чтобы никто не сопровождал. В Германии я замечал, что там каждый носит шпагу на боку, вплоть до чернорабочих. Но в землях этой Синьории все наоборот, здесь ее никто не носит.

В воскресенье, 13 ноября, после обеда мы уехали оттуда и отправились посмотреть воды, которые были от нас по правую руку. Он [г-н де Монтень]

---

[320] Примечания: 320

Г-н де Мийяк (исправлено Лотре, в первых изданиях было Мийо) — это Франсуа де Гонто, сын Армана де Гонто, сеньора де Салиньяка, камергера короля Наваррского; был убит на дуэли в Италии в возрасте двадцати двух лет.

двинулся прямо к Абано[321]. Это деревушка у подножия гор, в трех-четырех сотнях шагов вверх от которой возвышается некое каменистое место. На этой довольно обширной высоте имеется много горячих ручьев и кипящих ключей, которые бьют прямо из скалы. Они слишком горячие возле своего истока, чтобы принимать ванны или пить. След от их течения совершенно серый, как пережженная зола; и они оставляют много отложений, напоминающих по виду твердые губки. Вкус у воды солоноватый и сернистый. Вся здешняя местность окутана испарениями, поскольку ручьи, стекающие отсюда со всех сторон на равнину, довольно далеко разносят эти жар и запах. Там имеется два-три домика, довольно плохо приспособленных для больных, куда эти воды подводят по желобам, чтобы можно было принимать ванны в помещении. Парит не только там, где есть вода, но и сама скала испускает пар через все свои расселины и трещины, отдавая жар повсюду, так что образуются некоторые места, где может улечься человек, и эти испарения его прогревают, заставляя потеть, что с ним вскоре и случается. Г-н де Монтень набирал эту воду в

[321] Примечания: 321

Абано, известный уже в древности, является сегодня одним из самых посещаемых термальных курортов Италии.

рот, дождавшись, чтобы она достаточно остыла и перестала быть такой горячей, и нашел, что вкус у нее скорее соленый, нежели что-то другое.

Потом по правую руку мы обнаружили аббатство Пралья, которое весьма знаменито своей красотой, богатством, а также учтивостью в приеме чужестранцев и обхождением с ними. Но он не захотел туда поехать, отговорившись тем, что всю эту местность, и особенно Венецию, собирается вновь осмотреть, но уже без спешки, в свое удовольствие, а в нынешнем посещении он ничего не оценил, поскольку оно было предпринято только из-за острейшего желания увидеть этот город. Он сказал, что не смог бы остановиться на отдых ни в Риме, ни в любом другом месте Италии, не познакомившись сначала с Венецией, и ради этого отклонился от прямого пути. В этой надежде он даже оставил в Падуе некоему мэтру Франсуа Буржу, французу, произведения аббата Кюзана, которые купил в Венеции[322].

Из Абано мы проехали в некое место на равнине, называемое Сан Пьетро, по-прежнему имея

[322] Примечания: 322

Увы, надежды Монтеня на повторное посещение Венеции так и не осуществились. — Николя де Кюза (1401–1466) — архидиакон Тревский, Бриксенский епископ, потом кардинал, автор произведений по теологии *(De docta ignorantia, De concordata catholica).*

по нашу правую руку довольно близкие горы[323]. Это край лугов и пастбищ, который тоже местами весь в испарениях из-за этих горячих вод — некоторые из них обжигающие, другие теплые, третьи холодные; а вкус чуть более затхлый и притупленный, нежели у других, серного привкуса меньше, почти совсем нет, только некоторая солоноватость. Мы там нашли кое-какие следы древних построек. Вокруг имеются два-три жалких домишки для больных, но на самом деле все это довольно дикое, и я не собираюсь посылать сюда своих друзей[324]. Они говорят, что власти не очень-то заботятся об этом, опасаясь в первую очередь иностранных сеньоров. По его словам, эти последние воды напомнили ему воды Прешак близ Дакса[325]. След от этой воды отчетливо красноватый, и она оставляет на языке осадок; похоже, что он не нашел у нее никакого вкуса, но решил, что она более железистая.

Оттуда мы проехали мимо очень красивого

---

[323] Примечания: 323

Деревня Сан Пьетро Монтаньон расположена на равнине у подножия Эуганских холмов — горных образований вулканического происхождения.

[324] Примечания: 324

Явно слова самого Монтеня.

[325] Примечания: 325

Прешак-ле-Бэн на Адуре в Гаскони.

дома некоего падуанского дворянина, где мучимый подагрой кардинал д'Эсте[326] провел более двух месяцев ради целебных свойств здешних вод, а заодно ради совсем близкого соседства венецианских дам, и оттуда добрались на ночлег в Батталью.

БАТТАЛЬЯ, восемь миль, маленькая деревушка[327] на канале дель Фрассине, который, имея глубину местами всего два-три фута, порой пропускает через себя весьма необычайные по размерам суда. Нам тут еду подавали на глиняных блюдах и деревянных тарелках за неимением оловянных; в остальном же было вполне сносно.

В понедельник утром я поехал вперед с мулом. Они же отправились посмотреть купальни, которые в полумиле оттуда, по насыпи вдоль этого канала. Как рассказал г-н де Монтень, там, на водах, всего один дом с десятью-двенадцатью комнатами. По словам местных, в мае и августе

---

[326] Примечания: 326

Луиджи д'Эсте, сын Эрколе II, герцога Феррарского, и Ренаты (Рене) Французской, кардинал с 1561 года. Упомянутый дом — большая вилла, прозванная Catajo из-за ее стиля, смутно напоминавшего китайский, построенная в 1570–1572 годах маркизом Пио Энеа дельи Обицци: см. ниже упоминание о «том замке сеньора Пио» (в первых изданиях «Дневника» он ошибочно назван «Пик»).

[327] Примечания: 327

Батталья — маленький термальный курорт, гораздо менее значимый, чем Абано.

сюда приезжает довольно много народу, но большинство селится либо в сказанном селении, либо в том самом замке сеньора Пио, где проживал г-н кардинал д'Эсте. Источник воды для купания находится на небольшой круглой возвышенности и по канальцам стекает в сказанный дом и ниже; ее тут совсем не пьют, а пьют скорее воду Св. Петра, которую они рассылают отсюда для лечения. Она течет с той же возвышенности по каналам совсем близко от пресной и хорошей воды; в зависимости от того, как долго она течет, она либо более, либо менее горяча. Он хотел взглянуть на ее исток, добравшись до самого верха; но они не могли ему этого показать и потому божились, что она бьет из-под земли. Он нашел, что в ней мало вкуса, как у воды Св. Петра, мало серного запаха, мало соли, и решил, что на того, кто ее пьет, она действует так же, как вода Св. Петра. След, который она оставляет в канальцах, — красный. В том доме, кроме купелей, имеются и другие места, где течет только та вода, под которую подставляют больную часть тела. Ему сказали, что при головных болях это обычно лоб.

Они имеют также в нескольких местах по ходу этих канальцев маленькие каменные будки, где закрывают, а потом открывают отдушины это-

го канала, и от пара и жара сильно потеют; это такие сухие парильни, которых они там имеют несколько видов. Но главное, что тут используют, — это грязь. Ее берут из большой открытой емкости под домом, черпают оттуда неким орудием и относят в соседнее помещение. Там у них имеется много деревянных инструментов, пригодных для ног, рук, бедер и прочих частей тела, чтобы обмазывать их, наполнив весь этот деревянный сосуд сказанной грязью, которую по необходимости обновляют. Эта грязь так же черна, как барботанская[328], однако более жирная и не такая зернистая, менее теплая и почти не имеет запаха. Все эти воды не имеют больших удобств, кроме близости Венеции; все здесь грубо и уныло.

Они уехали из Баттальи после завтрака и проследовали дальше вдоль того же канала. Довольно близко оттуда они встретили мост с каналом, который называют двухпутным каналом, поднятым с обеих сторон. В этом месте снаружи сделали дороги на уровне тех дорог, которыми следуют путешественники. Внутренние дороги спускаются до самого дна этого канала, туда, где

---

[328] Примечания: 328

Имеется в виду Барботан-ле-Терм в департаменте Жерс, Юг-Пиренеи.

начинается каменный мост на двух арках, а по мосту проложен канал, по которому течет вода. Сверху от одной арки до другой над этим каналом перекинут другой мост, очень высокий: по нему проходят люди, желающие перейти через канал, а под ним — суда, следующие по каналу. В глубине этой равнины имеется другой большой ручей, текущий с гор, русло которого и пересекает этот канал. Чтобы не прерывать его течения, был сделан каменный мост, по которому течет вода канала, а под ним течет этот ручей, пересекая его по ложу, облицованному по бокам деревом, так, чтобы этот ручей был способен нести лодки, там довольно места и в ширину, и в высоту. И к тому же по каналу постоянно проходят другие лодки, а по своду наиболее высокого из мостов — кареты, так что там имеются три пути один

над другим[329].

Оттуда, по-прежнему держа этот канал по правую руку, мы[330] проехали мимо Монселиче, местечка, лежащего на равнине, но обводные стены которого идут до верха некоей горы и включают в себя старый замок, который принадлежал былым сеньорам этого городка: в настоящее время это всего лишь развалины[331]. Оставив горы по правую руку, мы свернули налево и проследовали далее приподнятым, красивым и ровным путем, наверняка тенистым в [жаркую] пору; рядом с нами раскинулись очень плодородные равнины, где по обычаю этой страны среди хлебных полей много посаженных ровными рядами деревьев, на которых висят виноградные лозы. Большие быки серого цвета здесь столь обычны, что я уже не

[329] Примечания: 329

Издатели иногда пытались исправить этот маловразумительный пассаж, но тщетно: им так и не удалось сделать яснее длинное и запутанное описание. Из него можно уразуметь лишь то, что там имелся мост-канал, а над ним — мост для повозок и акведук с деревянным желобом-водоводом. *Секретарь*, посланный с вещами вперед («я поехал вперед с мулом»), на этом этапе передвигался отдельно от группы, а может, и вовсе другой дорогой, поэтому не рассмотрел или вообще не видел это сооружение (он сам пишет: «*Они* уехали из Баттальи… *они* встретили мост с каналом») и в своем описании руководствовался уже *post factum* рассказом хозяина или писал под его диктовку, когда тот пытался исправить непонятные места. Хотя самого Монтеня эта неуклюжесть, скорее всего, не слишком заботила, потому что, досконально изучив диковину, он нуждался лишь в «подспорье для памяти».

[330] Примечания: 330

Судя по этому «мы», здесь снова слышится голос самого диктующего Монтеня, потому что *секретарь* присоединится к группе гораздо позже, уже за Монселиче, на насыпи среди болот; см. ниже.

[331] Примечания: 331

Остатки замка Ла Рокка, уже в ту пору лежавшие в руинах, больше не связаны с обводной стеной города.

находил странными тех, что видел у эрцгерцога Фердинанда[332]. Мы встретились на насыпи, где по обе стороны дороги простираются болота, имеющие в ширину пятнадцать миль, и тянутся дальше насколько хватает глаз. В свое время это были большие озера, но Синьория попыталась их осушить, чтобы превратить в пашню, и кое-где им это удалось, хотя и очень мало. Теперь это бесконечное пространство — грязное, бесплодное и заросшее камышом.

Они больше потеряли, нежели приобрели, пожелав изменить то, что имели.

Через реку Адидже, протекавшую по нашу правую руку, мы проехали по мосту, опорой которому служат две небольшие баржи на пятнадцать — двадцать лошадей; их удерживает канат, протянутый над водой к берегу и закрепленный в ста с лишним шагах оттуда; а чтобы не давать ему намокать, в промежутке поставлено много маленьких лодок, которые рогатками поддерживают этот длинный канат. Оттуда мы приехали на ночлег в

РОВИГО, двадцать пять миль, маленький горо-

[332] Примечания: 332
См. выше, с. 135, прим. 2.

док, принадлежащий все той же Синьории[333].

[Мы устроились снаружи.] Они начали с того, что подали нам соль куском, которую берут, как сахар. Нет никакого изобилия мяса, как во Франции, хотя тут и привыкли говорить обратное, а еще они не смазывают салом жаркое, правда, это ничуть не отнимает у него вкуса. Из-за отсутствия стекол и оконных ставней их комнаты не так чисты, как во Франции; постели лучше сделаны, более ровные, наверняка из-за матрасов, но зато у них тут только плохо сотканные маленькие занавеси, и они экономят на белом постельном белье. Кто путешествует один или с малой свитой, его тут вообще не получает. Дороговизна как во Франции или чуть больше.

Это родина добрейшего Целиуса, который назвал себя *Родигинусом*[334]; город довольно красив, имеется прекрасная площадь; через него протекает река Адидже.

Утром во вторник, 15 ноября, мы уехали оттуда

---

[333] Примечания: 333

То есть Венецианской синьории.

[334] Примечания: 334

Гуманист Лудовико Риккьери, называвший себя на латинский лад Целиус Родигинус, известный также как Челио Родиджино *(Caelius Rhodiginus, Celio Rhodigino)*, родился в Ровиго около 1450 года, умер в 1525-м в Падуе, где преподавал; ему покровительствовали Людовик XII и Франциск I. Монтень пользовался его обширной компиляцией *Antiquarum lectionum libri* XVI.

и, проделав долгий путь по дороге, напоминающей ту, что ведет в Блуа, пересекли сначала реку Адидже, которую встретили по нашу правую руку, а потом реку По, встреченную слева, по мостам, похожим на те, что были накануне, разве что тут на мосту имеется будка, в которой платят пошлину за проезд согласно напечатанному и обязательному к исполнению указу, который они предъявляют, попросту останавливая проплывающие суда, чтобы насчитать им плату и взять деньги до того, как те пристанут[335]. Спустившись на низменную равнину, где, похоже, в дождливую погоду дорога становится непроезжей, мы за один перегон добрались к вечеру до Феррары.

ФЕРРАРА, двадцать миль. Тут из-за их требования предъявить паспорта и свидетельство о здоровье нас надолго задержали у городских ворот, как и всех, кто въезжает. Город величиной с Тур, местоположение весьма равнинное; много дворцов; улицы по большей части широкие и прямые, весьма многолюдные.

В среду утром г-да д'Эстиссак и де Монтень

---

[335] Примечания: 335

Во Франции пошлину платили, «после того как подошли к причалу» («Опыты», I, 49).

отправились целовать руки герцогу[336], собираясь сообщить ему о своих намерениях. Герцог отправил своего придворного встретить их и провести в свой кабинет, где был с двумя или тремя людьми. Мы прошли через множество закрытых покоев, где было много хорошо одетых дворян. Нас впустили. Мы нашли герцога стоящим у стола, где он их поджидал. Он поприветствовал их, когда они вошли, и все время оставался с непокрытой головой, пока г-н де Монтень говорил с ним, что было довольно долго. Герцог спросил в первую очередь: понимает ли он его язык, и когда ему было отвечено, что да, он очень красноречиво сказал им по-итальянски, что очень охотно видит дворян этой нации, будучи слугой христианнейшего короля[337], которому он очень обязан и благодарен. Они поговорили еще о многом другом, после чего удалились; сеньор герцог

[336] Примечания: 336

Альфонсо II д'Эсте (1533–1597), старший сын Эрколе II и Ренаты (Рене) Французской (которая после т. н. «дела о листовках» предоставила убежище в Ферраре французским протестантам, в том числе и известному гуманисту и поэту Клеману Маро). Молодой сеньор д'Эстиссак вручил герцогу два рекомендательных письма, одно от Генриха III, другое от Екатерины Медичи, перевод которых на итальянский сохранился в архиве города Модены. И в описании встречи опять наблюдается путаница между «мы» и «они», из чего следует, что *секретарь* в ней не участвовал, а записана она была со слов самого Монтеня.

[337] Примечания: 337

То есть французского.

так и не покрыл голову.

Мы видели в одной церкви изображение Ариосто, у него тут чуть более полное лицо, чем в его книгах; он умер в возрасте пятидесяти восьми лет 6 июня 1533 года[338].

Они тут подают фрукты на тарелках. Все улицы вымощены кирпичом. В Падуе очень много аркад, которые непрерывны и служат большому удобству, чтобы прогуливаться при любой погоде под кровом и, надобно сказать, без помета [под ногами]. В Венеции улицы и мостовые такие же и тоже сделаны под уклон, так что на них никогда нет грязи. Я забыл сказать о Венеции, что в тот день, когда мы оттуда уехали, нам встретилось на нашем пути много барок, которые все везли в своих недрах груз пресной воды: груз одной такой лодки в Венеции стоит один экю, и этой водой пользуются, чтобы пить или красить ткани. Будучи в Ка' Фузине, мы видели, как там

---

[338] Примечания: 338

Это год рождения самого Монтеня, который очень любил Ариосто в своей юности; см. «Опыты», II, 10. Могила поэта находилась до 1801 года в церкви Сан Бенедетто. Любопытно, что в «Дневнике» не упоминается визит Монтеня к повредившемуся в уме Торквато Тассо, запертому в больнице Св. Анны в Ферраре с 1579 года. Мы можем только догадываться, почему Монтень умолчал здесь об этом, но, скорее всего, жалкое состояние поэта, которого он почитал гением, произвело на него столь тягостное впечатление, что он решился заговорить об этом лишь позже, при подготовке нового издания «Опытов», куда внес добавления (1582, II, 12).

при помощи лошадей, беспрестанно крутящих колесо, черпают воду из ручья и наливают ее в сказанные лодки, встающие внизу, в канале.

Мы пробыли в Ферраре весь тот день и видели немало красивых церквей, садов и частных домов[339], в общем, все указанные нам достопримечательности, и среди прочего розовый куст у *иезуатов*, который цветет каждый месяц в году, вот и тогда на нем тоже оказался один цветок, который преподнесли г-ну де Монтеню. Мы видели также «Буцентавра», которого герцог велел построить для своей новой жены, которая красива, но слишком молода для него, на зависть венецианскому [«Буцентавру»], чтобы вывести его в реку По. Мы видели также арсенал герцога, где есть одна пушка длиной тридцать пять *панов*,

[339] Примечания: 339

Феррара богата замечательными дворцами и частными особняками: палаццо Скифанойя (Schifanoia), Алмазный дворец, палаццо Лодовико Моро (Костабили).

которая достигает в диаметре одного фута[340].

Из-за мутноватых молодых вин, которые мы пили, а также речной воды, тоже мутной, он [г-н де Монтень] опасался колики. На всех дверях гостиницы написано: *Ricordati della boletta* — «Не забудьте свидетельство о здоровье». Если же вдруг такое случится, надо послать магистрату свое имя и количество сопровождающих людей, которых просят поселить, а иначе их не селят.

В четверг утром мы уехали оттуда и проследовали по ровной и плодородной местности, труднопроходимой для пешеходов в пору распутицы, поскольку, хотя земля в стране Ломбардии[341] весьма тучная и дороги со всех сторон перерезаны канавами, но если зайти подальше, становится невозможно оградить себя от грязи,

---

[340] Примечания: 340

«Буцентавром» (итал. *Bucintoro*) называлась величественная, богато украшенная галера, на которой в День Вознесения Господня дож Венеции отплывал на церемонию «венчания с морем» *(sposalizio del mare)*. По ее образцу герцог Феррарский велел построить речную галеру для своей третьей жены Маргариты Гонзаги, дочери герцога Мантуанского, которая была лет на тридцать моложе его. Дед герцога Феррарского велел отлить орудия для своего Арсенала: две огромные кулеврины, Джулия *(Giulia)* и Реджина (*Regina)*, а также бомбарду, названную Большим Чертом (*Gran Diavolo). Пан* (*pan*, от окситанского *empan*) — старинная мера длины, равная примерно 25 сантиметрам; за ее основу взято расстояние между кончиками растопыренных большого пальца и мизинца одной руки.

[341] Примечания: 341

Эта территория, названная так в память о королевстве лангобардов

и плохо очерченная в ту эпоху, была гораздо обширнее современной области Ломбардия, через которую, собственно, маршрут Монтеня *не пролегал*.

так что многие местные ходят на небольших ходулях в полфута высотой. К вечеру мы одним перегоном добрались в Болонью.

БОЛОНЬЯ, тридцать миль. Большой красивый город, гораздо больше и многолюднее, чем Феррара.

В нашей гостинице оказался молодой сеньор де Монлюк, который вселился сюда часом раньше, прибыв в этот город из Франции ради здешних школ фехтования и верховой езды[342].

В пятницу мы видели, как фехтует Венецианец[343], который бахвалится тем, что изобрел новые приемы в этом искусстве, которые превосходят все прочие; и в самом деле, его манера фехтовать во многом отличается от обычной. Лучшим из учеников был молодой человек из

[342] Примечания: 342

Блез де Монлюк, в ту пору восемнадцатилетний юноша, с которым Монтень снова встретится в Риме, был внуком и тезкой знаменитого маршала Блеза де Монтескье, сеньора де Монлюка, написавшего книгу мемуаров, названную им «Комментарии».

[343] Примечания: 343

В данном случае это прозвище фехтовальщика, Монтень упомянет его еще раз как «*Венецианца* из Болоньи», см. ниже, с. 355, прим. 3.

Бордо по имени Бине[344]. Мы видели колокольню — квадратную, старинную и построенную так криво, что кажется, будто вот-вот рухнет. Мы видели также школы, где преподают науки, это самое прекрасное здание, которое я когда-либо видел для этой цели[345].

В субботу после обеда мы видели комедиантов, чем он [г-н де Монтень]остался очень доволен[346], однако из-за этого или по какой-то другой причине у него так разболелась голова, как не болела уже несколько лет; но поскольку он говорил при этом, что почки его совсем не беспокоят, хотя он давно привык к обратному, а потому наслаждался тем, что внутри у него все благополучно, как по возвращении из Баньера[347], то и головная боль прошла ночью. Этот город украшен прекрасными

---

[344] Примечания: 344

Личность этого венецианца-фехтовальщика осталась неизвестной, но зато о его ученике Бине *(Binet),* перешедшем впоследствии на службу к испанцам, возможно, говорит Брантом в VI томе своих «Произведений».

[345] Примечания: 345

Башня Гаризенда (построена в 1110 году, высота 48 метров, наклон 3,20 метра) вместе с находящейся рядом башней Азинелли (построена в 1119 году, высота 98 метров) является символом Болоньи. — Это палаццо Аркиджинназио, которое в 1562–1563 годах построил Терри-билья. В нем до 1803 года располагался Болонский университет, сейчас там размещена очень важная библиотека. Употребление «школ» во множественном числе не должно удивлять, поскольку в старину университет и считался совокупностью разных школ — факультетов.

[346] Примечания: 346

Монтень очень любил театр; см. «Опыты», I, 26. Актеры, игру которых он видео в Болонье, были, вероятнее всего, труппой «Конфиденти» (Confidenti).

[347] Примечания: 347

См. выше, с. 81, прим. 2.

просторными аркадами и множеством великолепных дворцов. Тут живут как в Падуе или окрестностях, и по очень хорошей цене, но в старых частях города не слишком спокойно, потому что они оказались поделены между отдельными партиями, тяготеющими к тому или иному народу: одни неизменно именуют себя французами, а другие — испанцами, которых здесь довольно много[348]. На площади имеется очень красивый фонтан[349]. В воскресенье он [г-н де Монтень] решил добраться до Рима, свернув налево, в сторону Имолы, Анконской марки и Лорето, однако один немец сказал ему, что был ограблен какими-то лиходеями в Сполетском герцогстве[350]. Поэтому в итоге он выбрал прямой путь на Флоренцию. И вот так мы неожиданно пустились в дорогу

[348] Примечания: 348

Сохранились названия этих старинных партий: это *гвельфы* (сторонники папы), которым благоприятствовала Франция, и *гибеллины* (сторонники императора), которых поддерживала Испания.

[349] Примечания: 349

Фонтан «Нептун», шедевр скульптора Джамболоньи (Джованни да Болонья, настоящее имя — Жан де Булонь из Дуэ).

[350] Примечания: 350

В окрестностях Сполето тогда свирепствовал разбойник Петрино Леончилли (см. ниже, с. 273, прим. 3).

через суровый гористый край[351] и приехали на ночлег в Лояно.

ЛОЯНО, шестнадцать миль, маленькая деревушка, довольно неуютная. В этой деревне две гостиницы, которые знамениты среди всех итальянских своим вероломством: проезжих тут потчуют прекрасными обещаниями всяческих удобств, пока те не ступили ногой на землю, но стоит им отдаться на их милость, как начинают издеваться над ними почем зря, — на сей счет народ даже сложил поговорки.

Мы уехали оттуда на следующий день рано утром и до самого вечера пробыли в пути, который и в самом деле оказался первым в нашем путешествии, который можно назвать неудобным и трудным, среди самых диких гор, какие нам только попадались, и приехали на ночлег в Скарперию.

СКАРПЕРИЯ, двадцать четыре мили. Маленький тосканский городок, где продаются всевозможные футляры, ножницы и похожие товары.

Он [г-н де Монтень]получил здесь огромное удовольствие от переговоров с хозяевами гостиниц. У них тут принято отправлять навстречу

---

[351] Примечания: 351

Выбрав направление на Флоренцию, Монтеню предстояло пересечь Апеннины через теснину Ратикоза и Джого ди Скарперия.

чужестранцам за семь-восемь лье своих посланцев, заклиная путников остановиться у них. Вам частенько попадется и сам хозяин на лошади, а в разных местах вас будут подкарауливать многие хорошо одетые люди; и г-н де Монтень всю дорогу, желая позабавить [своих спутников], позволял в шутку обсуждать с собой различные предложения, которые каждый ему делал, а ведь чего ему только не сулили, *anche ragazze e ragazzi*[352]. Был один, который предложил ему зайца в дар от чистого сердца, если он только почтит своим присутствием его дом. У городских ворот их обсуждения и прения прекращаются, и они более не осмеливаются добавить к сказанному ни слова. Как правило, они предлагают вам конного проводника за свой счет, чтобы проводить вас и доставить часть вашего багажа до самой гостиницы, куда вы направляетесь; они всегда так делают и сами оплачивают свои издержки. Я знаю, что их обязывает к этому некий указ из-за опасности дорог.

О том, сколько мы должны заплатить и что получить за это в Лояно, мы сторговались еще в

[352] Примечания: 352

«Даже юношей и девушек» — эту фразу на итальянском, наверняка принадлежавшую самому Монтеню, Керлон в своих первых изданиях «Дневника» стыдливо поместил в примечания.

Болонье. Поскольку нас донимали люди хозяина, где мы проживали, и в других местах, он [г-н де Монтень] послал кое-кого из нас[353] посетить все гостиницы и ознакомиться со снедью, винами и прочувствовать условия, прежде чем спешиться и согласиться на лучшее; но, как ни торгуйся, обмана все равно не избежать, потому что где-то вам обязательно чего-нибудь недостанет: дров, свечей, постельного белья или сена, которые вы забыли оговорить. Тут всегда полно путников, потому что это главная и обычная дорога в Рим.

Здесь мне сказали о глупости, которую я совершил, забыв осмотреть в десяти милях за Лояно, в двух милях от дороги, вершину некоей горы, откуда ночью либо в дождливую и грозовую погоду вырывается необычайно высокое пламя, и человек рассказывал, что оттуда также большими толчками вылетают мелкие монеты с каким-то изображением. Надо было посмотреть, что все это такое[354].

---

[353] Примечания: 353

Слуг, разумеется.

[354] Примечания: 354

Большинство издателей вполне обоснованно полагает, что этот пассаж добавлен самим Монтенем либо явно надиктован им. *Fontane ardenti (огненные фонтаны)* Пьетрамалы и, в частности, маленький вулкан Пельо (Peglio) действительно извергают пламя, но, разумеется, никакие не монеты.

На следующий день мы отбыли из Скарперии и с нашим хозяином в качестве проводника проехали прекрасной дорогой среди множества возделанных и населенных холмов. Мы отклонились от нашего пути вправо примерно на две мили, чтобы посмотреть дворец, который герцог Флорентийский построил там двенадцать лет назад и воспользовался всеми своими пятью природными чувствами, чтобы украсить его. Кажется, что он нарочно выбрал для него столь неудобное местоположение: бесплодное, гористое и даже лишенное источников, чтобы удостоиться этой чести — добыть воду в пяти милях оттуда, а песок и известь — в других пяти милях. Там нет ни клочка ровной поверхности. Мы видели множество холмов, имеющих форму, повсеместно распространенную в этом краю. Вилла называется Пратолино[355]. Если смотреть издали, то в самом здании вроде бы ничего особенного, но вблизи оно очень красиво, хотя и несравнимо с самыми красивыми зданиями нашей Франции. Они говорят, что тут сто два-

[355] Примечания: 355

Ее начал строить в 1569 году архитектор Бернардо Буонталенти для великого герцога Франческо I Медичи. Несколько произведений искусства все еще существуют в парке, например, колоссальная статуя «Аллегория Апеннин» Джамболоньи — тот самый гигант, о котором пойдет речь ниже.

дцать меблированных комнат; мы видели из них десять-двенадцать самых красивых. Мебель хороша, но не великолепна.

Из чудесного имеется грот со многими ответвлениями и нишами; эта часть превосходит всё, что мы когда-либо видели в другом месте. Он облицован и выложен повсюду неким материалом, про который говорят, что он добыт где-то в горах и незаметно скреплен гвоздями. Тут имеется не только благозвучная музыка, которую производит течение воды, но еще эта вода, колебля многие статуи, а также врата, побуждает их к разным действиям; животные, например, наклоняются, чтобы пить, и тому подобное. Вдруг весь грот разом наполняется водой, все сиденья брызжут вам водой в ягодицы[356], и вы убегаете из этого грота вверх по лестницам замка, а те, чтобы доставить вам удовольствие, орошают вас множеством водяных струек через каждые две ступени вплоть до самого верха. Красоту и богатство этого места невозможно представить себе по отдельности. Ниже замка имеется среди прочего аллея шириной в пятьдесят футов и длиной примерно в пятьсот шагов, которую

[356] Примечания: 356
Ср. со старинными описаниями лабиринта в Версале.

сделали почти ровной ценой больших расходов, с двух ее сторон имеются длинные и очень красивые каменные балюстрады размером пять или десять на десять шагов; вдоль этих балюстрад в стене имеются ответвления фонтанов — это всего лишь точечные фонтанчики вдоль всей аллеи. В глубине расположен прекрасный фонтан, струя которого изливается в большую емкость через канал в мраморной статуе, которая изображает женщину, занятую стиркой. Она выжимает белую скатерть, из складок которой стекает каплями эта вода, а под ней имеется другая емкость, где вода для стирки словно кипит. В одном зале замка имеется также шестиместный мраморный стол, и на каждом из этих мест в мраморной столешнице можно приподнять за кольцо крышку, под которой имеется сосуд. В каждом из этих шести сосудов бьет струя фонтана, чтобы каждый мог охладить свой кубок, а посредине бьет еще одна струя побольше, чтобы ставить бутылку. Мы там видели также весьма широкие ямы в земле, где хранят большое количество снега весь год[357]; его укладывают на подстилку из дрока, а

[357] Примечания: 357

Обычай сохранять снег или лед для жаркого времени года практиковался более-менее повсеместно; см. выше о «снежной ренте» монахинь Ремирмона.

потом на все это наваливают довольно высокую копну соломы в виде пирамиды, как на маленьком гумне. Здесь имеется множество водоемов. И возвышается тело некоего гиганта, у которого один только открытый глаз размером в целых три локтя, а все остальное пропорционально этому, где изливается весьма полноводный источник. Имеется множество водоемов и прудов, которые наполняются из двух источников по многочисленным глиняным трубам. В одном очень красивом и большом вольере мы видели маленьких птичек, похожих на щеглов, у которых на хвосте два длинных пера, как у большого каплуна. Имеется также необычная парильня. Мы там задержались на два-три часа, а потом продолжили наш путь по верхам некоторых холмов до самой Флоренции.

ФЛОРЕНЦИЯ, семнадцать миль. Город по величине меньше Феррары, расположен на равнине и окружен множеством весьма возделанных холмов. Через него протекает река Арно, проходя под всеми мостами. Мы не обнаружили никакого

рва вокруг городских стен[358].

У него [г-на де Монтеня]в тот день вышли два камня и много песка, не оставив другого ощущения, кроме легкой боли внизу живота.

В тот же день мы видели конюшню великого герцога, весьма большую, сводчатую, где оказалось, однако, не так уж много ценных коней, разве что в тот день они отсутствовали. Мы видели там барана весьма необычного вида, а также верблюда, львов, медведей и одно животное размером с весьма большого сторожевого пса, напоминающее кота, все исполосованное белым и черным, которого они называют тигром[359]. Мы видели церковь Сан Лоренцо, где все еще висят знамена, которые мы потеряли при маршале Строцци в Тоскане. Имеются в этой церкви многие стенные

---

[358] Примечания: 358

Укрепления Флоренции (третья обводная стена XIII–XIV веков), усиленные Микеланджело, защитили город в 1529–1530 годах во время осады имперскими войсками; они были снесены лишь в XIX веке. Насчет того, что Флоренция меньше Феррары, — явная ошибка глазомера: либо *секретаря*, либо, скорее всего, самого Монтеня, поскольку он проверял написанное своим слугой.

[359] Примечания: 359

Посещение конюшен произошло в отсутствие великого герцога, который, возможно, и забрал с собой лучших лошадей. Эти *stalle medicee*, устроенные в 1515 году на площади Сан Марко, были расширены и украшены Козимо I и его сыновьями Франческо I и Фердинандо I. К ним добавили зверинец, который находился сначала у Палаццо Веккио во время работ по его расширению в 1550 году.

росписи и очень красивые, просто превосходные статуи работы Микеланджело. Мы там видели Дуомо, очень большую церковь, и колокольню, всю облицованную черным и белым мрамором: это одна из прекраснейших и роскошнейших вещей в мире[360].

Г-н де Монтень говорил прежде, что никогда не встречал народа, где было бы так мало красивых женщин, как в итальянском[361]. Здешние гостиницы он нашел гораздо менее удобными, чем во Франции и Германии, поскольку мясных блюд тут меньше, нет даже половины немецкого изобилия, и они хуже приготовлены. И тут и там мясо подают, не шпигуя салом, но в Германии кушанья гораздо лучше приправлены и больше разнообразие соусов и похлебок[362]. Гостиницы в

[360] Примечания: 360

В битве при Марчано (Марчиано) Пьеро Строцци (возглавлявший сиено-французские войска) был побежден Джан Джакомо Медичи по прозвищу Медегино (возглавлявшим флорентийско-испанские войска) и потерял сто знамен. — Церковь Сан Лоренцо, перестроенная в 1425–1426 годах. Брунеллески и его учениками, украшена фресками работы Бронзино, а в т. н. капелле Медичи находятся гробницы Джулиано, герцога Немурского (третьего сына Лоренцо Великолепного), и Лоренцо, герцога Урбинского (внука Лоренцо Великолепного), работы Микеланджело с аллегорическими фигурами Дня и Ночи, Утра и Вечера. — Дуомо, собор Санта Мария дель Фьоре, был начат в XIII веке, чтобы заменить собор Санта Репарата, и закончен в XV веке. Трудно сказать, почему в «Дневник» вкралась ошибка насчет черно-белой колокольни, поскольку Кампанилле, начатая Джотто и законченная Андреа Пизано и Франческо Таленти, облицована зеленым, розовым и белым мрамором *(см. послесловие переводчика)*.

[361] Примечания: 361

Его категоричное суждение будет позже смягчено в «Опытах», III, 5: «Женщины Италии чаще всего хороши собою, и безобразных там меньше, чем у нас; но что касается редкостных и совершенных красавиц, то в этом отношении, по-моему, у нас с нею полное равенство».

[362] Примечания: 362

Т. е. всего того, что приготовлено в горшке, в отличие от жаркого, см. выше, с. 85, прим. 3.

Италии гораздо хуже, никаких залов, окна большие и все открытые, кроме большого деревянного ставня, который омрачает вам дневной свет, если вы хотите защититься от солнца или ветра; хотя самым нестерпимым и непоправимым он [г-н де Монтень] находил отсутствие занавесей на постелях в Германии. У них тут тоже имеются только маленькие халупки с жалкими занавесками, одна на комнату, да еще с *кариолью*, [добавочной] лежанкой на колесиках под ней, и тому, кто ненавидит спать на жестком, это очень мешает[363]. Такая же или гораздо бóльшая нехватка белья. Ви́на по большей части хуже, особенно для тех, кто ненавидит в них дряблую сладковатость, в эту пору невыносимую. Дороговизна тут на самом деле не такая уж большая. Хотя утверждают, что Флоренция — самый дорогой город в Италии. Прежде чем мой хозяин [т. е. Монтень] вселился в гостиницу «Ангел», я там сторговался на семь реалов в день за человека с лошадью и на четыре

[363] Примечания: 363

Кариоль *(cariole)* — постель на колесиках, которую держали под высокой постелью и выкатывали в случае надобности; здесь это слово употреблено еще и в смысле «плохая постель».

реала за пешего[364].

В тот же день мы посетили дворец герцога, где этот государь самолично трудился ради собственного удовольствия, имитируя восточные драгоценные каменья и делая горный хрусталь, поскольку немного увлекался алхимией и механическими искусствами, а вдобавок был великим архитектором[365].

На следующий день г-н де Монтень первым поднялся наверх, к куполу, где увидел бронзовый позолоченный шар, который кажется снизу величиной с мячик, но когда находишься неподалеку, оказывается, что он способен вместить сорок человек[366]. Там становится видно, что мрамор, которым облицована церковь, даже черный, начинает во многих местах отслаивать-

---

[364] Примечания: 364

Гостиница «делль'Аньоло» (dell'Agnolo) — одна из старейших во Флоренции, находилась на улице Борго Сан Лоренцо; *реал* — испанская монета, имевшая хождение в Италии.

[365] Примечания: 365

Герцог Франческо, увлекшись алхимией, проводил целые дни в Казино ди Сан Марко, построенном в XVI веке Бернардо Буонталенти (в настоящее время там располагается Апелляционный суд), где предавался различным изысканиям, пытаясь найти способы искусственно воспроизводить горный хрусталь и делать фарфоровые изделия типа индийских.

[366] Примечания: 366

Явная описка — на самом деле максимум четырех, поскольку диаметр шара равен 2,80 метра.

ся и растрескиваться от мороза и солнца, даже черный[367], поскольку это произведение необычайно разнообразно и трудоемко, что заставляет его опасаться: а достаточно ли натуральным был этот мрамор? Он хотел также увидеть дома Строцци и Гонди, где все еще проживают их родичи. Мы видели и дворец герцога, где Козимо, его отец, велел изобразить взятие Сиены и нашу проигранную битву: тем не менее в различных местах этого города, а именно в этом дворце, на старых стенах лилии занимают первый почетный ряд[368].

Г-да д'Эстиссак и де Монтень были на обеде у великого герцога: потому что тут его так называют. Его жена сидела на почетном месте, за ней герцог, за герцогом — невестка герцогини, за ней

---

[367] Примечания: 367

Повторение фразы *«даже черный» (même le noir)*, которую Керлон напечатал курсивом, свидетельствует о том, что, она, вне всякого сомнения, была и в рукописи, поскольку фигурирует также в копии Леде. Но это, повторим, тем удивительнее, что черный мрамор во внешней отделке Дуомо не применялся, а только темно-зеленый *(см. послесловие переводчика)*.

[368] Примечания: 368

Дворец Строцци — один из самых красивых во Флоренции. Некоторые ветви этого рода, так же как и рода Гонди (к которой принадлежал и кардинал де Рец), стали французскими. — Дворец герцога — это Палаццо Веккио, сегодня городская ратуша; в Салоне деи Чинквеченто фрески Джорджо Вазари изображают взятие Сиены, которую Монлюк вынужден был сдать после героической обороны и битвы при Марчано (см. выше, с. 185, прим. 1). Красная лилия, эмблема Флоренции, часто

чередуется с французскими золотыми лилиями, что напоминает о союзе с Карлом и Робером Анжуйскими, королями Неаполя, и многочисленные связи рода Медичи во Франции.

— ее муж, брат герцогини. Эта герцогиня красива на итальянский вкус, лицо приятное и властное, объемистый корсаж и груди, как им нравятся. Похоже, ей хватает ловкости обольщать принца и долго удерживать его при себе в благочестии. Герцог — толстый чернявый мужчина моего роста[369], с большими конечностями, лицо и манера держать себя исполнены учтивости, и он всегда проходит с непокрытой головой через распрекрасное скопище своих людей. У него здоровый вид сорокалетнего мужчины. С другой стороны стола сидели два брата герцога: кардинал и тот, другой, восемнадцатилетний юнец[370]. Этому герцогу и его жене подносят пить на глубоком подносе, где стоят открытый и полный вина бокал и стеклянный графин с водой; они берут

---

[369] Примечания: 369

Здесь, без сомнения, говорит сам Монтень, и Леде подтверждает, что эта фраза находилась на полях рукописи. В «Опытах», II, 17, Монтень говорит о себе, что его рост «немного ниже среднего» и что он «сложения крепкого и коренастого».

[370] Примечания: 370

Франческо I, сын Козимо I (который первым получил титул великого герцога Тосканского от папы Пия V), правил Флоренцией с 1574 по 1587 год; овдовев (его супругой была Иоанна Австрийская, а их дочь Мария выйдет за французского короля Генриха IV), женился вторым браком на своей любовнице, венецианке Бьянке Капелло (о которой здесь и идет речь; и она, и Франческо I были отравлены в 1587 году на вилле Поджо а Кайано. Преемником герцога стал его оставивший сан кардинала брат под именем Фердинандо I. Другим братом Франческо был Пьетро, тоже сын Козимо I, но в описываемое время ему было не

восемнадцать, а двадцать шесть лет.

бокал вина и отливают из него на поднос столько, сколько им надобно, а потом сами доливают бокал водой и снова ставят на поднос, который им держит кравчий. Герцог наливает достаточно воды, а она — почти совсем ничего. Порок немцев в том, что они пользуются непомерно большими стаканами, а здесь, наоборот, чрезвычайно маленькими.

Я не знаю, почему этот город называют по преимуществу прекрасным, он и вправду таков, хотя ничуть не превосходит Болонью, весьма мало Феррару и без всякого сравнения уступает Венеции[371]. В самом деле, с ее колокольни открывается прекрасный вид, это бесконечное множество домов, которые заполняют все окрестные холмы на два-три лье в окружности, и эта равнина, на которой она расположена, которая, похоже, простирается в длину на два лье: поскольку кажется, что дома касаются друг друга, так плотно они тут набиты. Город вымощен плоскими камнями, попросту, без особого порядка. После обеда они, [наши] четыре дворянина, вме-

[371] Примечания: 371

«Прекрасная Флоренция», — говорится в «Космографии» С. Мюнстера, и в принадлежавшем Монтеню экземпляре книги эта фраза подчеркнута; позже он признает, что «Флоренцию с полным основанием называют прекрасной»; см. ниже.

сте с проводником наняли почтовых лошадей, чтобы повидать владение герцога, которое называют Кастелло[372]. Дом снаружи не представляет собой ничего особенного, но внутри имеются разнообразные комнаты, а еще сад, и все вместе расположено на склоне холма, однако так, что все продольные аллеи, хоть и наклонные, тем не менее пологи и удобны для подъема, а поперечные — ровные и прямые. Там видно много беседок, весьма густо сплетенных и покрытых: все они из таких душистых деревьев, как кедр, кипарис, оливы, лимонные или апельсиновые, — а их ветви так тесно стянуты и переплетены, что легко можно заметить: солнце не смогло бы туда проникнуть, даже находясь в своей самой большой силе. Купы подстриженных кипарисов и других деревьев расположены так упорядоченно и близко друг к другу, что едва остается место еще для трех-четырех. Имеется там и большой водоем среди прочих, посреди которого устроена искусственная скала, подделанная под природную, и кажется, будто она снаружи вся обледенела,

[372] Примечания: 372

Castello — вилла Медичи в окрестностях Флоренции; некогда принадлежала Лоренцо Великолепному, была сильно повреждена во время осады 1530 года, но в правление Козимо I была восстановлена стараниями Бронзино и Понтормо; сад — творение Триболо. — Весь последующий рассказ, несомненно, записан со слов самого Монтеня.

благодаря тому же материалу, которым герцог покрыл свои гроты в Пратолино, и наверху скалы большое бронзовое изображение древнего, убеленного сединами старца, сидящего, скрестив руки, а по его бороде, по челу, по волосам со всех сторон беспрестанно струится капля за каплей вода, изображая пот и слезы, и в этом фонтане нет другого источника воды, кроме этого[373]. А вот что им довелось испытать в другом месте благодаря очень приятному опыту, который я уже описывал выше: когда они, прогуливаясь по саду и разглядывая его диковины, пришли в некоторое место, где стали любоваться мраморными фигурами, садовник нарочно оставил их ради представления, и вдруг под их подошвами и между их ног забили через бесконечно малые отверстия столь тонкие струйки воды, что были почти невидимы и всецело представляли собой мелкую изморось, которая их всех и оросила посредством некоего подземного устройства, которое садовник приводил в действие, находясь более чем в двухстах шагах оттуда, да с таким искусством, что, находясь вдали, мог повышать и понижать силу струй, как ему было угодно,

[373] Примечания: 373
Аллегорическое изображение Января работы Б. Амманати.

искривляя их и передвигая по своему желанию: такие же шутихи имеются там и в других местах. Они видели также главный фонтан, где струя воды устремляется вверх сквозь канал в двух больших бронзовых фигурах, где нижний человек держит верхнего в руках и сдавливает его изо всех сил;

а тот, запрокинув голову и наполовину лишившись чувств, выбрасывает эту воду через рот с такой силой, что помимо высоты, на которой находятся обе фигуры (а это не меньше двадцати футов), струя воды бьет вверх над ними на тридцать семь брассов[374]. Имеется там также среди ветвей вечнозеленого дерева кабинет, но гораздо более роскошный, чем любой другой, который они видели, поскольку он весь увит живыми и зелеными ветвями дерева и так закрыт этой зеленью со всех сторон, что наружу невозможно выглянуть иначе, кроме как через несколько отверстий, которые надо проделать, раздвигая ветви там и сям; а еще к этому кабинету через трубку, которую невозможно заметить, подведена вода, и ее струйка бьет из середины

[374] Примечания: 374

Фонтан (работы) Триболо, украшенный бронзовой скульптурной группой Б. Амманати, которая изображает схватку Геракла и Антея. *Брасс* — старинная мера длины, примерно 1,60 метра.

маленького мраморного столика. Там звучит также водяная музыка[375], но они не смогли ее услышать, потому что для людей, которым предстояло вернуться в город, было уже поздно. Они видели также над входными воротами корону герцогского герба, очень хорошо сплетенную из древесных ветвей, растущих во всей своей силе и питаемых естественным путем посредством волокон, которые невозможно лучше выбрать. Они там были в такую пору, которая более всего враждебна к садам, что заставляет еще больше восхищаться ими. Есть там еще один прекрасный грот, где представлены в натуральном виде всевозможные животные, изливающие воду фонтанов кто через клюв, кто через крыло, кто через когти, или ухо, или ноздри.

Я забыл, что во дворце этого государя[376] в одном из залов выставлена фигура некоего животного о четырех лапах, отлитая из бронзы и водруженная на колонну как есть; она престранного вида — весь перед у нее чешуйчатый, а на

---

[375] Примечания: 375
Как в Пратолино, см. выше.

[376] Примечания: 376
Здесь речь идет уже о Флоренции.

хребте непонятно какой вырост с рогами[377]. Говорят, что эта тварь была найдена в местных горах, в пещере, и доставлена живой несколько лет назад. Мы видели также дворец, где родилась королева-мать[378].

Он [г-н де Монтень] хотел, дабы изучить все удобства этого города, как делал это в прочих городах, осмотреть съемные комнаты и условия проживания в них, но не нашел ничего стоящего. Жилье, как ему сказали, тут можно найти только в гостиницах, а те, которые он видел, [были] неопрятны и гораздо дороже, чем в Париже и даже в Венеции; и убогие условия, притом что хозяин получает более двенадцати экю в месяц. Тут ничему не учат, ни фехтованию, ни верховой езде, ни книжной премудрости[379]. Олово в этих

---

[377] Примечания: 377

Знаменитая «Химера», античная бронзовая статуя, найденная близ Ареццо в 1554 году; в настоящее время хранится во Флорентийском археологическом музее.

[378] Примечания: 378

Королева-мать — это Екатерина Медичи, супруга короля Франции Генриха II, мать французских королей Франциска II, Карла IX, Генриха III и Маргариты, известной как королева Марго. Была дочерью Лоренцо Медичи, герцога Урбинского, и Мадлен де ла Тур д'Овернь; родилась в 1519 году во Флоренции, во дворце Медичи на Виа Ларга (сегодня это Палаццо Медичи-Риккарди), построенном в 1444 году Микелоццо по заказу Козимо Старого; Медичи обитали там до 1540 года. Козимо I покинет его, чтобы обосноваться сначала в Палаццо Веккио, а потом, с 1560 года, в Палаццо Питти.

[379] Примечания: 379

Утверждение по меньшей мере преувеличенное. Вообще это первое посещение Флоренции оставило у Монтеня не слишком благоприятное впечатление, которое изменится только в июне 1581 года.

краях редко встречается, и подают здесь только на раскрашенной глиняной посуде, довольно нечистой.

Утром в четверг, 24 ноября, мы уехали, двинувшись по ухабистой и каменистой дороге через посредственно плодородный, но повсюду возделанный и весьма застроенный край, и за один весьма долгий перегон очень поздно добрались до Сиены.

СИЕНА, тридцать две мили, четыре перегона, которые тут делают по восемь миль, длиннее, чем обычно у нас.

В пятницу он [г-н де Монтень]с удивлением узнал, с каким уважением тут относятся к нашим войнам[380]. Это неровный город, расположенный на плоской вершине холма, где находится лучшая часть улиц; два его склона ступенчато застроены разными улицами, а некоторые из них простираются еще дальше, поднимаясь к другим возвышенностям. Он в числе самых красивых в Италии, но не первого порядка, размером с

[380] Примечания: 380

Жители Сиены, взбунтовавшись против власти Флоренции и имперцев, в 1552 году прогнали испанский гарнизон и отдались под власть Франции. После битвы при Марчано (см. выше, с. 185, прим. 1) полководец императора маркиз ди Мариньяно (Джан Джакомо Медичи по прозвищу Медегино) осадил город, который защищал Монлюк, и голод вынудил его сдаться.

Флоренцию; его облик свидетельствует о весьма большой древности. Здесь большое изобилие источников, большую часть которых расхищают частные люди, делая отводы для своего собственного употребления. У них тут хорошие прохладные подвалы. Дуомо, который ничуть не уступает флорентийскому, облицован почти повсюду, и внутри и снаружи, таким же мрамором: это прямоугольные мраморные плиты, одни толщиной в фут, другие меньше, чем они и обкладывают, словно филенками, эти строения из кирпича, который для здешнего народа обычный материал. Самое красивое в городе — это круглая площадь прекрасных пропорций, которая со всех сторон изгибается к дворцу, а тот располагается на одной из граней этой округлости, менее изогнутой, нежели остальное. Напротив дворца, в самом высоком месте площади, имеется очень красивый фонтан, который из многих трубок наполняет большой водоем, откуда каждый черпает прекрасную воду[381]. В эту площадь вливаются некоторые идущие ступенями улицы. Улиц там

[381] Примечания: 381

Пьяцца дель Кампо — площадь в виде веера, на ее «менее изогнутой» стороне располагается Палаццо Публико, изящное готическое здание 1297–1310 годов. Фонтан Фонте Гайя (1412) украшен барельефами работы Якопо делла Кверча (сегодня заменены копиями).

множество, в том числе и весьма старинные: главная — Пикколомини, а после этой — Толомеи, Коломбини и еще Черретани. Мы видели свидетельства, что им по триста — четыреста лет. На многих столпах изображен герб города, это волчица, к сосцам которой тянутся Ромул и Рем.

Герцог Флорентийский милостиво обходится с важными людьми, которые к нам благоволят, и приблизил к своей особе Сильвио Пикколомини, самого сведущего и ловкого дворянина нашего времени во всякого рода науках и владении оружием[382]. Как властитель, вынужденный остерегаться в первую очередь собственных подданных, он не заботится об укреплении своих городов, а уделяет внимание только тамошним цитаделям, которые снабжаются провиантом и боеприпасами и охраняются со всеми надлежащими издержками и усердием, а также с такой подозрительностью, что позволяют приближаться к ним лишь очень малому числу людей.

Большинство женщин тут носит головные уборы. Мы видели и таких, кто обнажает голову

[382] Примечания: 382

В июне 1581 года Монтень снова встретится во Флоренции с этим Сильвио Пикколомини, сыном Энеа Пикколомини (который принял важное участие в сиенском восстании) и фаворитом великих герцогов Медичи.

из набожности, как и мужчины, при вознесении даров во время мессы. Мы довольно хорошо устроились в «Короне», хотя по-прежнему без оконных рам и стекол в них. Г-н де Монтень в Пратолино, удивленный красотой того места, получив разъяснения от тамошнего привратника, после своих похвальных слов посетовал на изрядное безобразие дверей и окон, на большие и неказистые пихтовые столы без всякой отделки, на грубые и никуда не годные замки вроде наших деревенских, а еще на использование выгнутой черепицы[383] и заметил по ее поводу, что если у них нет возможности использовать ни аспидный сланец, ни свинец, ни медь, то, по крайней мере, следовало бы скрывать эту черепицу формой зданий; привратник ответствовал, что передаст это своему господину.

Герцог еще не тронул старинные эмблемы и надписи этого города, которые повсюду славят Свободу, хотя это эпитафии на могилах погибших французов, чьи останки унесли и спрятали где-то в городе под предлогом некоторой переделки их церкви, и самого здания, и его вида. В субботу, 26 [ноября], после обеда мы проследовали через

[383] Примечания: 383

Т. н. средиземноморской или римской черепицы, см. выше, с. 141, прим. 3.

область такого же обличья и приехали к ужину в БУОНКОНВЕНТО, двенадцать миль. Это тосканское *кастелло*[384], так они называют обнесенные стеной деревни, которые из-за своего малого размера не заслуживают названия города.

В воскресенье рано утром мы оттуда уехали, а поскольку г-н де Монтень захотел увидеть Монтальчино ради привычки, которую приобрели здесь французы, он свернул со своего пути вправо и вместе с г-ми д'Эстиссаком, де Матекулоном и дю Отуа направился в сказанный Монтальчино, который, по их словам, — это дурно построенный городок размером с Сент-Эмильон, расположенный на одной из самых высоких гор всей той местности, но все же вполне достижимой[385]. Оказалось, что там служат большую мессу[386], и они на ней присутствовали. В одном конце города

[384] Примечания: 384

Castello (в тексте дано по-итальянски) — здесь — укрепленное местечко.

[385] Примечания: 385

В Монтальчино после капитуляции Сиены вместе с войсками Монлюка укрылись и несколько сотен сиенцев, основавших там маленькую республику, которая продержится вплоть до Като-Камбрезийского мира (1559). Город, окончательно оставленный Генрихом II, был вынужден сдаться великому герцогу Козимо Медичи. Насчет сравнения с Сент-Эмильоном (город близ Либурна) — см. выше, с. 132, прим. 2.

[386] Примечания: 386

То есть с песнопениями.

имеется замок, где герцог держит свой гарнизон; но, по мнению г-на де Монтеня, все это лишено настоящей силы, поскольку над этим местом господствует другая высота, соседняя, всего в ста шагах оттуда. На землях герцога хранят память о французах с такой большой теплотой, что вспоминают их лишь со слезами на глазах. Даже война вкупе с некоторым подобием свободы кажется им более терпимой, нежели мир, которым они пользуются при тирании. Г-н де Монтень осведомился, нет ли тут могил каких-нибудь французов, и ему ответили, что их было много в церкви Святого Августина, но по приказу герцога их перезахоронили.

Дорога в этот день была гористой и каменистой, а вечером мы добрались до Ла Пальи.

ЛА ПАЛЬЯ, двадцать три мили. Маленькая деревушка в пять-шесть домов у подножия нескольких бесплодных и не слишком приятных гор.

На следующий день рано поутру мы возобновили наш путь, двигаясь вдоль весьма каменистого оврага, где раз сто проезжали туда-сюда через поток, который течет по нему[387]. Нам встретился большой мост, построенный папой

---

[387] Примечания: 387

Это река Ла Палья, приток Тибра, которая и дала свое название деревне.

Григорием[388], где кончаются земли герцога Флорентийского, и въехали во владения Церкви. Мы встретили маленький городок Аквапенденте, который так называется, думаю, из-за потока, который, сливаясь воедино, падает там со скал и устремляется на равнину. Оттуда мы проехали через *кастелло* Сан Лоренцо и через *кастелло* Больсену, огибая озеро, которое тоже называется Больсена, длиной тридцать миль и шириной десять, посреди которого виднеются две скалы, похожие на острова, на которых, говорят, имеются монастыри. И за один перегон через гористую и бесплодную местность добрались до

МОНТЕФЬЯСКОНЕ, двадцать шесть миль. Городок расположен на вершине самой высокой во всей этой местности горы. Он маленький, и по нему видно, что довольно старинный.

Мы покинули его утром и поехали через красивую и плодородную равнину, где встретили Витербо, который частично расположен на круглой возвышенности. Это красивый город, размером с Санлис. Мы там заметили много кра-

---

[388] Примечания: 388

Мост Чентино, построенный папой Григорием XIII близ Аквапенденте (итал. *Acquapendente* — «падающая вода», см. несколькими строчками ниже), чье название, похоже, происходит от водопадов, образованных притоком Ла Пальи, речкой Квинталуной. Острова на вулканическом озере Больсена служили каторгой.

сивых домов, красивых приятных улиц, а также большое количество рабочих; в трех местах города имеется три очень красивых фонтана[389]. Он [г-н де Монтень] хотел было здесь остановиться ради красоты места, но его мул, возглавлявший движение, уже пошел дальше. Так что мы начали подниматься на другой склон горы, у подножия которой по эту сторону имеется маленькое озеро, которое они называют

Вико. И вдоль этого озера по очень приятной лощине, окруженной невысокими лесистыми холмами (довольно редкая приятность для этих мест[390]), рано приехали в

РОНЧИЛЬОНЕ, восемнадцать миль. Маленький городок и замок герцога Пармского. Равным же образом многие дома и земли, которые встречаются на этих дорогах, принадлежат *casa* Фарнезе[391].

На этом пути наилучшие гостиницы, тем более что эта большая дорога — почтовый тракт.

---

[389] Примечания: 389

В Витербо, чьи размеры тут сравниваются с размерами Сан-лиса (департамент Уаза), имеется очень интересный средневековый квартал с несколькими замечательными фонтанами.

[390] Примечания: 390

Эта долина — кратер озера Вико.

[391] Примечания: 391

Власть дома (итал. *casa*) Фарнезе, которому принадлежал Рончильоне, распространялась на все герцогство Пармское.

Они берут пять *джулио* за лошадь на день или два *джулио* за один перегон[392], и по этой же причине, если вы хотите лошадей на два-три перегона или на несколько дней, можете даже не заботиться о них, потому что на каждой станции сами хозяева берут на себя заботу о лошадях своих компаньонов; и даже если вы потеряли свою, они с вами заключают сделку, согласно которой вы можете взять другую в любом другом месте на вашем пути. Мы сами видели в Сиене, как одному фламандцу, который оказался там вместе с нами, незнакомцу, чужестранцу, совсем одному, доверили наемную лошадь, чтобы доехать до Рима; просто надо перед отъездом заплатить за прокат, а в остальном лошадь предоставляется вам в полное распоряжение под ваше честное слово, что вы сдадите ее туда, куда обещали.

Г-н де Монтень был доволен их обычаем поздно обедать и ужинать согласно своему настроению, потому что в хороших домах обедают только в два часа после полудни, а ужинают в девять часов; так что, когда мы находили комедиантов, те начинали играть только в шесть часов при факелах, что длится два-три часа, а после этого

---

[392] Примечания: 392

Джулио (итал. *giulio)* — монета, отчеканенная папой Юлием II.

идут ужинать. И он говаривал, что эта страна хороша для ленивцев, потому что тут встают очень поздно[393].

Мы уехали оттуда на следующий день за три часа до рассвета — так г-н де Монтень спешил увидеть хоть частицу Рима. Он сказал, что сырость, роса, как утренняя, так и вечерняя, доставляет равные мучения его нутру или с совсем малой разницей, так что он дурно себя чувствует вплоть до появления света, даже если ночь была спокойной[394]. На пятнадцатой миле мы заметили город Рим, но потом надолго потеряли его из виду. По пути встретилось несколько деревень и гостиниц. На дороге нам попадались некоторые приподнятые участки, замощенные очень большими камнями, в которых виделось что-то древнее, а ближе к городу показались какие-то развалюхи, по-видимому, очень старинные, да несколько камней, которые папы велели тут воздвигнуть в честь древности. Большая часть руин из кирпича, они современны термам Диоклетиана, причем кирпич тонкий и простой, как

[393] Примечания: 393

См. «Опыты», III, 9 и 13, где Монтень говорит о своей лени.

[394] Примечания: 394

См. «Опыты», III, 13, где Монтень говорит о своей боязни ночной сырости.

наш, а не той величины и толщины, которым отличаются древние руины и прочие древности во Франции и в прочих местах. С этой дороги Рим не произвел на нас большого впечатления[395]. Далеко слева от нас виднелись Апеннины, вид самой этой местности не слишком приятный, бугристый, полно глубоких оврагов, где невозможны никакие передвижения ратных людей в боевых порядках; земля лишена деревьев и по большей часть бесплодная, открыта со всех сторон более чем на десять миль в окружности, и почти вся такая, весьма мало застроена домами. Оттуда мы в двадцать часов последнего дня ноября, в праздник святого Андрея, прибыли к воротам дель Пополо в Риме.

РИМ, тридцать миль. Там из-за чумы в Генуе нам учинили волокиту, как и в прочих местах[396].

Мы остановились в «Медведе», где провели и следующий день, а второго декабря сняли жилье

---

[395] Примечания: 395

К сожалению, путешественники прибыли в Рим с той стороны, где нет ничего ни примечательного, ни красивого; пейзаж там обрывистый, овражистый и (с точки зрения человека XVI века) плохо приспособлен к маневрам войск в боевом построении.

[396] Примечания: 396

Эпидемия 1579–1580 годов годов унесла жизни 28 000 человек, так что строгости санитарного контроля были вполне оправданными.

у некоего испанца, напротив Санта Лючии делла Тинта[397]. Мы там весьма удобно устроились в трех прекрасных комнатах с залом, кладовой, конюшней и кухней, все за двадцать экю в месяц; за эти деньги хозяин предоставил нам также повара и очаг на кухне. Съемное жилье здесь в целом обставлено немного лучше, чем в Париже, да к тому же у них изобилие раззолоченной кожи, которой обтянуты помещения побогаче. Мы тоже могли бы снять такое за ту же цену, что и наше, в «Золотой вазе», довольно близко оттуда, все в золотой парче и в шелках, как королевские покои; но, помимо того что те комнаты проходные, г-н де Монтень решил, что этакое роскошество не только совершенно ни к чему[398], но еще и трудно сохранять в целости такую обстановку,

---

[397] Примечания: 397

Гостиница «Медведь» (albergo dell'Orso), где часто селились иностранцы, получила свое название из-за барельефа с изображением этого зверя; церковь Santa Lucia della Tinta располагается на улице Монте Брианцо, а название свое получила из-за красильщиков (итал. *tinta* — «краска», «краситель»), обитавших в этом квартале, располагавшемся выше по течению от моста Сант'Анджело.

[398] Примечания: 398

В жилье, которое Монтень снимал в Пломбьере и Бадене, он оценил отсутствие проходных комнат. Хотя ему нравился комфорт, чванливой роскоши он избегал: «Подыскивая себе удобное помещение, я нисколько не думаю о пышности и роскоши меблировки; больше того, я их, можно сказать, ненавижу; нет, я забочусь только о простой чистоте» («Опыты», III, 9).

где каждая кровать стоит четыреста-пятьсот экю. Насчет наших мы сторговались, чтобы нам предоставили постельное белье, почти как во Франции, в чем они тут, как водится в здешних краях, немного прижимисты.

Г-н де Монтень досадовал, обнаружив здесь такое большое количество французов, что почти все встречные на улице обращались к нему с приветствием на его родном языке[399]. Ему был внове вид столь большого двора, переполненного прелатами и людьми церкви, так что это показалось ему настоящим столпотворением богачей, карет и лошадей, никем доселе не виданным. Он сказал, что улицы тут многим, особенно своим многолюдством, напоминают ему скорее Париж, нежели другие места, где он бывал.

В настоящее время весь Рим раскинулся по обоим берегам реки Тибр. Средоточием старого города была его холмистая часть, где он [г-н де Монтень] каждодневно помногу гулял и осматри-

---

[399] Примечания: 399

О нежелании Монтеня бросаться в глаза в качестве иностранца — см. выше, с. 118, прим. 1. В Падуе его тоже раздражало слишком большое количество французов (см. выше, с. 160, прим. 1), и он скажет в «Опытах», III, 9: «Что до меня, то я отправляюсь в странствия, сытый по горло нашим образом жизни, и уж конечно, не для того, чтобы искать гасконцев на Сицилии (их довольно и у меня дома), а скорее ищу, коли угодно, греков или же персов».

вал достопримечательности; сейчас она занята лишь несколькими церквями да кое-какими редкими домами и садами кардиналов. Он решил, основываясь на довольно многих ясных приметах, что вид этих холмов и склонов изрядно изменился с древности, судя по высоте развалин, и счел, что во многих местах под нашими ногами наверняка скрывались целые дома. Было легко судить по арке Севера, что мы на высоте больше двух пик[400] от прежнего уровня земли; и верно, почти повсюду мы ходили по гребням старых стен, которые вылезают наружу из-за дождей и повозок[401].

Он опровергал тех, кто сравнивал свободу Рима со свободой Венеции, главным образом вот какими своими доводами: сами дома тут так ненадежны, что тем, кто сюда привозит несколько избыточные средства, обычно советуют отдать кошелек на хранение городским банкирам, чтобы однажды не обнаружить свой сундук взло-

---

[400] Примечания: 400

Пика — старинная мера длины, составляла примерно 1,60 метра, см. выше, с. 90, прим. 1.

[401] Примечания: 401

Арка Септимия Севера расположена у подножия Капитолия. Известно, в состоянии какой заброшенности пребывали в XVI веке руины древнего Рима, лишенные мраморной облицовки, которую использовали для новых зданий; планомерные раскопки и реставрация начались только в XIX–XX веках.

манным, что уже случалось со многими людьми; item[402] выходить по ночам тут вовсе не безопасно; item первого числа сего месяца декабря генерал кордельеров[403] был неожиданно отрешен от сана и угодил в заточение из-за того, что в своей проповеди, на которой присутствовали папа с кардиналами, обвинил церковных прелатов в праздности и роскоши, не вдаваясь в прочие подробности и подкрепив свои слова лишь ничем не примечательными общими местами да некоторой нарочитостью в голосе; item что его собственные [то есть самого Монтеня] сундуки с вещами были при въезде в город досмотрены таможней и перерыты вплоть до ничтожнейших тряпиц, хотя в большинстве городов Италии эти чиновники удовлетворяются тем, чтобы им [их] просто показали. Кроме того, у него забрали все книги, которые нашли, чтобы их досмотреть; и на это ушло столько времени, что человек, которому было чем заняться, мог вполне решить, что они потеряны; кроме того, правила тут настолько удивительны, что им стал подозрителен даже *часослов Богоматери*, потому что тот был

[402] Примечания: 402
См. выше, с. 39, прим. 2.

[403] Примечания: 403
То есть ордена францисканцев.

парижский, а не римский, а еще книги каких-то немецких докторов, писанные против еретиков, из-за того что, споря с ними, они приводили и их заблуждения. По этому поводу он изрядно славил свою удачу, ведь, не будучи никоим образом предупрежден, что такое с ним должно случиться, он при своем любопытстве, проехав через Германию, не приобрел там себе никакой запрещенной книги. Тем не менее, когда это с ним случилось, некоторые из здешних господ его убеждали, что потеря книг ему не грозит[404].

Через двенадцать — пятнадцать дней после нашего приезда он почувствовал себя плохо и из-за необычного воспаления в почках, грозившего ему язвой, по предписанию французского лекаря, состоявшего при кардинале [де] Рамбуйе[405], и с ловкой помощью своего аптекаря в один из дней впервые решился принять кассию[406], крупными

---

[404] Примечания: 404

Подтверждения эпизода с генералом кордельеров не обнаружилось. Среди конфискованных у Монтеня книг имелся и экземпляр недавно отпечатанных в Бордо «Опытов»; он был возвращен ему лишь 20 марта с замечаниями цензоров.

[405] Примечания: 405

Шарль д'Анжен-Рамбуйе — посол Франции.

[406] Примечания: 406

Cassia angustifolia — кассия африканская или сенна александрийская — растение из семейства бобовых со слабительными свойствами; см. также ниже, с. 311, прим. 2.

кусочками на кончике ножа, предварительно немного смоченного в воде, и проглотил ее довольно легко, после чего два-три раза садился на стульчак. На следующий день он принял терпентин, который, по слухам, привозят с Тирольских гор, два больших куска в облатке на серебряной ложке, с добавлением одной-двух капель какого-то приятного на вкус сиропа; от этого он не ощутил ничего, кроме того разве, что его моча приобрела запах мартовской фиалки[407].

Потом он три раза, но не подряд, принимал некое питье, по вкусу и цвету напоминавшее миндальное молоко: врач ему подтвердил, что это оно и было, хотя сам он думал, что там имелись также «четыре холодных семени»[408]. В этом последнем приступе дурноты не было ничего необычного, кроме утреннего часа: все случилось за три часа до завтрака. Он не почувствовал также, помогло ли ему в чем-нибудь это миндальное молоко, поскольку то же самочувствие продолжалось еще и потом, а 23-го [декабря] у

[407] Примечания: 407

Она же фиалка душистая, фиалка пахучая и т. д.; латинское название — viola odorata.

[408] Примечания: 408

Различали четыре главных «холодных семени»: огурец, дыня и две разновидности тыквы (*courge* и *citrouille*), а также четыре второстепенных: латук, садовый эндивий, цикорий, портулак.

него случилась сильная колика, из-за чего он слег в постель около полудня и пробыл там до вечера, когда у него вышло много песка, а затем большой камень, твердый, длинный и плотный, который на пять-шесть часов перекрыл ему мочевой проход. Все это время ванны доставляли его внутренностям изрядное облегчение, и он думал, что с их помощью уберегает себя от многих гораздо худших неприятностей. Он пропустил тогда несколько приемов пищи, то обедов, то ужинов.

На Рождество мы были у Святого Петра, слушали папскую мессу[409], где ему [г-ну де Монтеню] досталось удобное место, откуда он мог без помех видеть все церемонии. Тут имеются некоторые особенности: Евангелие и Послания читаются сначала по-латыни, потом по-гречески, как делается еще на Пасху и в День святого Петра. Папа доверил причащать паству некоторым другим, и это богослужение с ним вместе проводили карди-

[409] Примечания: 409

Папой тогда был Григорий XIII (Уго Буонкомпаньи, родился в Болонье в 1502 году, избран верховным понтификом в 1572-м). Проведенная им реформа юлианского календаря не была оценена Монтенем (см. «Опыты», III, 10 и 11). — Перестройка собора Святого Петра, предпринятая Микеланджело в 1546 году, и дальше продолжалась согласно его планам, вот почему в тексте Монтень будет называть эту базилику «новой церковью». — Кардиналы, упомянутые ниже, это Алессандро Фарнезе (племянник Павла III), Фердинандо де Медичи (которого Монтень недавно видел на ужине у его брата, герцога Флоренции), Антонио Караффа и Джан Винченцо Гонзага.

налы Фарнезе, Медичи, Караффа и Гонзага. Чтобы пить из потира, тут используют некий инструмент, уберегающий от яда[410]. И на этой мессе, и на других ему [г-ну де Монтеню] показалось новшеством, что папа, и кардиналы, и прочие прелаты почти на всем протяжении мессы сидели с покрытой головой и беседовали, говоря все вместе. Ему показалось, что в этих церемониях было больше великолепия, нежели благочестия.

Между тем ему показалось, что в женской красоте тут нет ничего особенного, достойного того превосходства в высшей степени, которое слава приписывает этому городу над всеми остальными в целом свете; а впрочем, здесь, как и в Париже, наиболее редкая красота находится в руках тех женщин, которые выставляют ее на продажу.

29 декабря г-н д'Абен[411], который был тогда послом, весьма ученый дворянин и давно состоявший в большой дружбе с г-ном де Монтенем, решил, что тому пора облобызать ноги папе. И

[410] Примечания: 410

Эта золотая или серебряная трубочка — fistola — служила не для предохранения от яда, а, скорее, чтобы не проливалось освященное вино.

[411] Примечания: 411

Луи Шастенье, сеньор д'Абен и Ла Рош-Позе (1535–1595), посол Франции в Риме с 1575 по 1581 год, бывший ученик Жозефа Скалигера и весьма ученый; Монтень позже сообщит нам о его отъезде из Рима.

они с г-ном д'Эстиссаком отправились туда в экипаже сказанного посла. Когда папа давал свою аудиенцию, он велел их позвать через своего камерария. Когда они увидели папу, тот был совсем один, не считая посла, поскольку так заведено: рядом с ним имеется колокольчик, в который он звонит, когда хочет, чтобы кто-нибудь к нему зашел. Посол сидел от него по левую руку, без шляпы; а папа никогда и ни перед кем не снимает свою шапочку[412], но любой посол перед ним обнажает голову. Г-н д'Эстиссак вошел первым, за ним г-н де Монтень, потом г-н де Матекулон и г-н дю Отуа. Сделав один-два шага по комнате, в углу которой сидел папа, все входящие, кем бы они ни были, преклоняют колено и ждут, чтобы папа дал им свое благословение, что он и делает, после чего они поднимаются и доходят примерно до середины комнаты. Правда, большинство идут к нему не по прямой, пересекая ее наискось, а, наоборот, немного отклоняются в сторону и проходят вдоль стены, чтобы после этого оказаться прямо перед ним. Проделав половину пути, они снова припадают на колено и получают второе благословение. После чего идут к нему по

[412] Примечания: 412

Этот головной убор называется *пилеолус* (лат. *pileolus)*, или *дзуккетто* (итал. *zucchetto)*.

мохнатому ковру, простертому у его ног, делая семь-восемь шагов вперед. На краю этого ковра они преклоняют оба колена. Тут посол, который их представляет, опускается на колено и приподнимает подол папского облачения над его правой ногой, обутой в красную туфлю с белым крестом на ней. Стоящие на коленях, тянутся из этого положения к его ноге, наклоняясь до самого пола, чтобы ее поцеловать. Г-н де Монтень сказал, что слегка приподнял носок туфли. Они поцеловали ее по очереди и отошли назад тем же путем. После чего посол прикрыл ногу папы и, встав со своего седалища, сказал ему то, что ему казалось уместным для рекомендации г-на д'Эстиссака и г-на де Монтеня. Папа с любезным выражением на лице призвал г-на д'Эстиссака усердствовать в изучении добродетели, а г-на де Монтеня — и дальше хранить неизменную верность Церкви и служению христианнейшему королю и чтобы он охотно служил им, в чем только сможет, — и все это по-итальянски. Они же, наоборот, не сказали в ответ ни слова, а получив другое благословение, прежде чем подняться (что было знаком окончания аудиенции), проделали тот же путь в обратную сторону. Это каждый сделал, как сам разумел; однако самое общепринятое

— это удаляться, пятясь задом или, по крайней мере, боком, чтобы по-прежнему смотреть папе в лицо. На полпути, как и по приходе сюда, они преклонили одно колено и получили другое благословение, и у двери, опять на колене, последнее благословение.

Родной язык папы — итальянский, с заметным болонским выговором, а это наихудшее наречие в Италии, да к тому же он от природы изъясняется с некоторым трудом. Тем не менее это очень красивый старец, среднего роста, осанистый, лицо с длинной седой бородою исполнено величия; ему более восьмидесяти лет[413], но он вполне здоров и силен для своего возраста, насколько это возможно, и не стеснен никаким недугом: ни подагры, ни колик, ни желудочных болей; по природе своей он мягок, не слишком интересуется делами мира сего, великий строитель; и как таковой оставил по себе в Риме и других местах необычайно благодарную память[414]: это великий, я даже скажу, несравненный, благодетель. Имеются и другие свидетельства этого

[413] Примечания: 413

На самом деле ему было семьдесят восемь лет.

[414] Примечания: 414

См. «Опыты», III, 6, где Монтень делает намек на большие общественные работы, осуществленные Григорием XIII.

[нет ни одной девицы на выданье, которую он не помог бы пристроить, если та низкого происхождения; и вполне можно рассчитывать на его щедрость в отношении звонкой монеты][415]. Кроме того, он учредил школы для греков, для англичан, шотландцев, французов, для немцев и для поляков[416], выделив на каждую из них более десяти тысяч экю постоянной ренты, и это не считая бесконечных расходов на строительство. Он сделал это, чтобы привлечь к Церкви отпрысков тех народов, которые испорчены дурными настроениями против нее, а здесь этим отпрыскам предоставляют кров, питание и одежду, их обучают всему и полностью содержат, так что они тут не тратят ни гроша собственных денег на что бы то ни было. Что до обременительных государственных обязанностей, то он охотно сбрасывает их на чужие плечи, всячески избегая этой хворобы.

Аудиенций он дает сколько, сколько просят. Ответы его коротки и решительны, а пытаться

---

[415] Примечания: 415

Текст в квадратных скобках — приписка на полях, сделанная рукой самого Монтеня, что отмечено и у Керлона, и у Леде.

[416] Примечания: 416

Монтень здесь называет поляков не по-французски — *Polonais*, а словом *Polacs*.

оспаривать их — пустая трата времени. Он верит в то, что считает справедливым, и не поступился этой своей справедливостью даже ради собственного сына, которого необычайно любит[417]. Он продвигает своих родственников [но без какого-либо ущерба для прав церкви, которые нерушимо блюдет. Не считается с затратами при строительстве и преобразовании улиц этого города], и на самом деле его жизнь и нравы во всем далеки от крайностей[418] [хотя гораздо более склоняются к хорошему].

В последний день декабря они оба обедали у г-на кардинала Санского[419], который соблюдает больше римских церемоний, чем любой другой из французов. Благодарственные молитвы перед едой и после читали два капеллана, сменяя друг

---

[417] Примечания: 417

Джакомо (Якопо) Буонкомпаньи родился в 1548 году от служанки, еще до того, как его отец стал духовным лицом; был комендантом замка Святого Ангела (Монтень далее называет его Кастеляном) и герцогом Сорским. Папа сослал его в Перуджу за то, что тот хотел уберечь от правосудия одного из своих слуг.

[418] Примечания: 418

Здесь Леде делает пометку, что из рукописи было вычеркнуто, вероятно, самим Монтенем, определение нравов Григория XIII как «вполне заурядных» *(communes)*; но по размышлении он, видимо, счел, что это будет не слишком уважительно по отношению к папе. Вставки в квадратных скобках Керлон отмечает как «добавленные Монтенем».

[419] Примечания: 419

То есть д'Эстиссак и Монтень, см. выше, с. 159, прим. 3.

друга, как на службе в церкви. Во время обеда читали по-итальянски перифраз из Евангелия, относящийся к этому дню. Все мыли вместе с ним руки и до и после трапезы. Каждому подают салфетку, чтобы утираться; а перед теми, кому хотят оказать особую честь — эти сидят рядом с хозяином или напротив него, — ставят большие квадратные подносы из серебра, а на них солонку, как вельможам во Франции. Кроме того, кладут сложенную вчетверо салфетку и на эту салфетку — хлеб, нож, вилку и ложку. А поверх всего этого кладут другую салфетку, которой надобно пользоваться, оставляя другую так, как она есть, поскольку, после того как вы уселись за стол, вам ставят рядом с этим квадратным подносом серебряную или глиняную тарелку, с которой вы и едите. Тем гостям, что сидят на этих местах, все, что подается за столом, стольник-разрезчик раскладывает по тарелкам, так что им даже не приходится прикасаться руками ни к его блюду, ни к тому, что держит дворецкий. Пить г-ну де Монтеню подавали таким же образом, как это обычно делали у г-на посла, когда он там трапезничал: подносили большой глубокий серебряный поднос, на котором имеется кубок с вином и маленькая, полная воды бутылочка, не

больше той, в которую наливают чернила. Правой рукой трапезник берет кубок, а левой — эту бутылочку и наливает в свой кубок столько воды, сколько ему угодно, после чего возвращает ее на поднос. Когда он пьет, кравчий подставляет ему поднос под подбородок, а тот, выпив, возвращает туда же свой кубок. Этой церемонии удостаивают только одного-двух гостей, сидящих к хозяину ближе всех. После благодарственной молитвы стол быстро убрали, а стулья выстроили вдоль одной стороны зала, куда г-н кардинал усадил всех подле себя. Появились два хорошо одетых священнослужителя, оба с какими-то принадлежностями в руках, которые опустились перед ним на колени и устроили богослужение, которое проводят в некоей церкви. Он ничего им не сказал, но, когда те умолкли, поднялись и пошли прочь, слегка поклонился.

Немного погодя он отвез их [г-д де Монтеня и д'Эстиссака] в своем экипаже в зал Консистории, где собираются кардиналы, чтобы идти к вечерне. Появился там и папа и переоделся, чтобы [тоже] идти к вечерне. Кардиналы не опускались на колени под его благословение, как делает народ, но получали его, низко наклонив голову.

3 января 1581 года папа проехал перед нашими

окнами. Перед ним проследовало шагом примерно двести коней его придворных, все разной масти. Кардинал де Медичи, сопровождавший его к себе на обед, ехал подле него в шляпе и беседовал с ним. На папе была красная шляпа и его белое одеяние с красным бархатным капюшоном, как обычно, и он сидел верхом на белом иноходце в красном бархатном уборе с золотой бахромой и позументами. Он садится в седло без помощи конюшего и так разъезжает в свои восемьдесят с лишком лет[420]. Через каждые пятнадцать шагов он давал свое благословение. За ним ехали три кардинала, а потом примерно сотня вооруженных стражей с копьем у бедра, в полном доспехе, но без шлемов. Был там еще один иноходец в таком же уборе, мул, прекрасный белый скакун, потом пронесли его портшез и проследовали два офицера, которым надлежит нести шлейф его облачения, и у каждого к седлу была приторочена большая кожаная сума.

В тот же день г-н де Монтень принял терпентин, потому что простыл, после чего у него вышло много песка.

11 января утром г-н де Монтень выехал из дома

---

[420] Примечания: 420
См. выше, с. 207, прим. 1.

верхом, направляясь в Банки[421], и как раз наткнулся на то, как из тюрьмы вывозили Катену, отъявленного грабителя и главаря разбойников, который держал в страхе всю Италию и кому приписывали неслыханные злодеяния, в частности убийство двух капуцинов, которых он сперва вынудил отречься от Бога, обещая за это сохранить им жизнь, а после зверски умертвил, не имея на то никакой причины — ни корысти, ни мщения. Так что он [г-н де Монтень] остановился, чтобы посмотреть на это зрелище. В отличие от того, как это делается во Франции, перед преступником несут большое распятие, накрытое черной завесой, и идет множество людей, одетых в холщовые куколи, закрывающие лицо, про которых говорят, что они дворяне, но не только, вроде бы это римляне, которые образуют братство и дают обет посвятить себя этой службе — сопровождать осужденных на казнь преступников, а также тела усопших. Двое из них, таким же образом одетые и с закрытыми лицами (или же это монахи), сидят с приговоренным в тележке и наставляют его, а один из них постоянно держит перед его лицом

[421] Примечания: 421

Banchi — торгово-финансовый центр тогдашнего Рима, где находились дворцы банкиров Киджи (Chigi), Альтовити (Altoviti), Бини (Bini), а также филиалы Медичи (Medici) и Фуггеров (Fugger).

картинку с изображением нашего Господа, которую беспрестанно понуждает целовать, из-за чего лицо преступника невозможно разглядеть с улицы. И под виселицей, которая представляет собой два столба с перекладиной, этой картинкой продолжали закрывать ему лицо, пока его не вздернули. Его смерть была вполне заурядной, он умер, не сделав ни единого жеста и не сказав ни слова; это был чернявый человек лет тридцати или около того. Удавив его, тело разрубили на четыре части. Тут людей умерщвляют попросту, а волю своей жестокости дают уже после их смерти. Здесь г-н де Монтень заметил то, что потом высказал в другом месте: как народ ужасается жестокостям, которые творят с мертвыми телами; поскольку, не проникнувшись видом повешения, он теперь при каждом ударе, которым разрубали

труп, жалобно вскрикивал[422]. А после того, как преступники мертвы, один или несколько иезуитов (или других) забираются на какое-нибудь возвышение и, кто оттуда, кто отсюда, громогласно обращаются к народу с проповедью, чтобы тот усвоил этот урок.

Мы заметили в Италии, и особенно в Риме, что тут почти нет колоколов для церковной службы, причем в Риме их даже меньше, чем в малейшей деревне во Франции, а также что тут совсем нет изображений, разве что они сделаны совсем недавно. Во многих старинных церквях нет вообще ни одного[423].

В четырнадцатый день января он [г-н де Монтень] опять принял терпентин, который не оказал никакого явного действия.

---

[422] Примечания: 422

«Я бы рекомендовал, чтобы суровые примерные наказания, с помощью которых хотят держать народ в повиновении, применялись к трупам уголовных преступников, ибо когда видят, что их лишают права погребения, или бросают в кипящий котел, или четвертуют, то это должно производить не менее сильное действие, чем пытки, которым подвергают живых людей» («Опыты», II, 11). В издании 1582 года Монтень добавит к этому пассажу несколько строк, касавшихся казни Катены: «Я находился однажды в Риме в тот момент, когда расправлялись с известным вором, Катеной. Его задушили при полном молчании присутствующих, но когда его стали четвертовать, то при каждом ударе топора слышались жалобные восклицания, как если бы каждый из собравшихся хотел выразить трупу свое сочувствие».

[423] Примечания: 423

До начала эпохи барокко в римских церквях (богатых в основном мра-

мором и мозаиками) и в самом деле имелось совсем немного картин; хотя очевидно, что это отсутствие удивляло наших путешественников, чей интерес к живописи был не так уж мал, как это утверждалось; см. выше, с. 144, прим. 1).

В тот же день я видел, как разделались с двумя братьями, убившими секретаря Кастеляна[424], у которого были в услужении. Случилось это несколько дней назад ночью, в городе, и даже в самом дворце упомянутого сеньора Джакомо Буонкомпаньи, сына папы. Сначала их пытали калеными щипцами, потом отсекли кисть руки перед сказанным дворцом, а культи сунули в каплунов, которых быстро убили и взрезали. Обоих прикончили на эшафоте: сперва оглушили здоровенной колотушкой, после чего внезапно перерезали горло. Некоторые говорят, что такая казнь часто используется в Риме; другие утверждают, что ее нарочно подобрали к преступлению, тем более что они убили своего хозяина.

Что касается размеров Рима, то г-н де Монтень говорил, что стены, которые окружают его пространство (более чем на две трети пустое, включая старый и новый город), могли бы сравниться по длине с той оградой, которой обнесли бы Париж со всеми его предместьями из конца в конец. Однако если оценивать его размеры исходя из количества домов и плотности застройки, то, по его мнению, Рим в сравнении с Парижем

[424] Примечания: 424

Кастелян — комендант замка Святого Ангела Джакомо Буонкомпаньи, см. выше, с. 208, прим. 2.

не достигает и его трети[425]. Хотя по количеству и величине городских площадей, красоте улиц и домов Рим намного его превосходит.

Он нашел, что зимой тут почти так же холодно, как в Гаскони. До и после Рождества случились сильные заморозки и дули нестерпимо холодные ветры. Правда, при этом довольно часто громыхает гром, сыплет град и сверкают молнии.

В здешних дворцах множество покоев следуют чередой друг за другом. Вам приходится пройти через три-четыре зала, прежде чем попадете в главный. В некоторых местах, где г-н де Монтень бывал на торжественных обедах, буфеты устроены не там, где идет застолье, а в другом зале, в первом, куда уходят за вином, когда вы об этом попросили; и там же выставлена напоказ серебряная посуда.

В четверг, 27 января, г-н де Монтень отправился смотреть холм Яникул за Тибром, чтобы изучить особенности этого места, и среди прочего — руины большой древней стены, открывшейся двумя днями ранее, а также оценить расположение всех

---

[425] Примечания: 425

В самом деле, римские обводные стены по своей длине были бы почти равны парижским, если бы укрепления, оставшиеся еще от Карла V, следовали современной линии больших бульваров; однако население Рима во времена Монтеня не достигало и ста тысяч жителей, тогда как в Париже их проживало больше двухсот тысяч.

частей Рима, которые ни с какого другого места не видны так отчетливо[426]; а оттуда спуститься к Ватикану, чтобы полюбоваться статуями в нишах Бельведера и прекрасной, весьма близкой к завершению галереей с изображением всех частей Италии, которую соорудил папа[427]; там же он потерял свой кошелек со всем, что было внутри, и решил, что это случилось, когда он раза два-три подавал милостыню, — погода была очень дождливая и малоприятная, вот он вместо того, чтобы вновь положить кошелек в карман, сунул его в прорезь на своих штанах.

Каждый день он был занят только тем, что изучал Рим. Вначале он взял себе французского проводника, но, поскольку тот из-за своего несколько сумасбродного нрава потерял к этому интерес, он [г-н де Монтень] проявил упорство и благодаря собственным усидчивым занятиям до конца превозмог эту науку с помощью различных карт и книг, которые велел читать себе по вече-

[426] Примечания: 426

Панорамный вид, который открывается с Яникула, одного из семи холмов Рима, весьма знаменит.

[427] Примечания: 427

Бельведер — павильон внутри Ватиканского дворца. Галерея фресок с изображением географических карт *(La Galleria delle Carte Geogrffiche)* — произведение Эгнацио (Игнацио) Данти (который также выполнил для Козимо Медичи географические карты Гардероба *(Guardaroba)* в Палаццо Веккио во Флоренции.

рам, а днем шел претворять свое ученичество в практику на месте; так что через несколько дней вполне мог бы с легкостью заткнуть своего проводника за пояс.

Он говорил, что в Риме не видно ничего, кроме неба, под которым он был основан, да плана его местоположения, приобретенное же им знание о нем — отвлеченное и умозрительное — ничего не дает чувствам, и люди, говорящие, что тут, по крайней мере, видны руины Рима, изрядно преувеличивают, потому что руины столь чудовищной громады оказали бы гораздо больше чести его памяти и внушили бы к ней гораздо больше почтения, а так это всего лишь могила. Мир, исполненный враждебности к долгому господству Рима, первым делом сокрушил его, вдребезги разбив все члены этого восхитительного тела, потому что, даже совершенно лишенный жизни, поверженный, обезображенный, он все еще внушал страх, а потому мир похоронил и сами его руины. То, что мелкие образчики этих обломков все еще появляются из гроба, — заслуга фортуны, сохранившей их как свидетельство бесконечного величия, с которым столько веков, столько пожаров и неоднократных поползновений мира уничтожить этот город так и не

смогли ничего сделать. Но вполне вероятно, что эти разрозненные члены, которыми теперь любуются, — наименее достойное из того, что от него осталось, потому что ярость врагов этой бессмертной славы подвигла их разрушить в первую очередь наиболее прекрасное и достойное; и хотя у зданий даже этого ублюдочного Рима еще было чем вызвать восхищение нашего нынешнего века, его сейчас привлекают эти древние лачуги, заставляя снова вспомнить гнезда воробьев и ворон, что лепятся во Франции под сводами и на папертях церквей, недавно разрушенных гугенотами. Еще он [г-н де Монтень] опасался, видя, какое обширное пространство занимает эта могила, что ее вовсе не призна́ют за таковую и что она по большей части засыплет сама себя; это [он сказал] при виде того, во что превратилась некогда чахлая кучка мусора, состоявшая в основном из горшечных черепков и битой черепицы, которая в древности доросла до груды столь чрезмерного размера, что по высоте и ширине сравнялась со многими природными холмами [он сравнил ее с горой Гюрсон, решив, что она такой же высоты, но вдвое шире], это было ясное указание его грядущей судьбы, чтобы дать почувствовать миру заговор врагов против славы и превосходства

этого города, посредством этого столь нового и необычайного свидетельства о его величии[428]. Он говорил, что не может с легкостью допустить, учитывая слишком малое пространство и место, которое занимают семь холмов, в частности, самые известные, такие как Капитолий и Палатин, что там помещалось столь большое количество зданий. Видя только останки храма Мира на Римском форуме[429], распавшегося на несколько ужасающих скал и от которого до сих пор отваливаются обломки, как от большой горы, кажется, что всего два таких здания могли бы [занять] все пространство Капитолийского холма, а ведь там было двадцать пять — тридцать храмов, помимо многих частных домов. Но на самом деле многие догадки, которые основываются на описаниях этого древнего города, совершенно неправдоподобны, поскольку и сам его план, и

[428] Примечания: 428

Холм Тестаччо, 35 меров высотой, образован по большей части черепками и прочими обломками гончарных изделий, сваленными в гавани Тибра, что доказывает огромность населения древнего Рима. На холме Гюрсон в Перигоре располагался замок Луи де Фуа, друга Монтеня, который посвятил его жене, Диане де Фуа, главу «О воспитании детей («Опыты», I, 26). Фразу о сравнении с Гюрсоном в скобки заключил Керлон, но не объяснил почему.

[429] Примечания: 429

У Монтеня по-латыни: *Forum romanum*. — Возможно, храмом Мира Монтень считал базилику Максенция-Константина.

вид беспрестанно изменялись[430]. Некоторые из ложбин были засыпаны, даже самые глубокие места, например, Велабрум, бывшая низина с озером, куда из-за его положения стекались городские нечистоты, [теперь] достиг высоты других природных холмов, которые его окружают, и все это создано кучами мусора и грудами обломков больших зданий; и Монте Савелло — это не что иное, как часть развалин театра

Марцелла[431]. Он полагает, что, если бы древний римлянин мог увидеть свой город [сегодня], он не смог бы узнать его по местоположению. Подчас случается, что после долгих поисков в земле случайно натыкаются на капитель весьма высокой колонны, которая все еще стоит на своем подножии в ее толще. Там ищут только основа-

[430] Примечания: 430

Многих удивляло слишком большое количество зданий, скученных в древнем Риме на столь малом пространстве; хотя это заблуждение объясняется просто: постройки разных эпох, сменявшие друг друга, рассматривали как существовавшие одновременно; Монтень же, похоже, интуитивно догадывался о малом правдоподобии этих предположений.

[431] Примечания: 431

Непохоже, чтобы Велабр (Велабрум,*Velabrum*), маленькую ложбину между Капитолием, Палатином и Тибром, где, согласно легенде, пастух Фаустул нашел Ромула и Рема, когда-либо окружали другие холмы. И наоборот, холм Монте Савелло, о котором пойдет речь дальше и чья высота значительно уменьшилась из-за последовательных раскопок, был действительно сложен из обломков театра Марцелла, посвященного Августом памяти своего безвременно умершего племянника.

ния старых лачуг или сводов, какие имеются у всех подвалов, но ни опор древних фундаментов, ни стен, которые стояли бы прямо. Однако на самих этих обломках древних зданий, там, где их рассеяла фортуна, они утвердили основания своих новых дворцов, словно на больших скалах, крепких и надежных. Вполне можно заметить, что под некоторыми нынешними улицами на глубине в тридцать с лишним футов проходят прежние.

28 января у г-на де Монтеня случилась колика, которая ничуть не помешала ему в обычных делах, и у него вышел один большой камень и другие, помельче.

30-го [января] он видел древнейший религиозный обряд, который существует среди людей, и наблюдал за ним весьма внимательно и с большим удобством: это было еврейское обрезание.

Он уже видел другую церемонию в их синагоге[432], как-то в субботу утром, их молитвы, когда они поют не в лад, как в кальвинистской церкви, и некоторые уроки Библии на древнееврейском, приноровленные ко времени. В подобных звуках у них имеется ритм, но [также] крайняя

---

[432] Примечания: 432
См. пребывание в Вероне. Об обрезании см. в «Опытах», III, 5.

неслаженность из-за смешения стольких голосов разного возраста, поскольку дети вплоть до самых малолетних тоже в этом участвуют, и все без различия разумеют древнееврейский. Они уделяют своим молитвам не больше внимания, чем мы своим, занимаясь среди этого другими делами и не привнося большого благоговения в свои таинства. Они моют руки при входе, и в этом месте у них считается непотребством обнажать голову, однако они опускают ее и преклоняют колена, когда им это велит их набожность. На плечах или на голове они носят некие покрывала с бахромой: все вместе было бы долго пересказывать. В послеобеденное время их ученые по очереди дают наставление в вере по поводу отрывка из Библии на этот день, делая это по-итальянски. После наставления какой-нибудь другой присутствующий ученый выбирает кого-либо из слушателей, а иногда двух-трех подряд, чтобы опровергать сказанное тем, кто только что читал. Тот, кого мы слышали, был, похоже, очень красноречив и остроумен в своих доводах.

Что касается обрезания, то оно делается в частных домах, в комнате ребенка, самой удобной и светлой. Однако там, где это состоялось, церемония проходила у входной двери, потому

что жилье было неудобным. Они дают ребенку крестных отца с матерью, как мы; отец называет ребенка. Они обрезают детей на восьмой день после рождения. Крестный отец сидит на столе и кладет подушку себе на колени, крестная мать приносит ему ребенка, после чего уходит. Ребенок завернут по-нашему; крестный его разворачивает снизу, и тогда его помощники и тот, кто должен делать операцию, все начинают петь и сопровождают пением все это действо, которое длится какую-то четверть часа. Священнодействующему не обязательно быть раввином, это может быть и кто-нибудь из них, каждый желает быть призванным к этому делу, потому что они почитают великим благословением, когда кого-либо часто к этому приглашают: некоторые даже покупают себе приглашение, кто за платье, кто за какое-нибудь иное добро для ребенка, и считается, что, если количество обрезаний достигает некоторого числа, которое им ведомо, у того, кто их делал, губы после смерти никогда не съедаются червями. На столе, где сидит крестный отец, в то же время имеется набор всего, что потребно для операции. Кроме того, один человек держит в руках сосудец, полный вина, и стакан. Еще имеются горящие угли в очаге на полу, на котором

священнодействующий первым делом греет свои руки, а потом, увидев, что ребенок раскрыт и что крестный держит его на коленях головой к себе, берет его член и одной рукой притягивает к себе кожицу, которая сверху, а другой отталкивает головку и член от себя. Край этой оттянутой от сказанной головки кожи он зажимает серебряной прищепкой, которая оставляет ее в таком положении и не дает лезвию повредить головку и плоть члена. После чего обрезает ножом эту кожицу, которую тотчас же закапывают в землю, которая там имеется в тазу среди прочих орудий этого таинства. После чего священнодействующий отворачивает пальцами остаток кожицы с этой головки и, насильно ее разрывая, отталкивает назад, под головку. Похоже, что это больно и требует многих усилий, но тем не менее они не видят в этом никакой опасности, хотя там по-прежнему имеется рана, которая затягивается дня через четыре или пять. Ребенок кричит так же, как наши, когда их крестят. И вот, когда эта головка члена наконец открыта, тому, кто проводил обряд, спешно подносят вина, и он, взяв его немного в рот, начинает посасывать окровавленную головку этого ребенка и сплевывать высосанную оттуда кровь, потом немедля снова

набирает вина в рот — и так до трех раз. Когда это сделано, ему протягивают в маленьком бумажном кулечке красный порошок, именуемый ими «драконьей кровью»[433], которым он присыпает и припудривает всю эту ранку, а потом обматывает весьма аккуратно член этого ребенка нарочно нарезанными для этого бинтами. По завершении этого ему дают стакан, полный вина, и он посредством некоторых сказанных слов благословляет его, как они говорят. Затем отпивает оттуда глоток, окунает туда палец и трижды подносит на пальце каплю ко рту ребенка, чтобы тот пососал; потом отправляет этот стакан в том же состоянии матери и женщинам, которые ждут в каком-то другом месте этого дома, чтобы те допили остаток вина. Кроме того, третий человек берет за длинную рукоятку серебряный круглый, как мячик, инструмент, в котором пробиты маленькие дырочки, как в наших курильницах, и подносит его сначала к носу исполнителя, потом к носу ребенка, потом крестного: они полагают, что эти запахи укрепляют и проясняют дух в

[433] Примечания: 433

Отвердевшая красная смола некоторых растений, например драценовых *(Dracaena)*, которая издревле использовалась как кровеостанавливающее и вяжущее средство.

благочестии[434]. У [исполнителя] тем временем весь рот по-прежнему в крови.

8-го [февраля] и еще 12-го [г-н де Монтень] опасался колики, и у него вышли камни без особой боли.

В этом году карнавал в Риме с дозволения папы выдался более беспутным, нежели во многие предыдущие годы: но мы тем не менее нашли, что это не бог весть что. По Корсо, длинной римской улице, которая так и называется[435], пускают бежать наперегонки из конца в конец то четверых-пятерых ребятишек, то евреев, то совершенно голых стариков. Вы не получаете никакого удовольствия, видя, как они пробегают перед тем местом, где вы находитесь. То же самое они делают с лошадьми, для чего употребляют детей, которые гонят их, стегая кнутами, а также с ослами и буйволами, но этих подгоняют стрека-

[434] Примечания: 434

В «Опытах», I, 55, особенно в добавлениях 1582 года, Монтень выскажется о собственном восприятии запахов и о роли ароматов и благовоний в религиозных церемониях: «Употребление ладана и других благовоний в церквах, распространенное с древнейших времен среди всех народов и во всех религиях, имеет целью пробудить, очистить и возвеселить наши чувства, сделав нас тем самым более способными к созерцанию».

[435] Примечания: 435

Название *Corso* (итал.) означает «аллея для прогулок», «городской бульвар» и даже «бег». И хотя Монтень именует ее на французский лад *Cours*, по-французски это значит то же самое.

лами всадники. Во всех этих скачках назначается награда, которую они называют *el palo* — [это] штука бархата или сукна[436]. Дворяне в том месте улицы, где дамам лучше их видно, соревнуются на красивых конях в забавах с «чучелом»[437], стараясь снискать их милость: поскольку обычно только эта знать умеет так хорошо исполнять конные упражнения. Помост, который г-н де Монтень велел для них соорудить[438], обошелся в три экю. Он помещался также в прекрасном месте улицы.

В эти дни можно сколько угодно любоваться всеми красивыми римскими дамами, поскольку в Италии они не надевают масок, как во Франции, и полностью открывают лицо[439]. Что касается редкой и совершенной красоты, то говорят, что

---

[436] Примечания: 436

El palo, или *il palio* — вымпел, флажок или другой отличительный знак, выдаваемый победителю скачек.

[437] Примечания: 437

Здесь: *la quintaine* — манекен или просто воткнутый в землю кол со щитом на перекладине, который всадники должны поразить копьем.

[438] Примечания: 438

То есть для самого Монтеня и прочих «господ», которые участвовали в расходах на помост.

[439] Примечания: 439

Обычай французских дам пользоваться черными бархатными масками, чтобы предохранить лицо от загара, пережил даже эпоху Людовика XIV.

ее здесь больше нет, как и во Франции, разве что у трех-четырех; здесь не найти никакого превосходства, хотя обычно они более приятны на вид и тут не встретишь стольких уродин, как во Франции. Лицо у них без всякого сравнения выглядит привлекательнее, а также то, что ниже пояса. Тело лучше во Франции: потому что здесь талии слишком дряблые, и они носят пояс, как наши беременные женщины[440]; но в их осанке и манере держать себя больше величавости, мягкости и прелести. В богатстве их одежд нет никакого сравнения с нашими: тут все полно жемчугов и драгоценных каменьев. Повсюду, где они появляются на публике, будь то в карете, на празднестве или в театре, они держатся отдельно от мужчин: тем не менее они участвуют в танцах, где партнеры весьма вольно переплетаются и есть возможность побеседовать и коснуться руки.

Мужчины одеты гораздо проще и всегда, при любом случае, в черное и флорентийскую саржу; а поскольку они немного чернявее нас, то я не понимаю, как они при такой несколько невзрачной

[440] Примечания: 440

Однако в «Опытах» Монтень критикует привычку француженок стягивать себя поясами, «чтобы сделать свое тело более *испаноподобным*» (то есть с талией на испанский лад; см. «Опыты», I, 14), «шнуруясь и уродуя себе бока жесткими, врезающимися в тело колодками».

наружности не имеют повадок герцогов, графов и маркизов, действительно являясь ими; в остальном же они любезны и учтивы насколько только возможно, хотя и говорят пошлости о французах, которые не могут называть учтивыми тех, кто с трудом переносит их распущенность и обычную заносчивость.

Мы всеми способами делаем все возможное, чтобы нас поносили. Тем не менее итальянцы издавна питают к Франции теплые чувства или глубокое уважение, что делает нас здесь весьма почитаемыми и желанными гостями, нас — тех, кто так мало достоин этого и лишь сдерживает себя, чтобы не оскорблять их.

В последний четверг перед постом он [г-н Монтень] присутствовал на пиру у Кастеляна[441]. Там были сделаны весьма большие приготовления, в частности, амфитеатр, очень искусно и богато устроенный для турнира с барьером[442], который состоялся ночью перед ужином в большом квадратном дворе, где посредине была выгорожена овальная площадка. Среди других особенностей надо отметить, что мощеное пространство

---

[441] Примечания: 441
См. выше, с. 208, прим. 2.

[442] Примечания: 442
Конный поединок, в котором участники разделены барьером.

двора было разрисовано различными красным фигурами; сперва его покрыли то ли гипсом, то ли известкой, а потом, наложив на этот белый слой лист пергамента или кожи, где были прорезаны нужные рисунки, прошлись поверх него метелкой с красной краской и отпечатали на камнях сквозь отверстия все, что хотели, да так быстро, что за два часа там оказался нарисован неф церкви. За ужином дам потчевали их мужья, которые стояли рядом и подносили им пить по их просьбе. Там подавали много жареной птицы, облаченной в ее природные перья, как живая; каплунов, запеченных целиком в стеклянных горшках; много зайцев, кроликов и живых птиц в тесте[443]; салфетки и скатерти были восхитительны. Стол для дам, на котором было четыре блюда, оказался съемным, и под ним находился другой, уже весь сервированный и уставленный вареньями. Они тут не устраивают никаких маскарадов, чтобы ходить друг к другу в гости. Обходятся малыми издержками, прогуливаясь по городу на публике, или же участвуют в забавах с

[443] Примечания: 443

Живых птиц действительно запекали в тесте, это практиковалось еще в эпоху Античности.

кольцом на всем скаку[444]. В понедельник перед постом были устроены две прекрасные и богатые забавы такого рода с «чучелом»; особенно они превосходят нас в изобилии прекрасных коней.

Здесь заканчивается почерк секретаря, писавшего под диктовку Монтеня, и далее, взяв в руку перо, он сам продолжает описание своего путешествия до конца[445].

[444] Примечания: 444

Старинная конная забава — надо было поймать копьем на скаку подвешенное кольцо.

[445] Примечания: 445

Примечание Керлона.

Часть 3, написанная самим Монтенем

– Рим – Остия – Рим – Тиволи – Рим – Кастель Нуово – Боргетто – Нарни – Сполето – Фолиньо – Ла Мучча – Вальчимара – Мачерата – Лорето – Анкона – Сенигаллья – Фано – Фоссомброне – Урбино – Кастель Дуранте – Борго Паче – Борго Сан Сеполькро – Понте Бурьяно – Леванелла – Пьян Делла Фонте – Флоренция – Прато – Пистойя – Лукка – Баньи делла Вилла –

Отпустив того из моих людей, который вел доселе эту прекрасную работу, и видя, что она так далеко продвинулась, я, несмотря на некоторое неудобство, которое это мне доставляет, продолжаю ее самолично[446].

---

[446] Примечания: 446

Эта фраза свидетельствует о том, что Монтень, убедившись наконец, что *секретарь* точно воспроизводит его слова, стал реже просматривать написанный им текст; во всяком случае, он удивился, что тот так далеко продвинулся. Леде уточняет: «Монтень продолжает собственноручно со страницы 112, хотя имеются некоторые вставки другой рукой; однако наибольшая часть остального манускрипта написана самим Монтенем». Вполне очевидно, что *другая рука*, которая иногда вклинивается в остальной текст тома, принадлежала очередному слуге, писавшему под диктовку Монтеня.

16 февраля, возвращаясь со *стояния*[447], я встретил в маленькой часовне священника в облачении, который хлопотал, стараясь исцелить некоего *spiritato*[448]. То был угрюмый и словно оцепенелый человек. Его держали на коленях перед алтарем, он был привязан за шею какой-то непонятной тканью. Священник читал по своему требнику. После чего заговорил с бесноватым, обращаясь то к нему самому, то к дьяволу, который в нем обретался, и поносил его, бил кулаком наотмашь, плевал ему в лицо. Одержимый отвечал на его требования какими-то бессвязными словами: то за себя, говоря так, словно чувствовал течение своего недуга; то за дьявола: дескать, как он боится Бога и как на него действуют заклятия этого экзорцизма[449]. Это длилось довольно долго, после чего священник ради последнего усилия подошел к алтарю и взял

---

[447] Примечания: 447

В оригинале *station* от латинского *statio* — «стояние», «остановка»; имеет несколько значений: 1. Богослужение в той церкви, где читалась проповедь в честь Рождественского или Великого поста. 2. Посещение обязательных для паломничества храмов, например, т. н. «Семи римских церквей». 3. Посещение церквей из особого списка, где выдавались индульгенции.

[448] Примечания: 448

Одержимый бесом, бесноватый — в тексте дано по-итальянски.

[449] Примечания: 449

Изгнание бесов, заклятие злых духов.

в левую руку дароносицу с *Corpus Domini*[450], а в другой руке держал горящую свечу так, словно нарочно плавил ее и сжигал, и произносил при этом, опустив голову книзу, молитвы, а потом обратил к дьяволу угрозы и суровые увещевания самым громким и повелительным голосом, каким только мог. Когда первая свеча догорела в его пальцах, он взял другую, а потом вторую, потом третью. Сделав это, он взял свою дароносицу, то есть прозрачный сосуд с *Corpus Domini,* и снова подошел к бесноватому, и заговорил с ним уже как с человеком, велел отвязать и отдал близким, чтобы те отвели его домой. Он сообщил нам тогда, что этот бес — наихудшей породы, очень упрямый и весьма стоил того, чтобы его изгнать, и еще много чего порассказал десяти — двенадцати дворянам, которые там случились, об этой науке и о постоянно исполняемых опытах, которые он тут проводит, например, как он днем ранее избавил одну женщину от здоровенного беса, который, выходя из этой одержимой, исторг у нее изо рта гвозди, булавки и клок собственной шерсти. А на возражение, что она еще не совсем оправилась, заявил, что просто сегодня утром в нее вселился

---

[450] Примечания: 450
Тело Христово, то есть облатки, гостии.

другой дух, иной разновидности, не столь сильной и зловредной, но что эту породу ему будет легче заклясть, поскольку он знает все их имена, разряды и более особые различия. Я смотрел во все глаза. А тот, кого я видел, только скрежетал зубами и кривил рот, когда ему подносили *Corpus Domini*, и все время бормотал эти слова: *Si fata volent*[451], поскольку был нотариусом и немного знал латынь.

В первый день марта я был на *стоянии* в церкви Святого Сикста. Проводивший службу священник помещался за главным алтарем, лицом к народу: позади него никого не было. В тот же день туда явился папа, поскольку за несколько дней до того он спровадил из этой церкви монахинь, которые обосновались там в уединении[452], и весьма прекрасным приказом собрал туда на жительство всех бедняков, которые нищенствовали в городе[453]. Кардиналы дали каждый по двадцать

---

[451] Примечания: 451

Si fata volent (лат.) — «если судьбе угодно».

[452] Примечания: 452

Имеется в виду располагавшийся при церкви Сан Систо Веккио первый женский доминиканский монастырь, основанный в 1221 году самим святым Домиником.

[453] Примечания: 453

Папа Григорий XIII «спровадил» оттуда доминиканских монахинь и преобразовал их монастырь в приют для нищих; впрочем, большая часть из них разбежалась, сожалея об утраченной свободе.

экю, чтобы участвовать в этом торжестве с шествием, а также были сделаны исключительные пожертвования другими частными лицами. Папа выделил на этот приют для бедных пятьсот экю в месяц.

В Риме довольно много частной набожности, а также религиозных братств, где наблюдаются изрядные свидетельства благочестивого рвения. Народ же в большинстве своем мне кажется менее набожным, чем в добрых городах Франции, хотя в нем гораздо больше церемонности: по этой части они подчас доходят до крайности. Вот тому два примера, рассказываю как на духу. Некто лежал в постели с куртизанкой, и вот, когда они свободно предавались своему занятию, в полночь прозвонили Аве Мария: девица внезапно соскочила с постели на пол, пала на колени и стала творить молитву. Когда же она была вместе с другим [клиентом], в дверь вдруг со стуком ввалилась «мамаша» (у молодых там есть старые наставницы, которые им вроде матерей или теток) и в гневе сорвала с шеи сказанной девицы снурок с образком Богоматери, дабы не осквернить ее мерзостью греха: молодая очень сокрушалась, из-за того что забыла снять его с шеи, как привыкла.

В тот день на богослужении присутствовал также посол Московита[454],одетый в пунцовую мантию, сутану из золотой парчи и отороченную мехом шапку, напоминающую ночной колпак, тоже из золотой парчи, под которой у него была скуфейка из серебряной ткани. Это уже второй посол от Московита, приехавший к папе. Первый был во времена папы Павла III. Тут полагают, что ему поручено побудить папу вмешаться силой своего авторитета в войну, которую король Польши затеял с его государем: дескать, ему первому придется сдерживать натиск Турка[455], а если сосед его ослабит, то он будет не способен к этой другой войне, которая настежь распахнет Турку окно, позволив ему добраться и до нас; а за это он предлагал еще больше уменьшить количество религиозных расхождений, которые имеются у него с Римской церковью. Посла поселили у Кастеляна[456] (как и того, что приезжал сюда

[454] Примечания: 454

То есть Ивана Грозного, воевавшего тогда с королем Польши Стефаном Баторием; посла звали Истома Шевригин. На самом деле это было не второе русское посольство в Рим (см. ниже), а третье — первое было при Сиксте IV (1472), а второе при Клементе VII (1523–1525).

[455] Примечания: 455

То есть турецкого султана.

[456] Примечания: 456

См. выше, с. 208, прим. 2.

во времена папы Павла) и содержали за папский счет. Он очень настаивал на том, чтобы не целовать ноги папы, а только правую руку, и сдался лишь после того, как ему засвидетельствовали, что и сам Император подчинялся этой церемонии, потому что примера королей ему было недостаточно. Он не знал ни одного языка, кроме своего собственного, и явился сюда без толмача. У него было всего трое-четверо человек сопровождения, и он говорил, что добирался через Польшу с большой опасностью и переодетый. Его народ настолько несведущ в здешних делах, что он привез в Венецию письма своего государя, адресованные великому наместнику Венецианской области[457]. Спрошенный о смысле этого обращения [он ответил]: они, дескать, полагали, что Венеция находится во владениях папы, который посылает туда своих наместников, как в Болонью и иные места. Одному богу ведомо, как такое неведение понравилось тамошним распрекрасным господам. Он преподнес дары и там, и папе — соболей и черных лис, чей мех еще

[457] Примечания: 457

Имеются косвенные свидетельства того, что это послание Шевригин написал сам и привесил к нему печать от другого документа, — ему приходилось импровизировать на ходу, поскольку верительной грамоты к венецианцам у него не было; впоследствии это письмо было им уничтожено.

более редок и дорог.

6 марта осмотрел Ватиканскую библиотеку, которая расположена в пяти-шести залах, идущих чередой друг за другом. Там есть множество книг, привязанных к стоящим рядами пюпитрам; есть также книги в сундуках, которые были для меня открыты; много рукописей, а именно Сенеки и малые сочинения Плутарха[458]. Я видел замечательную статую славного Аристида[459] с прекрасной лысой головой, густой бородой, большим лбом и взглядом, исполненным кротости и величия: его имя высечено на очень древнем подножии; а также китайскую книгу, дикарского начертания, с листами из некоего более мягкого и просвечивающего материала, нежели наша бумага; поскольку эти листы не способны выдерживать состав чернил, то исписаны они только с одной стороны, и все двойные, сложены пополам и прошиты по обрезанному краю. Они [т. е. библиотекари] утверждают, что это всего лишь луб некоего дерева. Я видел там также обрывок древнего папируса, покрытый неведомыми письменами; это явно какое-то древесное лыко.

---

[458] Примечания: 458
Любимые авторы Монтеня (см. «Опыты», II, 10).

[459] Примечания: 459
Ритора Элия Аристида Смирнского.

Я видел требник святого Григория, писанный от руки: год в нем не указан, но они [библиотекари] утверждают, что он передавался от него самого из рук в руки. Этот молитвенник почти такой же, как наши, и побывал на последнем, Тридентском, соборе, чтобы служить подтверждением наших обрядов. Я видел там книгу святого Фомы Аквинского с его собственноручными поправками; почерк плохой, мелкий, хуже, чем у меня. *Item* Библию, напечатанную на пергаменте, из тех, что Плантен недавно издал на четырех языках и которую король Филипп отправил этому папе, как он сам говорит в надписи на переплете[460]; оригинал книги английского короля Генриха, сочиненной против Лютера[461], которую он послал лет пятьдесят назад папе Льву X, подписав собственной рукой, с этим прекрасным латинским двустишием, тоже собственноручным:

Anglorum Rex Henricus, Leo décime, mittit

---

[460] Примечания: 460

Библия на еврейском, халдейском, греческом и латинском, опубликованная в Антверпене в 1568–1572 годах Кристофом Плантеном, одним из выдающихся печатников и издателей эпохи Возрождения. Филипп поддержал это предприятие, чуть было не разорившее типографа.

[461] Примечания: 461

«Защита семи таинств», *Assertio Septem Sacramentorum* (лат).

Hoc opus, & fidei testem & amicitiae[462].

Я прочитал предисловия, одно обращенное к папе, другое к читателю: он там извиняется за недостаток учености и ссылается на свои военные заботы; этот язык хорош для схоластики.

Я осмотрел библиотеку без всяких затруднений; каждый может видеть ее и извлекает из этого, что пожелает, и она открыта каждое утро; ко мне приставили дворянина, который водил меня повсюду, чтобы я пользовался этим, как я захочу. В то же время отсюда уезжал наш посол, так толком и не повидав ее, и жаловался, что ему приходилось ради этого обхаживать кардинала Сирлето, главного библиотекаря[463], но, по его словам, он так и не получил возможности увидеть этого рукописного Сенеку, чего бесконечно желал.

---

[462] Примечания: 462

«Генрих, король Англии, посылает тебе, Лев Десятый, это произведение, свидетельство его веры и дружбы». Двустишие весьма далеко от того, чтобы быть прекрасным, но ирония Монтеня относится также к тому факту, что Генрих VIII, получив от папы почетный титул «защитника веры», отрекся и от католичества, и от папы. Кстати, эта ирония получила блестящее продолжение: порвав с Римом, Генрих VIII, новоиспеченный протестант, все же сохранил за собой этот понравившийся ему титул, полученный за борьбу с протестантизмом (!), а в 1544 году официально удостоился этого звания от английского парламента, но уже в смысле защитника веры от католицизма. Английские монархи пользуются им до сих пор.

[463] Примечания: 463

Кардинал-библиотекарь Гуильельмо Сирлето (1514–1585) из-за своего

крайнего ригоризма часто отказывал в выдаче книг, если считал их «нечестивыми».

Меня же тут влекла фортуна, хотя я, основываясь на его свидетельстве, почитал сие предприятие безнадежным. Все дела, недоступные для других, становятся легки на обходном пути. У случая и своевременности имеются свои исключительные права, и они нередко предоставляют народу то, в чем отказывают королям. Любопытство подчас мешает само себе, и так же бывает с величием и могуществом.

Я там видел также Вергилия, написанного от руки буквами вытянутого узкого начертания и гораздо более крупными, нежели те, что мы видим здесь же в надписях эпохи императоров, примерно века Константина; в них есть что-то готическое, и они потеряли те квадратные пропорции, которые отличают старинное латинское письмо. Этот Вергилий подтвердил мою догадку, поскольку я всегда полагал, что четыре первых стиха, которые вставляют в «Энеиду», откуда-то позаимствованы: в этой книге они отсутствуют[464]. Имеются тут также Деяния апостолов, написанные очень красивыми золотыми греческими буквами, столь яркими и свежими, будто

[464] Примечания: 464

Рукопись, которую просматривал Монтень, это, вероятно, «Романус» *(Romanus)*. Четыре стиха, привязывающие «Энеиду» к «Буколикам» и «Георгикам», в современных изданиях обычно опускаются.

начертаны прямо сегодня[465]. Это мощный почерк, настолько полнотелый и выпуклый, что, если провести рукой по бумаге, можно почувствовать его толщину. Думаю, мы уже разучились так писать.

13 марта старый патриарх Антиохийский[466], араб, очень бегло говорящий на пяти-шести тамошних наречиях, но совершенно не знающий ни греческого, ни других наших [языков], с которым я свел близкое знакомство, подарил мне некое снадобье — средство от моей мочекаменной болезни вместе с письменным назначением, как его применять. Он поместил его в глиняный горшочек и сказал, что это можно хранить и десять, и двадцать лет, и надеялся, что я с первого же приема совершенно излечусь от своего недуга. А на тот случай, если я потеряю предписание, вот что надо сделать: уходя спать после легкого ужина, взять это снадобье количеством с две горошины, растереть пальцами, смешать с теплой водой и принимать пять дней через день.

---

[465] Примечания: 465

Этот прекрасный манускрипт был подарен Иннокентию VIII королевой Кипра Шарлоттой.

[466] Примечания: 466

Высокоученый Игнатий Нааматалла, или Неем, прибыл в Рим в 1578 году на переговоры о присоединении сирийской якобитской церкви к католической. Его особенно увлекали медицина и астрономия.

Обедая как-то в Риме с нашим послом, где присутствовали Мюре[467] и другие ученые, я вдруг ополчился на тех, кто оценивал французский перевод Плутарха ниже, чем я сам[468],и ссылался при этом по меньшей мере вот на что: там, где переводчику не удалось уловить подлинный смысл Плутарха, он заменил его другим, правдоподобным, воспользовавшись предыдущими и последующими словами автора. Желая доказать мне, что тут я неправ, он [Мюре] привел два отрывка, критику одного из которых они приписали сыну г-на Манго[469], парижскому адвокату, который только что уехал из Рима. Это в «Жизнеописании Солона», примерно в середине, где Солон у переводчика бахвалится тем, что освободил Аттику, а еще тем, что убрал *межевые*

---

[467] Примечания: 467

Марк-Антуан Мюре (1526–1585) — известный гуманист, поэт, писавший на французском, на латыни и древнегреческом, автор комментариев к *Любовям* Ронсара. Монтень называет его в числе своих учителей в Гиеньском коллеже города Бордо («Опыты», I, 26), после которого Мюре преподавал в Париже и Тулузе. Осужденный в 1554 году за гомосексуализм, бежал сначала в Венецию, потом в Рим, где был профессором права, философии и красноречия.

[468] Примечания: 468

Перевод Жака Амио, которым Монтень восхищался и который имел большое значение для его культурного формирования, см. «Опыты», II, 4 и 10. Что же касается ученого спора по его поводу, то ввязаться в него было со стороны Монтеня весьма опрометчивой затеей, потому что, хоть и превосходно владея латынью, он с произведениями Плутарха был знаком исключительно в переводах, а греческого языка, по его

собственному признанию, «почти вовсе не знал» («Опыты», I, 26).

[469] Примечания: 469

Возможно, речь идет о Жаке Манго (1551–1587), одном из двух сыновей Клода Манго, известном благодаря своей порядочности и компетентному толкованию законов.

столбы, которые дробили наследства[470]. Это ошибка, потому что греческое слово тут обозначает определенные знаки, которые ставились на заложенных и связанных обязательствами землях, дабы предупредить покупателей об этом залоге. Замена же их на *межевые столбы* совершенно неприемлема, поскольку в корне меняет смысл: ведь если таковые убрать, земли станут отнюдь не свободными, а общинными. Ближе всего к подлиннику латынь Эстьена[471]. А вот второй отрывок в самом конце трактата «О воспитании детей»[472]: «Что до соблюдения этих правил, — написано там, — это скорее желательно, нежели можно посоветовать». По-гречески, сказали они, это звучит иначе: «скорее желать, чем надеяться», это что-то вроде поговорки, которую можно

---

[470] Примечания: 470

Вот о каком отрывке из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха идет речь: «Солон с гордостью говорит [*в своих стихотворениях*], что с заложенной раньше земли он “камней премного закладных убрал // Свободной стала прежде в рабстве бывшая” и что из числа закабаленных за долги граждан одних он вернул с чужбины, “…уж аттическую речь // забывших, словно странствовали много лет // а тех, кто дома рабства тяжкого позор // переносил” он сделал свободными» (т. I, Солон, XV)».

[471] Примечания: 471

Луи Эстьен (Estienne) перевел Плутарха на латынь (Женева, 1568).

[472] Примечания: 472

Второй отрывок взят из небольшого сочинения «О воспитании детей» (Περὶ παίδων ἀγωγῆς; De liberis educandis) в составе «Моралий» (Ηθικά;

Moralia); однако сегодня считается, что его написал анонимный автор, получивший от исследователей условное имя Псевдо-Плутарха.

встретить и в других местах. А переводчик заменил ясный и непринужденный смысл чем-то дряблым и странным. Ознакомившись с этими предположениями насчет соответствующего языку смысла, я чистосердечно согласился с их доводами.

Церкви в Риме не так красивы, как в большинстве добрых городов Италии и вообще в Италии и Германии, а еще менее, чем во Франции. При входе в новый собор Святого Петра видны знамена, висящие там в виде трофеев: надпись гласит, что это знамена, захваченные королем у гугенотов, хотя не уточняется, где или когда. Вблизи Григорианской капеллы можно видеть бесконечное множество даров по обету, висящих на стене, среди прочих здесь имеется и маленькая квадратная картина, довольно невзрачная и дурно написанная битва при Монконтуре[473].

В зале или на стене перед Сикстинской капеллой изображено много памятных событий, которые касаются Святого престола, таких как морская битва дона Хуана Австрийского. Есть и

[473] Примечания: 473

Григорианская капелла, которую Григорий XIII велел построить в соборе Святого Петра по проекту Микеланджело, еще не была достроена. При Монконтуре в 1569 году протестанты под командованием Колиньи были разбиты королевской армией.

изображение папы, который попирает ногами главу того императора, который явился просить у него прощения и целовать ему ноги, но не слова, сказанные, согласно истории, тем и другим. В двух местах там также весьма достоверно изображено ранение г-на адмирала де Шатийона и его гибель[474].

15 марта за мной спозаранку заехал г-н де Монлюк[475], чтобы вместе осуществить намерение, которое мы задумали днем ранее: осмотреть Остию. Мы пересекли Тибр по мосту Божьей Матери, выехали из города через ворота дель Порто, которые в древности назывались *Portuensis,* и оттуда неровным путем проследовали через земли, не слишком плодородные в отношении вина и хлеба; а примерно через восемь миль снова

[474] Примечания: 474

Фрески Sala Regia, преддверия Сикстинской капеллы, принадлежат кисти Джорджо Вазари и его мастерской. Одна из них изображает морскую битву при Лепанто (1571), выигранную у турок доном Хуаном Австрийским, командовавшим испанцами и венецианцами; о встрече Фридриха Барбароссы с папой Александром III в 1177 году рассказано у Анри Эстьена в *Апологии Геродота*: якобы папа, поставив ногу на шею простершегося ниц императора, сказал: «Написано: “На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона” (Пс. 90:13)» — на что оскорбленный император якобы ответил: «Не перед тобой я простираюсь, а пред святым Петром». — «И предо мной, и пред Петром», — возразил папа, «снова попирая его ногою»; Колиньи (адмирал де Шатийон) был ранен незадолго до Варфоломеевской ночи, а во время самой резни погиб; по поводу этого массового избиения гугенотов Григорий XIII повелел устроить праздничную иллюминацию (зажечь «огни радости»), провозгласил *юбилей* (т. е. отпущение

всех грехов при условии исповеди и причастия), приказал отчеканить медаль и заказал эти картины.

[475] Примечания: 475

Монтень встречался с ним в Болонье, см. выше, с. 177, прим. 2.

приблизились к Тибру и спустились на широкую равнину, полную лугов и пастбищ, в конце которой некогда располагался крупный город. От него осталось много больших и красивых руин, это возле Траянова озера, которое на самом деле — бухта Тирренского моря, куда прежде заходили корабли, но теперь море вдается туда совсем немного, а еще того меньше в другое озеро, немного выше того места, которое называют аркой Клавдия[476]. Мы могли бы пообедать с кардиналом Перуджийским, который там оказался[477], и на самом деле никто не сравнится в учтивости с этими сеньорами и их слугами: сказанный г-н кардинал письменно известил меня через одного из моих людей, невзначай проходившего там, что хочет попенять мне, и этот слуга был отведен выпить в винный погреб кардинала, который вовсе не был ни моим другом, ни знакомым и

[476] Примечания: 476

Бывший древнеримский мост, прозванный *Ponte di Santa Maria*, потому что находился близ церкви Santa Maria Egiziaca, в начале улицы, ведущей к церкви Santa Maria in Trastevere; позже, в 1598 году, был назван *Ponte Rotto* (Разбитый мост) из-за обрушения двух его арочных пролетов. Дорога за воротами Порта Портезе (Porta Portese) вела в старину к Порто Траяно (лат. *Portus*, тот самый «крупный город») в устье Тибра; и сегодня еще по берегам озера Лаго Траяно видны остатки портиков и терм, а также руины арки Клавдия (Arco di Claudio).

[477] Примечания: 477

Фульвио делла Корниа (1517–1583), племянник папы Юлия III, с 1580 года епископ Порто.

проявил в этом лишь обычное гостеприимство ко всем чужеземцам, обладающим какими-то манерами; но я побоялся, что это сильно удлинит мой путь и нам не хватит дня, чтобы объехать все то, что я намеревался увидеть на обоих берегах Тибра. Мы переплыли на лодке через рукав Тибра и ступили на Священный остров, который размером примерно с большое гасконское лье и полон пастбищ. Там имеется несколько руин и мраморных колонн, какие во множестве встречаются на месте древнего Порто, былого города Траяна; и в самом деле, папа постоянно извлекает их из земли и доставляет в Рим. Когда мы пересекли этот остров, перед нами снова оказался Тибр, переправиться через который на лошадях не представлялось никакой возможности, и мы хотели даже повернуть вспять; однако фортуна привела на противоположный берег г-на дю Белле, барона де Шаза, г-на де Мариво и прочих[478]. И мы пересекли реку, совершив обмен с этими дворянами: мы взяли их лошадей, а они наших. Таким образом, они вернулись в Рим тем путем,

[478] Примечания: 478

Без сомнения, это Мартен дю Белле (позже королевский лейтенант провинции Анжу) и один из троих сыновей Жана де ль'Иля, сеньор де Мариво (главный лейтенант правительства Иль-де-Франса). Личность третьего персонажа установить не удалось.

которым прибыли мы, а мы их путем прямиком направились в Остию.

ОСТИЯ, пятнадцать миль, расположена вдоль прежнего русла Тибра, а он теперь течет немного в другом месте и постоянно удаляется[479]. Мы пообедали на скорую руку в маленькой таверне; за ней виднелась Ла Рокка[480], маленькая, хотя изрядно построенная крепостца, где не несут никакого караула. Папы, и в частности нынешний, велели возвести на этом взморье большие башни или дозорные вежи, примерно через одну милю [одна от другой], чтобы противодействовать туркам, которые там часто устраивают высадки, даже во время сбора винограда, и захватывают людей и скот. А пушечными выстрелами с этих башен предупреждают друг друга с такой большой скоростью, что сигнал тревоги долетает до Рима в мгновение ока.

Вокруг Остии находятся солончаки, откуда снабжаются солью все земли Церковной области: это большая болотистая равнина, куда вторгается

---

[479] Примечания: 479

Течение реки изменило наводнение 1575 года.

[480] Примечания: 480

Ла Рокка — замок, построенный Б. Понтелли для будущего Юлия II. Позже, уже будучи на Адриатическом побережье, в Ан-конской марке, Монтень также отметит защитные башни, большая часть которых все еще существует.

море[481].

На этой дороге из Остии в Рим, былой *via Ostiensis*, встречется множество примет ее давней красоты, весьма заметных развалин акведуков, да и почти весь путь усеян большими руинами, а более двух частей этого пути все еще вымощены большими черными каменными плитами, которыми [римляне] покрывали свои дороги. Видя этот берег Тибра, легко признать правдивым утверждение, что тут с обеих сторон от Рима до Остии все было застроено жилищами. Среди прочих руин примерно на полпути по правую руку нам попалась очень красивая могила некоего римского претора[482], надгробная надпись на которой уцелела до сих пор. Римские руины сохранились по большей части в сплошной каменной кладке из самой толщи зданий. Они делали толстые стены из кирпича, а потом облицовывали их тонкими пластинами мрамора, или другого белого камня, или неким цементом, или большими квадратами штукатурки. Эта обли-

[481] Примечания: 481

Древние соленые болота Остии, рекультивированные только в XIX веке.

[482] Примечания: 482

Без сомнения, могила претора Корануса (Coranus) рядом с местом, которое называется *Mezzocammino*, то есть «на полпути».

цовка почти повсюду с годами была разрушена вместе с надписями на ней; поэтому-то мы и утратили большую часть знаний об этом. Надписи видны лишь там, где толстые и массивные стены здания были сложены из тесаного камня.

Римские окрестности почти повсюду выглядят бесплодными и по большей части невозделанными; это либо по недостатку пригодной земли, либо потому, что в этом городе совсем нет рабочей силы из-за отсутствия людей, которые живут трудом своих рук, — и это я нахожу гораздо более правдоподобным. Еще когда я только прибыл сюда [в Рим], мне попадались по дороге многие ватаги деревенского люда, которые шли из Граубюндена и Савойи, чтобы подзаработать тут на обработке земли для виноградников и садов; и мне сказали, что для них это как рента — постоянный ежегодный доход[483]. Этот город — сплошь придворные и знать: тут каждый участвует в церковной праздности. Совершенно нет торговых улиц, хотя бы как в маленьком городке, одни только дворцы и сады. Тут не найдешь ни улицы Лагарп, ни Сен-Дени; мне все время кажется, будто я на парижской улице Сен или на

[483] Примечания: 483

Сезонная миграция рабочей силы из других областей продолжалась вплоть до XIX века.

набережной Августинцев[484]. Город ничуть не меняется: что в будни, что в праздник — тут все едино. Весь пост проводятся *стояния*; и в будний день давка не меньше, нежели в любой другой. В такие дни сплошь кареты, прелаты и дамы. Мы вернулись к ночлегу в Рим.

РИМ, пятнадцать миль. 16 марта мне захотелось опробовать римские парильни, и я побывал в тех, которые считаются самыми достойными, они называются по имени святого Марка; меня обслужили довольно посредственно, хотя я был там один, но со всем уважением, на которое были способны. Сюда принято приводить друзей, кто хочет, которых прислужники растирают вместе с вами. Я там узнал, что если негашеную известь и аурпигмент[485] примешать к моющему раствору, две части извести и третья часть аурпигмента, то получится снадобье и мазь для сведения волос, стоит только применить это через четверть часика.

17-го [марта] у меня случилась колика, вполне

---

[484] Примечания: 484

Парижские улицы Лагарп и Сен-Дени были торговыми, в то время как улица Сен и набережная Августинцев считались местом прогулок элегантной публики.

[485] Примечания: 485

Желтая мышьяковая обманка, трехсернистый мышьяк.

терпимая, длилась пять-шесть часов, и через некоторое время вышел большой камень, величиной с крупный орешек пинии и такой же формы.

В ту пору у нас в Риме уже были розы и артишоки; но что касается меня, то я не нашел тут никакой небывалой жары, одевался как у себя дома и ходил в шляпе. Здесь меньше рыбы, чем во Франции, особенно здешние щуки совсем никуда не годятся, и их оставляют для простонародья. Морские языки и форели здесь редки, а усачи очень хороши и часто попадаются гораздо более крупные, чем в Бордо, но дорогие. Дорады по высокой цене, а барабульки здесь крупнее, чем наши, и немного жестче. А вот оливковое масло здесь настолько превосходно, что пощипывание в горле, которое я иногда чувствовал во Франции, стоило переесть его, со здешним никогда не случалось. Тут свежий виноград едят круглый год, и вплоть до настоящего времени на шпалерах висят очень хорошие гроздья. Их баранина почти ничего не стоит, и ее мало ценят.

18-го [марта] португальский посол изъявил покорность папе от имени королевства Португалии по воле короля Филиппа. Это тот же посол, который представлял здесь почившего короля

и кортесы, воспротивившиеся королю Филиппу[486]. По возвращении из собора Святого Петра я встретил некоего человека, который в шутку сообщил мне две вещи: что португальцы изъявляют свою покорность как раз на Страстной неделе[487], да к тому же торжественную мессу в этот же день служили в церкви Сан Джованни *Порта Латина*, где несколько лет назад некоторые португальцы вступали в престранное братство. Они там сочетали браком мужчин с мужчинами — служили мессу с теми же обрядами, с какими мы проводим наши венчания, причащались, читали те же места из Евангелия о браке, а потом спали и жили вместе. Римские острословцы говорили, что поелику сие обстоятельство делает законным сочетание мужчины с женщиной в браке, этим умникам показалось, что и другое действо тоже станет таковым, ежели будет освящено церковными обрядами и таинствами. Тогда сожгли восемь-девять португальцев из этой прелестной

---

[486] Примечания: 486

В 1581 году Филипп II силой завладел Португалией (чей трон опустел после гибели Себастьяна I в 1578 году в «битве трех королей» при Алькасар-Кивире), несмотря на противодействие кортесов, сначала провозгласивших другого короля.

[487] Примечания: 487

Изъявляя покорность на Страстной неделе, португальцы как бы переживают собственные «страсти», то есть мучения.

секты[488].

Я видел кичливую процессию испанцев. В замке Святого Ангела и во дворце палили из пушек, посол проследовал в сопровождении трубачей, барабанщиков и папских латников[489]. Я не стал заходить вовнутрь, чтобы глазеть на церемонию и выслушивать торжественные речи. Посол Московита, стоявший возле разукрашенного окна, откуда наблюдал за всем этим чванством, сказал, что был приглашен полюбоваться на большой съезд, но у него в стране, когда говорят о множестве коней, всегда имеют в виду двадцать пять — тридцать тысяч, и насмехался над этакой напыщенностью — как мне пересказал человек, которого приставили занимать его беседой через толмача.

В Вербное воскресенье во время вечерни я обнаружил в одной церкви мальчугана, сидящего

---

[488] Примечания: 488

Всего одиннадцать — причем как португальцев, так и испанцев. Факт имел место в 1578 году.

[489] Примечания: 489

Имеется в виду церемония изъявления покорности португальцев Испании (obédiance). Латинская реляция об этой церемонии упоминает салют из пушек в замке Святого Ангела, но не в Ватиканском дворце, что позволяет Лотре и большинству издателей сделать некоторую перестановку: «В замке Святого Ангела палили из пушек, и посол проследовал во дворец…» — но мы следуем традиции первых изданий.

рядом с алтарем на стуле, одетого в просторное новое платье из синей тафты, с венком из оливковых ветвей на непокрытой голове и державшего в руке зажженную свечу белого воска. Это был паренек лет пятнадцати или около того, убивший другого паренька, и по распоряжению папы был в тот день освобожден из тюрьмы.

В [церкви] Святого Иоанна Латеранского можно видеть прозрачный мрамор[490].

На следующий день папа посетил «семь церквей»[491]. На нем были замшевые сапоги, и на каждой ноге крест из более белой кожи. При нем всегда испанский конь, иноходец, мул и носилки, все одинакового убранства; в тот день это был конь. Его конюший держал в руке две-три пары золоченых шпор и ждал у подножия лестницы

---

[490] Примечания: 490

Имеется в виду, конечно, алебастр.

[491] Примечания: 491

В число этих так называемых «семи церквей», назначенных для посещения паломниками, входят четыре великих папских базилики (Basilica maior) и три малых (Basilica minor). Великие: Латеранская базилика Святого Иоанна (San Giovanni in Laterano), собор Святого Петра в Ватикане (San Pietro in Vaticano), базилика Святого Павла за стенами (San Paolo fuori le mura), базилика Санта Мария Маджоре (Santa Maria Maggiore). Малые: базилика Святого Лаврентия за стенами (San Lorenzo fuori le Mura), базилика Святого Креста в Иерусалиме (Santa Croce in Gerusalemme), собор Святого Себастьяна за стенами (San Sebastiano fuori le mura — был в списке до 2000 года, когда его заменили храмом Пресвятой Богородицы Божественной Любви).

Святого Петра, но папа от них отказался и потребовал свои носилки, с которых свешивались две красные шляпы почти одного фасона, привязанные к двум гвоздям.

[20 марта] В этот день вечером мне были возвращены мои «Опыты», подвергнутые каре согласно мнению ученых монахов. *Maestro del sacro palazzo*[492], совершенно не понимая нашего языка, смог судить о книге только со слов какого-то французского братца[493] и удовлетворился множеством извинений, которыми я рассыпался на каждом пункте «порицаний», которые ему оставил этот француз, так что он предоставил моей собственной совести исправить те места дурного вкуса[494], которые я сам там найду. Я же, наоборот, умолял его, чтобы он следовал мнению

---

[492] Примечания: 492

Магистр Священного апостолического дворца; им тогда был доминиканец Систо Фабри.

[493] Примечания: 493

То есть французского монаха; Монтень, превосходно владевший латынью, употребляет в разговорной фразе совершенно необязательное тут латинское слово *frater (брат)*, да еще и в сочетании с *François* на языке того времени, которое может быть понято не только как «французский, француз», но и как имя «Франсуа», отчего все вместе звучит довольно иронически.

[494] Примечания: 494

Магистр Священного апостолического дворца доминиканец Систо Фабри, не зная французского, прибег к помощи французского монаха, который указал ему те пассажи «Опытов», которые, по его разумению,

были достойны порицания.

того, кто об этом судил; и кое в чем признаваясь, как то: в использовании слова *фортуна*[495], в упоминании поэтов-еретиков, в том, что я извинял Юлиана Отступника и строго увещевал молящегося, говоря, что тот должен быть свободен от порочной склонности к сему веку; item признавал жестокостью все, что выходит за пределы простой смерти; item что ребенка надо воспитывать, приучая его делать все, и другие подобные вещи[496], которые я написал, поскольку так думал, не предполагая, что это ошибочно; но утверждал, что в других высказываниях корректор неверно понял мою мысль. Сказанный *Maestro*, ловкий человек, сильно меня извинял и хотел дать мне почувствовать, что сам он не слишком настаивает насчет переделки, и весьма

---

[495] Примечания: 495

Употребление слова *фортуна* вместо слова *Провидение* довольно часто встречается в «Опытах»; Монтень оправдает это в сделанном позже добавлении (I, 56).

[496] Примечания: 496

Остальные поправки корректора касались: похвалы поэтам Теодору де Безу и Джорджу Бьюкенену («Опыты», I, 25, и II, 17); панегирика Юлиану Отступнику (II, 19); долга молящегося иметь «чистую душу» (I, 56; Монтень не только не исправит этот пассаж, но еще больше усилит его в последующих изданиях); осуждения всего того, что выходит за пределы «простой смерти», то есть пыток (II, 11 и 27); полезности для юношества приобретать всевозможный опыт (I, 26). В итоге Монтень ничего не изменит в своих мнениях и даже еще больше укрепится в них, ограничившись лишь добавлением в начале главы «О молитвах» (I, 56) слов о подчинении Церкви.

хитроумно защищал меня в моем присутствии от своего сотоварища, тоже итальянца, который со мной спорил. Они еще приплели сюда книгу «Швейцарских историй», переведенную на французский, и то лишь потому, что переводчик — еретик[497], хотя его имя там не значилось; но это диво, скольких людей из наших краев они знают, в том числе Себона; это они мне сказали, что его «Предисловие» было осуждено[498].

В тот же день в церкви Святого Иоанна Латеранского вместо обычных исповедников, которые исполняют эту должность в большинстве церквей, там присутствовал монсеньор кардинал Сан Систо, сидя в углу и возлагая благословение длинной палочкой, которую держал в руке, на головы проходящих, и дам тоже, но улыбаясь и выражая

---

[497] Примечания: 497

«Республика швейцарцев» Симлера была переведена на французский (1577) Иносаном Жентиле, который был также автором опровержения Макиавелли.

[498] Примечания: 498

Себона, то есть Раймунда Сабундского; дается по копии Леде; Керлон ошибочно прочитал *Sebon* как *le bon*. «Предисловие» — имеется в виду «Пролог» к «Естественной теологии, или Книге о творениях, написанной Раймундом Сабундским» *(Theologia naturalis, sive liber creaturarum, magistri Raymondi de Sabonde*, 1487), из-за которого это сочинение попало в 1564 году в т. н. Индекс осужденных церковью книг. В 1569 году Монтень, очевидно, не зная этого, перевел «Естественную теологию» для своего отца (см.: Монтень, «Опыты», кн. II, «Апология Раймунда Сабундского»).

бóльшую любезность на лице в зависимости от их знатности и красоты[499].

В среду Святой недели я посетил до обеда «семь церквей»[500] с г-ном де Фуа[501], положив на это примерно пять часов. Я не знаю, почему никто не возмущается, видя, как свободно обвиняют в грехе некоего общеизвестного прелата, поскольку в тот день в [церкви] Святого Иоанна Латеранского и в церкви Святого Иерусалимского Креста видел на очень заметном месте подробно написанную историю папы Сильвестра II — самую оскорбительную, какую только можно себе вообразить[502].

Я неоднократно объезжал город; *по сухопутной стороне*, от ворот дель Пополо до ворот Сан Паоло, это можно сделать за три-четыре добрых часа,

---

[499] Примечания: 499

Кардиналом Сан Систо был тогда Филиппо Буонкомпаньи (1548–1586), племянник папы, ставший Великим исповедником (то есть кардиналом, возглавляющим церковный суд в Риме) в 1579 году. Этот ритуал — отпущения простительных грехов — всегда имеет место в храме Сан Джованни ин Латерано.

[500] Примечания: 500

См. выше, с. 244, прим. 2.

[501] Примечания: 501

Поль де Фуа (1528–1584) — политический деятель, архиепископ Тулузский, которого подозревали в ереси из-за его терпимости к гугенотам; друг Монтеня, который высоко его ценил как своего единомышленника и воздал ему хвалу в «Опытах», III, 9.

[502] Примечания: 502

Уроженец Оверни Герберт Аврилакский (лат. *Gerbertus Aureliacus*) или Жербер Орильякский (фр. *Gerbert d'Aurillac*) стал в 999 году под именем Сильвестра II первым папой французского происхождения. Считался чернокнижником. Ему посвящены две надписи: одна, похвальная, в Сан Джованни ин Латерано; другая в Санта Кроче ин Джерусалеммо с намеками на его грехи.

пустив лошадь шагом, а заречную часть — самое большее за полтора часа[503].

Среди прочих удовольствий, которые Рим доставлял мне во время поста, были проповеди. Тут имеются превосходные проповедники, как тот раввин [отступник], который проповедует перед евреями в субботу после обеда в [церкви] Троицы. Там всегда присутствуют шестьдесят евреев, приходящих туда[504]. Это весьма знаменитый среди них ученый, и он побеждает их веру их же собственными доводами, а также доводами их раввинов и текстом Библии. В этой науке и в языках, которые этому служат, он превосходен. Был еще один проповедник, который проповедовал папе и кардиналам, называемый падре Толедо[505] [по глубине познаний, по убедительности

---

[503] Примечания: 503

Кварталы левого берега Тибра, *на сухопутной стороне* (*du côté de la terre)*, занимали гораздо большую площадь, нежели правобережные, *на морской стороне* (*du côté de la mer)*, — это и в самом деле направление к Остии, в сторону моря; см. выше.

[504] Примечания: 504

Предполагается, что этот обращенный в христианство раввин (слово *отступник* фигурирует не во всех изданиях «Дневника»), который проповедовал в Trinità dei Pellegrini (а не в Trinità dei Monti), был Андреа (или Джованни) де' Монти (de' Monti), он же Джузеппе Дзарфати (Царфати, Zarphati). Присутствие евреев на проповедях было обязательным и контролировалось с 1577 года.

[505] Примечания: 505

Франсиско Толедо де Кордоба (1532–1596), первый иезуит, ставший

кардиналом (1593). Керлон заключает следующую фразу в скобки, правда, без объяснения — возможно, это приписка Монтеня на полях.

и способностям это редчайший человек]; другой — очень красноречивый и привлекающий многих слушателей, проповедует у иезуитов; однако этот при своем превосходном владении языком не лишен изрядного самодовольства; двое последних — иезуиты.

Просто поразительно, какое значение эта организация приобрела в христианском мире; и я полагаю, что никогда не было среди нас братства или корпорации, достигших таких высот; и какое влияние, наконец, приобретут они здесь, если их замыслы будут осуществляться и далее. Они и так владеют почти всем христианским миром: это питомник выдающихся людей всякой величины. Это тот из наших членов, который более всего угрожает еретикам нашего времени[506].

Одному здешнему проповеднику принадлежит острота: дескать, мы превращаем наши кареты в

---

[506] Примечания: 506

Влияние основанного в 1534 году Игнатием Лойолой Общества Иисусова и его политический вес (неоднократно служивший источником конфликтов с судебной властью) хорошо известны. Монтень, хоть и состоял в хороших отношениях с иезуитом Мальдонатом (см. выше и далее), но также друживший с Этьеном Паскье, адвокатом Университета в тяжбах против Общества (1565), разумеется, не был расположен к этому ордену, врагу Генриха Наваррского: став мэром Бордо, он без колебаний обвинит иезуитов в неисполнении своего долга — подбирать и воспитывать найденных детей-сирот, притом что они пользовались назначенными для этого зданиями и доходами приорства Сен-Жам (Saint-James). Его преемник, маршал Матиньон, прогонит их из города.

астролябии[507]. Самое распространенное занятие римлян — это прогуливаться по улицам; и обычно они выходят из дома, чтобы просто бродить от улицы к улице, не зная, где остановиться; и здесь имеются некоторые улицы, которые особенно годятся для этой надобности. По правде сказать, главная цель этого хождения — поглазеть на дам в окнах, а именно на куртизанок, которые демонстрируют себя их желанию с таким коварным искусством, что я часто восхищался тем, как они пленяют наши взоры[508]; и не раз, тотчас же спешившись и добившись, чтобы мне открыли, восхищался тем, насколько они выставляют себя более красивыми, чем есть на самом деле. Они умеют представить на обозрение самое приятное из того, чем располагают; показывают нам только верх лица, или низ, или бок, прикрываются или открываются так, что в окне не видно ни одной дурнушки. Каждый там обнажает голову и глубоко кланяется, чтобы получить мимоходом

---

[507] Примечания: 507

Астролябия служила, для того чтобы измерять высоту небесных светил над горизонтом. Монтень объясняет смысл остроты в конце этого пассажа.

[508] Примечания: 508

Об искусстве итальянских куртизанок делаться соблазнительными см. «Опыты», II, 15 (добавление 1582 года), а об отношении к ним мужчин — III, 5.

многозначительный взгляд. Стоит провести у них ночь за один экю или за четыре, и на следующий день можно ухаживать за ними прилюдно. Встречаются там и некоторые достойные дамы, но эти ведут себя иначе, и их довольно легко отличить по повадке. С коня лучше видно; но это годится скорее для плюгавых вроде меня или для молодых людей, гарцующих на служебных лошадях. Важные особы разъезжают только в каретах[509], а у самых беспутных в крыше экипажей прорезаны окошки, чтобы иметь больший обзор снизу вверх — вот что имел в виду проповедник, называя их астролябиями.

Утром в Великий четверг папа, как подобает верховному понтифику, торжественно поднялся на первый портик [собора] Святого Петра, на третий этаж, в сопровождении кардиналов, держа свечу в руке. Там соборный каноник, стоя с одного краю, громким голосом зачитал буллу на латыни, в которой отлучалось от церкви несметное множество людей, среди прочих гугеноты под их собственным названием и все государи, владеющие чем-либо из земель Церкви, над каковой статьей кардиналы де Медичи и Караффа, сопро-

[509] Примечания: 509

Кареты были редки и дороги: только очень важные особы (persones de grade) ими владели.

вождавшие папу, весьма громко смеялись[510]. Это чтение длилось добрых полтора часа, поскольку каждую статью, которую этот каноник зачитывал по латыни, кардинал Гонзага, стоявший с другого краю тоже с непокрытой головой, повторял по-итальянски. После чего папа бросил свою зажженную свечу вниз к народу, а кардинал Гонзага, либо поддерживая игру, либо по какой-то другой причине, бросил другую — потому что зажжено было три свечи. Обе упали в народ; внизу началась настоящая свалка, и те, кому достался кусок свечи, весьма крепко дрались кулаками и палками. Пока читалось это осуждение, перед папой с балюстрады сказанного портика свешивалось большое полотнище черной тафты. Когда отлучение завершилось, эту черную драпировку свернули, под ней обнаружилась другая, другого цвета; и папа тогда дал всем свое благословение.

В эти дни показывают *Веронику*, это темный и смутный лик в квадратной раме, как большое

[510] Примечания: 510

Великий герцог Флорентийский завладел замком Кампорсоли (Camporseoli) в Папской области, а когда папа пожаловался на это, брат герцога кардинал Медичи ответил ему довольно дерзко. Подобные пререкания между Святым престолом и влиятельными итальянскими семействами были нередки.

зеркало[511]; его показывают с церемонией с высоты налоя пяти-шести шагов ширины. На руках священника, который его держит, надеты красные перчатки, а двое-трое других священников его поддерживают. Не видно ничего — с таким великим рвением народ простирается ниц на полу, большинство со слезами на глазах и с криками сострадания. Одна женщина, про которую говорили, что она — *spiritata*[512], неистовствовала при виде этого лика, кричала, воздевала к нему и заламывала руки. А священники ходили кругом по этому налою, показывали лик народу то тут, то там; и при каждом движении те, кому его представляли, вскрикивали. Еще во время той же церемонии показывают железный наконечник копья в хрустальном сосуде. В тот день несколько раз устраивали этот показ при столь огромном стечении народа, что толпа простиралась весьма далеко за пределы церкви, насколько взгляд достигает налоя, прямо-таки

[511] Примечания: 511

Т. н. «плат (вуаль, убрус) Вероники», *Vera icona* (истинный образ) или «Святой лик» (в православной традиции Спас Нерукотворный) — кусок полотна с кровавым отпечатком, которым, согласно легенде, некая иерусалимская женщина (которую тоже стали называть Вероникой) вытерла лицо Христа.

[512] Примечания: 512

Spiritata — по-итальянски «одержимая», «бесноватая»; см. выше, с. 227, прим. 2.

небывалое столпотворение мужчин и женщин. Это настоящий папский двор: торжественность Рима и его главное величие состоит во внешних проявлениях набожности. Приятно видеть в эти дни столь бесконечный пыл народа в религии. У них имеется сто с лишним братств и не найдется ни одного знатного человека, не связанного с каким-нибудь из них; тут есть кое-какие даже для чужестранцев. Наши короли состоят в том, что называется Гонфалон. Эти особые общества устраивают многие действа для религиозного единения, в основном во время поста; но в этот день они прохаживаются ватагами, облаченные в полотно, причем каждая на свой лад — в белое, красное, голубое, зеленое, черное; у большинства лица закрыты.

Самое благородное и великолепное, чего я [прежде не] видывал ни здесь, ни в каком другом месте, это невероятное множество народа, рассеянного в этот день по городу в благочестивом порыве, и именно в составе этих обществ. Потому что, кроме большого количества тех, кого мы видели днем и кто пришел к Св. Петру с наступлением темноты, теперь все эти общества в порядке двинулись к собору со свечами в руках, почти сплошь из белого воска, так что город казался

охваченным огнем. Думаю, что передо мной пронесли по меньшей мере двенадцать тысяч свечей; поскольку с восьми часов вечера до полуночи улицу заполняло это шествие, проходившее в столь хорошем порядке и так размеренно, притом что это были различные отряды, вышедшие из разных мест, тут по-прежнему не было видно никакого зазора или разрыва; у каждой корпорации имелся свой большой хор с музыкой, все время поющий на ходу, а посреди рядов цепочка кающихся, по меньшей мере пять сотен, которые вовсю хлестали себя вервием, и у всех спина была окровавлена и исполосована самым нещадным образом.

Это загадка, которую я до сих пор не очень хорошо понимаю: они крутились и били себя беспрестанно, все были избиты и жестоко изранены; однако если обратить внимание на то, как они держатся, на уверенность их шага и твердость их речей (потому что я слышал некоторых) и лиц (потому что многие открыли их на улице), то совсем не казалось, будто они делают что-то болезненное и даже серьезное, хотя там были мальчишки лет двенадцати-тринадцати. Совсем близко от меня шел довольно юный паренек с приятным лицом; какая-то молодая женщина,

видя, как он изранен, стала жалеть его. Он повернулся к нам и сказал со смехом: *Basta, disse, che fo questo per li tui peccati, non per li miei!*[513] Они не только не проявляют никакого уныния или признаков того, что принуждены к этому делу, но, наоборот, исполняют его весело или, по крайней мере, с такой небрежностью, что вы видите, как они болтают о чем-то постороннем, смеются, кричат, бегают и прыгают по улице, насколько это возможно при такой большой давке, когда все ряды смяты. Встречаются среди них люди, которые разносят вино, которое дают им пить: кое-кто выпивает глоток. Им дают также покрытые сахаром пилюли; и чаще всего те, кто разносит это вино, набирают его в рот, а потом выплевывают, смачивая им концы веревочных бичей, на которых налипает свернувшаяся кровь, так что приходится их смачивать, чтобы разделить; некоторым

[513] Примечания: 513

«Хватит (причитать), говорю, — я ради твоих грехов стараюсь, а не ради своих!» Об этой практике, которую Монтень наблюдал «без удовольствия», и о наемных флагеллантах (бичующихся), «которые за деньги обеспечивали чужую набожность», см. «Опыты», I, 14: «А разве мы не видим каждый год, как толпы мужчин и женщин бичуют себя в Страстную пятницу, терзая свое тело до самых костей? Я видел это не раз, хотя, признаюсь, без особого удовольствия. Говорят, среди них (в таких случаях они закрывают себе лицо) есть и такие, что за деньги берутся таким образом укреплять чужую набожность, проявляя величайшее презрение к боли, ибо побуждения благочестия гораздо сильнее побуждений корыстолюбия».

они выплевывают это же вино на их раны. Судя по их башмакам и штанам, весьма кажется, что это бедняки, продающие себя для этой службы, по крайней мере большинство. Меня убеждали, что им чем-то смазывают плечи; но я сам видел, как оголены их раны и как долго длится истязание, так что никаким снадобьем невозможно унять боль; да к тому же зачем кому-то их нанимать, если это всего лишь притворство и кривлянье?

У этого шествия много и других особенностей. Добравшись к Св. Петру, они там не делали ничего другого, кроме как лицезрели *el Viso Santo*[514], после чего выходили и уступали место другим.

Дамам в этот день предоставлена большая свобода, поскольку всю ночь улицы полны ими и почти все идут пешком. На самом деле каждый раз кажется, что город весьма изменился, особенно в том, что касается распутства. Прекращаются все завлекательные взгляды и прочие проявления любовной страсти.

Самая прекрасная погребальная церковь — это

---

[514] Примечания: 514

«Святой лик» (см. выше, с. 251, прим. 1) — в тексте дано по-итальянски.

Santa Rotunda[515] из-за своего освещения. Среди прочего здесь имеется большое количество движущихся лампад, которые беспрерывно крутятся сверху донизу.

Накануне Пасхи [25 марта] я видел в [церкви] Св. Иоанна Латеранского головы св. Павла и св. Петра, которые там показывают; на них еще сохранились волосы[516], кожа на лицах и бороды, словно они живы: у св. Петра лицо белое, немного продолговатое, цвет румяный, близкий к кроваво-красному, борода полуседая, раздвоенная, голова покрыта папской митрой; а св. Павел смуглый и черноволосый, лицо более широкое и дородное, борода густая с проседью. Их хранят на некоторой высоте, в особом месте. А вот как их показывают: сперва созывают народ звоном колоколов, потом рывками спускают вниз завесу, за которой и находятся эти головы, одна подле другой. И дают посмотреть на них некоторое время,

---

[515] Примечания: 515

Santa Maria Rotonda — это Пантеон (точнее Пантеон Агриппы), практически заново отстроенный Адрианом после пожара, а в VII веке превращенный в церковь.

[516] Примечания: 516

Дается по копии Леде: *cheveux (волосы)* вместо *charnure (плоть)* у Керлона. Головы обоих апостолов, перенесенных сюда в XIV веке из домовой церкви пап Sancta Sanctorum (Святая Святых) на Латеранском холме, хранятся согласно традиции в верхней части балдахина над главным алтарем.

потребное, чтобы прочитать *Ave Maria*, и вдруг быстро поднимают завесу; потом снова опускают таким же образом — и так три раза подряд; и повторяют этот показ трижды-четырежды за день. Место расположено на высоте одной пики, далее идут толстые железные решетки, сквозь которые головы видно. Снаружи вокруг них зажигают много свечей, но не очень-то легко разглядеть все подробности; я рассмотрел их только за два-три раза. Своей полировкой эти лица имеют некоторое сходство с нашими масками.

В среду после Пасхи [29 марта] г-н Мальдонат, который находился тогда в Риме, спросил мое мнение о нравах этого города, а именно о религии, и нашел, что оно совершенно согласно с его собственным: мелкий люд без сравнения более набожен во Франции, нежели здесь; но богатые, и особенно куртизанки, немного меньше. Он сказал мне еще, что тем, кто убеждал его, будто вся Франция погрязла в ереси, а именно испанцам, которых довольно много в его коллегии[517], он возражал, что в одном только Париже по-настоящему религиозных людей больше, чем во всей

[517] Примечания: 517

Здесь: *коллегия (College)* — это Общество Иисуса, орден иезуитов. С известным иезуитом Мальдонатом Монтень встретился в Эперне; см. выше, с. 53, прим. 2.

Испании, вместе взятой.

Они тянут свои лодки бечевой против течения по реке Тибр тремя-четырьмя парами буйволов.

Не знаю, как другие находят римский воздух, а по мне, так он очень приятен. Г-н де Виалар[518] говорил, что избавился тут от мигрени, и это подтверждает мнение народа, который считает, что этот воздух весьма вреден для ног и благоприятен для головы. Я не знаю ничего столь же враждебного для моего здоровья, нежели скука и праздность: а здесь у меня всегда есть какое-нибудь занятие или что-нибудь настолько приятное, что я мог бы пожелать, по крайней мере, достаточное, чтобы избавить меня от скуки, например, осматривать древности или *вертограды*[519] — то бишь сады, места отрады и редкой

---

[518] Примечания: 518

Поль Виалар, профессор риторики в Римском университете (Sapienza) вплоть до 1587 года.

[519] Примечания: 519

Словом *вертограды* (фр. *vigne*, итал. *vigna* — «виноградник», «вертоград») Монтень обозначает имения с виллами и парками; далее перечисляются (в том же порядке): вилла д'Эсте, занимавшая место современного Квиринала; вилла Фарнезе, или Фарнезианские сады *(orte farnesiani)*, заложенная Павлом III и построенная Антонио да Сангалло и Виньолой на руинах палаццо деи Чезари на Палатинском холме; *вертограды* Орсини (на Квиринале, Пинчо и Авентине), Сфорца (одна близ Тестаччо, другая на месте современного сада Барберини); вилла Медичи, построенная в 1540 году для кардинала Риччи, в настоящее время штаб-квартира Академии Франции; вилла Джулия, заложенная папой Юлием III за воротами дель Пополо; вилла Мадама,

построенная около 1520 года на Монте Марио для будущего Клемента VII (она принадлежала затем Маргарите Австрийской, герцогине Пармской, вот откуда ее название); Фарнезиана (1515–1520) за Тибром; вилла Чези, рядом с уже упоминавшейся виллой Джулия.

красоты, где я узнал, насколько искусство способно преобразить холмистую, неровную и сплошь пересеченную местность, потому что они, умея придать несравненную прелесть нашим равнинным местам, весьма искусно пользуются этим разнообразием. Среди самых красивых — вертограды кардиналов д'Эсте на Монте Кавалло; Фарнезе, *al Palatino*; Урсино, Сфорца, Медичи; папы Юлия; Мадама; и кардинала Риарио в Трастевере, Чезио *fuora della porta del Populo*[520]. Все эти красоты открыты для любого, кто хочет ими воспользоваться для чего угодно, хоть спать там и собираться компанией (если хозяев нет дома, поскольку они этого не любят), или пойти послушать проповеди, которые устраиваются тут в любое время[521], или богословские диспуты; или еще порой какую-нибудь публичную женщину, в чем я нашел вот какое неудобство: они так же дорого продают простую беседу (а это и было тем, чего я искал, желая послушать, как они рассуждают и что говорят о своих уловках) и так же неуступчивы, как в настоящих переговорах

[520] Примечания: 520

«За Народными воротами» — в тексте дано по-итальянски.

[521] Примечания: 521

Здесь и далее Монтень говорит уже не о виллах и садах, а об удовольствиях, которые предоставляет путешественнику Рим.

[об их услугах]. Все эти развлечения достаточно меня занимали: ни для меланхолии, которая для меня сущая смерть, ни для раздражения тут не было никакого повода ни дома, ни вне его. Рим также весьма приятное обиталище, и могу выставить это в качестве довода: я насладился бы им еще полнее, если бы был благосклоннее в нем принят, поскольку, несмотря на все мои ухищрения и хлопоты, мне удалось познакомиться лишь с его публичным ликом, который он обращает и к самому незначительному чужестранцу[522].

В последнее [число] марта у меня случилась колика и длилась всю ночь, довольно терпимая; но своими резями она растревожила мне живот, и моча сделалась едкой больше обычного. Вышел крупный песок и два камня.

В первое воскресенье после Пасхи я видел церемонию одаривания папой девиц на выданье. Помимо обычной пышности, пешие оруженосцы вели перед ним двадцать пять убранных и весьма богато украшенных лошадей в златопарчовых чепраках и десять-двенадцать мулов в малино-

[522] Примечания: 522

Монтень здесь сетует, что его пребывание в Риме было бы гораздо приятнее, если бы он был принят в кругу влиятельных римских семейств, а иначе ему было трудно приблизиться к римским дамам (см. «Опыты», III, 5: о положении замужних женщин в Италии).

вых чепраках, а также несли его носилки, крытые красным бархатом. Впереди ехали четыре всадника и везли четыре красные шляпы на концах неких жезлов, крытых красным бархатом и с позолоченной рукоятью; папа следовал за ними на своем муле. Кардиналы, которые его сопровождали, тоже были на мулах, облаченные в свои архиерейские одеяния, их шлейфы крепились снурком с металлическим наконечником к уздечкам мулов. Девственницы были в количестве ста семи, и каждая — в сопровождении старой родственницы. После мессы они вышли из церкви и составили длинную процессию. По возвращении в церковь Минервы[523] они прошли в хор[524], где проводилась эта церемония, целовали ноги папе, и он, давая свое благословение, вручал каждой собственной рукой кошелек из белого дамаста, в котором была расписка[525]. Предполагается, что свою благостыню, которая составляет тридцать

[523] Примечания: 523

Церковь Минервы, или Санта Мария сопра Минерва (Santa Maria sopra Minerva), рядом с Пантеоном — была так названа, потому что занимала место прежнего храма Минервы.

[524] Примечания: 524

Что такое хор, см. выше, с. 59, прим. 2.

[525] Примечания: 525

Здесь *cédule* — обещание заплатить, по которому деньги выплачивались при выходе замуж; дамаст — шелковая узорчатая ткань.

пять экю, они получат, найдя себе мужа, да в придачу к этому каждой в тот день достанется белое платье ценой в сорок экю. Их лица были закрыты белыми покрывалами, видны только глаза.

Я уже говорил о приятных сторонах Рима и среди прочего о том, что это самый открытый для всех город мира, где на инаковость и национальные различия обращают внимание менее всего, ибо он по самой своей природе пестрит чужестранцами, — тут каждый как у себя дома. Его владыка объемлет своей властью весь христианский мир; подсудность ему распространяется на чужестранцев как здесь, так и в их собственных домах; в самом его избрании, равно как и всех князей и вельмож его двора, происхождение не принимается в расчет[526]. Венецианская свобода градоустройства и польза постоянного притока иноземного люда, который тем не менее чувствует себя здесь в гостях. Поскольку здесь вотчина людей Церкви, то это их служба, их добро и обязанности. Чужестранцев здесь попадается

[526] Примечания: 526

Ср. с похвалой Риму в «Опытах», III, 9: «Это единственный город, общий для всех и всесветный. Правящий им верховный владыка в одинаковой мере почитаем повсюду; этот город — столица всех христианских народов; испанец и француз — всякий в нем у себя дома. Чтобы быть подданным его государя, достаточно быть христианином, независимо от того, откуда ты родом и где находится твое государство».

столько же или даже больше, чем в Венеции (поскольку количество иноземного люда, которое случается наблюдать во Франции, в Германии или в других местах, не идет ни в какое сравнение с тем, что стекается сюда), однако местных и проживающих тут гораздо меньше. Мелкий люд наша манера одеваться смущает не более, чем испанская, немецкая или своя собственная, и тут не встретишь бездельника, который не попросил бы милостыню на нашем языке.

Я пытался добиться звания римского гражданина, для чего пустил в ход все мои природные пять чувств, хотя бы ради его былой чести и религиозной памяти о его авторитете. Здесь я столкнулся с затруднениями, но все же преодолел их, не использовав для этого ни покровительства, ни даже ловкости какого-либо француза. Тут был употреблен авторитет самого папы при посредстве Филиппо Музотти, его *Maggiordomo*[527], который проникся ко мне необычайной дружбой и много хлопотал; он мне спешно переправил послание

[527] Примечания: 527

То есть мажордома, дворецкого, в тексте дано по-итальянски; Монтеня тут подводит память: Филиппо Музотти не был мажордомом, зато его брат Алессандро был префектом Священного апостолического дворца.

от третьего дня мартовских ид 1581 года[528], которое было доставлено 5 апреля, надлежащим образом удостоверенное и так же написанное, с милостивыми словами сеньора Джакомо Буонкомпаньи, герцога Сорского, папского сына. Это пустое звание, но мне все же было очень приятно получить его[529].

3 апреля я выехал из Рима рано утром через ворота Сан Лоренцо *Тибуртина* и проследовал довольно ровной дорогой через местность, по большей части плодородную хлебами, но, подобно всем римским окрестностям, малонаселенную. Переехал через реку *дель Тевероне*, которая прежде называлась *Анио*, сначала по мосту *Маммоло*, потом по мосту *Лукан*, который сохранил свое древнее название[530]. На этом мосту имеется

---

[528] Примечания: 528

То есть датированное 13 марта 1581 года.

[529] Примечания: 529

В своих «Опытах», кн. III, гл. 9 «О суетности», Монтень пишет: «Среди… суетных милостей я могу назвать единственную, которая и впрямь тешит одну из моих нелепых причуд; я говорю о грамоте, жалующей меня римским гражданством и выданной мне в мое последнее посещение этого города; нарядная, с золотыми печатями и выведенными золотом буквами, она была пожалована мне с милостивейшей щедростью. И так как подобные грамоты составляются в разном стиле, с выражением большей или меньшей благосклонности, и так как я сам был очень не прочь ознакомиться с ее текстом прежде, чем она будет мне вручена, я хочу привести ее здесь слово в слово, чтобы удовлетворить любопытство тех, кто — если такие найдутся — страдает этой болезнью не меньше моего: … *(следует текст буллы).* …Не являясь гражданином

ни одного города, я был весьма рад сделаться гражданином самого благородного из всех, какие когда-либо были или когда-либо будут. Если бы и другие всматривались в себя так же пристально, как это делаю я, то и они нашли бы себя такими же, каков я, то есть заполненными всякой тщетой и всяким вздором. Избавиться от этого я не могу иначе, как избавившись от себя самого. Все мы проникнуты суетой, но кто это чувствует, тот все же менее заблуждается; впрочем, может быть, я и неправ».

[530] Примечания: 530

Мост Маммеус получил свое название по имени матери императора Александра Севера, которую звали Маммеа (Mammea). Мост Лукано ведет свое название от некоего Плавтиуса Луканоса (Plautius Lucanus), чья могила находится неподалеку.

несколько древних надписей, и главная вполне читаема. Есть там также две-три римские могилы вдоль дороги. Других следов древности нет, и довольно мало осталось от мощеного полотна той большой дороги, которая и есть *Via Tiburtina*. Я приехал к обеду в ТИВОЛИ, пятнадцать миль. Это былой *Tiburtum*, лежащий[531] на отрогах гор, и город простирается по первому довольно крутому склону, который делает его местоположение и виды очень живописными, поскольку он возвышается и над окружающей его со всех сторон бескрайней равниной, и над громадным Римом. Окрестный пейзаж разворачивается в сторону моря, а сзади — горы. Город огибает река Тевероне и, спускаясь с гор, устраивает вблизи от него великолепный водопад, после чего прячется в расселину между скал длиной пять-шесть сотен шагов, а затем изливается на равнину, где после многих и разнообразных извивов впадает чуть ниже города в Тибр.

Там можно видеть знаменитый дворец с садом кардинала Феррарского, это очень красивое произведение, но во многих частях незавершен-

[531] Примечания: 531

Разночтение: Леде читает: *Tiburtum couché* — «Тибуртум, лежащий»; Лотре: *Tibur tout couché* — «Тибур, весь лежащий»; мы сохранили версию Леде.

ное, а теперешний кардинал[532] не продолжает работы. Я там все рассмотрел в подробностях и постараюсь здесь описать, хотя об этом предмете есть и книги, и общедоступные картины. Такое же брызганье огромного количества обузданных и стройных водяных струй, единственным механизмом которых можно управлять с большого расстояния, я видел в других местах во время своего посещения Флоренции и Аугусты, как уже было сказано выше. Орга́нную музыку, которая там звучит, играют настоящие орга́ны, правда, всегда одну и ту же вещь, и делается это посредством воды, которая падает с большой силой в круглый сводчатый подвал и приводит в движение имеющийся там воздух, принуждая его направляться в орга́нные трубки, а проходя через них, издавать звуки. Другой водяной поток вращает колесо, сплошь усеянное особыми зубцами, заставляя их в определенном порядке нажимать на клавиши орга́нов; тут также слыш-

[532] Примечания: 532

Знаменитая вилла д'Эсте была построена в 1550 году архитектором Пирро Лигорио для кардинала Ипполите д'Эсте (сына Альфонсо I, герцога Феррарского и Лукреции Борджиа), умершего в 1572 году. «Теперешний кардинал» — это его племянник Луиджи д'Эсте (см. выше, с. 169, прим. 3), который оставил виллу незавершенной.

ны звуки, измененные трубами[533]. В другом месте слышно пение птиц, которым подражают маленькие бронзовые флейты, видимые в регалях[534]; это они издают звуки вроде тех, что извлекают маленькие детишки, дуя в клювик глиняных свистулек, наполненных водой; это делается искусством, подобным орга́нному, а другие движители заставляют шевелиться сову, которая с высоты скалы внезапно прерывает эту гармонию, напугав птиц своим присутствием, а потом снова уступает им место; и так попеременно можно делать сколько угодно[535]. Дальше слышен словно пушечный выстрел; еще дальше — более частый и дробный треск вроде пальбы из аркебуз: это достигается резким падением воды в трубы, где воздух сжимается, а выходя оттуда, порождает этот звук. Все эти изобретения или подобные им основаны на одних и тех же принципах природы, я видел такие и в других местах.

Имеются там пруды или маленькие водоемы

---

[533] Примечания: 533

Фонтан с гидравлическим органом — произведение Клода Венара.

[534] Примечания: 534

Регаль (regale) — один из регистров органа. Свистульки, с которыми играют дети, — разновидность окарины.

[535] Примечания: 535

Фонтан с совой — творение Джованни дель Луки и Рафаэля Сангалло.

с облицованными камнем краями, с многими высокими столпами над этой балюстрадой, на расстоянии примерно четырех шагов меж ними. С вершины этих столпов с большой силой бьет вода, но не вверх, а в сторону пруда. Отверстия, будучи таким образом повернуты внутрь и друг против друга, выбрасывают воду и разбрызгивают ее над этим прудом с такой силой, что эти водяные струи взаимно сталкиваются друг с другом в воздухе и производят над прудом плотный и непрерывный дождь. Солнечные лучи, падая туда сверху, порождают и в глубине этого пруда, и в воздухе, и вокруг того места столь естественную и столь заметную радугу, что о той, которую мы видели в небе, сказать уже нечего. Я нигде такого не видел. Под дворцом имеются большие, искусно сделанные полости и отдушины, откуда выходит холодный пар, очень освежая весь низ здания с его помещениями; эта его часть еще не полностью завершена. Я видел там многие великолепные статуи, а именно то ли спящую, то ли мертвую нимфу и небесную Палладу.

Адонис, который у епископа Аквинского; бронзовая *Волчица* и *Мальчик, вынимающий занозу* с Капитолия; *Лаокоон* и *Антиной* из Бельведера; *Комедия* с Капитолия; сатир с виллы кардинала

Сфорца[536]; и новой работы: Моисей в погребальной базилике Сан Пьетро *in vincula;* и прекрасная женщина у ног папы Павла III в новом соборе Св. Петра. Это статуи, которые мне больше всего понравились в Риме[537].

[Вилла] Пратолино, несомненно, построена из зависти к этому месту. В богатстве и красоте гротов бесконечно превосходит Флоренция; в изобилии воды — Феррара[538]; в разнообразии игр и приятных движений воды обе схожи, разве что Флорентийская имеет чуть больше миловидности в расположении и порядке всей совокупности места; Феррара — в античных статуях, а в дворцах — Флоренция; в местоположении, красоте окружающего пейзажа бесконечно превосходит Феррара, и я бы полностью высказался в пользу

---

[536] Примечания: 536

Все эти статуи Монтень упоминает по ассоциации идей, речь идет не о статуях виллы д'Эсте, а о тех, что он видел в Риме. Большая часть античных происходит с виллы Адриана (см. ниже, с. 265, прим. 3).

[537] Примечания: 537

Произведения «новой работы», то есть современного Монтеню искусства, — это знаменитый *Моисей* Микеланджело и *Справедливость* (или *Правосудие — Justice*) Гульельмо делла Порты (в то время она была полностью обнажена, и лишь впоследствии ее прикрыли бронзовой драпировкой; традиция утверждает, что эта статуя изображает сестру Павла III — красавицу Джулию Фарнезе).

[538] Примечания: 538

Пратолино (Pratolino) — вилла великого герцога Тосканского близ Флоренции, посещенная Монтенем в ноябре 1580 года (см. выше). Во

всем следующем пассаже *Флоренция* обозначает виллу Пратолино, а *Феррара* — виллу д'Эсте в Тиволи, поскольку кардинал д'Эсте принадлежал к семейству герцогов Феррарских.

природы, если бы она не имела того крайнего несчастья, что все эти воды, кроме фонтана, который находится в маленьком саду на самом верху и виден из одного дворцового зала, извлечены исключительно из Тевероне, у которого он[539] похитил целый рукав и направил его в отдельный канал для своей надобности. Если бы это была чистая и пригодная для питья вода, а не такая, какая она есть — мутная и противная, это место было бы несравненным, а особенно его большой фонтан, самое красивое произведение ручной работы и более приятное для глаз, нежели все прочие постройки виллы, нежели любая другая вещь и в этом саду, и в других местах[540]. В Пратолино же, наоборот, вода для фонтана доставляется из большого далека. А Тевероне течет с гораздо более высоких гор, и поскольку местные жители пользуются им по своему желанию, пример многих лишившихся воды делает произведение этого кардинала менее восхитительным.

Я уехал оттуда на следующий день после обеда и миновал те обширные руины по правую руку

---

[539] Примечания: 539

Имеется в виду кардинал Ипполите д'Эсте.

[540] Примечания: 540

Фонтан dell'Ovato, «произведение ручной работы» П. Лигорио, к которому и подведен канал.

от нашей обратной дороги, которые, как говорят, простираются на шесть миль и раньше были *городом* — так они тут называют *proedium* императора Адриана[541].

Есть по дороге из Тиволи в Рим ручей с сернистой водой, который ее пересекает[542]. Берега его русла побелели от серы, а запах от воды чувствуется более чем за пол-лье оттуда; в медицине ее не используют. В ручье находят маленькие, образованные этой водой шарики, настолько похожие на наши обсахаренные пилюли, что мало людей этим сходством не обманываются, а жители Тиволи делают из этого вещества всякого рода [настоящие пилюли], которых я купил две коробки за семь солей шесть денье.

В городе Тиволи имеются кое-какие древности, например, пара терм, которые выглядят очень древними, и остатки некоего храма, где еще сохранилось несколько целых колонн: про него

---

[541] Примечания: 541

По-итальянски «город», «град» может обозначаться и словом villa; *proedium* (лат.) — вилла, загородный дом. Вилла императора Адриана, самая обширная и знаменитая из императорских вилл, где Адриан велел воспроизвести монументы которые посещал по всей империи, была разорена варварами в «Темные века»; в эпоху Возрождения послужила карьером для виллы д'Эсте.

[542] Примечания: 542

Acque Albule (белые воды). Сегодня там курорт с минеральными водами.

говорят, что это был храм их былой Сивиллы. Тем не менее на карнизе этой церкви еще видны пять-шесть больших букв, а больше ничего не было написано, поскольку продолжение стены уцелело. Не знаю, имелись ли еще буквы перед этой оборванной надписью, но в том, что сохранилось, видно только: «Се… Ellius L. F.»[543]. Понятия не имею, кто это может быть. К вечеру мы вернулись в Рим.

РИМ, пятнадцать миль. Я проделал все это возвращение в карете без какой-либо обычной неприятности [544].

Здесь придерживаются некоего правила, гораздо более курьезного, нежели где бы то ни было: поскольку они различают улицы, городские кварталы и даже части собственных домов по степени их влияния на здоровье, то меняют жилище в зависимости от времени года; и даже те, кто его арендует, держат два-три съемных дворца ценой очень больших издержек, чтобы переезжать по

---

[543] Примечания: 543

Это круглое здание сегодня считается храмом Весты или Геркулеса *Subsaxaneus*; в средние века оно было превращено в церковь Санта Мария делла Ротонда. Надпись *[Curant]e L. Cellio L. F.* указывает, что оно было возведено заботами этого Целлиуса, куратора общественных работ.

[544] Примечания: 544

Монтень не переносил ни кареты, ни лодки; см. «Опыты», III, 6.

предписанию своих врачей в зависимости от сезона.

15 апреля я попрощался с магистром *del sacro Palazzo*[545] и его заместителем, которые попросили меня не обращать большого внимания на цензуру моих «Опытов», поскольку другие французы их уведомили, что в ней много глупостей; и они уверили меня, что ценят мои намерения, приверженность Церкви и мою честность, а также мою искренность и добросовестность, что они предоставляют мне самому убрать из моей книги, буде я захочу переиздать ее, то, что я сочту там слишком вольным, и среди прочего некстати подвернувшиеся слова[546]. Мне показалось, что они остались весьма довольны мной; и чтобы извиниться за то, что так курьезно оценили мою книгу и кое в чем осудили ее, они сослались на многие книги нашего времени, написанные кардиналами и другими духовными лицами весьма хорошей репутации, которые тоже под-

---

[545] Примечания: 545

Священного апостолического дворца; в тексте по-итальянски.

[546] Примечания: 546

Монтень ничего не исправит в подвергшихся цензуре пассажах, и тем не менее его книга будет по-прежнему иметь свободное хождение. В Индекс запрещенных произведений она попадет лишь почти через сотню лет, в 1676 году, да и то скорее из-за толкования «Опытов» вольнодумцами-просветителями.

верглись цензуре из-за нескольких подобных несовершенств, которые ничуть не умалили ни репутации автора, ни произведения в целом. Меня попросили даже помочь Церкви моим красноречием (это их собственные любезные слова) и сделать своим жилищем этот мирный город, избавленный от смут и тревог. Это особы, располагающие большим влиянием, вполне способные стать кардиналами.

Мы ели артишоки, бобы и горох примерно до середины марта. В апреле в десять часов уже светло, и я думаю, что в более длинные дни — в девять[547].

В это время я свел знакомство, среди прочих, с ближайшим другом кардинала Озиуса, и он мне преподнес два экземпляра книжечки, которой почтил его кончину[548], исправив их собственной рукой.

Приятности проживания в этом городе увели-

---

[547] Примечания: 547

В Тренто было замечено, что итальянцы начинают отсчитывать двадцать четыре часа сразу после наступления темноты (см. выше, с. 148, прим. 4). Так что, если ночь длится девять или десять часов, они говорят, что солнце встает в девять или в десять часов.

[548] Примечания: 548

Это, без сомнения, Станислас Реске (Stanislas Reske), автор написанного на латыни *Надгробного слова (Oraison funèbre*; Рим, 1579) о кардинале Хозиуше (Hoziusz), легате *a latere* на Тридентском соборе и великом исповеднике при Григории XIII.

чиваются более чем вдвое, когда ближе с ним познакомишься; я никогда прежде не наслаждался ни более умеренным для меня воздухом, ни более подходящим для моей комплекции.

18 апреля я отправился посмотреть на внутреннее убранство дворца синьора Джан Джорджо Чезарини, где имеются бесчисленные редкие древности, а именно подлинные бюсты Зенона, Посидония, Эврипида и Карнеада, на которых имеются очень древние греческие надписи. Есть там также портреты самых красивых из ныне живущих римских дам, а также синьоры Клелии-Фашии Фарнезе, его жены, которая не только самая миловидная, но и, без всякого сомнения, самая любезная женщина, которая была тогда в Риме, да и, насколько мне известно, в других местах тоже[549]. Он [синьор Чезарини] утверждает, что происходит из рода цезарей и по праву носит *gonfalon*[550] римской знати; он богат, и на его гербе изображена колонна с привязанным мед-

[549] Примечания: 549

Во дворце Чезарини (полностью переделанном в XVIII веке) Монтеня не могли не поразить античные бюсты греческих философов Зенона, Посидония и Карнеада, о которых он неоднократно говорит в «Опытах» (см. I, 26; I, 14; II, 12 и 16 и т. д.), и трагика Еврипида («Опыты», I, 26, 56; II, 12). Прекрасная Клелия, воспетая поэтами, была дочерью кардинала Алессандро Фарнезе.

[550] Примечания: 550

Знамя *(итал.)*.

ведем, а над колонной — орел с распростертыми крыльями.

Наибольшая красота Рима — его виллы и сады, которые особенно хороши летом.

В среду, 19 апреля, я уехал из Рима после обеда, и меня проводили до моста Молле г-да Нуармутье де ла Тремуй, дю Белле и другие дворяне[551]. Проехав через этот мост, мы повернули направо, оставив по левую руку большую дорогу на Витербо, по которой прибыли в Рим, а по правую руку — Тибр и холмы. Далее мы последовали открытой и неровной дорогой по не слишком плодородной и совсем мало населенной области и проехали место, которое называют *Prima Porta*, потому что тут, в семи милях от Рима, находятся первые городские ворота; а некоторые даже утверждают, что сюда доходили древние римские стены, что я нахожу совсем уж неправдоподобным[552]. На этом пути, который является древней *via*

[551] Примечания: 551

Мост Молле (Molle), или Мильвио (Milvio), был прославлен битвой Константина и Максенция в 312 году. Отождествлены спутники Монтеня: это Франсуа де Нуармутье (в оригинале Marmoutiés) де ла Тремуй (ум. в 1608 году), и Мартен дю Белле (см. выше, с. 239, прим. 1).

[552] Примечания: 552

И в самом деле, место, называемое *Prima Porta*, не имеет ничего общего с римскими стенами; оно получило свое название по одной из триумфальных арок (ныне исчезнувшей), воздвигнутой по случаю вступления в город Гонория.

Flaminia[553], имеется несколько неизвестных и редких древностей. На ночлег и мы приехали в Кастель Нуово.

КАСТЕЛЬ НУОВО, шестнадцать миль, маленький замок, на самом деле попросту дом[554].Колонна, погребенная меж невысоких гор в месте, которое мне напомнило весьма плодородные предгорья наших Пиренейских гор по дороге в Эг-Код.

На следующий день, 20 апреля, мы проследовали тем же путем по гористой, но очень приятной, плодородной и весьма населенной местности, а затем, спустившись в низину вдоль Тибра, прибыли в

БОРГЕТТО, маленький замок, принадлежащий герцогу Октавио Фарнезе.

Мы уехали оттуда после обеда и, проследовав очень приятной лощиной между холмов,

---

[553] Примечания: 553
Фламниева дорога.

[554] Примечания: 554
В тексте *la case* — «дом» (*la casa* по-итальянски).

пересекли Тибр у Корде[555],где все еще видны большие каменные устои моста, который Август велел построить, чтобы связать страну сабинян, через которую мы проехали, со страной фалисков, которая на другом берегу. Потом мы встретили Отриколи, маленький городок, принадлежащий кардиналу Перуджийскому[556]. Перед городком видны большие, внушительные и очень красиво расположенные руины; из этой гористой и бесконечно приятной местности открывается вид на всю область — холмистую, но повсюду очень плодородную и весьма многолюдную. По этой дороге нам попалась надпись, где папа говорит, что велел проложить этот путь, который называет своим именем: *viam Boncompaignon*[557]. Этот обычай — оставлять письменное свидетель-

---

[555] Примечания: 555

Отождествление *Corde* с *Orte*, которое предположили Керлон и д'Анкона, весьма спорно. Возможно, это надо понимать как «на пароме с веревкой» — *sur un bac à corde*, поскольку паромная переправа вполне могла существовать рядом с руинами моста Августа (Понте Феличе). Но, с другой стороны, А. Ченто замечает, что Монтень никак не мог пересечь Тибр возле этого моста, который находится всего в нескольких сотнях метров от Боргетто, потому что, покинув город, он сначала проследовал «очень приятной лощиной».

[556] Примечания: 556

Фульвио делла Корниа, кардинал Перуджийский, епископ Порто (см. выше, с. 238, прим. 2). Руины, о которых дальше пойдет речь, — это остатки античного города *Otriculum*.

[557] Примечания: 557

В миру папу Григория XIII звали Уго Буонкомпаньи, см. выше, с. 204, прим. 2.

ство подобных трудов, распространен в Италии и Германии, и это очень хороший побудитель, такой, который мало заботится о сиюминутном мнении публики, но движим жаждой славы, чтобы сделать что-нибудь хорошее[558]. И в самом деле, раньше эта дорога была по большей части неудобной, а сейчас она доступна даже для экипажей вплоть до Лорето. Мы приехали к ночлегу в

НАРНИ, десять миль, по-латыни *Narnia*. Маленький городок во владениях Церкви, расположенный на скале, у подножия которой течет речка Нера, по-латыни *Nar*: с одной стороны сказанный город глядит на очень приятную равнину, где сказанная река странно петляет и кружит. Там на площади имеется очень красивый фонтан. Я был в Дуомо и заметил, что на стенном ковре, который там висит, есть французские надписи и стихи, сделанные на нашем старинном языке. Мне не удалось выяснить, откуда это тут взялось, зато я узнал о здешнем народе, что он всегда был очень настроен в нашу пользу. Сказанный ковер с фигурами изображает Страсти [Христовы] и занимает всю сторону нефа[559]. Поскольку у Плиния

[558] Примечания: 558
См. выше, с. 158, прим. 1.

[559] Примечания: 559
Следы этой драпировки не обнаружились.

сказано, что в этих местах находится некая земля, которая размягчается от жары и засыхает от дождей, я осведомился у жителей, но те ничего об этом не знают. Зато у них примерно в миле оттуда имеются холодные воды, которые производят то же действие, что и наши горячие; больные ими пользуются, но они не слишком известны[560]. Гостиницы здесь, как водится в Италии, неплохие, однако мы так и не получили свечей, поскольку тут везде масляные светильники.

21-го [апреля] рано утром мы спустились в одну очень приятную долину, где протекает сказанная река Нера, каковую реку мы переехали по мосту у ворот городка Терни, проезжая через который, видели на площади весьма древнюю колонну, которая все еще стоит. Я не заметил никакой надписи, но рядом имеется статуя привставшего льва, внизу которой имеются старинные буквы посвящения Нептуну, и еще сам Нептун, высеченный из мрамора со всеми своими атрибутами[561]. На этой же площади имеется надпись, что некий

---

[560] Примечания: 560

Близ Нарни имеется два источника холодных вод, которые до сих пор мало используются: Фонте дель Фико и Фонте Лечинетто.

[561] Примечания: 561

Этот Нептун со своими атрибутами — дельфином и трезубцем — исчез.

A. Pompeius A. F. удостоился от жителей города (названного *Interamnia* из-за реки Неры, которая зажимает его с одной стороны, а с другой — какой-то ручей) воздвижения статуи на сем почтенном месте за свои заслуги перед народом. Статуи там больше нет, но эту надпись я счел древней по написанию дифтонга в слове *periculeis* и в других подобных словах[562]. Это красивый городок, и с необычайно приятным местоположением. С его тыльной стороны, откуда мы приехали, простирается очень плодородная равнина, относящаяся к этой долине, а дальше — возделанные и весьма населенные склоны холмов. И среди прочего здесь растет множество оливковых деревьев, что для взора прекраснее всего, да к тому же среди этих холмов изредка встречаются и довольно высокие горы, даже вершины которых возделаны и плодородны всякого рода плодами. У меня тут случилась весьма сильная колика и не отпускала целые сутки; я терпел ее уже из последних сил, однако это не помешало мне насладиться красотой этого места.

---

[562] Примечания: 562

Эта надпись тоже не сохранилась. *Interamnia* означает «между двух рек»: Неры и, возможно, Серы, которая с тех пор изменила свое течение. *Periculeis* — архаичное написание слова *periculis* («опасности») классической эпохи.

Оттуда мы чуть дальше углубились в Апеннинские горы и убедились, что папа и вправду произвел прекрасную, обширную и благородную починку, проложив тут ценой больших расходов удобную новую дорогу. Окрестный народ был рад ее строить и жаловался не на это, а на то, что ради нее не пощадили пригодные для возделывания земли, сады и тому подобное, причем без всякого возмещения[563]. По правую руку от себя мы увидели небольшой городок на вершине холма. Народ называет его *Colle Scipoli*, и говорят, что раньше тут был *Castrum Scipionis*[564]. Остальные горы выше, крутые и каменистые; двигаясь между ними и руслом зимнего потока, мы добрались до

СПОЛЕТО, восемнадцать миль. Город замечательный и удобный, расположенный среди этих гор и у их подножия. Мы были рады там показать наше *bollette* [свидетельство о здоровье], но не из-за чумы, которой нигде тогда в Италии не было, а из-за того, что они опасались некоего Петрино, их собственного гражданина, самого благородного

[563] Примечания: 563

Дорога, проложенная для встречи Карла V, потребовала многих экспроприаций, за которые так и не заплатили.

[564] Примечания: 564

Castrum Scipionis (лат.) — «Лагерь Сципиона».

разбойника Италии, на счету которого множество знаменитых подвигов; и они, и окрестные города боятся, как бы он не захватил их врасплох[565].

В этом краю много таверн, а где совсем нет жилья, они делают навесы из ветвей, ставят под ними столы и подают яйца, сыр и вино. У них совсем нет сливочного масла, и они любую свою стряпню сдабривают оливковым. Уехав отсюда в тот же день после обеда, мы оказались в долине Сполето, а это самая красивая равнина меж гор, которую только возможно себе представить, шириной в два гасконских лье, и обнаружили много селений на соседних холмах. Дорога по этой равнине и продолжение этой дороги, которую я недавно назвал папской, идет совершенно прямо, как скаковая дорожка. Мы оставили позади себя немало городов по обе ее стороны, и среди прочих город Треви справа от нас. Сервиус по поводу Вергилия утверждает, что это *Oliviferœque*

[565] Примечания: 565

Петрино Леончилли (см. выше, с. 179, прим. 3), убитый в 1582 году, несколько раз устраивал налеты на Сполето и Терни, учиняя там грабежи и убийства. — Сполето на самом деле знаменит своими римскими руинами и красотой средневекового квартала, но, увы, Монтень не удосужился описать все это.

Mutuscæ, о чем говорится в книге VII[566]. Другие это отрицают и приводят доводы в пользу противоположного. Как бы то ни было, это город, построенный на высокой горе, на месте, простирающемся вдоль всего склона до середины горы. Это очень приятное местоположение, потому что гора со всех сторон засажена оливковыми деревьями. А новая дорога, проложенная три года назад, самая красивая, которую только можно вообразить; к вечеру мы добрались до

ФОЛИНЬО, двенадцать миль. Город красивый, лежит на той же равнине и по прибытии напомнил мне своим местоположением Сент-Фуа, хотя он без всякого сравнения намного богаче, красивее и многолюднее. Тут имеется небольшая речка или ручей, которая называется Топино. Этот город в древности назывался *Fulignium*, иначе *Fulcinia*, и был построен на месте *Forum Flaminium*[567].

Гостиницы на этой дороге, или большая их

---

[566] Примечания: 566

Сервиус — автор комментариев к Вергилию. В VII книге «Энеиды» речь идет о плодородной оливами Мутуске *(oliviferæque Mutuscæ)*, но, быть может, тут имеется в виду *Trebula Mutusca* близ Монтелеоне Сабино.

[567] Примечания: 567

Форум Фламинии (Forum Flaminii) располагался в трех километрах оттуда; в средние века его жители перебрались в *Фульгинию*. Касательно сравнения с Сент-Фуа — см. выше, с. 132, прим. 2.

часть, сравнимы с французскими, кроме того разве, что у лошадей для еды тут есть только сено. Они подают маринованную рыбу и совсем не имеют свежей. Подают, как и по всей Италии, фасоль, сырой и зеленой, а также горошек и миндаль и совсем никак не готовят артишоки. Их площади вымощены квадратными плитами. Они привязывают своих быков за нос, за кольцо, которое протыкает им перемычку между ноздрями, как буйволам. У вьючных мулов, которых у них много, причем очень красивых, передние ноги подкованы не как у нас, а, наоборот, круглыми подковами, которые обхватывают копыта, потому что больше их по размеру. Тут в разных местах попадаются монахи, которые подают прохожим святую воду, ожидая за это милостыни, и многие дети просят подаяние, обещая прочитать целую дюжину Отче наш, которые они для тех, кто им подаст, отсчитывают на пальцах. Вина тут совсем не хороши.

На следующее утро, покинув эту прекрасную равнину, мы двинулись дальше по горной дороге, где обнаружили другие очень красивые равнины то на вершинах, то у подножия гор. Но в самом начале этого утра мы некоторое время любовались красивейшим видом — множеством разно-

образных холмов, со всех сторон облаченных прекрасной тенистой листвой всевозможных плодовых деревьев и самых прекрасных, елико возможно, селений, подчас в местах настолько крутых и обрывистых, что было чудом, как только лошади могли туда взбираться. Наикрасивейшие долины, бесконечное множество ручьев, столько домов и селений, разбросанных то тут, то там, напомнили мне окрестности Флоренции, кроме того разве, что здесь нет никаких дворцов, ни заметных зданий, и там [под Флоренцией] почва по большей части сухая и бесплодная, а на здешних холмах нет ни пяди попусту пропадающих земель. Правда, весеннее время года им благоприятствует. Часто весьма высоко над нашими головами мы видели красивую деревню, а под нашими ногами, словно у антиподов, другую, и у каждой были свои приятные стороны — многие и разнообразные. Не портит вида даже то, что за этими столь плодородными горами маячат хмурые и неприступные вершины Апеннин, откуда катятся вниз стремительные потоки, а потом, растеряв свое изначальное буйство, вскоре превращаются в этих долинах в приятнейшие и тишайшие ручьи. Среди этих горбатых кряжей обнаруживаешь вверху и внизу многие богатые

равнины, порой такие большие, что кое-где перспектива теряется из виду. Кажется, что никакая живопись не способна передать все богатство такого пейзажа. Оттуда перед нами открывался вид нашего пути — то таким образом, то иным, но он неизменно был очень удобен; и к обеду мы добрались до Ла Муччи.

ЛА МУЧЧА, двадцать миль. Маленький городишко на реке Кьенто.

Оттуда мы проехали низменной и удобной дорогой через эти горы, однако поскольку я дал оплеуху нашему возчику[568] (что для этих краев явный перегиб), свидетелю [другого] возчика, угробившего князя Трезиньяно, то он, видя, что я больше не преследую его собрата, был в отличие от меня вполне настроен подать жалобу или сделать что-нибудь иное[569]. Так что я, вопреки

---

[568] Примечания: 568

Монтень здесь употребляет, слегка искажая его, итальянское слово *vetturino*.

[569] Примечания: 569

Возчик, получивший оплеуху, вполне мог пожаловаться на Монтеня властям, так что он благоразумно отступил — как говорится, от греха подальше. Кто такой князь Трезиньяно — неизвестно, и что за история с ним приключилась — непонятно. Однако он замечает в «Опытах», II, 31: «…лучше некстати влепить оплеуху своему слуге, чем корчить из себя мудреца, поражающего своей выдержкой; я предпочитаю скорее обнаруживать свои страсти, нежели скрывать их в ущерб самому себе: проявившись, они рассеиваются и улетучиваются, пусть лучше их жало выйдет наружу, чем отравляет нас изнутри».

своему намерению ехать в Толентино, остался на ужин в Вальчимаре.

ВАЛЬЧИМАРА, восемь миль. Маленькая деревенька с почтовым двором на сказанной реке Кьенто.

На следующий день, в воскресенье, мы проследовали дальше той же долиной между возделанных и плодородных гор до Толентино, маленького городка, в котором мы не задержались, после чего местность стала сглаживаться, и у нас по бокам остались лишь невысокие, пологие холмы, делая этот край весьма похожим на Ажене, самое красивое место на берегах Гаронны; разве что тут, как и в Швейцарии, не встретишь ни замков, ни дворянских усадеб, а видно только множество деревень или городков на склонах. И все это, двигаясь вдоль Кьенто по очень красивой дороге, под конец вымощенной кирпичом, по которой мы и добрались к обеду в Мачерату.

МАЧЕРАТА, восемнадцать миль. Красивый город размером с Либурн, расположенный на некоей высоте, которая по форме приближается к круглой и со всех сторон одинаково возвышается по отношению к своему чреву. Тут не так много красивых домов, но я приметил дворец из тесаного камня, он весь граненый снаружи,

будто усыпан квадратными алмазами, наподобие дворца кардинала д'Эсте в Ферраре[570]: вид этой постройки радует взор. Входят в этот город через новые ворота, где золотыми буквами начертано: *Porta Boncompaigno;* это продолжение дорог, которые проложил папа. Здесь находится резиденция легата области Марка[571]. На этих дорогах если они подают свои вина, то сперва представляют вам свою будущую стряпню сырьем, потому что они это пекут, жарят и варят вплоть до потери половины, желая сделать как можно лучше. Мы вполне почувствовали, что находимся на пути в Лорето, настолько дороги переполнены идущими туда или обратно, и много не только частных лиц, но и сообществ богатых людей, совершающих путешествие пешком, в одежде паломников, а некоторые даже с хоругвью и с распятием, а те,

[570] Примечания: 570

Палаццо Моцци-Ферри в Мачерате действительно напоминает Алмазный дворец в Ферраре, названный так именно из-за каменной облицовки с алмазной огранкой.

[571] Примечания: 571

Marca (итал.), она же Анконская марка — историческая область Италии на адриатическом побережье между Романьей и герцогством Сполето; примерно соответствует нынешней области Марке. — Ворота, воздвигнутые папой Григорием XIII и отмеченные фамилией, которую он носил в миру, находились на том месте, где сегодня возвышается Порта Романа или Баррьера Гарибальди.

что идут впереди, в ливреях[572].

После обеда мы проследовали обыкновенной местностью, то через какие-то равнины и реки, то через какие-то пологие холмы, но все это очень плодородное, по дороге, вымощенной по большей части каменными плитками, уложенными «клином»[573]. Потом проехали через Реканати, вытянутый город, расположившийся на возвышенности согласно складкам и очертаниям холма; а вечером прибыли в

ЛОРЕТО, пятнадцать миль.

Это маленький городок, обнесенный стеной и укрепленный из-за нападений турок, расположенный на ровном, немного возвышенном месте, напротив очень красивой равнины и довольно близко к Адриатическому морю, где находится Венецианская лагуна, и они утверждают, что в хорошую погоду через залив видны горы Склавонии[574]; в конце концов, это очень хорошее

---

[572] Примечания: 572

Под *ливреями* в данном случае имеются в виду торжественные облачения членов какого-либо братства. — Паломничество в Лорето было самым распространенным в Италии.

[573] Примечания: 573

То есть «елочкой».

[574] Примечания: 574

Под Склавонией Монтень понимает побережье былой Далмации, входящее в состав нынешней Хорватии.

местоположение. Тут почти нет иных жителей, кроме тех, кто обслуживает все это благочестие, а это многочисленные хозяева гостиниц (хотя сами гостиницы здесь довольно неопрятны)

и многие торговцы, то есть продавцы воска, образков, четок, *Агнцев Божих, Спасителей* и прочего подобного добра[575], чего вполне хватает во множестве их прекрасных лавок. Я сам оставил там добрых полсотни экю. Священники, люди Церкви, орден иезуитов — все это собрано в большом, отнюдь не старинном дворце[576], который является также местопребыванием наместника, духовного лица, к которому обращаются по всякому поводу, а его самого облекли властью легат и папа.

Место поклонения — это маленький, древний и совсем невзрачный домик, сложенный из

[575] Примечания: 575

Четки, медальки с изображением мистического Агнца Божия *(Agnus Dei)* и Иисуса Спасителя.

[576] Примечания: 576

Палаццо Апостолико (Palazzo Apostolico, Апостолический дворец), начатый в 1510 году Браманте.

кирпича, скорее длинного, чем широкого[577]. В его головной части сделали перегородку, и в этой перегородке с обеих сторон железные двери, все это грубое, старое и без всякого богатого убранства. А в промежутке — железная решетка, которая занимает всю ширину от одной двери до другой, и через нее видно до самого конца этого домика, и этот конец, составляющий примерно пятую часть его величины, который держат закрытым, — это и есть главное святилище. Там наверху у стены видно изображение Богородицы, сделанное, говорят, из дерева, а все остальное так густо увешано дорогими *обетами*, из стольких мест и от стольких властителей, что до самого пола нет ни пяди пустоты, везде висят какие-нибудь пластинки из золота или серебра. Мне очень повезло, и я с огромным трудом смог отыскать местечко, чтобы с превевеликой милостью втиснуть туда свою табличку, на которой отчеканены

---

[577] Примечания: 577

Santa Casa — «Святой дом» (или «Святая хижина»), построенный из небольших, обтесанных наподобие кирпича камней, где, по преданию, родилась Дева Мария и где был зачат Иисус Христос, был, согласно другой легенде, перенесен ангелами сначала в Далмацию, а оттуда — в Анконскую марку близ Реканати и наконец в Лорето. — Судя по описанию, которое следует далее, внутри домика (*logette* и далее *casette* — *лачуги, хибарки*) имеется перегородка, которая отделяет от остального его пространства место главного поклонения — святилище со стеной, увешанной подношениями по обету, *ex-voto*, в тексте — *обетами*.

четыре соединенные серебряные фигуры: Богородицы, моя, моей жены и моей дочери. А у моих ног в серебре вырезано: *Michael Montanus, Gallus Vasco, Eques Regij Ordinis 1581*; у ног моей жены: *Francisca Cassaniana uxor*; и у ног моей дочери: *Leonora Montana filia unica*[578]; и на этой табличке мы все в ряд на коленях, а Богоматерь — наверху и впереди. Помимо тех двух дверей, о которых я уже говорил, в этом приделе есть еще один вход, и ведет он туда снаружи. Так что, войдя через него в этот придел, я поместил свою табличку по левую руку напротив двери, которая находится в том углу, и оставил ее там, весьма своеобразно привязанной и прикрепленной. Я к ней велел приделать серебряное кольцо с цепочкой, чтобы за него повесить ее на какой-нибудь гвоздь; но они тут предпочитают и вовсе ее привязать. В этом тесном закутке домика имеется очаг, который вы видите, приподняв старые ниспадающие занавеси, которые его закрывают. Туда едва удается попасть, даже через дверь с надписью на табличке — она металлическая, с очень богатой

[578] Примечания: 578

«Мишель Монтень, француз из Гаскони, кавалер Королевского ордена, 1581»; «Франсуаза Шассень, его жена»; «Леонора Монтень, их единственная дочь» (лат.). — Это несохранившееся *ex-voto* упоминается с уточнениями в книге записи даров (1576–1599) святилища дома Богородицы в Лорето.

отделкой, и перед ней еще имеется железная решетка — это защита, чтобы без дозволения наместника никто туда не входил. Среди прочих богатых даров тут оставили подношение некоего турка ради его редкости — он недавно прислал сюда свечу, доверяясь здешней Богоматери, поскольку оказался в самой крайности и, желая помочь себе, дергал за все возможные струны.

Другая часть этого домика, самая большая, служит часовней, в которой нет никакого дневного света, и имеет свой алтарь под решеткой у той перегородки, о которой я уже говорил. И в этой часовне нет никаких украшений, ни скамей, ни балюстрады, ни росписей или какого-нибудь ковра на стене, потому что она сама по себе является реликварием. Сюда нельзя проносить ни шпаг, ни какого-либо другого оружия, и тут не обращают внимания ни на ранг, ни на высоту положения.

Мы отметили в этой часовне нашу Пасху, что дозволяется не всем, потому что там имеется нарочно предназначенное для этого место из-за большой толпы людей, которые обычно там причащаются. В эту часовню постоянно набивается столько народу, что приходится с раннего утра наводить порядок среди тех, кто там занял место.

Один немецкий иезуит отслужил для меня мессу и причастил.

Народу запрещено выковыривать что-либо из этой стены, а если и позволяют что-нибудь унести отсюда, то лишь на три дня. Это место прославлено бесконечным множеством чудес, о чем я ссылаюсь на книги; но тут произошло немало и весьма недавних, когда несчастье случалось с теми, кто из благочестия унес что-либо из этого дома, пусть даже с разрешения папы; и здесь рассказывают о маленьком кусочке кирпича, вынутом во время Тридентского собора[579].

Этот домик целиком заключен вовнутрь роскошной кубической постройки, которая подпирает его снаружи, богато отделанной прекраснейшим мрамором, который только можно увидеть, а увидеть доводится не так уж много более редкого и превосходного. Вокруг этого куба и над ним имеется большая красивая церковь с весьма красивыми приделами и надгробиями, и среди прочих — могила кардинала Амбуазского, которого там похоронил г-н кардинал Арманьяк-

[579] Примечания: 579

Речь идет о Жоане Соареше, епископе Коимбры, который, серьезно заболев после своего паломничества в Лорето, вернул камешек, увезенный оттуда с разрешения папы Пия IV.

ский[580]. Этот маленький куб, словно хор в других церквях[581]; однако хор здесь тоже имеется, но в углу. Вся эта большая церковь украшена картинами, росписями и надписями. Мы здесь видели много богатого убранства, и я удивлялся, что его здесь не видно еще больше, учитывая столь давно прославленное имя этой церкви. Думаю, что они переплавляют старые вещи и используют для других целей[582]. В деньгах эти пожертвования оцениваются в десять тысяч экю.

Здесь больше внешних проявлений веры, чем я видел в любом другом месте. То, что здесь теряется, — я говорю о деньгах или о чем-то другом, достойном не только не быть выставленным напоказ, но и быть скрытым для людей этого ремесла, — тот, кто их находит, выставляет находку в некоем людном и назначенном для этого

---

[580] Примечания: 580

«Святая хижина», *Santa Casa,* заключена в мраморный футляр (раку), выполненный в начале XVI века по рисункам Браманте, и все это вместе находится под куполом просторной базилики, построенной в XV веке. Могила с большим бронзовым гербом, украшенная кардинальскими атрибутами, возможно, принадлежит Луи д'Амбуазу, умершему в 1517 году в Анконе. Жорж д'Арманьяк, посол в Венеции и Риме, кардинал с 1544 года, архиепископ Тулузский, умрет в 1585 году.

[581] Примечания: 581

Что такое *хор*, см. выше, с. 59, прим. 2.

[582] Примечания: 582

Наверняка серебряное *ex-voto* Монтеня постигла такая же судьба.

месте; а тот, кто хочет их взять, берет, не зная, откуда они. Когда я там был, многие такие вещи — четки, платки, кошельки без какой-либо метки владельца — доставались первому, кто заявлял на них права. Из того, что вы купили для Церкви и хотите там оставить, никакой ремесленник ничего не возьмет за свою работу, они говорят, это ради того, чтобы получить свою долю благодати: вы платите только за серебро или за дерево, остальное — прямое пожертвование и щедрый дар, хотя они и в самом деле от этого отказываются. Люди Церкви необычайно услужливы, насколько вообще возможно, во всем: насчет исповеди, причастия и любого другого — и ничего ни за что не берут. Обычно вы даете деньги тому из них, кому хотите, чтобы он раздал их беднякам от вашего имени, когда вы уедете. Когда я был в том святилище, туда пришел некий человек и вручил первому попавшемуся священнику серебряный кубок, говоря, что сделал его по обету за двенадцать экю; но поскольку кубок не стоил этих денег, он вскоре доплатил недостающее сказанному священнику, который стал рядиться с ним, утверждая, что с него совершенно точно причитается еще доплата, необходимая для совершенного и добросовестного исполнения

его обещания. А когда это было исполнено, он впустил того человека в святилище, чтобы тот мог самолично поднести эту чашу Богоматери и сотворить краткую молитву, а деньги бросил в общий котел. Такие примеры они тут видят каждый день и уже стали к этому довольно безразличны. Едва получают то, что дается желающими; по крайней мере, когда от тебя что-то принимают — это милость.

Я там оставался понедельник, вторник и утро среды; после мессы мы оттуда уехали. Но хочу сказать пару слов о том, чему был свидетелем в этом месте, где мне очень понравилось. В то же самое время там оказался Мишель Марто, сеньор де ла Шапель, парижанин, очень богатый молодой человек с большой свитой. И вот он и кое-кто из его сопровождения рассказали мне весьма необычную и прелюбопытную историю об исцелении его ноги, которое, по их словам, как раз тут и произошло; невозможно ни лучше, ни точнее передать впечатление от этого чуда[583].

[583] Примечания: 583

По поводу чудес и лжечудес см. «Опыты» (III, 11). Лигист Мишель де Ла Шапель-Марто, купеческий старшина в 1588 году, упоминается Монтенем в «Эфемеридах» (это была своего рода записная книжка, которую вели последовательно его отец, он сам и его дочь) как способствовавший освобождению из Бастилии некоего нормандского дворянина, заключенного туда по приказу короля.

Ни одному хирургу Парижа и Италии не удалось ему помочь. Он потратил больше трех тысяч экю, но все было бесполезно: его колено опухло и очень болело, прошло больше трех лет, а боль становилась все сильнее, оно покраснело и так воспалилось и раздулось, что его стало лихорадить; и в это самое время, когда он уже забросил все прочие снадобья и лекарства, он проспал несколько дней, и вдруг ему приснилось, будто он выздоровел, это было будто вспышка; он просыпается, кричит, что выздоровел, зовет своих людей, встает, прохаживается, чего никогда не делал во время своей болезни; опухоль на его колене спала, кожа вокруг него была увядшей и словно омертвевшей, но ему с тех пор становилось все лучше и лучше без какого-либо лечения. И вот, полностью выздоровев, он вернулся в Лорето, поскольку это с ним случилось как раз во время другой его поездки — он исцелился, будучи в Риме вместе с нами, месяцем или двумя ранее. Слыша это из его уст и от всех его людей, можно быть уверенным только в этом.

О чуде перенесения этого домика, который они считают именно тем, где в Назарете родился Иисус Христос, и о его первоначальной переноске в Склавонию, потом ближе к здешним местам

и наконец сюда, [начертано] по-итальянски, по-склавонски, по-французски, по-немецки, по-испански и прикреплено к большим мраморным скрижалям на церковных колоннах. В хоре висит эмблема наших королей, а вовсе не герб какого-то чужого государя. Они говорят, что здесь часто видят склавонов, которые прибывают большими ватагами почтить святыню, с криками, как только завидят издали церковь, снаружи, еще с моря, а потом, уже на месте, сетуя и давая обещания Богоматери, чтобы она к ним вернулась, и горько сожалея о законе, что дал этому чуду случай покинуть их.

Я узнал, что из Лорето можно добраться вдоль берега за каких-то восемь деньков до Неаполя — поездка, которую я хочу совершить. Надо проехать Пескару, и *cita* Кьете[584], откуда в Неаполь каждое воскресенье ездит *procaccio*[585].

Я многим священникам давал деньги; они по большей части упрямо отказывались, а если кто и соглашался, то с величайшими трудностями на свете.

---

[584] Примечания: 584

В тексте искаж. итал. *cita (città)* — город.

[585] Примечания: 585

В тексте дано по-итальянски: *procaccio* — курьер, почтальон, посыльный.

Они держат и хранят свое зерно в подвалах, под улицей.

Я преподнес свой дар по обету 25 апреля. Добраться из Рима до Лорето, проведя в пути четыре с половиной дня, обошлось мне в шесть экю в монете, из которых пятьдесят солей ушло на стойло для лошади, и тот, у кого мы нанимали лошадей, кормил и их, и нас. Это не самая удачная сделка, тем более что они еще и торопят вас, стараясь сократить дни пути вместе со своими расходами, и обслуживают как можно скареднее.

26-го [апреля] я поехал посмотреть гавань в трех милях отсюда; она красива, и там имеется форт, который относится к коммуне Реканати[586].

Дон Лука-Джованни, *beneficiale*, и Джованни-Грегорио да Калли, *custode de la Secrestia*[587], сообщили мне свои имена, чтобы я написал им, если у меня будет к ним дело ради меня самого или кого-то другого; они были со мной очень любезны. В ведении первого находится та самая маленькая часовня, и он не захотел ничего при-

---

[586] Примечания: 586

От форта Порта Реканати сохранилась всего одна башня.

[587] Примечания: 587

Идентифицировать *beneficiale* (здесь — настоятеля) и *custode de la secrestia* (хранителя ризницы) не удалось.

нять от меня. Я им обоим обязан за их содействие и любезные слова.

В ту среду после обеда я проследовал через плодородную открытую местность смешанного вида и приехал к ужину в Анкону.

АНКОНА, пятнадцать миль. Это главный город Марки, которая по-латыни называлась *Picoenum*. Он довольно плотно населен, в основном греками, турками и склавонами, весьма торговый, хорошо построенный, и вблизи от него в море вдаются два больших холма, на одном из которых расположен большой форт, через который мы приехали. На другом, который довольно близок к нему, имеется церковь[588]; а между двумя холмами и на их склонах как с одной, так и с другой стороны располагается этот город, но главная его часть лежит в лощине и вдоль моря, где имеется очень красивая гавань и видна еще бóльшая арка в честь императора Траяна, его жены и его сестры[589]. Говорят, что отсюда часто, каждые восемь, десять или двенадцать часов, отплывают

[588] Примечания: 588

Монте Астаньо, с цитаделью, построенной Антонио Сангалло — младшим, и Монте Гуаско, с церковью Сан Чириако (XIXIII века), где хранится несколько реликвий Страстей Христовых.

[589] Примечания: 589

Похоже, что эта арка, украшенная квадригой со статуями императора, его жены и сестры, была возведена на вершине холма.

в Склавонию. Думаю, что за шесть экю или чуть больше тут возможно найти судно, которое могло бы доставить меня в Венецию. Я дал бы тридцать три полупистоля, чтобы нанять восемь лошадей до Лукки, которая находится примерно в восьми днях пути. Должен ли возчик кормить лошадей и в том случае, если я пробуду там дольше, чем восемь дней (дня на четыре или на пять), и сохраню ли я за собой лошадей, не платя лишних издержек на них и на конюхов?

В этой области полно великолепных легавых собак, и за шесть экю можно найти на продажу. Никогда мы не ели столько перепелов, правда, довольно тощих.

27-го [апреля] после обеда я остановился, чтобы посмотреть красоту и местоположение этого города в церкви Сан Чириако, той самой, которая стоит на одном из двух холмов; и там нам было показано больше именных мощей, чем имеется в мировой Церкви.

Мы признали, что перепела действительно прилетают сюда с той стороны, из Склавонии, причем в большом изобилии, и на здешнем берегу каждую ночь натягивают сети и подзывают их, подражая перепелиным голосам, заманивая на землю с высоты, когда те совершают свой перелет

в воздухе. И говорят, что в сентябре они снова полетят через море, [обратно] в Склавонию.

Ночью я слышал выстрел из пушки в Абруццах. В королевстве и за Неаполем имеются сторожевые башни, расставленные через каждое лье, и первая, которая обнаруживает пиратскую *фусту*[590], подает сигнал второй башне; при такой скорости они подсчитали, что с конца Италии оповещение долетает до Венеции за один час[591].

Анкона называется так исстари, от греческого слова, обозначающего угол, поскольку в этом месте море врезается [в сушу] углом[592]; и два ее рога выдаются вперед и делают глубокую складку как раз там, где расположен город, прикрытый спереди этими двумя мысами и морем, а сзади высоким холмом, где раньше стояла крепость. Имеется тут еще греческая церковь, на вратах которой, на старинном камне, видно несколько букв, про которые я думаю, что они

---

[590] Примечания: 590
Фуста *(fuste)* — небольшая легкая галера.

[591] Примечания: 591
О других дозорных башнях в Остии см. выше, с. 239, прим. 3.

[592] Примечания: 592
По-гречески αγκων — локоть.

склавонские[593]. Женщины тут по большей части красивы, а многие мужчины порядочны и хорошие ремесленники.

После обеда мы проследовали берегом моря, который тут более отлогий и удобный, чем наш океанский, и возделан вплоть до самой кромки воды, и приехали на ночлег в Сенигаллью.

СЕНИГАЛЛЬЯ, двадцать миль. Красивый маленький городок, расположенный на очень красивой, прилегающей к морю равнине; там имеется и прекрасная гавань, поскольку река, спускаясь с гор, втекает в нее с одной стороны. Они превратили ее в канал, оснащенный как надо и со всех сторон облицованный большими плитами, там, где становятся корабли в поисках убежища и куда имеется закрытый вход. Я не видел там никаких древностей; к тому же мы остановились вне города, в прекрасной гостинице, единственной в этом месте. Сам город находится в юрисдикции герцога Урбинского и в старину назывался *Senogallia*, по имени наших

[593] Примечания: 593

Крепость, построенная кардиналом Альборнозом на Колле ди Сан Катальдо, была разрушена в XIV веке. Церковь Санта Мария ди порта Киприана, иначе Сант'Анна, была предоставлена Клементом VII греческой колонии, обосновавшейся в Анконе; надпись, о которой говорит Монтень, исчезла, но если он был прав, не признав в ней греческое письмо, то она была сделана, скорее всего, глаголицей, получившей распространение в Хорватии.

предков, которые тут осели, после того как их разбил Камилл[594].

Я тогда чувствовал себя не очень хорошо. В день, когда я выехал из Рима, со мной вместе прогуливался г-н д'Осса[595]; и вот, желая поприветствовать какого-то другого дворянина, я поклонился так неловко, что своим правым большим пальцем заехал себе в уголок правого глаза, и вдруг показалась кровь; у меня там долго оставалась крайняя краснота; но с тех пор все прошло: *Erat tunc dolor ad unguem sinistrum*[596].

Забыл сказать, что в Анконе, в церкви Сан Чириако, лежит надгробная плита некоей *Antonia Rocamoro, patre, matre, Valletta, Galla, Aquitana, Paciocco Urbinati, Lusitano nupta*, которая была погребена лет десять-двенадцать назад[597].

---

[594] Примечания: 594

Точнее *Sena Gallica*. Галлы, захватившие Рим, были разбиты Камиллом в 390 году до н. э.

[595] Примечания: 595

Арно д'Осса (1536–1604) как секретарь Поля де Фуа в Риме будет вести переговоры об отречении Генриха IV и станет после этого кардиналом.

[596] Примечания: 596

«Я чувствовал тогда боль в этом левом ногте». Впрочем, у этой латинской фразы может быть и иное прочтение. Лотре предположил, что Монтень тут играет со словом *sinistrum*, которое означает не только «левый», но и «злосчастный», и в таком случае ее можно перевести иначе: «Я чувствовал тогда боль в этом злосчастном ногте».

[597] Примечания: 597

«Антуанетта Рошмор, француженка и гасконка по отцу и по матери

Валетт, замужем за Пачокко из Урбино, португальцем». Вероятно, надпись скопирована не совсем точно. Там речь шла об умершей в 1575 году жене известного военного инженера Франческо Пачотто, кавалера португальского ордена Христова.

Мы уехали рано утром и проследовали вдоль берега по очень приятной дороге, двигаясь навстречу нашему обеду, и проехали через реку Метауро, *Metaurus*, по большому деревянному мосту, и пообедали в Фано.

ФАНО, пятнадцать миль. Маленький городок на красивой и очень плодородной равнине, прилегающей к морю, он довольно дурно построен, но обнесен изрядной стеной. Нас тут очень хорошо обслужили: подали хлеб, вино и рыбу; гостиница обошлась в сущие гроши.

У Фано есть преимущество перед другими городами побережья, такими как Сенигаллья, Пезаро и другие: тут изобилие пресной воды и много общедоступных источников и частных колодцев, в то время как остальным приходится искать воду вплоть до гор. Мы тут видели большую древнюю арку, где имеется надпись под именем Августа, *qui muros dederat*[598]. Ее называют *Fanum* — от *Fanum Fortunæ*[599].

Почти по всей Италии муку просеивают с помо-

---

[598] Примечания: 598

«Кто стены дал»; эту арку, воздвигнутую при Августе и переделанную при Константине, можно видеть еще и сегодня.

[599] Примечания: 599

От храма Фортуны *(Fanum Fortunæ)*, возведенного в честь победы над Гасдрубалом, ничего не осталось.

щью колес, и один булочник за час делает больше работы, чем у нас за четыре. Почти во всех гостиницах есть рифмоплеты, которые немедленно сочиняют куплеты о присутствующих. А инструменты [для аккомпанемента] можно найти в любой лавке и даже у несносных болтунов с уличных перекрестков[600].

Этот город славится по всей Италии красотой своих женщин: мы же не видели ни одной, только очень уродливых; и когда я осведомился у одного порядочного горожанина, он мне сказал, что эта пора уже миновала. На этой дороге платят примерно десять су за стол, двадцать су в день на человека, наемная лошадь и прочие расходы примерно тридцать су: итого [на всадника] пятьдесят су. Этот город во владениях Церкви.

Мы отказались от намерения заглянуть сверх того на этой приморской дороге в Пезаро, красивый и достойный осмотра город, а потом в Римини и еще в древнюю Равенну; ведь именно в Пезаро находится красивое здание странного местоположения, которое велел построить герцог Урбинский, как мне говорили; это путь из

[600] Примечания: 600
Имеются в виду розничные торговцы вразнос.

Венеции вниз[601].

Мы оставили побережье и свернули влево, следуя по широкой равнине, через которую протекает *Metaurus*. Здесь повсюду, по обе стороны, обнаруживаешь очень красивые холмы, и эта область своим обликом очень похожа на равнину Бленьяк в Кастийоне[602]. На этой равнине, на другом берегу реки, Салинатор и Клавдий Неро сразились с Гасдрубалом, и тот был убит[603]. При входе в горы, которые начинаются в самом конце этой равнины, находится

ФОССОМБРОНЕ, пятнадцать миль, владение герцога Урбинского: город расположен на склоне горы, внизу имеются одна-две красивые улицы, довольно прямые, равномерно и хорошо застроенные; тем не менее говорят, что улицы

---

[601] Примечания: 601

Это ведущая к югу дорога Виа Ромео. Пезаро — в самом деле интересный город (Палаццо Дукале XV–XVI веков; крепость Рокка Костанца, построенная Лучано Лаураной, замечательный пример военной архитектуры XV века, но от упомянутой здесь виллы делла Ведетта («красивое здание странного местоположения»), начатой в 1572 году герцогом Урбинским Франческо Марией I делла Ровере, ничего не осталось. В Римини сохранились значительные монументы римской эпохи (арка Августа, мост Тиберия) и Возрождения (Темпио Малатестиано). Что касается Равенны, столицы Гонория и Теодориха, то мавзолей последнего и великолепие ее византийских мозаик широко известны.

[602] Примечания: 602

Равнина в Перигоре.

[603] Примечания: 603

Битва при Метавре (Метаурусе) (209 год до н. э.), в которой римские консулы победили войско Гасдрубала, младшего брата Ганнибала, что определило окончательный разгром последнего.

Фано гораздо богаче этих. Тут на площади сохранился большой мраморный постамент с весьма пространной надписью времен Траяна в честь некоего частного обитателя этого места, и есть еще другая, на стене, которая не несет на себе никаких примет времени. В древности это был *Forum Sempronii*, но они утверждают, что первоначально их город был ближе к равнине и что там до сих пор сохранились его руины, причем в гораздо лучшем месте[604]. В этом городе имеется каменный мост, перекинутый через Метаурус *per viam Flaminiam*[605]. Поскольку я приехал туда рано (мили тут короче, а наши дни включали в себя только семь-восемь часов верховой езды), то успел поговорить с несколькими порядочными людьми, и те рассказали мне, что им известно о своем городе и окрестностях. Мы осмотрели там сад кардинала Урбинского, где к виноградным лозам привито много черенков от других лоз. Я беседовал с хорошим человеком, который родом отсюда, его зовут Винцентиус Кастеллани, и он

---

[604] Примечания: 604
В Сан Мартино дель Пьяно.

[605] Примечания: 605
«По Фламиниевой дороге».

пишет книги[606].

Я уехал отсюда на следующее утро и после трех миль пути свернул налево и переехал по мосту через Кардиану[607], реку, которая сливается с Метаурусом. А потом проделал три мили вдоль каких-то гор и диких утесов по узкой и немного неудобной дороге, в конце которой мы увидели проход добрых полсотни шагов длины, который был пробит сквозь одну из этих высоких скал; поскольку это был большой труд, Август, который первым приложил к нему руку, оставил тут надпись со своим именем, которую, однако, стерло время, а на другом конце еще видна другая, в честь Веспасиана[608]. Вокруг того места под дорогой из воды со дна реки поднимается множество каких-то больших необычайно высоких сооружений, а скалы бесконечной толщины там срезаны и сглажены, и по всей дороге, по которой направляются в Рим (это и есть *via Flaminia)*, по-

[606] Примечания: 606

Винченцо Кастеллани — латинист, комментатор Саллюстия, умерший в 1601 году. Кардинал, о чьих садах шла речь чуть выше, — Джулио делла Ровере (1533–1578), сын герцога Урбинского Франческо Марии I.

[607] Примечания: 607

Река Кардиана *(Cardiana)* — нынешняя Кандильяно.

[608] Примечания: 608

Это знаменитый горный проход Фурло (*Furlus* или *Petra Pertusa*); надпись существует до сих пор.

падаются следы больших камней, которыми она была вымощена, по большей части погребенных; само же ее полотно, имевшее сорок футов ширины, тут сужается всего до четырех[609].

Я свернул с дороги, чтобы получше это рассмотреть, а потом вернулся по собственным следам, чтобы возобновить свой путь, которым и проследовал далее у подножия более отлогих и плодородных гор. В конце нашего перегона мы начали то подниматься вверх, то опускаться вниз и прибыли в

УРБИНО, шестнадцать миль. Город, который не слишком блещет превосходством; расположен на вершине горы средней высоты, но обступает ее со всех сторон в зависимости от крутизны склонов, так что в нем нет ничего ровного и повсюду приходится то подниматься, то спускаться. В тот день там был рынок, поскольку мы приехали в субботу. Мы видели дворец, весьма знаменитый своей красотой; он очень велик, поскольку его громада начинается еще у подножия горы. Вид простирается на множество соседних гор, однако не слишком привлекателен. В общем, во всем зда-

[609] Примечания: 609

Большие сооружения, о которых идет речь, — остатки подпорных стен, возведенных вдоль прохода.

нии нет ничего достаточно приятного ни внутри, ни снаружи, а его садик — всего двадцать пять шагов или около того. Говорят, что в нем имеется столько покоев, сколько дней в году; их и в самом деле тут немало, по примеру Тиволи и других дворцов Италии. Через одну дверь вы подчас видите двадцать или более других дверей, следующих одна за другой в одном направлении. Тут имеется и кое-что старинное, но основное построил в 1476 году Федериго Мария делла Ровере[610], который упоминается внутри со множеством своих титулов, высочайших чинов и воинских подвигов, чем испещрены все стены дворца, помимо надписи, гласящей, что это прекраснейшее здание в мире. Оно кирпичное, все сводчатое, без всяких [плоских] потолков, как и большинство построек в Италии.

Нынешний герцог — его внучатый племянник; это род хороших государей, которые любимы своими подданными. Они от отца к сыну все люди высокообразованные и имеют в своем дворце

[610] Примечания: 610

Ошибка: на самом деле это был не Федериго Мария делла Ровере, а Федериго да Монтефельтро (доверивший в 1466 году архитектору Лучано Лауране перестройку существовавшего ранее замка), прапрадед современного Монтеню герцога (см. ниже) Франческо Марии II делла Ровере (1549–1631), дед которого, Франческо Мария I, был усыновлен Гуидобальдо — сыном Федериго да Монтефельтро.

прекрасную библиотеку[611]; ключ [от которой] не отыскался[612]. Они привержены испанцам. Герб испанского короля красуется в почетном ряду вместе с английским орденом и орденом Золотого руна, но из наших ничего нет. Изобразили тут и первого герцога Урбинского, молодого человека, убитого собственными подданными за несправедливость; нынешний не из этого рода[613]. Нынешний взял в жены сестру герцога Феррарского, которая старше него на десять лет. Они плохо ладили и расстались, как говорят, только из-за ее ревности. Так что, и помимо ее возраста (а ей сорок пять лет), у них мало надежды на детей, из-за чего это герцогство отойдет Церкви, оттого они и горюют.

Я видел там портрет Пикуса Мирандулы. Белое, очень красивое лицо, безбородое, как в семнадцать-восемнадцать лет, нос длинноват, глаза кроткие, лицо худощавое, волосы белокурые, нис-

---

[611] Примечания: 611

Фонды знаменитой библиотеки герцогов Урбинских в настоящее время находятся в Ватиканской библиотеке. В 1631 году, по смерти Франческо Марии II делла Ровере, герцогство отошло к Папской области за отсутствием наследников мужского пола; см. ниже.

[612] Примечания: 612

Видимо, Монтень тут сетует, что не смог туда попасть.

[613] Примечания: 613

Оддантонио да Монтефельтро, ставший герцогом в 1443 году, в 1444 году погиб во время восстания.

падают ему до самых плеч, и странный наряд[614]. Здесь в Италии во многих местах устраивают винтовые и даже прямые лестницы такой ширины, что вы можете верхом на лошади подняться на самый верх, а также здесь укладывают плитку «клином»[615]. Говорят, что это место холодное, так что герцог старается бывать тут только летом; а чтобы устроить ему спальню, выбирают один из покоев, со всех сторон окруженный закрытыми квадратными комнатами и куда свет проникает только через одно застекленное окно, и вот в эту отрезанную от всего выгородку и ставят кровать государя.

После обеда я сделал крюк еще в пять миль, чтобы увидеть место, которое здешний народ прозвал «Гасдрубаловой могилой», это на довольно высоком холме, который называется

[614] Примечания: 614

Джованни Пико делла Мирандола (Picus Mirandula, 1463–1494), мыслитель-гуманист и ученый эпохи Возрождения. Этот виденный Монтенем портрет неизвестен.

[615] Примечания: 615

То есть «елочкой». — Эта винтовая лестница находится в большой башне северного крыла дворца. Две другие винтовые лестницы расположены в башнях западного фасада.

Монт'Эльче[616]. Там имеется только несколько жалких домишек, четыре или пять, да церковка, а также видна круглая постройка, то ли из крупного кирпича, то ли из тесанного квадратом камня, примерно в двадцать пять шагов и высотой двадцать пять футов. Сверху по кругу идет балюстрада из того же кирпича с тумбами через каждые три шага — я не знаю точно, как каменщики называют такие штуки для опоры, вроде мостовых быков. Мы поднялись наверх, потому что внизу нет никакого входа. Там обнаружился свод, но ничего внутри, никакого тесаного камня, никакой надписи; местные жители говорят, что раньше тут имелся мрамор с какими-то знаками, но в наше время его весь растащили. Почему этому месту дали такое имя, я не знаю, но и не верю всем их россказням. Верно только, что он [Гасдрубал] был разгромлен и убит довольно близко отсюда.

После этого мы проследовали весьма гористым путем, который за один час, что шел дождь, стал почти непролазным из-за грязи, и перешли Мета-

[616] Примечания: 616

Mont'Elce находится близ Ферминьяно. Монумент, о котором говорит Монтень, без сомнения, относится к доримской эпохе; ныне его свод обрушился, но с северной стороны еще сохранились зубцы, напоминающие балюстраду.

урус вброд, словно это не тот же поток, что несет лодки, который мы пересекали раньше, и после обеда, в конце дня, равнинной и удобной дорогой добрались до

КАСТЕЛЬ ДУРАНТЕ, пятнадцать миль. Городок, расположенный на равнине вдоль Метауруса, принадлежит герцогу Урбинскому. Народ тут зажег «огни радости» и устроил празднество в честь рождения сына у принцессы Бизиньяно, сестры их герцога[617].

Наши возчики снимают поклажу со своих лошадей, по мере того как их разнуздывают, в каком бы состоянии те ни были, и поят, не обращая внимания ни на что[618]. Мы пили здесь какие-то неестественные вина, и в Урбино тоже, чтобы их смягчить […][619].

---

[617] Примечания: 617

Изабелла делла Ровере, дочь Гуидобальдо II, жена принца Бизиньяно. — Кастель Дуранте, место летнего отдыха герцогов Урбинских, был перестроен папой Урбаном VIII, который превратил его в епископскую резиденцию (Урбания).

[618] Примечания: 618

См. «Опыты», III, 9: «Мои лошади стоят большего. Меня ни разу не подвела ни одна, коль скоро она выдерживала первый из подобных прогонов. Зато я пою моих лошадей повсюду, где только возможно, и слежу лишь за тем, чтобы между двумя водопоями они прошли достаточный отрезок пути и чтобы выпитая ими вода вышла мочой».

[619] Примечания: 619

Керлон считал, что тут пропуск в тексте; впрочем, большинство остальных издателей как-то пытались исправить эту фразу, чувствуя

ее неполноту.

В воскресенье утром мы двинулись по довольно плодородной равнине с холмами вокруг и сначала попали в красивый маленький городок Сант'Анджело, принадлежащий сказанному герцогу, расположенный вдоль Метауруса и с весьма красивыми окрестностями. В городке нам встретились *маленькие королевы середины поста*, потому что это был канун первого дня мая[620]. Оттуда, следуя далее по этой же равнине, мы миновали еще через одно местечко той же юрисдикции, называвшееся Маркателло, и по дороге, где уже начинала чувствоваться близость Апеннинских гор, приехали к обеду в

БОРГО ПАЧЕ, десять миль. Маленькая деревушка и трапеза в убогой гостинице горного захолустья.

После обеда мы для начала проследовали по узкой, дикой и каменистой дороге, затем стали подниматься на высокую гору — две мили подъема и четыре спуска; путь неровный, ухабистый и крайне утомительный, однако не страшный и не опасный, хотя пропасти выглядели такими обрывистыми и крутыми, что взгляду было не

---

[620] Примечания: 620

Традиция *Майских Красавиц*, свидетелем которой Монтень стал в красивой средневековой деревне Сант'Анджело ин Вадо, была очень древней как в Италии, так и во Франции.

за что уцепиться[621]. Мы проследовали вдоль Метауруса вплоть до истока в этой горе, так что мы видели и его зарождение, и его конец, когда он впадает в море в Сенигалльe[622]. При спуске с этой горы перед нами предстала очень красивая и большая равнина (где течет Тибр, который тут всего в восьми милях или около того от места своего рождения), а также другие горы в той стороне: вид был почти такой же, как на овернской Лимани для тех, кто спускается в Пюи-ле-Дом в Клермоне[623]. На вершине нашей горы кончается юрисдикция герцога Урбинского и начинается юрисдикция герцога Флорентийского, а по правую руку — папы. Мы прибыли к ужину в

БОРГО САН СЕПОЛЬКРО, тринадцать миль. Маленький городок на этой равнине, в котором нет

---

[621] Примечания: 621

Ущелье Бокка Трабариа. Высота вызывала у Монтеня головокружение, однако, «…как бы значительна ни была глубина…», порой ему помогало, «…если на склоне виднеются дерево или выступ скалы, на которых может задержаться наше зрение и которые делят это пространство, что доставляет нам облегчение и вселяет в нас некоторую уверенность» («Опыты», II, 12).

[622] Примечания: 622

Скорее близ Фано.

[623] Примечания: 623

Лиманы, овернская равнина, по которой течет Аллье, ограничена на западе Домскими горами, а на востоке — горными массивами Ливрадуа и Форе.

ничего особенного, принадлежит сказанному герцогу Флорентийскому[624]; мы уехали оттуда в первый день мая.

В миле от этого города мы проехали по каменному мосту через Тибр, который тут еще чистый и красивый, а это является признаком того, что тот грязный и рыжий цвет *Flavum Tiberim*[625], каким его видят в Риме, он приобретает от смешения с какой-то другой рекой. Мы пересекли эту четырехмильную равнину и на вершине первого же холма обнаружили городок[626]. Многие девушки и там, и в других местах становились перед нами на дороге и хватались за поводья наших лошадей, для того чтобы спеть какую-то песенку, и требовали пожертвовать что-нибудь ради сегодняшнего праздника[627]. С этого холма мы опустились ниже, в довольно каменистую ложбину, которая

---

[624] Примечания: 624

Борго Сан Сеполькро — родина выдающегося художника Пьеро делла Франчески (1416–1492), но Монтень, разумеется, не мог видеть его живописные работы, выставленные сегодня в Пинакотеке Коммунале.

[625] Примечания: 625

«Желтого Тибра» — так Гораций именует Тибр в своих произведениях.

[626] Примечания: 626

Это живописный городок Ангьяри.

[627] Примечания: 627

Монтень снова видит там праздник Майских Красавиц; см. выше, с. 297, прим. 2.

тянулась вдоль русла какого-то потока, а потом поднялись на бесплодную и весьма каменистую гору, три мили верх и вниз, и обнаружили другую равнину, где перешли через реку Кьясса по каменному мосту[628], а потом через реку Арно по другому каменному мосту, весьма большому и красивому, после чего остановились в

ПОНТЕ БУРЬЯНО, в маленьком домике, восемнадцать миль. Плохая гостиница, как и три предыдущие, да и большая их часть на этой дороге. Было большой глупостью привести сюда хороших лошадей, поскольку тут совсем нет сена.

После обеда мы проследовали длинной равниной, которая вся изрезана ужасными рытвинами, которые воды там проделывают престранным образом, и думаю, что тут довольно гнусно зимой; но так же бывает, когда починяют дорогу. Ближе к обеду мы оставили на той же равнине, примерно в двух милях по правую руку от себя, город Ареццо[629]. Тем не менее кажется, что его

---

[628] Примечания: 628

Это место так и называется: Понто алла Кьясса — Мост через Кьяссу.

[629] Примечания: 629

Стало быть, Монтень не посетил родной город Петрарки с его знаменитым художественным богатством и не увидел среди прочего фрески, которыми Пьеро делла Франческа расписал церковь Святого Франциска.

местоположение немного приподнято. Мы проехали через реку Амбра по хорошему каменному мосту большой высоты и добрались к ужину до Леванеллы.

ЛЕВАНЕЛЛА, десять миль. Гостиница находится за этой деревней, примерно в миле, и она знаменита; ее [также] считают лучшей в Тоскане, и с полным правом, поскольку среди гостиниц Италии она — из наилучших. Здесь настолько хорошо привечают гостей, что говорят, будто тут часто собирается дворянство страны, как у Мора в Париже или у Гийо в Амьене[630]. Они там подают оловянные тарелки, которые очень редки. Это единственный дом с хорошим местоположением, на равнине, и там имеется источник для собственных нужд.

Мы уехали оттуда утром и продолжили следовать очень красивым и прямым путем по этой равнине, проехав через четыре городка или обнесенных стеной селения — Монтеварки, Сан Джованни, Фильине и Инчиза — и приехали к обеду в

ПЬЯН ДЕЛЛА ФОНТЕ, двенадцать миль. Довольно дрянная гостиница, где тоже есть источник,

---

[630] Примечания: 630

Эти гостиницы были очень известны. Гийо упомянут у Рабле, кн. IV, 51.

немного выше городка Инчизы в долине Арно, о чем говорил Петрарка; считается, что он сам родился в этой Инчизе, по крайней мере, в доме по соседству с ней, примерно с милю, от которого не сохранилось никаких, даже ничтожных, развалин; тем не менее они отмечают это место[631]. Там [в это время] сажали дыни среди других, уже посаженных, и надеялись собрать урожай в августе.

Этим утром я ощутил какую-то тяжесть в голове и помутнение зрения, словно вернулись мои прежние головные боли, которых не было уже целых десять лет. Эта долина, по которой мы проезжали, была когда-то вся заболочена, и [Тит] Ливий утверждает, что Ганнибал, вынужденный пройти через нее на слоне в пору дождей, потерял здесь глаз[632]. Это и в самом деле очень плоское и низменное место и сильно зависит от течения Арно.

Я решил попоститься и не стал там обедать, поскольку это помогло вызвать рвоту и способствовало моему скорейшему исцелению: а иначе я носил бы эту тяжесть в голове день-два, как со

---

[631] Примечания: 631
Это дом отца Петрарки, рядом с Инчизой.

[632] Примечания: 632
См.: Тит Ливий, «История», XXII, 2–3.

мной уже случалось. Тогда-то мы и нагнали на этой дороге множество окрестных жителей, доставлявших во Флоренцию всевозможную снедь.

И прибыли в нее по одному из четырех каменных мостов, перекинутых через Арно.

ФЛОРЕНЦИЯ, двенадцать миль.

На следующий день, посетив мессу, мы ушли оттуда и, отклонившись немного от прямого пути, отправились взглянуть на Кастелло, о котором я говорил раньше[633], но поскольку там были дочери герцога и как раз в этот самый час они пошли через сад послушать мессу, то нас любезно попросили подождать, чего я не захотел сделать. По дороге мы встретили большую процессию: впереди хоругвь, за ней женщины, по большей части очень красивые, на всех соломенные шляпы, которые в этой области делают превосходно, лучше, чем в любом другом месте мира, и они были весьма хорошо одеты для деревенских женщин, все в белых туфельках без задника и открытых башмачках. После женщин шел священник, а после него мужчины. В тот день мы видели шествие монахов, и те почти все были в соломенных шляпах.

---

[633] Примечания: 633

Монтень видел виллу Кастелло во время своего первого посещения Флоренции, см. выше, с. 189, прим. 2.

Мы проследовали по очень красивой и широкой равнине и, честно говоря, я был почти вынужден признать, что ни Орлеан, ни Тур, ни Париж даже в своих ближайших предместьях не могут сравниться с Флоренцией количеством окрестных домов и деревень, которое здесь очень велико; а что касается красоты домов и дворцов, то второго такого города нет. По этой дороге мы и добрались к обеду в

ПРАТО, десять миль, маленький городок, принадлежит сказанному герцогу. Он расположен на берегу Бизенцио, каковую реку мы пересекли по каменному городскому мосту. Нет другой такой области, которая среди прочего была бы так хорошо обеспечена столь полноценными мостами; а также вдоль этих дорог повсюду встречаешь большие тесаные камни, на которых написано, что каждая округа должна мостить дорогу и отвечать за нее. Там, в городском дворце, мы видели герб и имя пратского легата, который, говорят, здешний уроженец[634]. Над дверью этого дворца имеется большая, увенчанная короной статуя с

[634] Примечания: 634

В большом зале Палаццо Претория города Прато можно видеть портрет кардинала Никколо да Прато, епископа Остии и Веллетри, умершего в Авиньоне в 1321 году. Монтень мог спутать его с Антуаном Дюпра (1463–1535), канцлером Франции, который тоже был кардиналом и папским легатом.

державой в руке, у подножия которой имеется надпись: *Rex Robertus*[635]. Они говорят, что этот город был когда-то нашим: лилии тут повсюду; но город и сам по себе имеет в своем гербе золотые лилии на червленом поле. Дуомо тут красив и украшен множеством черно-белого мрамора[636].

Уехав отсюда, мы сделали еще один крюк, отклонившись от нашего пути на добрых четыре мили, чтобы съездить *al Poggio*[637], это вилла, которой они несказанно гордятся, она принадлежит герцогу и расположена на реке Омброне; а построена по тому же образцу, что и Пратолино. Просто чудо, как в столь малом объеме смогла поместиться сотня прекрасных комнат. Я там видел среди прочего большое количество очень красивых и бесценных тканей в кипах: они пест-

---

[635] Примечания: 635

Rex Robertus — Роберт Анжуйский, король Апулии и граф Прованса, которому город Прато сдался в 1313 году; его статуя простояла в табернакле над дверями в Палаццо Претории до конца XVIII века.

[636] Примечания: 636

Пратский собор (Дуомо) построен в романо-готическом стиле и облицован черным и белым мрамором — как и большинство тосканских церквей того времени.

[637] Примечания: 637

То есть, в *Поджо* (в тексте дано по-итальянски); имеется в виду Поджо а Кайяно — прекрасная вилла, построенная Джулиано Сангалло для Лоренцо Великолепного, где он любил окружать себя флорентийскими интеллектуалами. В 1587 году тут умерли великий герцог Франческо I и его жена Бьянка Капелло — сегодня доказано, что они были

отравлены.

ренькие, всего лишь очень тонкие, шерстяные и подбиты тафтой в четыре нити, того же цвета, что и ткань. Еще мы там видели кабинет герцога с перегонными кубами и его токарную мастерскую, потому что он — великий механик[638].

Оттуда через крайне плодородную область по очень прямой дороге, окаймленной деревьями, к которым привязаны виноградные лозы, что образует живые изгороди необычайной красоты, мы приехали к ужину в Пистойю.

ПИСТОЙЯ, четырнадцать миль. Большой город на берегу Омброне; улицы тут весьма широкие, вымощены, как во Флоренции, Прато, Лукке и в других местах[639], большими, весьма широкими каменными плитами. Забыл сказать, что из-за стола в залах Поджо видно Флоренцию, Прато и Пистойю; герцог тогда был в Пратолино. В сказанной Пистойе довольно мало народа, красивые церкви и много красивых домов. Я навел справки о продаже соломенных шляп, которые стоят по пятнадцать солей. Мне кажется, что во Франции

---

[638] Примечания: 638

Об интересе герцога к алхимии и механике см. выше, с. 186, прим. 3.

[639] Примечания: 639

Упоминание в этом ряду Лукки, до которой Монтень еще не доехал, свидетельствует о том, что он вел свой «Дневник» урывками, от случая к случаю, порой вставляя в уже написанные эпизоды то, о чем забыл упомянуть; см. также следующую фразу.

они стоили бы столько же франков. Рядом с этим городом и на его земле был некогда разгромлен Катилина[640]. В Поджо имеется ряд шпалер с изображением всех видов охоты; я приметил среди других одну с охотой на страусов, которых преследуют всадники и пронзают дротиками.

Латиняне называли Пистойю *Pistorium*; она принадлежит герцогу Флорентийскому. Говорят, что она изрядно обезлюдела из-за былых распрей между домами Канчельери и Панчатики, так что сейчас тут насчитывается всего восемь тысяч душ; а в Лукке, которая размерами ничуть не больше, — двадцать пять тысяч жителей и даже больше.

Мессер Таддео Роспильози, получивший из Рима письмо с рекомендациями в мою пользу от Джованни Франкини[641], пригласил меня, а также всех остальных, с кем я путешествовал, отобедать у него на следующий день. Дворец весьма изукрашен, подача блюд за столом немного

[640] Примечания: 640

Луций Сергий Катилина был разгромлен и убит под Пистойей в 62 году до н. э.

[641] Примечания: 641

Таддео Роспильози несколько раз был гонфалоньером *(gonfaloniere)* Пистойи — этот магистрат, первоначально наделенный военной властью, впоследствии стал выполнять функции, свойственные современным мэрам. Джованни Франкини, известный легист, стал *provveditore,* то есть инспектором римского замка Сант'Анджело.

диковатая, мало мясных кушаний, мало лакеев; вино подается после трапезы, как в Германии.

Мы повидали здешние церкви: при вознесении святых даров в главной церкви трубят в трубы. Среди детей-певчих стояли переодетые священники и дудели в сакебуты[642].

Этот бедный город расплачивается за потерю свободы пустым образом ее былой формы. У них имеется девять *приоров*[643] и один гонфалоньер, которых они избирают на каждые два месяца. В их обязанности входит поддержание порядка; содержатся они на средства герцога, как прежде содержались на средства населения, проживают во дворце и почти никогда не выходят оттуда, кроме как все вместе, будучи там постоянно заперты. Впереди идет гонфалоньер, за ним *подеста*, которого туда посылает герцог, и каковой подеста на самом деле обладает всей властью; а сказанный гонфалоньер никому не кланяется при встрече, изображая некое воображаемое могущество. Мне было жалко смотреть, как они ублажают себя этим обезьянничаньем, и тем

---

[642] Примечания: 642

Saquebutes — очень длинные трубы.

[643] Примечания: 643

Монтень называет их *«первыми»*, буквально переводя итальянское слово *priori*.

не менее великий герцог увеличил субсидии в десять раз против прежнего.

В большинстве крупных садов Италии на главных аллеях выращивают траву и косят ее. Примерно в это же время начали поспевать вишни; и на дороге из Пистойи в Лукку нам встречались поселяне, желавшие нам продать букетики земляники.

Мы уехали оттуда после обеда в четверг, в день Вознесения, и сначала некоторое время двигались по этой равнине, потом по слегка гористой дороге, а потом по очень красивой и широкой равнине. Среди хлебных полей у них посажено много деревьев весьма упорядоченными рядами, и эти деревья покрыты привязанными к ним виноградными лозами, тянущимися от одного к другому, так что поля кажутся садами. На горах, которые видны с этой дороги, растет много деревьев, в основном оливы, каштаны и шелковица — ради шелковичных червей. На этой равнине нам и встретилась

ЛУККА, двадцать миль. Город меньше Бордо на треть, вольный, разве что из-за своей слабости отдался под покровительство императора и Австрийского дома. Он весь окружен стеной с бастионами по углам; рвы малой глубины, за-

росшие зеленой травой, и с широким плоским дном, по которому проходит небольшой канал. На стенах по кругу, на насыпной земляной площадке в два-три ряда посажены деревья, которые предоставляют тень и, как говорят, при необходимости служат фашинами[644]. Снаружи вы видите только лес, который заслоняет дома. Они всегда держат там охрану в триста иноземных солдат. В городе изрядное население, особенно много ремесленников, работающих по шелку; улицы узкие, но красивые, и почти повсеместно красивые и большие дома. Они пустили через город небольшой канал от реки Серкио и строят дворец ценой в сто тридцать тысяч экю, причем строительство уже неплохо продвинулось. Утверждают, что у них шестьсот тысяч душ подданных, не считая населения собственного города. В их подчинении имеются кое-какие маленькие кре-

[644] Примечания: 644

Лукка — вольная коммуна с XI века, затем управлялась Каструччо Кастраканни, потом оказалась в вассальной зависимости от Пизы и Флоренции, вернула себе независимость с 1369 года, но была вынуждена принять покровительство Австрии. Общий вид города по-прежнему соответствует описанию Монтеня. Красота снабженных бастионами крепостных стен с посаженными деревьями по справедливости знаменита. Фашины — вязанки хвороста, которые защищают укрепления и при необходимости обороняющихся.

пости, но ни одного города[645]. Все их дворяне и военные занимаются коммерцией: самые богатые тут Буонвизи[646]. Чужестранцы проникают сюда только через ворота с большой охраной.

У этого города одно из самых приятных местоположений, что я когда-либо видел: он окружен красивой равниной, ширина которой по меньшей мере добрых два лье в самом узком месте, потом красивыми горами и холмами, с поселениями по большей части в полях. Вина тут посредственно хорошие и обходились нам по солю в день; гостиницы, как водится в этой стране, довольно убогие. Я получил знаки любезности от некоторых частных лиц — и вино, и фрукты, и предложения денег.

Я пробыл там пятницу и субботу, а уехал в воскресенье после обеда — ради других, не ради себя, потому что сам ничего не ел. Ближайшие к городу холмы по всей равнине довольно плотно за-

---

[645] Примечания: 645

На самом деле они использовали рукав этой реки. — Бартоломео Амманати начал строительство Палаццо Публико на месте Аугусты — крепости, построенной при Каструччо Кастраканни в XIV веке. — «Маленькие крепости» на самом деле были укрепленными селениями.

[646] Примечания: 646

Очень богатое семейство Буонвизи пользовалось большим авторитетом. Будучи международными коммерсантами, они имели филиалы во всех крупных городах Италии и Европы.

строены приятными домами; наибольшая часть дороги была достаточно удобной и пролегала в низине между весьма тенистых гор, пригодных для проживания повсюду вдоль реки Серкио. Мы миновали много деревень, включая два надежно укрепленных селения, Дечимо и Борго [а Моццано], и [переправились] через упомянутую реку справа от нас, по мосту необычной высоты, который перекрывает главной своей аркой изрядную часть ее ширины; мостов такого вида мы видели всего три или четыре[647]. В два часа пополудни мы приехали в

БАНЬИ ДЕЛЛА ВИЛЛА[648], шестнадцать миль. Это совсем гористая местность. Перед водолечебницей вдоль реки[649] имеется ровное место в триста-четыреста шагов, а над ним, вверх по

[647] Примечания: 647

Понте делла Маддалена (называемый также Чертовым мостом — Ponte del Diavolo) мост действительно своеобразной архитектуры: он довольно узкий, горбатый, а из нескольких его арок одна, необычайно высокая и широкая, перекрывает значительную часть реки; строительство этого сооружения было начато предположительно принцессой Матильдой Каносской, а закончено Каструччо Кастраканни.

[648] Примечания: 648

Сейчас этот термальный курорт называется Баньи ди Лукка — Bagni di Lucca, то есть Луккские воды. Впрочем, уже во времена Монтеня его обозначали и так и эдак: см., например, название опубликованного в Лукке в 1580 году трактата Дж. Б. Донати «О Луккских водах, обычно именуемых водами Виллы». Вилла — название главного селения этой разбросанной по холму водолечебницы, а Баньо алла Вилла (Bagno alla Villa) — название находившегося в нем источника с купальнями.

[649] Примечания: 649
Река называется Лима, см. ниже.

склону горы средней высоты, имеется источник наподобие Баньерского, где пьют воду рядом с городом[650]. Место, где находится водолечебница, чем-то напоминает равнину, там расположены тридцать-сорок домов, очень хорошо приспособленных для этой надобности, с красивыми, полностью отдельными и свободными для желающих комнатами, [каждая] с местом для уединения, и все с двумя входами, один — чтобы общаться друг с другом, и второй — чтобы обособляться от других. Я их обследовал почти все, прежде чем сторговаться, и остановился в самом прекрасном[651], в частности, из-за вида, который оттуда открывается (по крайней мере, из той комнаты, которую я выбрал) на реку Лиму, и на всю эту маленькую низину, и на горы, которые над ней возвышаются, все весьма возделанные и зеленые до самых вершин, засаженные каштанами и оливами, а в других местах виноградниками, которые они там разводят, опоясывая ими горы в виде кругов и кольцевых

[650] Примечания: 650

Источник наподобие Баньерского… — имеется в виду Баньер-де-Бигор; Монтень еще не раз будет сравнивать Баньер, Баден и Баньи делла Вилла.

[651] Примечания: 651

Монтень остановился в доме Буямонти (casa Bujamonti), о чем ныне свидетельствует прикрепленная там мемориальная табличка.

ступеней. Наружный, слегка приподнятый край ступени — это виноградник, а углубление той же ступени — хлеба. Между домами имеется площадь для прогулок, открытая с одной стороны в виде террасы, с которой вы смотрите на маленькое плато под общедоступной аллеей с зеленым сводом [из вьющегося винограда] и глядите вдоль реки на эту маленькую равнину в двухстах шагах под вами и на маленькую деревушку, которая тоже служит этой лечебнице, когда тут бывает наплыв. Бóльшая часть домов — новые, прекрасная дорога, чтобы сюда добраться, а в сказанной деревушке имеется прекрасная площадь. Большинство обитателей этого места живут здесь и зимой, держат тут лавки, в основном аптечные, поскольку почти все они — аптекари.

Моего хозяина зовут капитан Паулини, и он один из них[652]. Он предоставил мне зал, три комнаты, кухню и еще пристройку для наших людей, а там внутри восемь кроватей, две из которых с занавесями; а также предоставил

[652] Примечания: 652

Паулино ди Керубино, или Керубини. Может удивить, что этот капитан был аптекарем и вдобавок заведовал гостиницей, но ниже Монтень вкратце описывает устройство местной армии, которая по большому счету была просто ополчением, где все офицерские должности (кроме полковничьих) занимали окрестные жители, получавшие плату за свою службу только в случае боевых действий.

соль, полотенце (на день), скатерть (на три дня), всю железную кухонную утварь и подсвечники — итого одиннадцать экю, что на несколько су больше, чем десять полупистолей за пятнадцать дней. Кувшины и горшки, блюда, тарелки (глиняные) мы покупали, а также стаканы и ножи; мяса тут имеется сколько угодно, телятина и молодая козлятина, но совсем нет ничего другого. В каждой гостинице вам предлагают потратиться на что-нибудь, и думаю, что за двадцать су с человека можно было бы получать это ежедневно; а если бы вы захотели сэкономить, вы нашли бы при каждой гостинице какого-нибудь мужчину или женщину, способных готовить еду. Вино тут совсем не хорошее, но кто хочет, делает заказ, и ему доставляют его из Пеши[653] или Лукки. Я приехал туда первым, если не считать двух дворян из Болоньи, у которых не было большой свиты, так что мог выбирать, и судя по тому, что они сказали, это оказалось наилучшей сделкой, на какую я не смог бы рассчитывать во время наплыва, а он, по их словам, бывает тут очень большим; но, как водится, он начнется только в июне и продлится до сентября, потому что в

[653] Примечания: 653

Пеша (Pescia) — сельскохозяйственный центр на полпути между Луккой и Пистойей.

октябре отсюда уже разъезжаются, а если кто тут и собирается, то чаще всего единственно ради приятного времяпрепровождения; как мы видели, возвращаются скорее те, кто уже пробыл тут один месяц, или в октябре, но это крайне редко.

В этом месте имеется и гораздо более великолепное, нежели прочие дома, здание, оно принадлежит господам Буонвизи; оно, конечно, очень красиво, и здесь его называют Дворцом[654]. Там прямо в зале имеется красивый и оживленный фонтан и много других удобств. Его мне тоже предлагали, по крайней мере, покои из четырех комнат, которые я захотел, и все остальное, если мне понадобится. Четыре комнаты, к тому же меблированных, мне предлагали на пятнадцать дней за двадцать местных экю; я же хотел платить по одному экю в день, учитывая, что время, которое тут проведу, может измениться. Мой хозяин был связан нашим договором только в течение мая; если бы я захотел остаться дольше, пришлось бы его продлить.

Здесь есть вода, чтобы пить, а также чтобы при-

[654] Примечания: 654

Вопреки тому, что утверждал д'Анкона, вилла Буонвизи (см. выше, с. 307, прим. 1) вовсе не была разрушена Элизой Бачокки (в девичестве Мария Анна Элиза Бонапарте, старшая из сестер Наполеона): сегодня это вилла Уэбб (иначе Микелетти).

нимать ванны. Купальня закрытая, сводчатая и довольно темная, шириной как половина моего зала в Монтене. Имеется также некое приспособление, которое здесь называют *душем*[655], — это трубки, через каналы которых можно орошать горячей водой разные части тела и особенно голову: струи льются на вас беспрестанно, хлещут по [выбранной вами] части, согревают ее, а потом вода сливается в деревянный желоб вроде тех, что устроены в прачечных, и утекает по нему прочь. Имеется тут и другая купальня, тоже весьма сводчатая и темная, для женщин: все это из источника, воду которого пьют, сидя довольно неудобно в некоем углублении, куда надо спускаться на несколько ступенек.

В понедельник, 8 мая, утром я с большими неприятностями принял предоставленную моим хозяином кассию; причем принял ее из своих собственных рук не без благодарности за ту, что принимал в Риме[656]. Через два часа я сел обе-

---

[655] Примечания: 655

Монтень использует итальянское слово *la doccia — ла дочча*, «душ», явно не зная, как это назвать по-французски. Описываемые купальни — Баньо алла Вилла (см. выше, с. 308, прим. 1).

[656] Примечания: 656

В Риме Монтень впервые принял кассию, в чем ему помог аптекарь врача, лечившего кардинала Рамбуйе, см. выше; *Cassia angustifolia* — кассия африканская, или сенна александрийская, — растение из семейства бобовых со слабительными свойствами.

дать, но не смог закончить свой обед, ее действие заставило меня вернуть все, что я успел съесть, а потом меня еще вырвало. Я три-четыре раза садился на стульчак с большой болью в животе, из-за того что он вздулся, и это меня мучило почти целые сутки, после чего я пообещал себе больше не принимать ее[657]. Я предпочел бы скорее приступ колики — настолько у меня был растревожен живот, а вкусовые ощущения исказились; из-за этой кассии расстроилось все мое здоровье; однако поскольку приехал я сюда в хорошем состоянии, то в воскресенье после ужина, который был моей единственной трапезой в тот день, довольно бодро сходил осмотреть источники Корсены, которые в доброй полумиле отсюда, на другой стороне той же горы, на которую надо сперва подняться и потом спуститься примерно на ту же высоту, что и здешние купальни.

Эти другие воды более знамениты из-за своих ванн и *душа*; поэтому наши не получили никакого приобретаемого обычным путем применения ни через [назначения] врачей, ни через привычку пить их; и говорят, что те, другие, известны

[657] Примечания: 657

Содержащиеся в листьях кассии смолистые вещества при неправильном изготовлении лекарства или неправильном употреблении могут вызвать боли в кишечнике, что, видимо, и случилось с Монтенем.

гораздо дольше[658]. Однако если уж говорить о старине, восходящей к римским векам, то никаких следов древности нет ни тут, ни там. Имеется лишь три-четыре большие сводчатые купальни с отверстием посреди свода в качестве отдушины; они темны и малоприятны. Есть тут и другой горячий источник, в двух-трех сотнях шагов оттуда, немного выше, на той же самой горе, который называется Сан Джованни, и там построили домик с тремя купальнями тоже под кровом; по соседству нет никакого жилья, но есть где положить матрас, чтобы отдохнуть на нем несколько часов за день. В Корсене воду совсем не пьют. Как бы то ни было, они разнообразят действие своих вод: используют для одних болезней остывшую, для других горячую, и вот тут творятся тысячи чудес; впрочем, нет такого недуга, который не нашел бы своего исцеления. Здесь имеется прекрасная гостиница со многими комнатами и штук двадцать

[658] Примечания: 658

Ни воды Корсены (которые впоследствии стали называться Баньи Кальди, то есть Горячие воды, а название Корсена сохранилось только за маленькой деревушкой севернее Виллы), ни воды Сан Джованни, о которых пойдет речь далее, похоже, не были известны древним римлянам. Традиция водолечения на термальных курортах Лукки начинается не ранее Матильды Каносской, построившей в Борго а Моццано, примерно в пяти километрах от Луккских вод, мост делла Маддалена (см. выше, с. 307, прим. 2) для тех, кто хотел добраться до водолечебницы через долину Серкио (прим. Ф. Дель Беккаро).

других, поплоше. В том, что касается их удобств, никакого сравнения с нашей, ни красотой, ни видом оттуда, хотя у них под ногами наша же река, а вид простирается по долине дальше, и тем не менее там гораздо дороже. Многие пьют воду здесь, а потом идут принимать ванну туда. В настоящее время Корсена уже приобрела свою известность.

Во вторник, 9 мая 1581 года, ранним утром, до восхода солнца, я пошел пить прямо из ответвления, проведенного от нашего горячего источника, и выпил семь стаканов подряд, что составило три с половиной фунта — так они здесь меряют. Думаю, что дюжина составила бы наш *картон*[659]. Эта вода довольно умеренно горяча, вроде вод Эг-Кода или Барботана[660], и у нее меньше вкуса и привкуса, чем у любой другой, которую я когда-либо пил. Я смог заметить только ее теплоту и некоторую мягкость. Ради этого дня я не принимал никаких снадобий, и тем не менее, хотя я пил за пять часов до обеда, из меня с тех пор не вышло ни капли. Некоторые говорили, что я выпил слишком мало, поскольку они себе пред-

---

[659] Примечания: 659
Картон (carton, quatre) — мера емкости, равная двум пинтам.

[660] Примечания: 660
Эг-Код, Барботан — см. выше, с. 80, прим. 1.

писывают целую фьяску, а это две банки, что дает восемь фунтов, то есть шестнадцать-семнадцать моих стаканов. Я-то думаю, что вода нашла меня слишком пустым из-за моего снадобья, так что решила послужить мне пищей.

В тот же день меня посетил молодой дворянин из Болоньи, полковник, командующий двенадцатью сотнями пехотинцев, который состоит на жаловании у этой синьории и проживает в четырех милях от водолечебницы[661]; он явился с кое-какими подношениями для меня и пробыл около двух часов; попросил моего хозяина и прочих местных содействовать мне своим влиянием. В этой Синьории имеется правило — брать на службу иноземных офицеров; а поскольку в деревнях у нее имеется кое-какой народ, количество которого зависит от области, то она назначает им полковника, чтобы ими командовать; у кого должность повыше, у кого пониже. Полковникам платят, а капитанам, набранным из местных жителей, платят, только когда те на войне и командуют особыми ротами при надобности. Мой полковник получал шестнадцать экю жалования в месяц, и его обязанностью было

[661] Примечания: 661

В Борго а Моццано. Несколько ниже Монтень снова упомянет этого полковника, которого звали Франческо Гамбарини.

только держаться наготове.

Они здесь живут больше по правилам, установившимся на этих водах, а не как у нас, и весьма воздерживаются от пищи, а особенно от питья. В том, что касается жилья, то я устроился здесь гораздо лучше, чем на каких-либо других водах, будь то хоть в Баньере. Местоположение тут красивее баньерского, однако не лучше, чем на любых других водах; баденские купальни превосходят своим великолепием и удобством все прочие, и намного; жилье в Бадене сравнимо с любыми другими водами, но вид лучше здесь.

В среду рано утром я снова пил эту воду, все еще мучась от последствий приема лекарства, которые ощутил за день до того, хотя, приняв его, я довольно быстро сел на стульчак; однако накануне я вернул все это медицине, так что не выдавил из себя ни капли воды, которую извлек из источника. В среду я выпил семь стаканов по фунту, что было по меньшей мере вдвое больше принятого раньше, и думаю, что никогда еще я не принимал столько за один раз. От этого я почувствовал большое желание потеть, чему нисколько не хотел способствовать, часто слыша, что это вовсе не тот результат, который мне нужен; и, как и в первый день, сдерживал себя

в своей комнате, то прохаживаясь, то отдыхая. Вода выходила больше сзади, и я несколько раз садился на стульчак, но получалось вяло, а потом полилась одна чистая вода, без всякого усилия. Я уверен, что навредил себе, приняв слабительное из кассии, поскольку вода, найдя естественным выходить сзади и даже подстрекаемая к этому, последовала тем же путем, хотя для моих почек более желанным был путь спереди; и я полагаю, что к первым ваннам, которые я собираюсь принять, надо будет подготовить себя, воздержавшись накануне от пищи.

В общем, я полагаю, что эта вода довольно слабая и малодейственная, а следовательно, уверен, и вовсе не наобум, что новичкам и людям слишком прихотливым она не навредит. Здешние воды пьют, чтобы освежить себе печень и убрать красноту с лица, что я отмечаю с любопытством и ради услуги, которую должен оказать одной очень добродетельной даме из Франции. Воду Сан Джованни тут весьма используют для всяких прикрас и притираний, потому что она крайне маслянистa. Я видел, как ее увозили полными бочками в другие края, а ту, что я пил, даже еще больше, на многих ослах и мулах в Реджо, Модену, Ломбардию — для питья. Некоторые

принимают ее здесь, в постели, главное, чему они следуют, это держать живот и ноги в тепле и ничуть не сотрясаться. Живущие по соседству везут ее за три-четыре мили в свои дома. Чтобы показать, что она не очень возбуждает аппетит, у них заведено привозить воду из окрестностей Пистойи — горьковатую и очень горячую у своего истока[662]; местные аптекари ее держат как питье до приема местной воды, один стакан, и утверждают, что она хорошо идет и вызывает аппетит. Во второй день у меня [вместо мочи] вышла бесцветная вода, однако не обошлось и без некоторых цветовых изменений, как раньше, а еще много песка, но этому поспособствовала кассия.

Я узнал здесь о весьма памятном происшествии. Один местный житель по имени Джузеппе, многих близких родственников которого я видел, солдат, который еще жив и командует на одной из генуэзских галер как каторжник, будучи на войне в море, попал в плен к туркам. Чтобы освободиться, он и сам сделался турком (а людей такого положения там много, особенно в горах близ того места), дал себя обрезать и женился там.

---

[662] Примечания: 662

Это вода Теттуччо, источник которой находится в Монтекатини, между Пешей и Пистойей.

Приплыв грабить этот берег, он так отдалился от своего убежища [то есть от корабля], что был захвачен вознегодовавшим народом вместе с несколькими другими турками. Однако ему хватило ума сказать, что он христианин и пришел сдаться сознательно, поэтому через несколько дней был отпущен на свободу и пришел в это место, в дом, напротив которого я сам живу; и вот он входит, видит свою мать. Она сурово спрашивает его, кто он такой и чего ему надо, потому что он все еще был в своей матросской одежде, а она не ожидала увидеть его здесь. Наконец он открывается своей матери, потому что пропал лет десять-двенадцать назад, и обнимает ее. Она, обезумев [от радости], вскрикивает, падает, и до следующего дня почти неясно было, жива ли она, и врачи от этого совсем отчаялись. В конце концов она все-таки пришла в себя, но уже так и не оправилась, и все считали, что это потрясение сократило ей жизнь[663]. Нашего Джузеппе все чествовали, он отрекся в церкви от своего греха, получил причастие от самого епископа Лукки, участвовал во многих других церемониях; но это было всего лишь притворство. В душе он остался

[663] Примечания: 663

Можно сблизить это происшествие с другими примерами смерти от радости, которые Монтень приводит в «Опытах», I, 2.

турком и, чтобы вернуться к своим, удрал отсюда, отправился в Венецию, смешался с другими турками и возобновил свои плавания. И вот он снова попал в наши руки, а поскольку был человеком незаурядной силы и вдобавок солдатом, весьма сведущим в морском деле, то генуэзцы до сих пор держат его у себя и используют крепко скованным и в ошейнике.

У этого народа много солдат, занесенных в списки для службы Синьории. Полковники не имеют другой обязанности, кроме как часто муштровать их, учить владению оружием, стрелять и тому подобное; все они местные жители. У них нет никакого жалования, но они могут носить оружие, кольчуги, аркебузы и что им угодно; и вдобавок они не могут быть посажены в тюрьму за какой-либо долг и на войне получают плату. Среди них есть капитаны, лейтенанты, сержанты. Только полковнику необходимо быть чужестранцем, и он получает жалование. Полковник из Борго, тот, кто приходил повидаться со мной днем раньше, отправил мне из сказанного места (которое в четырех милях от здешней здравницы) человека с шестнадцатью лимонами и шестнадцатью артишоками.

Мягкость и слабость этой воды подтверждается

еще и тем, что она так легко претворяется в пищу, вдобавок окрашивается, быстро варится и совсем не дает тех пощипываний и позывов помочиться, про которые мне известно из собственного и одновременно чужого опыта.

Хотя я приятно и очень удобно поселился на зависть моей римской гостинице, все-таки у меня тут не было ни оконных рам, ни камина, и того меньше, стекол в моей комнате. Это свидетельство того, что тут у них в Италии не бывает столь частых гроз, как у нас, поскольку иметь одни только деревянные рамы почти во всех домах — нестерпимое неудобство; однако, если не считать этого, я спал очень хорошо. Их кровати — это убогие ко́злы, на которые они бросают доски в зависимости от длины и ширины кровати; на них соломенный тюфяк, матрас, и вот вы устроились очень хорошо, если у вас есть постельные занавеси. А чтобы ваши ко́злы и доски не вылезали наружу, вот три средства: [первое] иметь полотнища из такой же ткани, что и занавесь, какие у меня были в Риме; второе — чтобы ваша занавесь была достаточно длинной, из какой-нибудь легкой ткани и, ниспадая до пола, покрывала все, что есть самого лучшего; третье — чтобы покрывало, которое пристегивается к углам постели пугови-

цами, ниспадало, как белая бумазея, а под ним было другое покрывало для тепла. По крайней мере, я научился использовать ради своей свиты вот какую экономию, совершенно обычную у меня дома и которая состоит в том, чтобы не класть на кровать матрас. Мы устроились очень хорошо, да к тому же этот рецепт помогает от клопов.

В тот же день после обеда я принял ванну — против здешних правил, поскольку тут утверждают, что одна операция мешает другой, и предпочитают их разделять: пить сразу после и принимать ванну сразу после (они пьют восемь дней и принимают ванны тридцать), пить из этого источника, принимать ванны из другого. Ванна была очень мягкая и приятная; я пробыл там полчаса и лишь немного пропотел; это было в час ужина. После этого я лег. И поужинал салатом с подсахаренным лимоном, ничего не пил; поскольку в этот день я не выпил и фунта, думаю, это было зачтено до завтра, поскольку с помощью этого средства я отлил почти столько же воды, сколько выпил. Глупая привычка — рассказывать, столько вышло мочи. Я чувствовал себя вовсе не плохо, наоборот, даже веселым, как на других водах; и все же был сильно удручен, видя, что выпитая вода из меня не выходит, а также

из-за злоключения, которое со мной случилось ранее. Но здесь из этого делают смертельный случай, и с первого дня, если вам не удалось отлить по меньшей мере две части [выпитого], вам советуют перестать пить или принять лекарство. Если я правильно сужу об этих водах, от них ни слишком много вреда, ни слишком много пользы: в них всего лишь вялость и дряблость, и опасаться стоит не того, что они разогревают вам почки, а того, что они их не чистят; и я считаю, что мне нужны более горячие и вызывающие аппетит воды.

В четверг утром я снова выпил пять фунтов, весьма опасаясь, что плохо поступил и не выпью их. Это усадило меня на стульчак, но мочился я весьма мало. И тем же утром, после того как я написал г-ну д'Осса, меня посетили столь мучительные размышления о г-не де ла Боэси, и я, не спохватившись, предавался этому так долго, что испытал настоящую боль[664]. Русло этого источника и отводной канал, по которому течет вода из него, совсем красные и ржавые: а это в сочетании с ее безвкусностью заставляет меня

[664] Примечания: 664

Об Арно д'Осса см. выше, с. 289, прим. 1. Этьен де Ла Боэси умер в 1563 году, но Монтень на всю оставшуюся жизнь сохранит память об этой единственной дружбе; см. «Опыты», I, 28 «О дружбе», и II, 8.

думать, что в ней есть железо и что она сужает [телесные] протоки. В четверг я только в пять часов вернул то, что надеялся вернуть до обеда, да и то лишь пятую часть выпитого. Напрасная вещь — эта медицина. Я говорил при случае, что раскаиваюсь из-за того, что так себя прочистил, вследствие чего вода, найдя меня пустым, служила мне пищей и оставалась. Я недавно просматривал печатную книгу некоего врача по имени Донати, который, рассуждая об этих водах, говорит, что рекомендует поменьше обедать и лучше ужинать. А поскольку я продолжаю пить на следующий день, то думаю, что мое предположение говорит в его пользу; его же собрат — Франчотти — придерживается противоположного мнения, как и во многом другом[665]. В тот день я чувствовал какую-то тяжесть в почках и поопасился — не те ли самые воды мне это причинили, не застаиваются ли они там; тем не менее если сосчитать все, что я отлил за сутки, то

[665] Примечания: 665

О недоверии Монтеня к противоречившим друг другу мнениям врачей см. «Опыты», II, 37, и III, 13. — Донати, Джованни Баттиста — автор многих медицинских произведений, в том числе трактата De Aqvis Lucensibus quae vulgo Villenses appellantur («О Луккских водах, обычно именуемых водами Виллы», лат., Лукка, 1580); Франчотти, Джорджо, умерший в 1570 году, тоже оставил написанный им по-латыни «Трактат о водолечебнице Виллы, находящейся в Луккских землях» (Tractatus de balneo Villensi in agro Lucensi posito, Лукка, 1552).

я почти пришел к своей точке, если учесть, что за трапезой я почти не пил.

В пятницу я совсем не пил, а вместо этого пошел утром принимать ванну и мыть голову против расхожего мнения, которое здесь бытует. В этих краях заведено помогать воде, подмешивая к ней какое-нибудь снадобье, например, жженый сахар или медвяную росу, а то и что-нибудь посильнее, они примешивают это к первому стакану своей воды и чаще всего воду *del Testuccio*, которую я пробовал: она солоновата[666]. У меня есть некоторые подозрения, что аптекари, вместо того чтобы посылать за [этой] водой в окрестности Пистойи, откуда, по их словам, она происходит, на самом деле подделывают ее на основе какой-то природной воды: поскольку, кроме солоноватости, я нашел в ней необычный привкус. Тут ее разогревают и пьют, вначале один стакан, потом два, три. Я видел, как пили в моем присутствии, без всякого последствия. Другие добавляют соль в воду первого, второго и более стаканов. Они ценят почти смертный пот, который прошибает выпившего ее, и последующий сон. Я и сам почувствовал сильную испарину после этой воды.

---

[666] Примечания: 666
См. выше, с. 315, прим. 1.

«Продолжение рассказа Монтеня вплоть до его въезда в Пьемонт и возвращения во Францию написано на итальянском языке — на таком, каким он его знал и мог говорить. Он не более чист, чем его французский (хотя мы сохранили повествование буквально таким, каким оно было написано, не меняя даже мелочей). В отношении перевода мы позволили себе чуть больше свободы. Мы не сочли, что должны рабски следовать за текстом, и еще менее — за французским стилем автора»[667].

[667] Примечания: 667

Примечание М. де Керлона на с. 179 второго тома двухтомного издания «Дневника» 1774 года.

Часть 4, написанная Монтенем по-итальянски

– Баньи делла Вилла – Пеша – Пистойя – Флоренция – Скала – Пиза – Баньи делла Вилла – Лукка – Скала – Поджибонси – Сиена – Сан Квирико – Сан Лоренцо – Витербо – (Баньайя) – Монтеросси – Рим – Рончильоне – Витербо – Сан Лоренцо – Сан Квирико – Сиена – Понте а Эльса – Альтопашо – Лукка – Масса ди Каррара – Сарцана – Понтремоли – Форново – Борго Сан Донино – Пьяченца – Мариньяно – Павия – Милан – Буффалора – Новара – Верчелли – Ливорно – Кивассо – Турин – Сант'Амброджо – Суза – Новалеза –

Попытаемся же поговорить немного на этом другом языке, особенно оказавшись в здешнем краю, где, как мне кажется, говорят на самом чистом тосканском наречии, особенно среди тех местных жителей, речь которых не испорчена смесью окрестных говорков.

В субботу рано утром я отправился опробовать воды Бернабо, одного из источников на этой горе;

и удивляет количество горячих и холодных вод, которые тут видишь. Гора не слишком высока, может, мили три в окружности. Тут пьют только воду из нашего главного источника и из этого другого, который приобрел известность совсем недавно, всего несколько лет назад. Один прокаженный по имени Бернабо, испробовав воды́ и ванны всех остальных источников, остановил свой выбор на этом, доверился ему и выздоровел. Именно его исцелению эта вода обязана своей известностью[668]. Вокруг совершенно нет домов, за исключением только маленькой лачуги, покрытой крышей, да каменных седалищ вокруг железного желоба, который, хоть и установлен тут недавно, уже почти весь проржавел снизу. Говорят, это сила воды его разрушила, что весьма правдоподобно. Эта вода немного горячее, чем та, другая, и, по общему мнению, тяжелее и гораздо сильнее; она немного отдает серой, но все-таки слабо. Место, откуда она вытекает, окрашено цветом золы, как и наши, но не так явно, и удалено

[668] Примечания: 668

Тут пьют только воду из нашего главного источника… — Из источника Баньо алла Вилла, см. выше, с. 308, прим. 1. *Один прокаженный по имени Бернабо…* — Этот легендарный эпизод приводят некоторые хронисты; речь идет о Никколо Бернабо (Niccolò Bernabò), враче из Пистойи, который в 1570 году излечился водой из источника, который после этого стал носить его имя.

от моей гостиницы почти на милю, приходится обходить гору у подножия, и расположено оно ниже, чем все остальные горячие источники. Расстояние от него до реки примерно одна-две пики. Я выпил ее пять фунтов с некоторым затруднением, потому что сегодня утром чувствовал себя не слишком хорошо. Накануне после обеда я прогулялся по жаре примерно с три мили, так что после ужина немного сильнее почувствовал действие этой воды. Я начал ее переваривать, примерно полчаса. И чтобы вернуться в гостиницу, сделал большой крюк, примерно в две мили. Не знаю, очень ли пошло мне на пользу это упражнение, поскольку в другие дни я сразу же возвращался в свою комнату, чтобы утренний воздух не успел меня переохладить, ведь дома-то я был всего в тридцати шагах от источника. Первая вода, которую я отлил, была натуральная, но с большим количеством песка: в остальные разы моча стала прозрачной и естественного цвета. Внутри скопилось много ветров[669]. Когда я отлил примерно третий фунт, моча начала окрашиваться крас-

[669] Примечания: 669

Речь, разумеется, идет о газах, однако в ту эпоху слово «газ» в привычном нам понимании еще не было изобретено, его придумал лишь в XVII веке фламандский химик ван Гельмонт: *gas* (нидерл.), *gaz* (фр.), а потому Монтень не мог им воспользоваться. Он называл это явление по-старинке *vents*, то есть, как и на Руси, «ветры».

ным; перед обедом я отлил больше половины [выпитого].

Обходя гору со всех сторон, я обнаружил много горячих источников. К тому же крестьяне говорят, что зимой в разных местах видны клубы пара, а это доказывает, что имеется и много других. Они мне кажутся горячими, хотя и не парят, и по сравнению с нашими в некотором смысле лишены запаха и вкуса. Я видел в Корсене еще одно место, расположенное гораздо ниже остальных источников, где имеется довольно много других маленьких канальцев, более удобных. Говорят, что источников, которые образуют канавки, здесь больше, примерно восемь-десять. У истока каждого из них написано его собственное название, по его особым свойствам, например: «Вкусный», «Сладкий», «Отчаянный», «Венец» [или «Увенчанный»][670] и т. п. На самом деле вода в некоторых каналах горячее, чем в других.

Почти на всех окрестных горах вместо произраставших здесь полсотни лет назад лесов и каштановых рощ теперь насажены хлебные поля и виноградники. Еще виднеется небольшое

[670] Примечания: 670

Керлон доверился своему сотруднику, переводчику Бартоли, который прочитал в рукописи *la Coronata*, хотя в действительности этот источник называется *la Coronale*, т. е. «в виде венка».

количество голых гор с покрытыми снегом вершинами, но они довольно далеко отсюда. Народ ест *лесной хлеб* — этим присловьем здесь называют хлеб из каштановой муки, ведь каштаны — их основной урожай, а этот хлеб делается так же, как пряники во Франции. Я никогда не видел столько змей и жаб. Дети довольно часто даже не осмеливаются пойти собирать землянику, которой очень много в горах и в зарослях кустарника, из страха перед змеями.

Многие пьющие воду с каждым стаканом принимают три-четыре зернышка кориандра, чтобы унять ветры. В Пасхальное воскресенье, 14 мая, я выпил пять с лишком фунтов воды Бернабо, потому что в мой стакан входило больше одного фунта. Они тут называют Пасхой четыре главных праздника в году[671]. В первый раз у меня вышло много песка; а раньше, за два часа [до этого], я отлил больше двух третей воды, учитывая, что я ее выпил уже с желанием помочиться и с расположенностью, с которой обычно прихожу к другим источникам. Жидкость ничто не сдерживало, и все прошло очень хорошо. В итальянском фунте

[671] Примечания: 671

Собственно Пасха: *Pasqua d'uova,* или *Maggiore* («Яичная», или «Главная»); Вознесение; Троицын день — *Pasqua di rose* («Пасха Роз»); Рождество — *Pasqua di ceppo* («Грибная Пасха»).

всего двенадцать унций[672].

Проживание тут обходится довольно дешево. Фунт телятины, очень хорошей и нежной, стоит в три раза дешевле, чем во Франции. Много форелей, но мелкой породы. Попадаются хорошие ремесленники, делающие зонты от солнца, и их изделия здесь носят повсюду. Вся эта местность гориста, и ровных дорог мало; тем не менее встречаются довольно приятные, и большинство, вплоть до маленьких улочек в горах, вымощено. Я тут устраивал после обеда танцы на крестьянский лад и даже сам танцевал, чтобы не показалось, будто я слишком важничаю.

В некоторых местах Италии, как в Тоскане и в герцогстве Урбинском, женщины делают реверанс по-французски, сгибая колени. Рядом с ближайшим к селению ответвлением от источника имеется мраморная плита, которую положили там ровно сто десять лет назад в первый день мая, и на ней указано и высечено, кто владеет этим источником. Я не привожу эту надпись, потому что она упомянута во многих печатных книгах, где

[672] Примечания: 672
Во французском фунте шестнадцать унций.

говорится о водолечебницах Лукки[673]. Во всех купальнях имеются маленькие часы для общего пользования[674]; на моем столе всегда стояла пара таких, которые мне выдавали. Вечером я съел всего лишь три ломтика поджаренного хлеба со сливочным маслом и сахаром, но ничего не пил.

В понедельник, поскольку я рассудил, что эта вода достаточно открыла проход, я снова вернулся к обычному источнику и выпил пять фунтов; но эта у меня совсем не вызвала пота, как делала обычно. Первый раз, когда я [после этого] помочился, у меня вышел песок, который на самом деле выглядел крошками камня. По сравнению с водой Бернабо эта вода показалась мне почти холодной, хотя была умеренно горячей и весьма не похожа на воды Пломбьера и Баньера. Она производит хорошее действие с обеих сторон; таким образом, я был рад, не поверив этим лекарям, которые предписывают оставить питье, если оно не задалось с первого же дня.

---

[673] Примечания: 673

См. выше, с. 320, прим. 1. Эта плита с надписью была поставлена в 1471 году на входе в Баньо алла Вилла (Bagno alla Villa), см. выше, с. 308, прим. 1.

[674] Примечания: 674

Без сомнения, песочные, чтобы контролировать длительность водных процедур. Ниже Монтень будет жаловаться на отсутствие часов в публичных местах.

Во вторник, 16 мая, поскольку таков здешний обычай, вполне согласный с моим собственным вкусом, я прервал питье и более одного часа оставался в купели, прямо под самим источником, потому что в других местах вода казалась мне слишком остывшей. Наконец, поскольку я по-прежнему чувствовал ветры в нижней части живота и во внутренностях, хотя без боли и не в желудке, я все же поопасился, не вода ли была этому причиной, и перестал ее пить. Однако мне было так приятно в этой ванне, что я бы охотно там заснул. Это не заставило меня пропотеть, но я почувствовал, что моему телу полегчало; я хорошенько вытерся и какое-то время полежал в постели.

Каждый месяц тут делают смотр солдатам во всех здешних викариатах[675]. Мой полковник, от которого я получал бесконечные знаки учтивого внимания, тоже устроил свой. Под его началом имелось две сотни пикинеров и аркебузиров; он их заставил совершать различные маневры друг против друга, и для крестьян они довольно хорошо разумеют все эти перестроения, но его постоянной обязанностью как раз и является

[675] Примечания: 675

Округ, на который распространялись полномочия викария; викарий — здесь — наместник.

приучить их к военной дисциплине и держать в надлежащей готовности. Народ здесь разделен на две партии: одна французская, а другая испанская. Это разделение часто порождает серьезные стычки, которые случаются прилюдно. Мужчины и женщины нашей партии носят букетик цветов за правым ухом, вместе с шапочкой и прядью волос или чем-нибудь в этом роде; а в испанской партии это носят на противоположной стороне.

Здесь крестьяне и их жены одеты как дворяне. Совсем не увидишь крестьянку, на которой не было бы ни белых туфелек, ни красивых нитяных чулок, ни передника из цветной легкой тафты. Они танцуют и весьма хорошо делают прыжки и вращения.

Когда в этой Синьории говорят о верховной власти, то понимают под этим «совет ста двадцати». Полковник не может жениться без его разрешения, которое получает лишь с большим трудом, потому что тут не хотят, чтобы он заводил друзей и родственников в этом краю. Он не может также приобрести тут какое-либо владение. Ни один солдат не может покинуть страну без разрешения. Довольно часто случается, что бедность вынуждает их попрошайничать в этих горах, а из накопленного таким образом они

покупают себе оружие.

В среду я был в купальне и оставался там больше часа; немного пропотел и помыл себе голову. Здесь весьма заметно, насколько использование немецких печек удобно зимой, чтобы согревать одежду и все что угодно, потому что хозяин наших купален, положив несколько кусков угля на железную лопату, способную выдержать жар, и приподняв ее с помощью кирпича, чтобы воздух, который уголь получал благодаря этому, мог бы питать огонь, очень хорошо и быстро прогревает [снятую] одежду, и гораздо ловчее, чем мы сами смогли бы сделать на нашем собственном огне; эта лопата устроена наподобие наших тазов.

Тут называют всех девиц на выданье «крошками», а безбородых юнцов «малышами»[676].

В сказанный четверг я был немного озабочен; принял ванну на свой лад и немного пропотел, а еще подставил голову под ответвление. Я почувствовал, что ванна меня слегка расслабила, хотя и оставалась некоторая тяжесть в почках; у меня вышел песок и достаточно мокроты, как и когда я пил воду. Впрочем, я нашел, что эти воды вообще произвели на меня такое же действие,

---

[676] Примечания: 676
В итальянском тексте *bambe* и *putti*.

как и когда я их пил.

В пятницу я продолжил. Видно, как каждый день грузят изрядное количество воды из этого источника и из Корсены, предназначенной для различных областей Италии. Похоже, что эти ванны осветлили мне цвет кожи. У меня по-прежнему случаются те же ветры в нижней части живота, но без боли; наверняка это из-за них у меня в моче много пены и маленькие пузырьки, которые лопаются лишь через какое-то время. Иногда там оказывались также черные волоски, но в малом количестве, и я вспоминаю, что когда-то их было больше. Обычно моя моча была мутной и разбавлена каким-то жирным веществом или словно маслянистая.

Местные не так плотоядны, как мы; тут продают только обыкновенное мясо, и они едва знают его цену. Прекрасный молодой заяц этого сезона был продан мне по первому слову за шесть французских солей. Они совсем не охотятся и не приносят дичь, потому что никто ее не купит.

В субботу, поскольку была очень плохая погода и такой сильный ветер, что особенно чувствовалось отсутствие ставней и стекол, я воздержался от приема ванн и от питья воды. Я видел, какое сильное действие производят эти воды, поскольк-

ку у моего брата, который не помнит, чтобы у него когда-либо естественным путем выходил песок на каких-либо других водах или когда он пил вместе со мной, он все же вышел в большом количестве[677].

В воскресенье утром я помыл себе тело, но не голову. А после обеда устроил бал с публичными наградами, как повелось на этих водах, и мне было весьма приятно сделать эту любезность в начале года. За пять-шесть дней я велел оповестить о празднике все соседние местечки, а накануне велел сделать особые приглашения как на бал, так и на ужин, который должен за ним последовать, и отправил в Лукку приобрести награды. Обычай таков, что наград дают несколько, чтобы не показалось, будто какой-либо одной женщине благоприятствуют в ущерб другим, и дабы избежать всякой ревности, всякого подозрения; всегда имеется восемь-десять призов для женщин и два-три для мужчин. Многие особы настойчиво ходатайствовали передо мной, упрашивая, чтобы я ни в коем случае не забыл: одна — ее саму, другая — ее племянницу, третья — ее дочь. За несколько дней до события г-н Джан

[677] Примечания: 677

Вероятно, водолечение вообще было не слишком показано 21-летнему Бертрану-Шарлю де Матекулону.

да Винченцо Саминьяти[678], мой личный друг, отправил мне из Лукки, поскольку я письмом попросил у него, кожаный пояс и черную суконную шапочку для мужчин; а для женщин — два передника из тафты, один зеленый, другой фиолетовый (потому что всегда хорошо знать, что имеется более значительный приз, чтобы можно было проявить благосклонность к одной-двум женщинам по собственному выбору), два других передника из кисеи, четыре коробочки булавок, четыре пары открытых туфелек-лодочек, из которых я дал пару одной прехорошенькой девушке помимо бала; одну пару туфелек без задника, к которой я присоединил пару лодочек, что составляло один приз; три головные накидки из газа, три плетеных позумента, которые были тремя призами, и четыре небольшие нитки жемчужных бус, что составило восемнадцать призов для женщин. Все вместе обошлось мне чуть более шести *скудо*[679]. Кроме того, я нанял пятерых

---

[678] Примечания: 678

Джованни Саминьяти, одиннадцать раз становившийся анциано (anziano) Луккской республики между 1573 и 1598 годами, написал хроники Лукки и сельскохозяйственный трактат, рукопись которого хранится в городском архиве.

[679] Примечания: 679

Перейдя на итальянский, Монтень стал вместо «экю» употреблять «скудо», хотя они и различались по стоимости, экю был заметно весомее.

флейтистов, которых кормил в течение дня, и дал им одно скудо на всех: мне повезло заполучить их так дешево. Эти призы привязывают к обручу, весьма украшенному со всех сторон, и выставляют на всеобщее обозрение.

Мы начали бал на площади вместе с проживающими по соседству женщинами, и я сначала опасался, как бы мы не остались одни; но вскоре со всех сторон собралось большое общество, и в частности, многие дворяне и дамы из Синьории, которых я встретил и приветил как можно лучше, так что, как мне показалось, они остались достаточно довольны мною. Поскольку было чуть жарковато, мы направились в зал дворца Буонвизи, который весьма подходил для бала.

Было около двадцати двух часов[680], уже начинало смеркаться, так что я обратился к наиболее благовоспитанным дамам, сказав им, что, не имея ни таланта, ни отваги, дабы оценивать красоту, грацию и прелесть, кои видны в присутствующих здесь девушках, я прошу этих дам, чтобы они занялись этим самолично и распределили награды согласно их достоинствам. Церемония несколько затянулась, потому что они отнекивались от этой

---

[680] Примечания: 680

То есть около восемнадцати часов по нашему нынешнему счету.

щекотливой обязанности, полагаясь на чистую порядочность с моей стороны. Наконец я предложил им вот какое решение: если они пожелают принять меня в их совет, я выскажу свое мнение. И в самом деле, я стал выбирать глазами, то одну, то другую, неизменно отмечая красоту и миловидность; после чего обращал их внимание на то, что быть украшением бала не зависит всецело от ловкости ног, но еще и от умения держать себя, от общего вида, от манер и грации всей ее особы. Таким образом, дары были распределены, одним досталось больше, другим меньше, но вполне сообразно. Раздававшая призы дама вручала их танцовщицам от моего имени. А я, наоборот, все обязанности сбросил на нее. Таким образом, все прошло в большом порядке и по правилам, разве что одна из этих барышень отказалась от награды, которую ей присудили, и меня попросила из любви к ней вручить ее какой-то другой, но я счел, что поступить так будет совсем некстати, потому что ее заместительница оказалась отнюдь не из самых приятных. Для вручения этих призов вызывали тех, кто отличился; каждая по очереди вставала со своего места и подходила туда, где мы с дамой сидели друг подле друга. Я выбирал приз, который казался мне подходящим, и, поцеловав

его, передавал сказанной даме, которая брала его из моих рук, преподносила его девицам и ласково говорила: «Вот этот господин делает вам прекрасный подарок, поблагодарите его». — «Вовсе нет, вы обязаны исключительно милости этой дамы, которая сочла вас достойной среди многих других этого маленького вознаграждения. Я же всего лишь досадую, что он не достоин более такого-то или сякого-то из ваших достоинств», — в общем, я говорил в зависимости от того, какими они были. То же самое сразу же проделали для мужчин. Я не включаю сюда дворян и дам, хотя они тоже приняли участие в танцах. Для нас, французов, это и вправду приятное и необычное зрелище — видеть столь миловидных крестьяночек, наряженных как дамы и танцующих так же хорошо, а то и гораздо лучше.

Я пригласил всех отужинать, потому что в Италии пиршества являются ничем иным, как нашей очень легкой трапезой во Франции. Я обошелся всего лишь несколькими блюдами из телятины да несколькими парами цыплят. К ужину пришел полковник этого викариата г-н Франческо Гамбарини, болонский дворянин, с которым мы подружились, и привел с собой некоего французского дворянина и больше никого. Но я усадил

за стол Дивицию, бедную крестьянку, которая проживает в двух милях от водолечебницы. Эта женщина, как и ее муж, живет трудами своих рук. Она некрасива, ей тридцать пять лет, у нее зоб на шее, и она не умеет ни читать, ни писать. Но когда она была очень юна, в доме ее отца проживал один из ее дядюшек, постоянно читавший в ее присутствии Ариосто и некоторых других поэтов, а ее ум оказался настолько восприимчив к поэзии, что она не только с необычайной легкостью сочиняет стихи, но еще вводит в них старинные сказки, имена богов, названия стран, сведения из разных наук и имена прославленных людей, словно училась по всем правилам. Она сочинила для меня много стихов. По правде сказать, это только стихи и рифмы, но изящного и непринужденного стиля[681]. На этом балу присутствовало более ста посторонних, хотя время было совсем не подходящее, потому что в эту пору собирают главный урожай всего года. И местные жители работают, не обращая внимания на праздники, собирая утром и вечером листья тутового дерева для своих шелковичных червей, и все девушки заняты этой работой.

---

[681] Примечания: 681

Монтень высоко ценил народную поэзию, см. «Опыты», I, 31 и 54.

В понедельник утром я пошел в купальню немного позже обычного, потому что велел постричь себя и побрить; потом помыл голову и четверть часа поливал ее душем под большим источником.

На моем балу среди прочих был и местный викарий, выполняющий обязанности судьи[682]. Так называют магистрата, которого назначают на один семестр, чтобы судить гражданские дела в первой инстанции, и он, конечно, знает всех, кто не выходит за пределы маленькой установленной суммы. Для уголовных дел имеется другое должностное лицо. Я сообщил ему то, что, по моему мнению, Синьории следовало бы ввести здесь по поводу некоего правила; это было бы очень легко сделать, и я даже внушал ему средства, которые казались мне наиболее пригодными для этого. Просто всем купцам, которых много приезжает за этой водой, чтобы развозить ее по всей Италии, надлежит обзавестись свидетельством о количестве воды, которым они нагружены; что помешает им совершать подлог, как я прознал об этом, и вот каким образом. Один из перевозчиков явился к моему хозяину, который всего лишь

[682] Примечания: 682
Викарием тогда был Франческо ди Паолино Массеи.

частное лицо, и попросил его, чтобы тот дал ему письменное свидетельство, что он, дескать, везет двадцать четыре бочки этой воды, в то время как их у него было всего четыре. Хозяин поначалу отказался засвидетельствовать такой обман, но перевозчик утверждал, что дня через четыре или шесть вернется за оставшимися двадцатью бочками, чего, разумеется, не сделал, как я и сказал викарию[683]. Этот чиновник очень хорошо принял мое мнение, но стал изо всех сил допытываться, стараться узнать имя перевозчика: какое, мол, у него лицо да какие волосы, а я ни за что не хотел сообщать ему ни то ни другое. Я сказал ему, что хотел бы для начала установить в этом месте обычай, соблюдаемый на самых известных водах Европы, где особы определенного положения оставляют свои гербы, дабы засвидетельствовать свою признательность по отношению к этим водам; он меня очень благодарил от имени Синьории. В ту пору в некоторых местах уже начинали косить сено. Во вторник я оставался в купальне два часа и чуть меньше четверти часа поливал себе голову из душа.

В тот же самый день приехал на воды некий ку-

[683] Примечания: 683

Эпизод прекрасно характеризует добросовестность Монтеня-магистрата, который и в Бордо пытался помешать махинациям с винами.

пец из Кремоны, обосновавшийся в Риме; у него было много необычайных немощей, но тем не менее он все еще ходил и говорил, и был даже, как это видели, доволен жизнью и весел. Главный недуг поразил его голову: она у него была столь слаба, что он, по собственным словам, до такой степени терял память, что, поев, совершенно не мог вспомнить, что ему подавали за столом. Если он выходил из дома по какому-нибудь делу, ему приходилось возвращаться раз десять, чтобы спросить, куда он должен идти. Он едва мог закончить Отче наш. С конца этой молитвы он по сто раз возвращался к началу, никогда не замечая ни в конце, ни в начале, что он ее уже кончил. Он был глух, слеп и очень болен[684]. Порой он чувствовал такой большой жар в почках, что был вынужден постоянно носить свинцовый пояс. Долгие годы он жил под строгим надзором лекарей, чьи предписания благоговейно соблюдал. Было довольно любопытно видеть различные предписания врачей из разных областей Италии, противоречившие друг другу во всем, что касалось ванн и душей. Из двадцати предписаний не было и двух согласных между собой. Они почти все обвиняли

[684] Примечания: 684
Купца звали Лудовико Феррари.

друг друга в смертоубийстве. Этот бедняга вдобавок стал жертвой странного несчастного случая, причиненного ему ветрами[685], которыми он был переполнен: они выходили у него из ушей с такой силой, что часто мешали ему спать; а зевая, он чувствовал вдруг, как ветры бурно вырываются наружу и этим путем. Он говорил, что его наилучшим средством, чтобы освободить себе желудок, было положить себе в рот четыре грана крупноватого маринованного кориандра, потом, немного размочив и пропитав его своей слюной, сделать из него затычку для заднего прохода, и действие этого снадобья также было быстрым и ощутимым. Этот же человек был первым, на ком я видел эти большие шляпы, сделанные из павлиньих перьев и покрытые легкой тафтой у отверстия для головы. Она высотой с ладонь[686] и весьма просторная; внутренний головной убор из армуазина[687] и пропорционален размеру головы, чтобы солнце не могло туда проникнуть; поля шириной почти в фут с половиной, чтобы

---

[685] Примечания: 685
То есть газами.

[686] Примечания: 686
Добавление Керлона: примерно шесть-семь дюймов.

[687] Примечания: 687
Разновидность шелковой ткани, часто использовалась для подкладок.

заменять наши зонты от солнца, которыми на самом деле неудобно пользоваться, сидя верхом на лошади.

Поскольку в свое время я раскаялся, что не писал подробнее о других водах, что могло бы послужить мне правилом и примером для всех, с кем я могу увидеться впоследствии, то на сей раз я хочу распространиться об этой материи пошире и зайти дальше.

В среду я отправился в купальню: [там] я почувствовал жар в теле, меня прошиб необычайно сильный пот, и вместе с тем я ощутил небольшую слабость. Во рту чувствовалась сухость и терпкий привкус; а по выходе из купальни меня охватило какое-то непонятное отупение, как это случалось со мной везде из-за горячей воды, в Пломбьере, в Баньере, в Прешаке[688] и т. д., но не в Барботане, да и здесь такого не было, за исключением этой среды: либо я ходил туда в лучшее время, нежели в другие дни, еще не очистив свое тело, либо же вода оказалась горячее, чем обычно. Я оставался там полтора часа и в течение четверти часа поливал голову душем.

Хорошо было пойти против обычного правила

---

[688] Примечания: 688
См. выше, с. 169, прим. 2.

и принять душ там же, где и ванны (поскольку тут заведено принимать то и другое порознь), да к тому же в одной купальне, хотя обычно это делают в разных и пользуются тем или иным источником, одни первым, другие вторым, третьи третьим, следуя предписаниям врачей; а также пить, принимать ванны, опять пить, не различая дней для питья и для ванн, как делают другие, которые сначала пьют, а после этого несколько дней подряд принимают ванны; не соблюдая никаких сроков, тогда как другие пьют самое большее десять дней и принимают ванны, не прерываясь, по меньшей мере в течение двадцати пяти; наконец, принимать ванну один единственный раз за день, вместо того чтобы принимать ее два раза, и очень недолго оставаться под душем, вместо по меньшей мере одного часа утром и столько же вечером. Что касается обычая, которому здесь следуют все, брить макушку головы и прикрывать эту тонзуру лоскутком ткани или шерстяного сукна с пришитыми тесемками, то моя лысина в этом не нуждается.

Тем же утром меня посетил с визитом викарий вместе с главными дворянами Синьории, которые остановились в гостинице возле других источников. И викарий рассказал мне среди

прочего о необычайном происшествии, которое случилось с ним несколько лет назад, из-за того что он укололся шипом артишока, повредив себе мясистую подушечку на большом пальце. Этот укол привел его в такое состояние, что он уже стал задумывался о смерти от этой немочи и дошел до такой крайности, что пять месяцев провел в постели, не в силах пошевелиться и все время лежа на спине; а в этом положении он так сильно разогревался, что заработал себе еще и мочекаменную болезнь, от которой очень страдал больше года, так же как от колик. Наконец его отец, который был наместником в Веллетри, послал ему некий зеленый камень, который получил от одного монаха, побывавшего в Индии; и пока он держал при себе этот камень, не чувствовал ни боли, ни колик. И в таком состоянии он провел два года. Что касается последствий злосчастного укола, то палец и почти вся кисть у него остались словно парализованными; а рука от плеча до кисти так ослабела, что все эти годы он приходит в купальни Корсены, чтобы поливать эту руку из душа, а заодно и кисть, как он и делал в настоящий момент.

Народ здесь довольно беден; об эту пору они едят зеленые тутовые ягоды, которые срывают с

деревьев, очищая их от листьев, которые идут на корм шелковичным червям.

Поскольку наша сделка об оплате за дом оставалась неопределенной для июня, я захотел прояснить это с хозяином. Этот человек, видя, как меня настойчиво обхаживают все его соседи, а особливо управляющий дворцом Буонвизи, который сулил мне его за один золотой скудо в день, решил оставить дом за мной, на сколько я захочу, из расчета двадцать пять золотых скудо в месяц, начиная с первого июня; а по истечении этого срока продлим первый договор[689].

Среди обывателей тут царит зависть, ревность, и они втайне смертельно ненавидят друг друга, хотя они почти все тут родственники; недаром одна женщина сказала мне однажды местную пословицу:

Чтоб жена плодовитою стала,
В купальню ее пошли,
Но подглядывать не пристало[690].

---

[689] Примечания: 689

В июне на этом курорте начинался высокий сезон и продолжался до сентября включительно; см. выше.

[690] Примечания: 690

Chi vuol, che la sua donna impregni // Mandila al bagno, e non ci vegni (итал.).

Что мне среди прочего очень нравилось в доме, где я жил, это возможность добраться из купальни до постели, пройдя всего тридцать шагов по ровной дороге. Мне было больно смотреть на тутовые деревья с оборванной листвой, это напоминало зиму среди лета. Песок, который выходил у меня [с мочой], казался мне более шероховатым, чем обычно, и каждодневно причинял мне какое-то покалывание в члене.

Здесь каждый день носят различные вина на пробу в маленьких бутылочках, чтобы чужестранцы, которые здесь находятся, посылали за ними; но хороших среди них очень мало. Белые вина легкие, но кисловатые и резкие или, скорее, грубоватые, терпкие и жесткие, если не заказать себе из предосторожности в Лукке или Пеше *тревизано* [оно же *треббьяно*] — это достаточно созревшее белое вино, хотя и не слишком изысканное.

В четверг, в праздник Тела Господня, я принял ванну — умеренно, чуть больше часа; потел очень мало и вышел оттуда без каких-либо ухудшений. Половину четверти часа поливал себе душем голову, а когда добрался до постели, глубоко заснул. Я получал больше удовольствия, принимая ванну и душ, чем от чего-либо другого. Я чувствовал

в руках и других частях тела некоторый зуд, но заметил, что среди местных жителей имеется много чесоточных и что дети тут подвержены появлению молочных струпьев [которые называются *achores*]. Здесь, как и в других местах, местные пренебрегают тем, чего мы домогаемся со столькими трудностями; я видел многих, кто никогда не пробовал эти воды и кто совершенно их не ценит. Впрочем, тут мало стариков.

Вместе с мокротами, что постоянно выходили у меня с мочой, виднелся и окутанный ими песок, это была словно взвесь. Когда я поливал душем низ живота, это, думаю, производило то же действие, что и ванны, заставлявшие меня выпускать ветры. И я совершенно точно вдруг ощутил, что заметно уменьшилась припухлость на моем правом яичке, что у меня случается довольно часто: отсюда я заключил, что эту припухлость мне причиняют ветры, которые там заключены. В пятницу я принимал ванну как обычно, но немного дольше поливал себе душем голову. Необычайное количество постоянно выходившего песка навело меня на подозрение, что он выходит из почек, где был заключен, потому что, надавливая на них и разминая этот песок, я сбивал его в большой комок, а это доказывает,

что он происходит скорее оттуда, чем из воды, которая немедленно выгнала бы его оттуда. В субботу я пробыл в ванне два часа, а душ принимал больше четверти часа.

В воскресенье я сделал передышку. В тот же день один дворянин устраивал бал.

Отсутствие часов, которых тут не хватает (как и в большей части Италии), кажется мне большим неудобством.

В доме с купальней имеется [изображение] Святой Девы с этой стихотворной надписью:

Auspico
fac, Diva, tuo, quicumque lavacrum
Ingreditur, sospes ac bonus hinc abeat[691]

Невозможно перехвалить красоту и пользу метода, который они используют, чтобы возделывать горы вплоть до самой вершины, устраивая там большие кольцевые террасы в виде лестниц, которые опоясывают их вокруг, и укрепляя верх этих ступеней то камнями, то какой-нибудь другой облицовкой, когда земля недостаточно крепка сама по себе. Насыпная площадка этой террасы в зависимости от того, широка она или

[691] Примечания: 691

Сделай же, Дева, властью своею, чтобы всяк, кто в купальню // Сию ни зайдет, вышел здравым отсюда и телом, и духом (лат.).

узка, засеяна зерном, а ее край в сторону долины, то есть ее периметр или охват, окружен виноградниками; и, наконец, повсюду, где нельзя ни найти, ни сделать ровное место, возле вершины, например, везде посажены лозы.

На балу у болонского дворянина одна женщина принялась танцевать, поставив на голову вазу, полную воды, и, держа ее все время крепко и прямо, сделала много очень смелых движений.

Врачи удивлялись, видя, что большинство французов пьют воду утром, а потом в тот же день принимают ванны.

В понедельник утром я оставался в купальне два часа, но не принимал душ, потому что мне взбрело в голову выпить три фунта воды, которые меня немного растревожили. Каждое утро я промывал там глаза, держа их открытыми под водой, отчего мне было ни хорошо, ни плохо. Думаю, что избавился от своих трех фунтов воды в купальне, потому что много мочился; а потел даже немного больше обычного и избавился от кое-чего другого. Как и в предыдущие дни, я чувствовал свое чрево более замкнутым, чем обычно, я принял, следуя приведенному выше рецепту, три грана маринованного кориандра, который помог мне выпустить много ветров, ко-

торыми я был переполнен, и еще кое-что. Но хотя я великолепно прочистил себе внутренности, там постоянно чувствовались покалывания, которые я приписывал скорее скоплению ветров, нежели чему-либо другому. Во вторник я оставался в купальне два часа, полчаса провел под душем и совсем не пил. В среду я провел в купальне полтора часа и примерно полчаса принимал душ.

По правде сказать, до настоящего времени, из-за того что я недостаточно знал этих людей и слишком мало общался с ними, я не заметил в них тех чудес ума и рассудительности, которые слава им приписывает. Я не видел в них никаких необычайных способностей и, наоборот, видел, как они восторгались и придавали слишком большое значение нашим маленьким преимуществам[692]. Тем не менее в тот же день несколько врачей, собравшись на консилиум, высказали важное мнение насчет одного молодого сеньора, г-на Паоло Чези (племянника кардинала с той же фамилией), который был на этих водах, и вот они пришли ко мне с просьбой, чтобы я выслушал их рассуждение и приговор, потому что он [сказанный сеньор] решил полностью довериться

[692] Примечания: 692

По поводу суждения Монтеня об итальянцах см. «Опыты», I, 51, и III, 5, 8.

моему решению. Я тогда посмеивался про себя, но подобные вещи не раз случались со мной и здесь, и в Риме[693].

Я еще испытывал некоторое помрачение в глазах, когда старался читать или пристально смотрел на какой-нибудь ярко освещенный предмет. Больше всего меня тревожило, что это недомогание продолжается с того дня, когда впервые приключилось со мной возле Флоренции. Я чувствовал тяжесть в голове, будто что-то давило на лоб, без боли, но мои глаза будто заволакивало какими-то облаками, из-за чего я не мог смотреть вдаль, а видел лишь то, что вблизи; в общем, порой мое зрение мутилось, сам не знаю почему. С тех пор мигрени возвращались раза два-три, и в эти последние дни перерывы между ними становились больше, оставляя мне достаточно свободы действий; однако они вновь стали каждодневно случаться с тех пор, как я начал подставлять голову под душ; глаза опять стало заволакивать туманом, как было раньше, правда

[693] Примечания: 693

Паоло Эмилио Чези, племянник кардинала Пьера Донато Чези (1520–1586), легата в Болонье. Этот эпизод показывает репутацию Монтеня как человека, разбирающегося в водах, которая установилась за ним в Баньи делла Вилла; и даже сегодняшние врачи признают за ним определенную компетентность в этой области (см. подробнее в кн. д-ра Ф. Батисса «Монтень и медицина» — Dr F. Batisse, Montaigne et la médecine).

без боли и воспаления. То же самое случилось с моей головной болью, которую я не чувствовал целых десять лет до того дня, когда мигрень вернулась. Однако, опасаясь, как бы душ совсем не ослабил мне голову, я решил не принимать его. В четверг я принимал ванну всего час.

В пятницу, субботу и воскресенье я пропустил лечение, во-первых, из-за тех же опасений, а еще потому, что я чувствовал себя менее бодрым и у меня по-прежнему выходило изрядное количество песка. Впрочем, с головой было то же самое, я так и не привел ее в порядок, а в некоторые часы чувствовал даже ухудшение, которое еще больше усугублялось работой воображения.

В понедельник утром я выпил шесть с половиной фунтов воды тринадцатью стаканами из обычного источника и перед обедом отлил примерно три фунта никак не окрашенной чистой воды, а остальное — мало-помалу. Хотя моя голова болела не постоянно и не очень сильно, цвет лица у меня сделался довольно плохим. И все же я не испытывал ни неудобства, ни слабости, как порой случалось раньше; только смотреть было тяжело и зрение мутилось. В этот день на равнине начали жать рожь.

Во вторник на рассвете я пошел к источнику

Бернабо и выпил шесть фунтов воды шестью стаканами. Прошел несильный дождь, я немного вспотел. Это питье взбодрило мне тело и хорошенько промыло мои внутренности, вот почему я не мог судить о том, сколько я жидкости отлил. Я мало мочился, но за два часа моча вновь обрела свой природный цвет.

Здесь можно найти пансион примерно за шесть золотых скудо в месяц; получаешь обособленную комнату со всеми удобствами, какие только пожелаешь, и вдобавок слугу, а если нет слуги, вас во многом обслуживает сам хозяин и приемлемо кормит.

До естественного окончания дня я излил всю выпитую воду. За обедом я пил только один раз, всего полфунта воды, и мало ужинал.

В среду, которая выдалась дождливой, я выпил семь фунтов обычной воды за семь раз; отлил ее вместе с тем, что выпил сверх того.

В четверг я принял девять фунтов, то есть семь за первый раз, а потом, уже начав ее отливать, послал за другими фунтами. Я ее всю отлил и за трапезой выпил очень мало. В пятницу и субботу сделал то же самое. В воскресенье устроил передышку.

В понедельник я выпил семь фунтов воды се-

мью стаканами. Опять вышел песок, но меньше, чем когда я принимал ванну, — я видел, что такое случается со многими другими, одновременно. В тот же день я почувствовал в нижней части живота боль вроде той, которую я испытываю, когда у меня выходят камни, и у меня действительно вышел один, маленький.

Во вторник у меня вышел другой, и я почти могу ручаться, что эта вода обладает силой дробить их, потому что чувствовал большой размер некоторых, когда они спускались по каналу, а выходили мелкими кусочками. В этот вторник я выпил восемь фунтов воды за восемь раз.

Если бы Кальвин знал, что братья-проповедники называют себя *министрами*, он дал бы своим пасторам другое наименование[694].

В среду я выпил восемь фунтов восемью стаканами. И излил их из себя примерно за три часа наполовину в том же виде, в каком выпил, и своей природной окраски; затем, после ужина и в течение ночи, остальное — примерно полфунта рыжей и окрашенной.

Однако поскольку этот сезон привлек на воды много народу, я, следуя примеру, который имел

---

[694] Примечания: 694

Братья-проповедники — доминиканцы. Насчет министров см. выше, с. 72, прим. 4.

перед собой, а также учитывая мнение самих врачей, особенно г-на Донати, который написал об этих водах[695], не совершил большой ошибки, поливая в этой купальне душем голову; поскольку у них здесь еще в ходу поливать душем живот посредством длинной трубки, один конец которой подсоединяют к отводу воды, а другой к телу, погруженному в ванну, как обычно раньше поливали душем голову, той же самой водой; и в тот день, когда это делали, принимали также ванну.

Стало быть, я, соединив душ и ванну или взяв воду непосредственно из источника, а не из трубки, не мог совершить такую уж большую ошибку. Может, я ошибся только в том, что не продолжил? И, судя по моим ощущениям до настоящего времени, возможно, я просто привел в движение эти жидкости, от которых со временем избавился бы. Тот же [г-н Донати] считал благотворным, чтобы пили воду и принимали ванну в один и тот же день; вот почему я раскаиваюсь, что, имея к этому желание, не имел такой же смелости и не пил утром в купальне, соблюдая некоторый промежуток между тем и другим. Этот врач также восхваляет воды Бернабо, но при всех этих пре-

[695] Примечания: 695
См. выше, с. 320, прим. 1.

красных медицинских рассуждениях не видно было действия этих вод на многих других людей, которые не были подвержены тому, чтобы у них выходил песок, как я все еще продолжаю видеть в своей моче, — это я говорю, потому что не могу решиться поверить, что этот песок был произведен сказанными водами.

В четверг утром, чтобы быть в купальне первым, я отправился туда еще до света и пробыл там один час, но не мочил голову. Думаю, именно это обстоятельство, да еще то, что после этого я спал в своей постели, сделало меня больным; у меня появилась сухость во рту, усугубленная таким жаром, что вечером, ложась, я выпил два больших стакана воды, той же воды, но охлажденной, хотя это не принесло мне никакого изменения.

В пятницу я сделал передышку. Францисканский *министр* — так здесь именуют провинциала[696], — достойный человек, ученый и любезный, который был в купальне с несколькими другими духовными лицами из разных орденов, прислал мне в дар очень хорошего вина, а также марципаны и другие лакомства.

В субботу я обошелся без всякого лечения и

---

[696] Примечания: 696
Глава всех монастырей ордена в какой-либо провинции.

отправился обедать в Менаббио, большую красивую деревню, расположенную на вершине одной из гор, о которых я говорил[697]. Я отвез туда рыбу и был принят у одного солдата, который, много поскитавшись по Франции и прочим местам, женился и разбогател во Фландрии. Его звали г-н Санто. Там имеется красивая церковь, а среди жителей немало солдат, которые в большинстве своем много путешествовали. Они сильно разделены между собой: кто за Испанию, кто за Францию. Я не поостерегся и заложил себе цветок за левое ухо; люди из французской партии сочли себя оскорбленными. После обеда я поднялся в форт; это укрепленное место с высокими стенами, которые продолжают вершину горы, очень крутую, но при этом весьма возделанную со всех сторон. Ибо здесь даже в самых диких местах, на скалах, в пропастях и даже в горных расселинах, обнаруживаются не только виноградники и хлебные поля, но еще и луга, тогда как на равнине у них нет сена. Затем я спустился прямо по другому склону горы.

---

[697] Примечания: 697

В первых изданиях Керлона — Menalsio; старинная простонародная форма — Бенаббио (Benabbio), как сейчас и называется эта деревня. Возле церкви Сан Микеле еще и сегодня видны руины замка, который Монтень упомянет ниже.

В воскресенье утром я отправился в купальню с несколькими другими дворянами и оставался там полчаса. Я принял от г-на Лудовико Пинитези[698] подношение — корзину прекрасных фруктов, в том числе первых фиг, которые появились на водах, с дюжиной бутылок превосходного вина. В то же время францисканский *министр* отправил мне такое большое количество других фруктов, что и я в свой черед смог щедро поделиться ими с местными жителями.

После обеда был бал, где собрались многие очень хорошо одетые дамы, но посредственной красоты, хотя они были одними из самых красивых в Лукке.

Вечером г-н Лудовико Феррари из Кремоны, с которым я был весьма знаком, отправил мне ящик очень хорошей и душистой айвы, лимонов редкого сорта и апельсинов необычайной величины.

Следующей ночью незадолго до рассвета мне свело правую ногу, икру пронзила очень сильная боль, но не постоянная, а прерывистая. Эта непри-

---

[698] Примечания: 698

Лудовико Пинитези, принадлежавший к знатному роду, занимался коммерцией во Франции. Он был гонфалоньером Лукки; в 1564 году построил за свои деньги судоходный канал для перевозки товаров Фоссо Пинитези — Бенасаи, который в просторечии называют Фоссо делла Формика, то есть Муравьиный канал (см. у Ф. Дель Беккаро).

ятность продлилась полчаса. Давно у меня такого не было, но через какое-то время это прошло.

В понедельник я пошел в купальню и один час подставлял свой живот под струю воды из источника и все еще чувствовал в ноге мелкое покалывание.

Как раз в тот день начала по-настоящему ощущаться жара; цикады были не более докучливы, чем во Франции, и до этих пор времена года мне казались даже более прохладными, чем у меня дома.

У свободных народов нет того чинопочитания, которое наблюдается у других; здесь даже у самых малых в манере держать себя есть что-то господское. Они и подаяние-то выпрашивают, примешивая что-нибудь повелительное, например: «Дайте-ка мне милостыню!» Или: «Милостыню давайте, слышите?» В Риме то и дело доносится: «Сделайте мне что-нибудь хорошее ради себя»[699].

Во вторник я оставался в купальне один час.

Рано утром в среду, 21 июня, я покинул воды Виллы и, попрощавшись с обществом находившихся там мужчин и женщин, получил от них

---

[699] Примечания: 699

Монтень повторяет это выражение *(Fate ben per voi)* в «Опытах», III, 5.

все знаки дружбы, которые только мог пожелать. Проехав через крутые, но все же приятные и покрытые [деревьями] горы, я прибыл в Пешу.

ПЕША, двенадцать миль. Маленький замок, расположенный на одноименной реке во флорентийских владениях, где имеются красивые дома, весьма проезжие дороги и известные вина *треббьяно*, а виноградники насажены на равнине среди очень густых оливковых рощ. Жители весьма расположены к Франции, и как раз поэтому на гербе их города изображен дельфин[700].

После обеда мы выехали на прекрасную, весьма населенную равнину с множеством домов и замков. Я хотел было посмотреть Монтекатини[701], где имеется горячая и соленая вода Теттуччо, но по рассеянности забыл, оставив его по правую руку, в миле от моего пути, примерно в семи милях от Пеши, и заметил свою забывчивость, лишь когда почти приехал в Пистойю.

ПИСТОЙЯ, одиннадцать миль. Я решил остановиться за пределами города, и там меня посетил

---

[700] Примечания: 700

На самом деле это один из так называемых говорящих гербов, где изображение (рыба — pesce) напоминает о названии города — Pescia.

[701] Примечания: 701

Сегодня Монтекатини (Montecatini) — известный термальный курорт.

сын г-на Роспильози[702].

Тот, кто путешествует по Италии только на упряжных лошадях, плохо понимает свои интересы, поскольку мне кажется более уместным менять лошадей почаще, нежели пуститься в долгую поездку, отдавшись в руки возчиков.

От Пистойи до Флоренции расстояние двадцать миль, лошади стоят всего четыре джулио.

Оттуда, проехав через маленький городок Прато, я отправился пообедать в Кастелло, в остерии напротив дворца великого герцога. Мы намеревались внимательно осмотреть его сад. И там я испытал то же самое, что со мной уже случалось при других обстоятельствах, потому что воображение всегда заходит дальше действительности. Я видел его зимой, голым, лишенным листвы, так что представлял себе его будущую красоту в более благоприятное время года гораздо выше той, что предстала теперь предо мной на самом деле[703].

КАСТЕЛЛО, семнадцать миль от Прато. После обеда я приехал во Флоренцию.

---

[702] Примечания: 702

См. выше, с. 304, прим. 5.

[703] Примечания: 703

Во время своего первого посещения Флоренции в ноябре 1580 года. В мае 1581 года, во время своего второго визита, он снова попытался посетить его, но напрасно.

ФЛОРЕНЦИЯ, три мили. В пятницу я видел многолюдную процессию и великого герцога в карете. Среди прочих роскошеств мы видели колесницу в виде театра, вызолоченную сверху, в которой были четверо детей и монах либо человек, наряженный монахом, с накладной бородой и с нимбом поверх капюшона, который изображал Св. Франциска [Ассизского], стоя и держа руки так, как он их держит на картинах. Там были и другие городские дети, вооруженные, а один из них изображал собою Св. Георгия, идя по площади навстречу большому дракону, который тяжело опирался на несших его людей, с шумом изрыгая пламя из пасти. Ребенок ударял его то мечом, то копьем и в конце концов прикончил.

Я получил множество учтивостей от некоего Гонди, обосновавшегося в Лионе; он мне прислал очень хорошего вина, *требизьяно* [или *треббьяно*][704].

Стояла такая жара, что даже местные жители удивлялись.

Утром на рассвете у меня случилась колика с правой стороны, и я промучился примерно три часа. В этот день я отведал первую дыню. С начала

---

[704] Примечания: 704

В Лионе действительно проживал флорентийский банкир по имени Антонио де' Гонди.

июня во Флоренции едят тыквы и миндаль.

23-го [июня] устроили гонки колесниц на большой и красивой квадратной площади, со всех сторон окруженной красивыми домами. На каждом конце ее длины воздвигли обелиск или узкую квадратную пирамиду из дерева, и от одной до другой была натянута веревка, чтобы нельзя было пересечь площадь: многие люди наваливались своим весом на эту веревку, пытаясь порвать ее[705]. Балконы были заполнены дамами, а великий герцог с герцогиней и со своим двором был во дворце. Народ теснился по краям площади и на своего рода помостах, которые там устроили, ожидая увидеть, как помчатся наперегонки пять пустых колесниц, занявших наудачу [или по жребию] места возле обелиска. Многие говорили, что у той, которая дальше всех выдвинулась вперед, имеется преимущество, чтобы с бóльшим удобством сделать круг [по ристалищу]. По сигналу труб колесницы рванулись вперед. Третий оборот вокруг обелиска, откуда началась гонка, дает

[705] Примечания: 705

Это действительно было 23 июня, накануне праздника Иоанна Крестителя, небесного покровителя Флоренции (хотя в итальянском тексте сказано: *in su le* 23, то есть *около 23 часов*, стало быть, это может означать и «за час до наступления темноты»), в честь которого на площади Санта Мария Новелла устраивали Palio dei Cocchi, учрежденный Козимо I в 1564 году. Две деревянные пирамиды, служившие межевыми вехами, были заменены в 1608 году мраморными обелисками.

победу. Колесница великого герцога сохранила преимущество на третьем круге; но колесница Строцци, которая по-прежнему не отставала от нее, удвоила скорость и, помчавшись во весь опор, своевременно сократила разрыв между ними, из-за чего победа была брошена на чашу весов. Я заметил, что народ прервал молчание, завидев, что [колесница] Строцци приближается, и изо всех своих сил приветствовал ее громкими криками, даже при виде своего государя[706]. Затем речь зашла о том, чтобы спорный вопрос рассудили третейские судьи, которых обычно назначают на таких состязаниях из некоторых дворян, а представители семьи Строцци отдались на суд этого собрания. И вот, когда судьи в конце концов высказались в их пользу, из гущи толпы вдруг вырвался всеобщий крик, выразивший единодушное одобрение тому, что Строцци получили-таки свою награду, хотя и незаслуженно, как мне кажется. Ее сумма была десять скудо. Это зрелище доставило мне больше удовольствия, чем любое из тех, что я видел в Италии, — своим сходством с древними соревнованиями, которое

[706] Примечания: 706

Вражда между семействами Строцци и Медичи была традиционной. Здесь речь идет о Джамбаттисте Строцци, племяннике маршала Пьеро Строцци (см. выше, с. 185, прим. 1).

в нем нашел.

Поскольку это был канун Иоаннова дня, крышу кафедрального собора украсили двумя-тремя рядами плошек для иллюминации, или «пламенеющих ваз», и запускали оттуда в воздух летающие ракеты. Однако говорят, что в Италии не заведено, как во Франции, устраивать иллюминацию на Иоаннов день.

Но в субботу, день, на который выпал этот праздник — самый торжественный и самый большой праздник во Флоренции, поскольку в этот день все показывают себя на людях, вплоть до юных девушек (среди которых я видел совсем немного красавиц), — с самого утра на площади появился великий герцог, на помосте, возведенном вдоль здания, стены которого были увешаны весьма богатыми коврами. Он сидел под одним балдахином с папским нунцием по левую руку от него и с феррарским послом, помещавшимся гораздо дальше. Тут перед ним прошли все его земли и все замки в том порядке, как их объявлял герольд. Сиену, например, представлял молодой человек, одетый в белый и черный бархат, несший в руках большую серебряную вазу и изображение сиенской волчицы. Так он преподнес дар герцогу вместе с маленьким комплиментом.

Когда он закончил, стали подходить по очереди другие, по мере того как выкликали названия их мест, — множество дурно одетых оруженосцев на клячах (лошадях либо мулах), везущие одни серебряный кубок, другие разорванное знамя. Остальные в большом количестве проходили по улицам молча, без единого слова, но и без всякой благопристойности, без малейшей серьезности, словно это было скорее шутовство, нежели важная церемония. Это были представители замков и областей, зависимых от государства Сиены. Это торжество каждый год проводят заново, хотя оно — чистейшая условность[707].

Затем проследовала колесница с большой квадратной ступенчатой пирамидой из дерева, на ступенях которой сидели дети, наряженные одни так, другие иначе, кто ангелами, кто святыми. На вершине этой пирамиды, которая равнялась по высоте самым высоким домам, стоял Св. Иоанн [Креститель], то есть человек, наряженный Св. Иоанном, привязанный к железному брусу. Эту колесницу сопровождал всякий чиновный люд,

[707] Примечания: 707

Это был праздник «Изъявления покорности областей» *(Obbedienza degli Stati)* и «Клятвенного обещания верности» *(Omaggi)*.

особенно приказчики Монетного двора[708].

Шествие замыкалось другой колесницей, на которой были молодые люди, державшие в руках три награды для разных конных состязаний. Рядом с ними вели берберских коней, которым предстояло скакать в тот день, и шли слуги, назначенные их показывать, с отличительными значками их хозяев — первых вельмож страны. Лошади были маленькие, но красивые.

Жара тогда не казалась здесь сильнее, чем во Франции. Тем не менее, дабы избежать ее в комнатах гостиницы, я был вынужден ночью спать на столе в гостиной, куда велел положить матрас и простыни, и все это из-за невозможности найти удобное жилье, поскольку этот город не приспособлен для чужестранцев. Еще я использовал это как крайнее средство от клопов, которыми тут сильно заражены все постели.

Флоренция — не рыбное место. Форелей и другую рыбу, которую тут едят, привозят издалека, да к тому же она маринованная. Я видел, как от великого герцога миланцу Джованни Мариано, который остановился в той же гостинице, что и мы, доставили в подарок вино, хлеб, фрукты и

[708] Примечания: 708

Эта колесница так и называлась: *Carro della Zecca* — колесница Монетного двора.

рыбу, но эта рыба была еще живая, маленькая и содержалась в глиняных лоханках[709].

Весь день у меня во рту было сухо и становилось все суше, однако не от жажды, а из-за внутреннего жара, какой я чувствовал раньше в нашу знойную пору. Я ел только фрукты и салат с сахаром, но, несмотря на эту диету, чувствовал себя неважно.

То, чем развлекают себя во Франции вечерами после ужина, здесь предшествует трапезе. В пору самых долгих дней здесь часто ужинают ночью, а день начинается между семью и восемью часами утра.

В этот день после обеда устраивали состязания берберских скакунов. Награду в двести скудо получил конь кардинала де Медичи[710]. Зрелище не было слишком приятным, поскольку с улицы видно было только, как мимо проносятся распаленные кони.

В воскресенье я видел дворец Питти и среди прочего мраморного мула, который является

---

[709] Примечания: 709

Без сомнения, Джованни Марлиани, доверенное лицо великого герцога.

[710] Примечания: 710

Фердинандо, брат правящего герцога, который стал его преемником, сложив с себя сан кардинала.

скульптурным изображением и ныне здравствующей животины, самки, которой оказали эту честь за долгую службу возчику, работавшему на строительстве этого здания, о чем говорится в латинских стихах, которые там начертаны[711]. Мы видели во дворце и ту [древнюю] «Химеру», у которой между лопаток торчит рождающаяся голова с рогами и ушами и телом маленького льва[712].

В предыдущую субботу дворец великого герцога был открыт и наполнен крестьянами; ради этого ничего не запирали, и все танцевали во всех концах большого зала. Участие людей этого рода является, как мне кажется, образом потерянной свободы, который обновляется таким образом каждый год, в главный праздник города[713].

---

[711] Примечания: 711

Питти — богатое флорентийское семейство, соперничавшее с Медичи. Строительство их дворца было начато по планам Брунеллески в 1458 году, но закончили его уже Медичи почти через сто лет, в 1549 году, превратив в свою роскошную резиденцию. Это скульптурное изображение мула с латинским дистихом находится во внутреннем дворе Б. Амманати: Lecticam, lapides et marmora, ligna, columnas // Vexit, conduxit, traxit, et istra tulit — «Волокуши, камни, мрамор, дерево и колонны // Она влачила, тянула, влекла и перевозила».

[712] Примечания: 712

Монтеня подводит память: его *секретар*ь уже упоминал «Химеру» (см. выше, с. 192, прим. 1) как находившуюся в Палаццо Веккио; видимо, он ошибся, поскольку в следующем абзаце речь пойдет именно об этом дворце; в издании Лотре эта фраза туда и перенесена.

[713] Примечания: 713

Во времена республики флорентийцы танцевали на улицах. При Медичи крестьяне, стекавшиеся в город на Иоаннов день, получили доступ к главному залу Палаццо Веккио.

В понедельник я пошел обедать к г-ну Сильвио Пикколомини[714], человеку весьма выдающемуся по своим достоинствам, особенно в искусстве фехтования и обращения с оружием. У него собралось хорошее общество дворян, и там рассуждали о разных материях. Г-н Пикколомини не слишком ценил манеру фехтовать [или искусство владеть оружием] итальянских мастеров, таких как *Венецианец* из Болоньи, *Патиностраро* и других[715]; в этом роде он ценил только одного из их учеников, обосновавшегося в Бреше, где тот преподает свое искусство некоторым дворянам. Он говорит, что в манере, которую обычно показывают во владении оружием, нет ни правила, ни метода. Особенно он осуждает, когда теснят противника, выставив шпагу вперед, тем самым отдавая ее в его власть; а потом, нанеся удар, снова делают другой наскок и вдруг останавливаются. Он утверждает, что [его стиль] совершенно отличен от того, что делают другие фехтовальщики, как

---

[714] Примечания: 714

См. выше, с. 194, прим. 2.

[715] Примечания: 715

Венецианец из Болоньи является тем самым венецианским фехтовальщиком, которым Монтень восхищался в Болонье; *Патиностраро* (прозвище образовано от *Pater noster (Отче наш)*, то есть что-то вроде «Отченашец») — учитель фехтования из Рима, которого Брантом упоминает как «весьма превосходного в этом искусстве» (*Œvres*, т. VI).

опыт это покажет. Он собирается опубликовать книгу об этой материи. Что касается войны, то он весьма сильно презирает артиллерию, и все, что он говорил об этом, мне очень понравилось. Он ценит то, что Макиавелли написал по этому поводу, и принимает его мнения[716]. Он утверждает, что если говорить о фортификации, то самый умелый и превосходный инженер из ныне живущих находится в настоящее время во Флоренции на службе у [светлейшего] великого герцога[717].

У них тут есть привычка класть снег в бокалы с вином. Я тоже клал немного, потому что чувствовал себя не очень хорошо: меня часто беспокоили боли в почках и я по-прежнему выпускал с мочой невероятное количество песка; кроме этого, я не мог надевать шляпу и привести голову в ее прежнее состояние. У меня случались головокружения и непонятное ощущение тяжести в глазах, во лбу, зубах, носу, во всем лице. Мне пришла мысль, что эти боли вызваны местными белыми винами, сладкими и дымчатыми, потому что в первый раз, когда у меня случилась мигрень, я

[716] Примечания: 716

Монтень, как и Макиавелли, не верил в будущее артиллерии; см. «Опыты», I, 48.

[717] Примечания: 717

Речь, несомненно, идет о Бернардо Буонталенти (1536–1608).

был сильно разгорячен — как поездкой, так и временем года — и выпил большое количество треббьяно, но такого сладкого, что оно не утолило моей жажды.

В конце концов, я не могу удержаться и признаю: Флоренцию с полным основанием называют прекрасной[718].

В этот день мне забавы ради захотелось взглянуть на женщин, которые позволяют любоваться собою всем, кому не лень. Я видел самых знаменитых, но ничего особенного. Они собраны в особом квартале города, и жилища у них гадкие и убогие, ничего похожего на те, что имеют римские или венецианские шлюхи[719], так же как они сами не похожи на них своей красотой, уборами и повадками. Если кто-нибудь из них захочет обосноваться вне этих границ, то надо, чтобы жилье было весьма невзрачным и чтобы она прикрывала свое занятие каким-нибудь ремеслом.

Я видел мастерские прядильщиков шелка, которые пользуются некоторыми особыми мотови-

---

[718] Примечания: 718

См. выше, с. 189, прим. 1.

[719] Примечания: 719

Характерно, что в своем итальянском тексте Монтень употребляет грубое *le puttane*, то есть «шлюхи», «потаскухи», а не нейтральное «куртизанки», как во французском.

лами, посредством которых всего одна женщина, крутя их, одним-единственным движением сучит нить на пятистах веретенах одновременно.

Во вторник утром у меня вышел небольшой рыжий камушек.

В среду я видел дом для увлечений великого герцога[720]. Что меня там поразило больше всего, так это скала в виде пирамиды, сооруженная и составленная из всевозможных природных минералов, то есть все эти куски прилажены друг к другу. Из этой скалы бьет вода, которая приводит в движение многие фигуры в гроте, такие как водяные и ветряные мельницы, маленькие церковные колокола, часовых на посту, животных, охоту и множество подобных вещей.

В четверг я не захотел остаться, чтобы смотреть другие конные состязания, а после обеда отправился на виллу Пратолино, которую снова подробно осмотрел[721].

Привратник дворца попросил меня высказать

---

[720] Примечания: 720

Это, несомненно, Казино Медичео ди Сан Марко, о котором уже шла речь (см. выше, с. 186, прим. 3), — здание, построенное Буонталенти. Тогда оно действительно располагалось в саду. Однако в итальянский текст Монтеня вкралась ошибка: вместо *il casino*, то есть дачный, садовый домик, там написано *la cassina* — ручная тележка, повозка.

[721] Примечания: 721

Монтень посещал Пратолино в ноябре 1580 года.

ему мое мнение о красотах этого места в сравнении с красотами Тиволи; и я ему высказал все, что думал по этому поводу, сравнивая оба места, но не в целом, а в частностях, рассматривая их различные преимущества: и, соответственно, в чем-то превосходила то одна вилла, то другая.

В пятницу я купил в книжной лавке Джунти пачку комедий, числом одиннадцать, и несколько других книг. А также нашел там «Завещание» Боккаччо, отпечатанное с некоторыми речами, написанными по поводу «Декамерона»[722].

Из этого завещания видно, до какой бедности, до какой нищеты дошел этот великий человек. Он оставляет своим родственникам и своим сестрам только одеяла и кое-что из постельного белья, а книги — некоему монаху при условии, что тот передаст их кому-нибудь подходящему; и он перечисляет все вплоть до утвари и самой убогой мебели; наконец обговаривает мессы и свою могилу. Это завещание напечатали таким, каким нашли на старом, довольно ветхом пер-

[722] Примечания: 722

Это Annotazioni e discorsi sopra alcuni luoghi del Decameron di M. Giovanni Boccacci — книга, вышедшая в 1574 году из знаменитой типографии Джунти. Боккаччо завещал все свои книги «преподобному магистру Мартино из ордена братьев-затворников Св. Августина флорентийской обители Святого Духа». Монтень говорил о «Декамероне» в «Опытах», II, 10.

гаменте.

Как римские и венецианские проститутки сидят у своих окон, чтобы привлекать своих любовников, так флорентийские стоят у дверей своих домов и мозолят глаза прохожим в удобное время. Тут вы и видите их с большей или меньшей компанией, они болтают или поют на улице посреди обступивших их зевак.

В воскресенье, 2 июля, я покинул Флоренцию после обеда, и, переехав через Арно по мосту, мы оставили реку по правую руку, продолжая следовать вдоль ее течения. Мы миновали прекрасные плодородные равнины, где расположены самые знаменитые дынные бахчи Тосканы. Хорошие дыни созревают только к 15 июля, а особое место, где находятся наилучшие, называется Леняйя; Флоренция оттуда в трех милях.

Дорога, по которой мы двинулись дальше, была по большей части ровной, местность вокруг плодородной и очень многолюдной, застроенной всеми этими домами, крошечными замками и почти непрерывными деревнями.

Мы пересекли среди прочих прекрасную землю, называемую Эмполи, это название, в звуке которого есть сам не знаю что древнее. Местоположение очень приятное. Я не заметил там

никаких следов древности, разве что развалины моста возле большой дороги, в которых чувствуется некоторая дряхлость[723].

Я был поражен тремя вещами: первое — видеть все население этого кантона занятым, даже в воскресенье: одни молотили зерно, другие убирали его, третьи шили, пряли и т. п.; второе — видеть крестьян с лютней в руках и слышать Ариосто из уст пастухов, но такое встречается по всей Италии; третье — видеть, что они оставляют сжатый хлеб в полях на десять — пятнадцать дней, не опасаясь соседей. В конце дня мы прибыли в Ска́лу.

СКАЛА, пятнадцать миль. Здесь имеется одна-единственная гостиница, но хорошая. Я не ужинал и мало спал из-за сильной зубной боли, которая приключилась у меня с правой стороны. Я часто испытывал ее вместе с головной, но больше всего мучений она доставляла мне за едой, потому что я ничего не мог взять в рот, не испытав очень сильной боли.

В понедельник утром, 3 июля, мы проследовали ровной дорогой вдоль Арно, которая вывела нас на прекрасную, покрытую хлебами равнину. Около полудня мы прибыли в Пизу.

---

[723] Примечания: 723

Действительно, хоть Эмполи и старинное место, но практически лишено архитектурного интереса.

ПИЗА, двадцать миль, принадлежит герцогу Флорентийскому. Она расположена на равнине, посредине которой протекает Арно, впадая в море в шести милях отсюда. По этой реке в Пизу прибывают многие виды судов[724]. В это время школы закрываются на три месяца, как заведено в пору большой жары.

Мы тут встретили очень хорошую труппу комедиантов — «Дезиози»[725]. Поскольку гостиница [где мы поселились] мне не понравилась, я снял дом, в котором было четыре комнаты и зал. Хозяин обязался готовить для нас и предоставить мебель. Дом был красивый, я получил все вместе за восемь скудо в месяц. Насчет того, что он должен был предоставить для стола, например, скатерти и салфетки, это была мелочь, учитывая, что в Италии салфетки меняют только вместе со скатертями, а те меняют только два раза в неделю. Мы позволили нашим слугам делать собственные расходы, а сами ели в харчевне за

---

[724] Примечания: 724

Став в XII веке могущественной средиземноморской державой, Пиза в XIII веке начала клониться к упадку, хотя еще в XIV веке была важным морским портом. Ее университет — один из старейших в Италии, а ее монументы, о которых Монтень будет говорить ниже, знамениты во всем мире.

[725] Примечания: 725

«Дезиози» была одной из самых старых трупп вместе с «Джелози», «Конфиденти» и «Федели» (см. выше, с. 178, прим. 3).

четыре джулио в день.

У дома очень хорошее расположение, с приятным видом на канал, в который превращается Арно, протекая через город. Канал весьма широкий и длиной более пятисот шагов, немного загибается, словно описывая петлю, что образует очаровательный вид, и благодаря этой кривизне легко становятся видны оба его конца вместе с тремя мостами, перекинутыми через реку, постоянно заполненную судами и товарами. Два берега канала превращены в прекрасные набережные, как набережная Августинцев в Париже. На обоих берегах имеются широкие улицы, а на этих улицах ряды домов, среди которых и наш.

В среду, 5 июля, я видел собор, где некогда стоял дворец императора Адриана. Там имеется бесконечное множество колонн из разного мрамора, разной работы и вида, а также очень красивые металлические двери. Эта церковь украшена разномастными обносками Древней Греции и Египта и построена из обломков древних руин, где все еще видны различные надписи, причем некоторые из них поставлены вверх ногами, другие наполовину обрублены, а кое-где имеются неведомые письмена, которые считаются

древним произведением этрусков[726].

Я видел колокольню, окруженную со всех сторон пилястрами и открытыми коридорами, которая построена необычайным образом: она наклонена на семь брассов, как и та, что в Болонье, и другие.

Еще я видел церковь Сан Джованни, которая тоже богата замечательными произведениями скульптуры и живописи, которыми там можно полюбоваться.

Среди прочего там имеется мраморный налой с большим количеством фигур такой красоты, что тот Лоренцо, который, как говорят, убил герцога Алессандро, поснимал с некоторых фигур головы и преподнес королеве. Своей формой эта церковь напоминает римскую Ротонду[727].

---

[726] Примечания: 726

Великолепный собор, начатый в 1063 году на месте дворца (или, быть может, терм) Адриана, является самым репрезентативным произведением романского пизанского стиля, но древние *обноски*, о которых тут идет речь, с тех пор исчезли; упомянутые в тексте *неведомые письмена* являются не более чем старинными тосканскими надписями XII века. — Далее Монтень упоминает знаменитую «падающую» башню (XII век) и баптистерий (который назывался также церковью Сан Джованни), богато украшенный скульпторами Никколо и Джованни Пизано.

[727] Примечания: 727

Имеется в виду римский Пантеон, превращенный в церковь Санта Мария Ротонда. Великолепная мраморная кафедра в баптистерии — работа Никколо Пизано (1260), но ставится под сомнение, что его изуродовал Лоренцино (которого с легкой руки А. де Мюссе называют также Лорензаччо), которому традиционно приписывают обезглавли-

вание рельефов триумфальной арки Константина в Риме. Королева (Reina) — Екатерина Медичи.

Здесь обитает побочный сынок герцога Алессандро. Он старый, судя по тому, что я видел[728]. Живет в свое удовольствие милостями герцога и совершенно не обременяет себя ничем другим. Здесь имеются очень хорошие места для охоты и рыбной ловли — это и есть его главные занятия.

Что касается святых реликвий, редких произведений, драгоценных мраморных изваяний восхитительной работы и величины, то здесь их находят столько, сколько ни в одном другом городе Италии. Я с большим удовольствием осмотрел здание кладбища, которое тут называют *Camposanto*[729]; оно необычайного размера и прямоугольное, длиной в триста шагов, шириной в сто; опоясывающий его по кругу коридор имеет сорок шагов в ширину, крыт свинцом и вымощен мрамором. Стены покрыты старинными росписями, среди которых имеется один флорентийский

[728] Примечания: 728

Дону Джулио (1532–1600), герцогскому «сынку» (Figliuolo), было тогда сорок девять лет, то есть всего на год больше, чем самому Монтеню.

[729] Примечания: 729

Campo Santo — досл. «святое поле», по преданию, заключает в себе землю с Голгофы.

Гонди, отпрыск дома, носящего это имя[730].

У городской знати в коридоре имеются могилы; там еще видны имена и гербы четырехсот семейств, из которых осталось едва четыре, сумевших избежать войн и разорений этого старинного города, который, впрочем, хоть и многолюден, но населен чужаками. Из этих благородных родов, среди которых много маркизов, графов и прочих вельмож, часть рассеялась по многим местам христианского мира, куда их заносило.

Посреди этого здания есть открытое место, где продолжают хоронить мертвецов. Уверяют, что обычно тела, которые сюда помещают, так раздуваются за восемь часов, что становится заметно, как приподнимается земля; но через восемь часов они уменьшаются в размерах и опадают; наконец, через восемь часов, плоть поглощается, так что по прошествии двадцати четырех часов остаются лишь голые кости. Это похоже на чудо римского кладбища: если там хоронят тело

[730] Примечания: 730

Живописец Гонди неизвестен. Однако часть фресок принадлежит кисти Таддео Гадди: возможно, Монтень просто ошибся именем. Хотя некоторые (R. A. Saуce, например) считают, что речь идет о портрете одного из членов рода Гонди.

римлянина, земля сразу его выталкивает[731]. Это место замощено мрамором, как и коридор. А поверх мрамора положили землю на высоту одного-двух брассов, и говорят, что эта земля была доставлена из самого Иерусалима и ради этого предприятия пизанцы снарядили большой флот[732]. С разрешения епископа берут немного этой земли и распространяют ее по другим погребениям в полной уверенности, что там, где она есть, тела истлеют быстрее: это кажется тем более правдоподобным, что на городском кладбище почти не видно костей и нет места, куда можно было бы их поместить, как это делают в других городах.

В соседних горах добывают очень красивый мрамор, а в городе много превосходных мастеров, чтобы его обрабатывать. В то время они как раз делали для властителя Феса в Берберии очень богатый заказ: по плану это убранство для театра, который должен быть украшен пятьюдесятью мраморными колоннами очень большой высо-

[731] Примечания: 731

Римское кладбище — несомненно, Сан Пьетро, где хоронили иностранцев.

[732] Примечания: 732

Крестовый поход Фридриха Барбароссы, откуда пизанские корабли вернулись, нагруженные землей с Голгофы.

ты[733].

Во многих местах этого города можно видеть герб Франции, а в соборе — колонну, которую король Карл VIII преподнес ему. На одном из домов Пизы на уличной стене изображен сам этот король, в натуральном виде, на коленях перед Мадонной, которая словно дает ему советы. Надпись гласит, что, когда монарх там ужинал, ему случайно пришла в голову мысль вернуть пизанцам их былую свободу, в чем, как продолжает надпись, он превзошел Александра [Великого]. Среди его титулов упоминается, что он король Иерусалима, Сицилии и прочая. Слова, которые касаются обстоятельств возвращения пизанцам свободы, нарочно замазаны и наполовину выскоблены, стерты. Другие частные дома еще украшены тем же гербом [Франции], чтобы напомнить о достоинстве, которое король им даровал[734].

Тут сохранилось не слишком много остатков

---

[733] Примечания: 733

Султан Марокко Мулей-Ахмед стал преемником своего брата, Абу Марвана Абд Эль-Малика, умершего во время «сражения трех королей» при Алькасар-Кивире (точнее, при Эль-Ксар-эль-Кебире; см. выше, с. 242, прим. 1). Возможно, он строил мечеть.

[734] Примечания: 734

На самом деле речь идет по большей части не о французских (золотых, желтых), а о флорентийских (красных) лилиях. Изображение Карла VIII на стене дома исчезло, возможно, вместе с самим домом.

старинных построек или древних развалин, разве что прекрасная кирпичная руина на том месте, где был дворец Нерона, от которого сохранилось только имя, и церковь Сан Микеле, которая была некогда храмом Марса[735].

В четверг, в праздник св. Петра, мне сказали, что в старину Пизанский епископ направлялся в этот день с процессией в церковь Св. Петра, которая находится в четырех милях за городом, а оттуда на берег моря, в которое бросал кольцо, торжественно венчаясь с ним; но в те поры Пиза еще была могущественной морской державой[736]. Теперь туда ходит только школьный учитель, совершенно один, а священники устраивают шествие в церковь, где происходит большая раздача индульгенций. Папская булла, которой уже около четырехсот лет (если верить книге,

[735] Примечания: 735

Спорно. Хотя в Пизе до сих пор называют руины римских терм возле Луккских ворот купальнями Нерона *(Bagni di Nerone)*.

[736] Примечания: 736

Неизвестно, праздновалось ли это бракосочетание с морем в Пизе, как в Венеции, но церковь, о которой идет речь, — это Сан Пьетро а Крадо (XI век), построенная на месте часовни IV века, которая в свою очередь была возведена на том месте былой набережной в пизанском порту, где, по преданию, ступил на землю прибывший из Антиохии св. Петр.

которая датирует ее 1200 годом)[737], гласит, что эта церковь построена самим св. Петром и что, когда св. Клемент проводил богослужение на ее мраморном столе, на него упали три капли крови из носа святого папы. Похоже, что эти капли проявились там только через три дня. Некогда этот стол разбили генуэзцы, чтобы увезти одну из капель крови; вот почему пизанцы забрали из церкви остатки стола и перенесли в свой город. Но каждый год их снова сюда приносят во время шествия в праздник св. Петра, и народ приплывает сюда всю ночь на лодках.

В пятницу, 7 июля, рано утром я отправился взглянуть на *cascine* [или молочные фермы] Пьетро де Медичи, удаленные от города на две мили[738]. У этого вельможи там огромные угодья, которые он сам оценивает и нанимает туда каждые пять лет новых работников, которые забирают себе половину урожая. Земля там очень плодородна для злаков, есть и пастбища, где держат всевозможные виды животных. Я спешился,

[737] Примечания: 737

Возможно, это булла Иннокентия VI, обнародованная в 1354 году в Авиньоне.

[738] Примечания: 738

Дон Пьетро де Медичи был последним сыном Козимо I. Его ферма называлась Кашине Сан Россоре (в настоящее время это летняя резиденция президента Итальянской Республики).

чтобы осмотреть все особенности дома. Много людей заняты изготовлением сливок, масла, сыров, и у них есть для этого вся необходимая утварь.

Оттуда, следуя по равнине, я прибыл на берег Тирренского моря, где с одной стороны увидел Леричи, а с другой, еще ближе, Ливорно, замок, расположенный на море[739]. С этого же места виден был остров Горгона, за ним Капрайя[740], а еще дальше — Корсика. Я повернул направо, и мы проследовали вдоль берега моря вплоть до устья Арно, вход в которое очень затруднен для судов, потому что множество мелких речек, одновременно впадающих в Арно, несут в себе ил и грязь, которые там оседают, из-за чего устье мелеет и забивается. Там я купил рыбы, которую послал [пизанским] актерам. Вдоль этой реки виднеется много кустов тамариска.

В субботу я купил маленький бочоночек из этого дерева за шесть джулио и заказал набить на него серебряные обручи, дав три скудо ювели-

---

[739] Примечания: 739

Леричи — красивый городок в заливе Специи; Ливорно — порт Медичи и ренессансный город с регулярной застройкой, сегодня большой коммерческий порт.

[740] Примечания: 740

Горгона, Капрайя — острова Тосканского архипелага.

ру. К тому же я купил индийскую трость, чтобы опираться при ходьбе, шесть джулио; маленькую вазу и стаканчик из индийского ореха, который производит то же действие на селезенку и мочекаменную болезнь, что и тамариск, восемь джулио[741].

Мастер, человек умелый и известный в изготовлении математических инструментов, сообщил мне, что у всех деревьев имеется внутри столько колец, сколько им лет. Он мне показал все породы дерева, которые имел в своей столярной мастерской. Та часть дерева, что была обращена на север, самая плотная, а кольца тут более сжатые и тесные чем другие; так что он утверждает: какое бы дерево сюда ни принесли, ему не составляет труда определить его возраст и в каком положении оно росло.

Как раз в это время у меня непонятно что творилось с головой, которая постоянно меня донимала, вкупе с запором, так что мне никак не удавалось освободить желудок без каких-либо ухищрений или снадобий, да и то помощь была довольно слабой. Почки, впрочем, по обстоятельствам.

---

[741] Примечания: 741

Тогда считалось, что сосуды из древесины тамариска и из скорлупы кокосового ореха придают налитому в них питью целебные свойства.

Воздух этого города [Пизы] некоторое время назад считался очень нездоровым, но, с тех пор как герцог Козимо велел осушить окрестные болота, он улучшился. Раньше он был настолько плохим, что, когда хотели кого-нибудь сослать и уморить, его изгоняли в Пизу, где через несколько месяцев с ним было покончено[742].

Тут совсем не водятся куропатки, несмотря на заботы тосканских государей, которые они проявляют, чтобы их завести.

Я несколько раз принимал у себя Джироламо Борро, врача, доктора наук, и в свой черед ходил к нему. 14 июля он преподнес мне свою книгу «О морских приливах и отливах», которую написал на обычном языке, и показал другую, о телесных болезнях, написанную уже на свой лад, по-латыни [743].

В тот же день из Арсенала, что неподалеку от моего дома, сбежали турки-рабы, числом двадцать один, и спаслись на уже совсем оснащенном фрегате, который г-н Алессандро Пьомбино оставил

---

[742] Примечания: 742

При герцоге Козимо I (1519–1574), который правил тридцать пять лет, вся Тоскана познала период процветания.

[743] Примечания: 743

Джироламо Борро, родившийся в Ареццо, профессор в Пизе с 1553 года, имел проблемы с инквизицией из-за своего крайнего аристотелизма (см. «Опыты», I, 26, издание 1588 года).

в гавани, в то время как сам он был на рыбной ловле[744].

За исключением Арно и красоты канала, которую он предлагает взгляду, протекая через город, а также церквей, древних руин и особых работ, в Пизе маловато изящества и привлекательности. В некотором смысле она пустынна — как из-за своего одиночества, так и из-за вида зданий, из-за своих размеров и ширины своих улиц. Она очень похожа на Пистойю. Один из самых больших ее недостатков — плохое качество воды, у которой тут повсюду болотный привкус.

Жители бедны, но не стали от этого ни менее спесивы, ни менее неуступчивы; а еще они не слишком вежливы с чужестранцами, особенно с французами, после смерти одного из их епископов, Пьера-Поля де Бурбона, который утверждал, что он происходит из дома наших принцев, и, кстати, его род существует до сих пор[745].

Этот епископ так сильно любил нашу нацию

---

[744] Примечания: 744

Алессандро Аппиани, побочный сын Джакопо VI, князь Пьомбино, командовал галерами в Тоскане.

[745] Примечания: 745

Пьер (Пьетро) Джакопо Бурбон дель Монте, пизанский епископ в 1574–1575 годах, не состоял ни в малейшем родстве с французскими Бурбонами. — Уехав из Пизы, Монтень заявит, что остался весьма доволен тем, как любезно и учтиво вели себя с ним пизанцы, однако припишет это симпатии, которую сам им внушал (см. «Опыты», III, 12).

и был так гостеприимен, что приказал, чтобы каждого новоприбывшего француза приводили к нему. Этот добрый прелат оставил пизанцам досточтимую память о своей доброй жизни и о своих щедротах. Он умер всего пять или шесть лет назад.

17 июля я сел вместе с двадцатью пятью другими разыгрывать в *риффу* по одному скудо с игрока несколько одежек одного из городских комедиантов по имени Фарньокола[746]. В этой игре сначала тянут жребий, кому играть первым, потом вторым и так до последнего: таков порядок, которому все следуют. Но поскольку на кону было несколько вещей, то сделали два равных условия: тот, кто зарабатывал больше очков, выигрывал с одной стороны, а тот, кто зарабатывал меньше, выигрывал с другой. Мне выпал жребий играть вторым.

18-го [июля] в церкви Св. Франциска разразилась великая свара между священниками собора и монахами[747]. Накануне в сказанной церкви был погребен некий пизанский дворянин. И вот

---

[746] Примечания: 746

Риффа *(riffa)* — разновидность лото.

[747] Примечания: 747

Здесь — *Frati, братьями* из церкви Св. Франциска, разумеется, францисканцами.

пришли священники со своими облачениями и всем, что нужно, чтобы служить мессу. При этом ссылались на свою привилегию и обычай, соблюдавшийся во все времена. Братья же утверждали противоположное: дескать, это им, а вовсе не кому-то еще надлежит служить мессу в собственной церкви. Один из священников, приблизившись к главному алтарю, хотел завладеть столом, тогда один из братьев попытался заставить его выпустить добычу, но викарий со стороны священников, который обслуживал эту церковь, влепил ему оплеуху. Тут незамедлительно с обеих сторон начались боевые действия; дело дошло до рукопашной, в ход пошло все: кулаки, палки, канделябры, подсвечники и подобные орудия. Итог стычки был таков, что мессу не служил ни один боец, однако она наделала большого шуму. Я тотчас же там побывал, как только об этом разнесся слух, и это было мне пересказано[748].

22-го [июля] на рассвете три турецких корсара[749] пристали к соседнему берегу и увезли пленниками пятнадцать — двадцать рыбаков и бедных пастухов.

---

[748] Примечания: 748
Этот инцидент подтверждается хроникой того времени.

[749] Примечания: 749
Имеются в виду три пиратских корабля.

25-го я ходил к знаменитому Корнаккино, пизанскому врачу и лектору, чтобы повидаться с ним. Этот человек живет на свой лад, в манере, которая весьма противоречит правилам его искусства. Он спит сразу после обеда, пьет по сотне раз на дню и т. п. Он показывал мне стихи собственного сочинения на крестьянском наречии, довольно приятные. И он не слишком высоко ценит водолечебницы, которые имеются по соседству с Пизой, хотя хорошо отзывается о водах Баньаквы, которая отсюда на расстоянии шестнадцати миль[750]. Эти воды, по его мнению, превосходны для болезней печени (и он весьма охотно рассказал об их чудесах), а также для камней и для колик; но, прежде чем пользоваться ими, он советует попить воды́ *Виллы*. Решительно, сказал он мне, за исключением кровопускания, медицина — ничто в сравнении с водолечением для того, кто его правильно использует. Он мне сказал также, что на водах Баньаквы жилье очень хорошее, там можно

[750] Примечания: 750

Баньаква, или Банья ди Аква *(Bagnacqua* или *Bagna di Acqua)* — маленький тосканский городок неподалеку от Пизы, известный своими минеральными водами. — Томмазо Корнаккини, родившийся в Ареццо, преподавал в Пизе медицину, где и умер в 1584 году. Его итальянские стихи не сохранились. Воды, которые он рекомендует, это воды в Баньи ди Кашана (латинское название этого места — *Castrum de Aquis*).

устроиться удобно и по своему вкусу.

26-го утром у меня вышла мутная моча, гораздо более черная, чем у меня когда-либо, вместе с маленьким камешком, но боль, которую я чувствовал на протяжении примерно двадцати часов выше пупка и в члене, вовсе не утихла; тем не менее она была терпима, не затрагивая ни почки, ни бок. Через некоторое время у меня вышел еще один маленький камень, и боль утихла.

В четверг, 27-го [июля], рано утром мы уехали из Пизы; я, в частности, был весьма доволен учтивостью и любезностью, которых удостоился от г-д Винтавинти, Лоренцо Конти, Сан Миньято (этот последний снимает жилье у г-на кавалера Камилло Гаэтани и предложил мне своего брата, чтобы тот сопроводил меня во Францию), Борро и других, как ремесленников, так и купцов, с которыми я свел знакомство. Я уверился, что у меня не было бы недостатка в деньгах, если бы они мне понадобились, хотя этот город считается неучтивым, а его жители спесивыми; однако, как бы то ни было, учтивые люди искупают недостатки остальных.

Здесь имеются в изобилии голуби, орехи, грибы. Мы долго ехали по равнине и встретили у подножия одной горки то, что называют Пизан-

скими водами. Их тут много, с одной надписью на мраморе, которую я не смог как следует прочитать: это рифмованные латинские стихи, которые призывают верить в достоинства этих вод. Она датируется 1300 годом, насколько я смог догадаться[751].

Самый большой и самый порядочный из этих водоемов квадратный и очень хорошо расположен; одна из его сторон обращена наружу, с мраморными ступенями. Длина каждой стороны — тридцать шагов, и в одном из углов видно, где бьет источник.

Я испил оттуда, чтобы иметь возможность судить о воде, и нашел ее безвкусной, без всякого запаха. Я почувствовал только немного едкости на языке: она была в меру горячей и пилась легко.

Я заметил в источнике такие же белые то ли корпускулы, то ли атомы, которые мне не понравились еще в баденских водах, и я тогда решил, что это какие-то нечистоты, попавшие сюда снаружи. Теперь же я думаю, что они происходят из какого-то качества самих скважин, тем более

---

[751] Примечания: 751

Это Терме ди Сан Джулиано. Надпись, о которой говорит Монтень, сделана в 1312 году по приказу графа Федериго да Монтафельтро, и она в прозе.

что частиц больше всего рядом с самим ключом, где бьет вода и где, следовательно, она должна быть чище всего, как я это доказал своим четким экспериментом. Впрочем, это место пустынно, а жилье плохое. Источники почти заброшены, а те, кто ими более-менее пользуются, приезжают сюда утром из Пизы, до которой всего четыре мили, и в тот же день возвращаются домой.

Большая купальня — открытая, и она единственная, которая несет на себе приметы древности; ее тоже называют купальней Нерона. Распространено мнение, что этот император велел провести эту воду прямо в своей дворец в Пизе с помощью многих акведуков[752].

Есть другая купальня, закрытая, среднего убранства, которой пользуется простой народ: вода в ней очень чистая. Говорят, что она хороша для печени и помогает от гнойников, которые случаются от жара во внутренностях. Пьют такое же количество воды, что и в других водолечебницах; прогуливаются, после того как выпили, удовлетворяют нужды природы, как ей угодно, выпуская из себя влагу либо через потение, либо другими путями.

---

[752] Примечания: 752

Без сомнения, речь идет о водах Кальдакколи, которую отвели в термы Адриана.

Как только я поднялся на эту гору, мы насладились одним из самых красивых видов в мире, любуясь этой широкой гладью моря, островами, Ливорно и Пизой. Потом, спустившись, снова вернулись на равнину, на которой расположена

ЛУККА, десять миль. Этим утром у меня вышел другой камень, гораздо большего размера, но казалось, что он, видимо, отделился от другого тела, более значительного: одному Богу ведомо, что это такое. Да свершится по воле Его.

В Лукке мы устроились в гостинице на той же ноге, что и в Пизе, то есть в день по четыре джулио хозяину и три джулио слуге. 28-го [июля], понуждаемый любезными подношениями г-на Лудовико Пинитези, я снял в его доме нижние покои, весьма прохладные и очень приличные, состоящие из пяти комнат с залом и кухней. Тут была вся необходимая мебель, весьма опрятная и достойная, на итальянский лад, которая во многих отношениях не только равна французской, но даже превосходит ее. Надобно признать, что большое украшение итальянских домов — это высокие своды, широкие и красивые, которые придают входу в дом благородство и привлекательность, потому что весь низ построен таким же образом, с высокими и широкими дверями,

и луккские дворяне трапезничают летом под сенью этих своеобразных портиков на виду у всех остальных, кто проходит по улице[753].

По правде сказать, я всегда не только хорошо, но и приятно устраивался везде в Италии, за исключением Флоренции (где даже не выходил из гостиницы, несмотря на неудобства, от которых страдал, особенно когда было жарко) и Венеции, где мы поселились в слишком многолюдном и довольно неопрятном доме, потому что не собирались оставаться там надолго. Моя комната здесь [в Лукке] была отдельной, и мне всего хватало; у меня не было никаких затруднений, никакого рода неудобств. Учтивости ведь тоже могут быть утомительными и порой докучливыми, но местные жители меня редко навещали[754]. Я спал, предавался своим занятиям, когда хотел, а когда мне приходила охота выйти, я повсюду находил общество женщин и мужчин, с кем мог побеседовать и приятно провести несколько часов на дню; да к тому же лавки, церкви, площади

[753] Примечания: 753

Дом Лудовико Пинитези (см. выше, с. 347, прим. 1) существует до сих пор, на улице Аджело Кустоде, рядом с площадью Санта Мария Фориспотам. Многие дома в Лукке имели на первом этаже крытую галерею, *лоджию* (на местном наречии *logge*), что в Лукке стало синонимом входа.

[754] Примечания: 754

О докучливой учтивости см. «Опыты», I, 13.

и сама перемена места — все это предоставляло мне довольно средств, чтобы удовлетворить мое любопытство.

Среди этих способов разогнать скуку мой дух был настолько спокоен, настолько это допускали мои недуги и старость[755], а вовне представлялось слишком мало поводов, чтобы его смутить. Мне просто немного не хватало общества, такого, какое я пожелал бы сам себе, будучи вынужденным наслаждаться в одиночку и не имея возможности поделиться удовольствиями, которые мне перепадали[756].

Жители Лукки превосходно играют в мяч, и часто можно видеть прекрасные партии[757]. Тут не принято, или же это довольно редко случается среди них, чтобы мужчины ездили по улице вер-

---

[755] Примечания: 755

В тексте именно «старость» — *la vecchiaia* (итал.). Хотя автору «Дневника» было всего сорок восемь лет, в XVI веке этот возраст считался уже достаточно преклонным.

[756] Примечания: 756

Ср. «Опыты», III, 9: «Это редкая удача, но и необыкновенное облегчение — иметь возле себя порядочного во всех отношениях человека, с ясным умом и нравами, сходными с вашими, и с охотою вам сопутствующего. Во всех моих путешествиях мне этого крайне недоставало. Но такого спутника надо подыскивать и подбирать, еще не выезжая из дому. И всякий раз, как мне приходит в голову какая-нибудь славная мысль, а поделиться ею не с кем, меня охватывает сожаление, что я породил ее в одиночестве».

[757] Примечания: 757

В Лукке раньше играли в мяч на месте, которое некогда называлось *Piaggia Romana*, сейчас там находится Ботанический сад.

хом, еще реже в карете; женщины ездят на мулах в сопровождении пешего слуги. Чужестранцам очень трудно снять здесь дом, поскольку их сюда приезжает очень мало, а город вообще-то весьма многолюден. С меня запрашивали семьдесят скудо в месяц за обычное жилье с четырьмя меблированными комнатами, залом и кухней. Насладиться обществом жителей Лукки невозможно, потому что тут все вплоть до детей вечно хлопочут о своих делах и наживают добро торговлей. Так что это довольно скучное и не слишком приятное для чужестранцев место.

10 августа мы выехали из города, чтобы прогуляться верхом с некоторыми луккскими дворянами, которые предоставили мне лошадей. Я видел в окрестностях города, в трех-четырех милях от него, весьма красивые загородные дома, с портиками и галереями, которые придают им довольно веселый вид. Среди прочего там имеется большая галерея, вся сводчатая внутри, крытая виноградными лозами и их отростками, которые посажены вокруг и опираются на подпорки. Решетчатые шпалеры — живые и природные.

Иногда головная боль оставляла меня в покое, дней на пять-шесть и больше, но окончательно избавиться от нее я так и не смог.

Мне пришла фантазия изучать флорентийское наречие, причем усердно и старательно; я потратил на это достаточно времени и усилий, но мало чего добился.

Это лето выдалось гораздо жарче, чем обычно.

12-го [августа] я съездил из Лукки посмотреть загородный дом г-на Бенедетто Буонвизи и нашел, что он весьма посредственно красив. Я там любовался среди прочего видом некоторых куп деревьев, посаженных на возвышенных местах[758]. На пространстве примерно пятьдесят шагов они сажают деревья той породы, которые остаются зелеными круглый год. Затем окружают это место маленькими рвами и делают внутри маленькие крытые аллеи. Посреди такой купы деревьев имеется место для охотника, который в некоторые времена года, скажем, примерно в ноябре, снабженный серебряным манком и несколькими дроздами, нарочно взятыми для этой цели, привязав их хорошенько и расположив вокруг приманки с клеем, берет за одно утро сотни две дроздов. Это делается всего в одном

[758] Примечания: 758

Эти «возвышенные места» делают сомнительным отождествление загородного дома Бенедетто Буонвизи с виллой Монтесанквилико, расположенной на равнине. Ф. Дель Беккаро предположил, что речь здесь идет скорее о другой известной вилле, на холмах Форчи, в десятке километров от Лукки.

кантоне рядом с городом.

В воскресенье я выехал из Лукки, после того как распорядился, чтобы г-ну Лудовико Пинитези вручили пятнадцать скудо за покои, которые он уступил мне в своем доме (то есть по одному скудо в день): и он был этим очень доволен.

В тот день мы поехали взглянуть на несколько загородных домов, принадлежащих луккским дворянам; они милы, приятны и красивы. Воды там много, но она какая-то ненастоящая, то есть не природная, не живая и не беспрерывная. Удивительно, как мало источников в этом столь гористом краю. Воду, которой тут пользуются, извлекают из ручьев, а ради красоты обрамляют ее в виде источников — водоемами, гротами и прочими прикрасами.

Вечером к ужину мы приехали в загородный дом г-на Лудовико вместе с г-ном Орацио, его сыном, который по-прежнему нас сопровождал[759]. Он очень хорошо принял нас на этой вилле и угостил прекрасным ужином в просторном и весьма прохладном портике, открытом со всех сторон. Затем уложил нас раздельно в хороших комнатах, с очень чистыми одеялами и бело-

[759] Примечания: 759

Это вилла Пинитези в Сан Коломбано к востоку от Лукки; в настоящее время там монастырь кармелиток.

снежным бельем, какое было у нас в Лукке, в доме его отца.

В понедельник рано утром мы уехали оттуда и, проделав путь, не слезая с седла, остановились в загородном доме епископа, который там оказался[760]. Мы были очень хорошо приняты его людьми и даже приглашены на обед, но поехали обедать в

БАНЬИ ДЕЛЛА ВИЛЛА, пятнадцать миль. Я был там всеми прекрасно встречен и бесконечно обласкан. Это и в самом деле походило на возвращение домой. Я опять вселился в ту же комнату, что снимал ранее[761] за двадцать скудо в месяц, по той же цене и на тех же условиях.

Во вторник, 15 августа, я пошел рано утром принимать ванну; оставался в купальне чуть меньше одного часа и обнаружил ее скорее холодной, чем горячей. Поэтому я мало пропотел. Я приехал в эту водолечебницу не только в хорошем здравии, но могу также сказать, что в любом случае был весьма бодрым. После приема ванны

---

[760] Примечания: 760

Вилла епископа в восьми километрах от Лукки сегодня включена в парк виллы Реале де Марлиа.

[761] Примечания: 761

У капитана Паулино ди Керубино, в доме Буяамонти (см. выше, с. 308, прим. 3; с. 309, прим. 1).

у меня вышла мутная моча; а вечером, после того как я походил некоторое время по гористым и трудным дорогам, она окрасилась кровью, а улегшись в постель, я почувствовал непонятное стеснение в почках.

16-го я продолжил принимать ванны, а чтобы остаться одному и подальше от других, выбрал женскую купальню, где я еще не был. Вода показалась мне слишком горячей, либо потому что она и в самом деле была такой, либо потому что я просто разогрелся скорее, поскольку мои поры уже раскрылись после принятой накануне ванны; тем не менее я оставался там более часа. Я средне пропотел; моча выглядела естественной, не было никакого песка. Но после обеда она опять помутнела и порыжела, а незадолго до захода солнца окрасилась кровью.

17-го я счел ту же воду более умеренной. Потел очень мало; моча была немного мутноватой, с небольшим количеством песка; ее цвет стал бледно-желтым.

18-го я провел еще два часа в той же купальне. И почувствовал в почках какую-то непонятную тяжесть, хотя мой желудок был свободен, как и требовалось. С первого же дня я ощущал скопление ветров в животе и бурчание, что, без

сомнений, считаю особым действием этих вод, потому что, когда в первый раз принимал ванну, я заметил, причем чувствительно, что у меня таким же образом случились ветры.

19-го я пришел в купальню позже, чтобы дать время одной даме из Лукки принять ванну передо мной, потому что таково довольно разумное правило, которое здесь соблюдается: сначала этой купальней пользуются в свое удовольствие женщины; таким образом, я пробыл там два часа.

Несколько дней моя голова оставалась в хорошем состоянии; я редко чувствовал в ней тяжесть. Моча по-прежнему была мутной, но по-разному, и в ней обнаружилось много песка. Я заметил у себя непонятное движение в почках; и если я прав в своих умозаключениях, такова главная особенность этих вод. Они не только расширяют и открывают проходы и каналы, но еще проталкивают через них материю, рассеивают ее и уничтожают. У меня вышел песок, который казался другим веществом, нежели недавно искрошенные и размельченные камни.

Ночью я почувствовал с левой стороны начало довольно сильной и даже пронзительной колики, которая довольно долго промучила меня, но тем не менее обычного продолжения не насту-

пило, поскольку боль не распространилась на низ живота, а кончилась таким образом, что мне даже показалось, не было ли это просто скоплением ветров.

20-го я пробыл в купальне два часа. В течение всего этого дня ветры причиняли мне очень неприятные ощущения в нижней части живота. Из меня по-прежнему выходила мутная моча, рыжая, густая, с небольшим количеством песка. Голова болела, и из-за живота я ходил больше, чем обычно.

Здесь не соблюдают праздников с такой же набожностью, как у нас, и даже в воскресенье здесь можно увидеть, как женщины делают большую часть своей работы после обеда.

21-го я продолжил принимать свои ванны, после которых у меня почки становились весьма болезненными, а моча обильной, мутной и по-прежнему с небольшим количеством песка. Я посчитал, что причиной этих болей были ветры, скопление которых я тогда ощущал в том числе и в почках, потому что они ощущались повсюду. Эта моча, такая мутная, заставляла меня предчувствовать приближение большого камня — я догадывался об этом слишком хорошо. Написав утром эту часть в своем дневнике, я сразу же

после обеда почувствовал сильнейшую колику; а чтобы я лучше ее прочувствовал, к этому добавилась зубная боль в левой щеке, такая острая, какой я еще никогда не испытывал[762]. Не в силах выдержать столько мучений сразу, я через два-три часа слег в постель, а вскоре утихла боль и в моей щеке.

Тем не менее, поскольку боль продолжала раздирать мне внутренности, а ветры продолжали занимать одну за другой различные части моего тела то с одной, то с другой стороны, я почувствовал наконец, что это скорее ветры, нежели камни, и был вынужден попросить клистир. Он был поставлен мне тем же вечером, очень хорошо приготовленный: с оливковым маслом, с отваром ромашки и анисом, и все это было прописано аптекарем. Капитан Паулино самолично вкатил его мне с большой ловкостью; поскольку, как только он чувствовал, что ветры начинают препятствовать дальнейшему продвижению целебной смеси, он останавливался и тянул наконечник клистира на себя, потом снова продолжал потихоньку — и так до тех пор, пока я не принял все снадобье целиком и без отвращения. Ему не

[762] Примечания: 762

У Монтеня были здоровые зубы (см. «Опыты», III, 13), так что эта острая боль была вызвана, скорее всего, абсцессом.

было нужды мне советовать, чтобы я держал его в себе сколько смогу, потому что меня не подпирало и не очень-то и хотелось. Так что я продержал его в себе до трех часов и лишь после этого сам решил выпустить наружу. Встав с постели, я с большим трудом съел немного марципана и запил четырьмя каплями вина. Потом вернулся в постель, и после легкого сна меня охватило желание сесть на стульчак, что я сделал четыре раза до рассвета, и во мне еще осталась некоторая часть промывания, которая не вышла.

На следующее утро мне изрядно полегчало, потому что слабительное выпустило из меня много ветров. Я очень устал, но не чувствовал никакой боли. Немного поел за обедом, но без всякого аппетита; попил, тоже не чувствуя вкуса, хотя очень хотелось пить. После обеда ко мне опять вернулась боль в левой щеке, и от обеда до ужина заставила очень мучиться. Поскольку я был весьма убежден, что ветры во мне скопились из-за ванн, я их оставил и проспал всю ночь довольно хорошо.

На следующий день я проснулся обессиленным и раздраженным, во рту было сухо и отдавало кислятиной. Дышалось с трудом, словно у меня жар. Я не чувствовал никакой боли, но моча у ме-

ня все еще была необычной, довольно мутной и с рыжим песком, хотя не в большом количестве.

Наконец, 24-го [августа] утром я стал выталкивать из себя камень, застрявший в канале. С этого момента и до обеда я не мочился, чтобы потом иметь к этому больше желания. И в конце концов безболезненно вытолкнул свой камень; крови тоже не было ни до, ни после извержения. Длиной и размером он напоминал только что завязавшееся яблоко или орешек пинии, но был толще с одной стороны, примерно с фасолину, и в точности повторял форму мужского детородного органа. Это было великое счастье, что я мог его извергнуть из себя. У меня никогда не выходило ничего сравнимого с этим по величине; и я мог только догадываться по качеству мочи, что должно было случиться. Посмотрим, каким будет продолжение.

Было бы лишком большой слабостью и малодушием с моей стороны, если бы, будучи уверен, что в любом случае погибну таким образом и что смерть с каждым мгновением приближается, я не сделал бы усилия, перед тем как это случится, чтобы смочь вытерпеть ее без труда, когда придет время. В конце концов, разум советует нам с радостью принимать благо, которое Богу угодно

ниспослать нам. Однако единственное лекарство, единственное правило и единственное знание, пригодные, для того чтобы избежать всех зол, осаждающих человека со всех сторон и в любое время, какими бы они ни были, это решиться либо претерпеть их по-людски, либо пресечь мужественно и быстро[763].

25 августа моча вновь обрела свой привычный цвет и я вновь оказался в том же состоянии, что и раньше. Кроме этого, у меня как днем, так и ночью болела левая щека, но эта боль была преходящей, и я припоминаю, что она мне в свое время уже доставляла большие неприятности дома.

26-го утром я пробыл в купальне один час.

27-го после обеда меня стала жестоко мучить зубная боль, настолько сильная, что я послал за врачом. Доктор, все осмотрев и увидев, что боль вообще-то утихла в его присутствии, рассудил, что эта разновидность воспаления не имела телесности или весьма мало, но что это ветры, смешавшись с некоей жидкостью, поднялись из желудка мне в голову и причинили это недомогание; это показалось мне тем более правдоподобным, что я испытывал подобные

[763] Примечания: 763

Тема приятия страдания, смерти и самоубийства достаточно часто встречается в «Опытах», но см. особенно II, 3, и III, 4.

боли и в других частях моего тела.

В понедельник, 28 августа, я отправился рано поутру пить воду из источника Бернабо и выпил ее семь фунтов четыре унции (фунт по двенадцати унций). Она усадила меня на стульчак, и я вернул чуть меньше половины перед обедом. У меня было чувство, что из-за этой воды мне в голову поднимаются пары, которые ее утяжеляют.

Во вторник, 29-го, я выпил из обычного источника девять стаканов, в каждом один фунт без унции, и у меня тотчас же разболелась голова. Правда, она и сама по себе была в плохом состоянии и была не вполне свободна с первой же моей ванны, хотя тяжесть в ней чувствовалась реже и по-другому, а мои глаза вовсе не были ослабшими и не испытали никакого помрачения, как месяцем раньше. У меня страдал зад, но головной боли у меня никогда не было, кроме тех случаев, когда она распространялась на левую щеку и охватывала все целиком, вплоть до самых нижних зубов, а потом наконец ухо и часть носа. Боль проходила быстро, но обычно она была очень острой и часто донимала меня и днем и ночью. Таково было состояние моей головы.

Я думаю, что пар от этой воды, либо когда я ее пью, либо когда принимаю ванну (хоть тем, хоть

иным способом), весьма вреден для желудка. Вот почему у людей здесь в обычае принимать вместе с ней какое-либо лекарство, чтобы предупредить нежелательные последствия.

В течение дня и до начала следующего я излил из себя всю воду вплоть до фунта, которую выпил, считая и выпитую за столом, но этой было весьма мало, меньше фунта в день. После обеда, ближе к вечеру, я ходил в купальню и оставался там три четверти часа, в среду немного пропотел.

30 августа [в среду] я выпил два стакана, по девять унций каждый, что составило восемнадцать унций; и половину этого я отлил до обеда[764].

В четверг я воздержался от питья и утром поехал верхом взглянуть на Контроне[765], довольно многонаселенную деревню на этих горах. Тут

---

[764] Примечания: 764

В трех первых изданиях итальянского текста говорится: «девять стаканов, восемьдесят одна унция», а в четвертом: «девять стаканов, восемнадцать унций». Мы видели выше, что Монтень пил из стаканов, «в каждый из которых входил фунт без унции», то есть одиннадцать фунтов (в одном фунте двенадцать унций); стало быть, нужно читать: «девять стаканов, девяносто девять унций» (это количество, поглощенное Монтенем во вторник, 29 августа). Но, если каждый стакан содержал всего лишь девять унций, получим «девять стаканов, восемьдесят одна унция» или «два стакана, восемнадцать унций».

[765] Примечания: 765

Controne — бывшая коммуна и приход в долине Лимы, впоследствии разделенная на три части: Пьеве, Сан Кассино и Сан Джиминьяно ди Контроне *(прим. Ф. Дель Беккаро).*

имеется много красивых и плодородных равнин с пастбищами на вершине. У этой деревни много маленьких предместий и удобных, сложенных из камня домов, крытых тоже каменными пластинами.

Я сделал большой круг по этим горам, прежде чем вернуться в дом.

Я не был доволен тем, как вышла последняя выпитая вода; вот почему я пришел к мысли отказаться от питья. Мне не нравилось, что у меня не совпадало по дням то, что я выпивал, с тем, что изливал из себя. После того как я пил в последний раз, в моем теле еще должно было оставаться больше трех стаканов воды из купальни, кроме того, что у меня случилось сдавливание мочевых протоков, которое я мог рассматривать как настоящий запор по сравнению с моим обычным состоянием.

В пятницу, 1 сентября 1581 года, я принимал ванну утром в течение одного часа; немного пропотел, а когда мочился, у меня вышло большое количество красного песка. Когда я пил, то не возвращал всего или очень мало. Голова была как обычно, то есть в плохом состоянии.

Эти воды начали докучать мне; так что, если бы я получил из Франции известие, которое ожидал

уже четыре месяца, все никак не получая, я тотчас же уехал бы отсюда, предпочитая закончить свое лечение осенью на каких-нибудь других водах, какие подвернутся. Направив свои стопы в сторону Рима, я нашел бы на небольшом расстоянии от главной дороги воды Баньаквы, Сиены и Витербо, а в стороне Венеции — воды Болоньи и Падуи.

В Пизе я заказал нарисовать свой герб красивыми яркими красками всего за один французский экю с половиной и вызолотить его; затем, поскольку он был нарисован на полотне, велел уже здесь, на водах, вставить его в рамку и с большим тщанием прибить эту картинку к стене комнаты, которую занимал, при том условии, что она будет дарована самой комнате, а не лично капитану Паулино, хотя он и был хозяином жилища. Капитан мне это обещал и поклялся.

В воскресенье, 3-го [сентября], я пошел в купальню и оставался там больше часа. Почувствовал большое скопление ветров, но без боли.

Ночь и утро понедельника, 4-го, меня жестоко терзала зубная боль; я подозревал, что ее причина — какой-нибудь испорченный зуб. Утром я жевал мастиковую смолу, но не почувствовал никакого облегчения. Из-за этой пронзительной боли мое состояние ухудшилось, и у меня случил-

ся запор как раз из-за того, что я не осмеливался снова пить воду, а также принимал очень мало лекарств. Ближе ко времени обеда и три-четыре часа спустя боль оставила меня в покое, но в двадцать часов возобновилась, причем в обеих щеках, с такой яростью, что я не мог держаться на ногах и меня тошнило из-за силы этой боли. Меня бросало то в пот, то в дрожь. Поскольку я чувствовал боль повсюду, это навело меня на мысль, что боль вызвал все-таки не испорченный зуб; порой она была еще очень сильной в обоих висках и в подбородке и доходила даже до плеч, до глотки, даже до обоих боков; так что я провел самую ужасную ночь в своей жизни; это было настоящее остервенение и бешенство [боли].

Ночью я даже послал к аптекарю, который дал мне водки, чтобы держать ее на той стороне, какая больше всего болела, и это мне принесло большое облегчение. Как только я брал ее в рот, всякая боль прекращалась, но стоило выплюнуть — боль возвращалась. Так что я не убирал стакан ото рта, но и не мог долго держать там спиртное, потому что, как только боль утихала, усталость вызывала сон, а стоило мне заснуть, мне в горло обязательно попадало несколько капель, вынуждавших меня тотчас же их выплюнуть. Боль

оставила меня только к рассвету.

Во вторник утром все дворяне, которые были на здешних водах, пришли проведать меня в постели. Я велел приклеить к своему левому виску, прямо на то место, где бьется пульс, маленький пластырь с мастиковой смолой, и в тот день не так болело. На ночь мне накладывали теплые компрессы из льняных оческов на щеку и левую сторону головы. Я спал без боли, но беспокойным сном.

В среду у меня еще были некоторые болевые ощущения как в зубах, так и в левом глазу; когда я мочился, у меня вышел песок, но не в таком большом количестве, как в первый раз, когда я был здесь, и порой он был похож на рыжеватые зернышки проса.

В четверг утром, 7 сентября, я пробыл один час в большой купальне.

Тем же утром мне принесли доставленные через Рим письма от г-на де Тозена, написанные в Бордо 2 августа, которыми он извещал меня, что накануне я был при единодушном согласии избран мэром Бордо, и приглашал меня принять эту должность из любви к своей родине[766].

---

[766] Примечания: 766

Об избрании Монтеня см. «Опыты», III, 10. Кто такой г-н де Тозен — неизвестно.

В воскресенье, 10 сентября, я принимал ванну один час в женской купальне, и, поскольку было горячо, немного пропотел.

После обеда я поехал верхом в полном одиночестве посмотреть несколько других соседних мест, и в особенности небольшое селение, которое называется Гранайола[767], расположенное на вершине одной из самых высоких гор области. Проезжая через вершину этой горы, я обнаружил самые богатые, самые плодородные и самые приятные для глаз холмы, какие только можно увидеть.

Побеседовав с несколькими местными жителями, я спросил у одного весьма древнего старца, пользуются ли они нашими водами: он мне ответствовал, что с ними случилось то же самое, что и с теми, кто, проживая в слишком близком соседстве с Богоматерью Лоретской, редко ходит туда в паломничество: дескать, они видят действие этих вод только на чужестранцах да на тех, кто приезжает сюда издалека[768]. Он добавил, что с огорчением замечал на протяжении многих

---

[767] Примечания: 767

Granaiola — деревня на правом берегу Лимы, на возвышенности, которая является частью гор Монте Фегатезе.

[768] Примечания: 768

То же замечание есть в «Опытах», II, 15.

лет, что эти воды чаще были вредны, нежели благотворны для тех, кто их принимает; а это проистекает из того, что некогда в этом краю не было ни одного аптекаря, и даже врачей тут редко видели, а теперь все наоборот. Эти люди, объявившиеся здесь скорее ради собственной выгоды [нежели ради блага больных], распространили мнение, будто воды не производят никакого действия на тех, кто не только не принимает какое-либо лечебное снадобье до и после приема этих вод, но также не заботится пичкать себя лекарствами вместе с водами, так что они возражают, чтобы воды принимали чистыми, ни с чем не смешивая. Таким образом, по его мнению, самое очевидное следствие, которое из этого проистекает, состоит в том, что на этих водах умирало гораздо больше народу, чем выздоравливало; откуда он извлекал уверенный вывод, что они неизбежно растеряют доверие к себе и удостоятся всеобщего презрения.

В понедельник, 11 сентября, у меня утром вместе с мочой вышло много песка, почти все в виде зернышек проса, круглых, твердых, красных снаружи и серых внутри. 12 сентября 1581 года мы рано утром покинули Баньи делла Вилла и поехали обедать в Лукку.

ЛУККА, четырнадцать миль; здесь начали сбор винограда. Праздник Святого Креста — один из главных городских праздников[769]; тогда на восемь дней всем, кто отсутствует из-за долгов, дают возможность свободно прийти к себе домой и благочестиво встретить его.

Я не нашел в Италии ни одного брадобрея, чтобы побрил меня и подстриг мне волосы.

В среду вечером мы пошли на вечернюю службу в соборе, где было стечение всего города и его процессий. *Volto Santo* стоял без покрова: жители Лукки необычайно почитают его, потому что он очень старинный и прославлен множеством чудес. Собор был нарочно построен ради него[770], а также маленький придел, где хранится эта реликвия, посреди этой большой церкви, хотя он довольно плохо размещен, в нарушение всех правил архитектуры. Когда вечерня была отслужена,

---

[769] Примечания: 769

«Святым Крестом» (*Santa Croce* или *Volto Santo*, см. ниже) в городе называли большое деревянное распятие, сохранившееся еще с римской эпохи. Этот праздник — Festa *di Santa Croce* — отмечается 14 сентября; накануне устраивается пышная процессия, которая проходит через весь город.

[770] Примечания: 770

Похоже, Монтень действительно считал, что этот собор (или Дуомо) был нарочно построен ради *Volto Santo*; придел, где он содержится, по виду своему напоминающий маленький восьмиугольный храм, — произведение Маттео Чивитали (1484).

вся процессия направилась в другую церковь, которая была раньше собором[771].

В четверг я слушал мессу в хоре собора, где были должностные лица Синьории. В Лукке очень любят музыку; здесь редко встретишь мужчин и женщин, которые совсем ее не знают, и обычно поют все: тем не менее среди них очень мало хороших голосов. Эту мессу поют скорее силой легких, и это было не бог весть что. Они нарочно построили главный алтарь очень высоким, из дерева и бумаги[772], уставленный картинами, большими канделябрами и несколькими серебряными сосудами, выставленными в ряд [как на буфете], то есть большой таз в середине, четыре блюда по бокам. И алтарь украшен таким манером снизу доверху, что производит довольно приятное впечатление. Всякий раз, что епископ служит мессу, как он делал в тот день, когда он затягивает: *Gloria in excelsis*[773], зажигают множество пакли, которая привязана к железной

[771] Примечания: 771
Неточность: церковь Сан Фредиано, о которой здесь идет речь, никогда не была собором.

[772] Примечания: 772
Видимо, из папье-маше.

[773] Примечания: 773
Gloria in excelsis Deo («Слава в вышних Богу») — славословие ангелов, приветствующих рождение Иисуса Христа из Евангелия от Луки 2:14.

решетке, висящей для этой цели посреди церкви[774].

Погода в этом краю уже довольно холодная и сырая.

В пятницу, 15 сентября, у меня случился какой-то необычайный прилив мочи, то есть я мочился почти в два раза больше, чем выпил; если в моем теле и оставалась еще некоторая часть воды из купальни, думаю, что она вышла.

В субботу утром у меня без всякого труда вышел маленький камешек, шершавый на ощупь: я его немного чувствовал ночью в нижней части живота и в головке члена.

Воскресенье, 17 сентября[775], состоялась смена гонфалоньеров города[776]; я сходил во дворец посмотреть на эту церемонию. Здесь работают

---

[774] Примечания: 774

Этот ритуал поджигания пакли (похоже, византийского происхождения) символизирует тщету всех человеческих дел. В Лукке народная традиция требует, чтобы зажигание пакли мешало видеть серебряный крест, который выставляют ради этого случая на главном алтаре, крест, похищенный жителями Лукки у пизанцев, которым было бы невозможно вернуть его себе.

[775] Примечания: 775

Исправление Лотре; у Керлона по ошибке стояло «18».

[776] Примечания: 776

Выборы гонфалоньера происходили каждые два месяца. Город был разделен на три квартала, или «трети», *terzieri* (Сан Сальваторе, Сан Паолино, Сан Мартино), которым эта обязанность вменялась по очереди.

по воскресеньям без всякого зазрения совести, и многие лавки открыты.

В среду, 20 сентября, после обеда я уехал из Лукки, после того как упаковал в два ящика некоторые вещи, чтобы отправить их во Францию.

Мы проследовали по ровной, но бесплодной местности, напоминающей Гасконские Ланды. По мосту, построенному герцогом Козимо, переехали через большой ручей, где устроены железоделательные мельницы великого герцога и при них красивое здание[777]. Тут имеются еще три рыбные ловли, или три отделенных и огороженных в виде прудов места, дно которых вымощено кирпичом и где содержат большое количество угрей, которых прекрасно видно сквозь мелкую воду, которая там имеется. Мы переехали через Арно в Фучеккио и к вечеру добрались в Скалу.

СКАЛА, двадцать миль. Я покинул ее на рассвете. Проехал по прекрасной дороге, по местности, похожей на равнину. Она пересечена невысокими горами, очень плодородными, как горы Франции.

Мы проехали через Кастельфьорентино, ма-

---

[777] Примечания: 777

Мост в Каппиано на канале Ушиана, где находились кузницы Козимо I, которые более не существуют; однако мост и упомянутые ниже пруды сохранились.

ленькое, обнесенное стеной местечко, а затем пешком посетили Чертальдо, родину Боккаччо, — красивый замок, расположенный совсем рядом на холме[778]. Оттуда мы отправились пообедать в

ПОДЖИБОНСИ, восемнадцать миль, маленькое местечко, откуда добрались к ужину в Сиену.

СИЕНА, двенадцать миль. Я нашел, что в это время года холод в Италии более чувствителен. Сиенская площадь самая красивая из всех, которые можно видеть в городах Италии. Каждый день здесь служат публичную мессу у алтаря, к которому обращены дома и лавки, так что народ и ремесленники могут слышать ее, не покидая свою работу и не сходя со своего места. При вознесении святых даров трубят в трубу, чтобы известить всех.

В воскресенье, 24 сентября[779], после обеда мы покинули Сиену, после чего двинулись удобным, хоть порой и неровным путем, потому что местность усыпана плодородными не крутыми холмами и горами, и прибыли в

---

[778] Примечания: 778

В этой живописной деревне, пострадавшей во время последней войны, был восстановлен разрушенный дом Боккаччо.

[779] Примечания: 779

Исправление Лотре; у Керлона было «23».

САН КВИРИКО, маленький замок в двадцати милях[780]. Мы остановились за пределами стен. Поскольку вьючная лошадь [которая везла наш багаж] упала в маленький ручей, который мы переходили вброд, все мои пожитки, а главное, книги, промокли, и понадобилось время, чтобы все это высушить. На соседних холмах по левую руку мы оставили Монтепульчано, Монтиккелло и Кастильончелло[781].

В понедельник рано утром я отправился взглянуть на воды в двух милях оттуда, которые называют Виньоне[782] по замку, который находится совсем рядом. Источник расположен на небольшой возвышенности, у подножия которой протекает река Орча. В этом месте имеется примерно дюжина маленьких домиков, не слишком удобных и приятных, которые его окружают, и все выглядит довольно убогим. Еще там имеется большой водоем, окруженный стеной и ступе-

---

[780] Примечания: 780

В Сан Квирико д'Орча имеется прекрасная старинная церковь.

[781] Примечания: 781

Монтепульчано — очаровательный городок, несущий на себе отпечаток эпохи Возрождения; Монтиккелло — небольшое укрепленное селение, все еще окруженное крепостными стенами; другая деревня — Кастильончелло дель Триноро.

[782] Примечания: 782

В настоящее время — Баньо Виньони.

нями, где посредине видно бурление многих бьющих там ключей; у этой горячей воды нет ни малейшего серного запаха, от нее мало пара, но зато остается рыжеватый осадок — похоже, он скорее железистый, чем что-либо другое, но ее не пьют. Длина этого пруда — шестьдесят шагов, ширина — двадцать пять. Вокруг имеется четыре-пять разделенных и крытых мест, где обычно принимают ванны. Купальни содержатся довольно опрятно.

Эти воды совсем не пьют, зато пьют из Сан Кашано, у которых больше известности. Они расположены близ Сан Квирико, в восемнадцати милях с римской стороны, слева от большой дороги.

Любуясь изяществом [местных] глиняных сосудов, которые кажутся фарфоровыми, так они белы и чисты, я находил, что они слишком дешевы, и мне казалось, что на самом деле они больше подходят для приятного использования за столом, нежели олово во Франции, особенно то очень грязное, которое подают в гостиницах.

Все эти дни головная боль, от которой, как мне казалось, я уже полностью избавился, стала снова немного чувствоваться. Я испытывал, как и раньше, в глазах, во лбу, во всех внутренних

частях головы некоторую тяжесть, слабость и расстройство, которые меня тревожили.

Во вторник мы приехали к обеду в Ла Палью.

ЛА ПАЛЬЯ[783], тринадцать миль, а на ночлег отправились в

САН ЛОРЕНЦО: убогие гостиницы. В этом краю начали сбор винограда.

В среду утром случился спор между нашими людьми и возчиками из Сиены, которые, видя, что поездка оказалась длиннее, чем обычно, и рассерженные, что вынуждены нести расходы на лошадей, отказались платить за сегодняшний вечер. Спор разгорелся до такой степени, что я был вынужден обратиться к *Governatore*[784], который, выслушав меня, признал мою правоту и велел посадить в тюрьму одного из возчиков. Я сослался на то, что причиной задержки было падение вьючной лошади, которая, упав в воду, замочила наибольшую часть наших пожитков.

Буквально в паре шагов от большой дороги, по правую руку, примерно в шести милях от Монте-

---

[783] Примечания: 783

Монтень уже останавливался в Ла Палье (см. выше, с. 196, прим. 3) в ноябре 1580 года, после чего двинулся дальше, через Сан Лоренцо, Монтефьясконе и Витербо.

[784] Примечания: 784

Governatore (итал.) — мэр, бургомистр.

фьясконе, имеется расположенный на широкой равнине источник, который называется [...][785]. Этот источник, расположенный в трех-четырех милях от ближайшей горы, образует маленькое озеро[786], в одном из концов которого заметно, как бьет очень большой родник, выбрасывая воду, которая с силой бурлит и почти обжигает. Эта вода сильно пахнет серой, выбрасывает пену и какие-то беловатые осадки. На одной стороне этого источника имеется желоб, который отводит эту воду в две купальни, расположенные в соседнем доме. Этот дом разделен на несколько маленьких каморок, довольно плохих, и не думаю, что он часто посещается. Воду тут пьют семь дней по десять фунтов каждый раз; но ее приходится остужать, чтобы уменьшить ее жар, как делают на Прешакских водах, и столько же времени принимают ванны. Дом, равно как и купальня, принадлежит какой-то церкви: они сданы на откуп и церковь получает за них пятьдесят скудо. Но помимо выгоды больных, которые приезжают

[785] Примечания: 785

Как пояснялось в примечании Бартоли, в итальянском тексте после слов *c'e un bagno nomato*... стоял пропуск, сделанный самим Монтенем, но так и не заполненный им. Возможно, здесь речь идет о водах Навизо, которые были владением церкви Сант'Анджело в Витербо.

[786] Примечания: 786

Озеро называется Баньяччо.

сюда весной, тот, кто держит этот дом, продает еще некоторую грязь, которую добывают в озере, а добрые христиане используют, разводя ее с оливковым маслом для исцеления от чесотки, а также леча ею паршу у овец и собак, разбавляя ее водой. Эта грязь, природная и необработанная, продается по два *джулио*[787], а высушенные колобки по семи *куаттрино*. Мы видели здесь много собак кардинала Фарнезского, которых приводят сюда купать.

Примерно через три мили оттуда мы приехали в

ВИТЕРБО, шестнадцать миль. День уже так приблизился к вечеру, что пришлось совместить обед с ужином. Я сильно охрип и чувствовал озноб. В Сан Лоренцо я из-за клопов спал полностью одетым, на столе; так я нигде больше не делал, только во Флоренции и в этом месте. Я отведал здесь что-то вроде желудей, тут это называют *ghiande-gensole*[788]: в Италии их растет много и они неплохи. Имеется еще столько скворцов, что

[787] Примечания: 787

У Керлона в итальянском тексте *due* (два), но во французском переводе *douze* (двенадцать).

[788] Примечания: 788

Местное название «китайского финика» — ююбы (итал. *giùgguiola*) — плода зизифуса.

их тут продают по штуке на полушку[789].

В четверг, 26 сентября, утром[790] я наведался к некоторым из других источников этой местности, расположенных на равнине и довольно далеко от гор. Сначала видны здания в двух разных местах, где еще недавно были купальни, но которым позволили пропасть из-за небрежения[791]; тем не менее от земли тут исходит дурной запах. Имеется домик с маленьким источником горячей воды, которая образует маленькое озерцо, пригодное, чтобы принимать ванну. У этой воды совсем нет запаха, но вкус пресный, и она средне горячая. Я счел, что в ней много железа, но ее не пьют. Еще дальше есть здание, которое называют папским дворцом, потому что утверждают, будто оно было построено или починено папой Николаем[792].

---

[789] Примечания: 789

В итальянском тексте употреблено *baiocco* — старинная папская монета; иносказательно — медный, ломаный грош, задешево, почти даром.

[790] Примечания: 790

У Керлона во французском тексте «26 сентября», а в итальянском: *Giovedì 28 di Settembre.*

[791] Примечания: 791

Баньи ди Сан Паоло и Баньи Альмадиани. Домик с источником — это Баньо делла Мадонна.

[792] Примечания: 792

Дворец, сооруженный Бернардо Росселино для папы Николая V, был впоследствии перестроен.

Ниже этого дворца, на довольно углубленном месте, бьют три различных ключа горячей воды, одним из которых пользуются для питья. Вода средне и умеренно горяча; у нее совершенно нет дурного запаха; чуть-чуть чувствуется покалывание во вкусе; я считаю, что там преобладает селитра. Я посетил это место, намереваясь попить ее дня три. В отношении количества тут пьют так же, как в других местах, после чего прогуливаются, чтобы пропотеть.

У этой воды большая известность; ее развозят по всей Италии: врач, написавший общий обзор всех вод [Италии], предпочитает для питья эту воду всем остальным[793]. Ей особо приписывают большие целебные свойства против заболеваний почек и пьют ее обычно в мае. Однако меня не слишком вдохновила надпись, замеченная мной на стене, в которой какой-то больной гневно хулит лекарей, отправивших его на эти воды, где ему стало гораздо хуже, чем прежде. Я также не сделал добрых предзнаменований насчет слов хозяина источника, утверждавшего, что сезон слишком уж затянулся, но хладнокровно побуждал меня пить ее.

---

[793] Примечания: 793
Андреа Баччи, автор знаменитого трактата *De thermis*, Венеция, 1571.

Здесь только одна гостиница, но большая, удобная и вполне приличная, отстоящая от Витербо на полторы мили, куда я ходил пешком. В этом месте объединены три-четыре источника с различными действиями и к тому же имеется душ. Эти воды образуют белую пену, которая легко застывает и остается такой же твердой, как лед, образуя на поверхности воды твердую корку. Все место словно инкрустировано этой белой пеной. Положите туда тряпицу и через какое-то время увидите, что она покрылась пеной и затвердела, будто замерзла. Эту пену используют, чтобы чистить зубы; она продается и вывозится за пределы области. Жуя ее, чувствуешь только вкус земли и песка. Говорят, что это [первичная] материя, из которой рождается мрамор и которая также вполне способна окаменеть в почках. Тем не менее уверяют, что вода не оставляет никакого осадка в бутылках, куда ее наливают, и сохраняется прозрачной и очень чистой. Думаю, ее можно пить сколько угодно, а покалывание, которое в ней чувствуется, делает ее для питья только приятней.

Возвращаясь отсюда, я проходил через маленькую, но довольно длинную равнину, ширина которой восемь миль, чтобы взглянуть на место,

где жители Витербо (среди которых нет ни одного дворянина[794], потому что все они земледельцы и торговцы) собирают лен и коноплю — сырье для своего главного промысла. К этой работе допускаются одни только мужчины, тут обходятся без женщин. И большое количество этих рабочих собирается вокруг некоторого озера, где вода в любое время года одинаково горячая и кипящая[795]. Они говорят, что это озеро совсем бездонное, и отводят из него воду, чтобы делать другие маленькие теплые озера, где вымачивают коноплю и лен.

По возвращении из этого маленького путешествия, которое я проделал пешком туда, а обратно на лошади, у меня вышел маленький камешек, рыжий и твердый, величиной с крупное пшеничное зерно; я немного чувствовал накануне, как он спускается в нижнюю часть живота, но он застрял на проходе. Чтобы облегчить выход таких камней, надо воспрепятствовать выходу мочи, немного сжав член, что придает ему после этого немного больше силы, чтобы его вытолк-

[794] Примечания: 794

Вероятно, преувеличение Монтеня.

[795] Примечания: 795

Озеро Буликаме, вулканического происхождения, упоминается у Данте («Ад», XIV, 79–81).

нуть. Этому способу меня научил г-н де Лангон в Арсаке[796].

В субботу, в праздник св. Михаила, я отправился после обеда взглянуть на Мадонну дель Черкио[797] в миле от города. Туда ведет большая, очень хорошая дорога, прямая, ровная, обсаженная деревьями от одного конца до другого, наконец, сделанная с великим тщанием по распоряжению папы Фарнезе[798]. Церковь красивая, наполнена всяческим благочестием и бесконечным множеством обетных табличек. В одной латинской надписи можно прочитать, что около ста лет назад на некоего человека напали грабители, и он, полумертвый от страха, укрылся под дубом, где висел этот самый образ Пресвятой Девы, и вознес к ней молитву; и вот — о чудо — он вдруг стал невидим для этих грабителей и так был спасен от неминуемой опасности. Это чудо породило особое почитание этой Мадонны; во-

---

[796] Примечания: 796

Это, без всякого сомнения, отец первой жены Томá де Борегара, брата Монтеня (см. выше, с. 65, прим. 2).

[797] Примечания: 797

То есть «Богоматерь Дубовую»; *cerquio* — на местном диалекте «дуб» (итал. *quercio*). Церковь была построена в 1470–1525 годах, в ее дарохранительнице хранится чудотворный образ Пресвятой Девы, который, согласно легенде, висел на дубе.

[798] Примечания: 798

Павел III.

круг дуба построили эту церковь, которая очень красива. Еще можно видеть пень этого очень низко срубленного дуба и верхнюю часть его ствола, где помещался образ, прислоненную к стене и избавленную от ветвей, которые обрубили вокруг.

В субботу, в последний день сентября, я выехал рано утром из Витербо и двинулся по дороге на Баньайю.

БАНЬАЙЯ. Это место принадлежит кардиналу Гамбаре, оно очень украшено и снабжено таким множеством фонтанов, что в этой части, кажется, не только сравнялось, но даже превзошло Пратолино и Тиволи[799]. Во-первых, тут имеется фонтан с мощным напором воды, чего нет в Тиволи, и очень обильной, чего нет в Пратолино, так что ее хватает для бесконечного распределения по различными фигурам. Тот же мессер Томмазо да Сиена, который вел работы в Тиволи, ведет и эти, но они еще не закончены. Так что, постоянно добавляя новые изобретения к прежним, он

[799] Примечания: 799

Строительство этой виллы (Villa Lante a Bagnaia), начатое в 1477 году кардиналом Риарио, продолжили кардиналы Ридольфи и Джан Франческо Гамбара (епископ Витербо с 1566 по 1583 год), погребен в церкви делла Кверча (дель Черкио). Другие постройки были добавлены позже кардиналом Монтальто (племянник Сикста V); он же заменил пирамиду, о которой пойдет речь ниже, группой четырех атлетов из пеперина — вулканического туфа из окрестностей Рима. Томмазо да Сиена — это, возможно, Томмазо Кинуччи, работавший в Баньайе в 1567 году.

вложил в это последнее строительство гораздо больше искусства, красоты и занимательности. Среди различных причуд, которые ее украшают, можно видеть довольно высокую пирамиду, откуда бьют струи воды различными способами, то вверх, то вниз. Вокруг пирамиды четыре красивых маленьких водоема, наполненных чистой водой. Посреди каждого — каменная лодочка, и в ней двое аркебузиров, которые, набрав воды в свои самопалы, выпускают ее струей в сторону пирамиды; и еще трубач, который тоже выпускает струи воды. Можно прогуливаться вокруг этих водоемов и вокруг пирамиды по очень красивым аллеям, где имеются каменные скамьи очень красивой работы. Другие части еще больше нравятся некоторым [посетителям]. Дворец маленький, но приятной постройки. Насколько я смог понять, это место несомненно превосходит [многие другие] умелым использованием воды. Самого кардинала тут не было, но, поскольку он француз в душе, его люди оказали нам все учтивости и знаки расположения, какие только можно пожелать.

Оттуда, следуя прямым путем, мы проехали в Капраролу, дворец кардинала Фарнезе, о котором

много говорят в Италии[800]. В самом деле, я не видел ничего в этой прекрасной стране, что было бы с ним сравнимо. Он окружен большим рвом, вырубленным в туфе: верх здания устроен наподобие террасы, так что кровли совсем не видно. По форме он почти пятиугольник, но при взгляде кажется большим совершенным квадратом. Его внутренняя форма совершенно круглая: везде царят широкие коридоры, все сводчатые и повсюду покрытые росписями. Все покои квадратные. Здание очень большое, залы очень красивые, и среди прочих имеется один восхитительный зал, потолок которого (поскольку все здание сводчатое) представляет собой небесный глобус со всеми фигурами, которые его составляют. А на его стенах — земной глобус со всеми его областями, что вместе образует полную космографию. Эти росписи очень богато покрывают целиком все стены. В других местах представлены в разных картинах деяния папы Павла III и дома Фарнезе. Люди нарисованы так натурально, что узнаешь

[800] Примечания: 800

Эту виллу (в настоящее время там располагается летняя резиденция президента Республики) построили для Алессандро Фарнезе (племянника папы Павла III) в 1547–1559 годах Антонио да Сангалло — младший и Виньола. Монтень посетил Sala del Mappemondo (украшенную Джованни Антонио да Варезе в 1574 году) и другие залы (в частности Sala dei Fasti с фресками Дзуккари и Темпести), где можно видеть изображения коннетабля Анна де Монморанси, Екатерины Медичи и др.

их с первого взгляда на их этих портретах: нашего коннетабля, королеву-мать, ее детей, Карла IX, Генриха III, герцога Алансонского, королеву Наваррскую и короля Франциска II [самого старшего из всех], а также короля Генриха II, Пьетро Строцци и других. В том же зале в двух его концах видны два бюста: с одной стороны, на самом почетном месте, бюст короля Генриха II с надписью внизу, где он назван хранителем дома Фарнезе[801]; а на другом конце — бюст [испанского короля] Филиппа II, надпись на котором гласит: за благодеяния, полученные от него в великом множестве. Снаружи тоже имеется много прекрасных вещей, которые стоит посмотреть, и среди прочих грот, откуда вода, искусно направленная в маленькое озеро, представляет зрению и слуху падение настоящего дождя. Этот грот расположен в пустынном и диком месте, и воду для этих фонтанов приходится доставлять с расстояния в восемь миль, от самого Витербо.

Оттуда по ровной дороге через большую рав-

---

[801] Примечания: 801

Генрих II поддержал Октавио Фарнезе (сына Пьетро Луиджи Фарнезе, который в свой черед был внебрачным сыном папы Павла III, который и создал герцогство Пармское и Пьяченское) в борьбе против имперцев, которые вторглись в его государство, и против папы Юлия III, хотевшего присоединить его к Папской области. Было подписано перемирие; затем Октавио укрепил свое положение, женившись на Маргарите, побочной дочери Карла V.

нину мы добрались до весьма обширных лугов, посреди которых в некоем лишенном травы месте видно, как бурлят источники холодной воды, довольно чистые, но настолько пропитанные серой, что запах чувствуется весьма далеко[802]. Мы приехали на ночлег в

МОНТЕРОССИ, двадцать три мили; и в первое воскресенье октября прибыли в

РИМ, две мили. Нас там встретил очень большой холод и ледяной ветер с севера. В понедельник и в последующие несколько дней я чувствовал несварение в своем желудке, что заставило меня пропустить несколько общих трапез, чтобы есть поменьше[803]. И пока мой желудок был свободным, я чувствовал себя довольно бодрым и полностью располагал всей своей натурой, за исключением головы, которая еще не совсем оправилась.

В день, когда я прибыл в Рим, мне передали письма от членов городского совета Бордо, которые весьма любезно написали мне по поводу

---

[802] Примечания: 802

Близ Рончильоне действительно имеется *solfatara*, сернистый источник, однако неприятный сопутствующий запах — весьма распространенное явление в этой области.

[803] Примечания: 803

См. «Опыты», III, 2.

моего избрания мэром их города и просили меня приехать к ним.

В воскресенье, 8 октября 1581 года, я пошел повидаться в термах Диоклетиана на Монте Кавалло[804] с одним итальянцем, который, долгое время пробыв рабом в Турции, научился там множеству необычайных приемов, которые делаются на лошади. Он, например, скача во весь опор, мог совершенно прямо стоять на седле и с силой метал дротик, а потом вдруг оказывался в седле. Затем, посреди стремительной скачки, всего лишь опираясь рукой на ленчик седла, спускался с коня, касаясь земли правой ногой, а левой стоя в стремени; и несколько раз видели, как он так спускается и поднимается попеременно. Он проделывал много подобных трюков в седле, по-прежнему на скаку. Стрелял из лука по-турецки вперед и назад с большой ловкостью. А иногда упирался головой и плечом в шею лошади, поднимал ноги прямо вверх и, держа

[804] Примечания: 804
Здесь под Монте Кавалло надо понимать весь Квиринальский холм.

их так, продолжал скакать во весь опор[805]. Он подбрасывал в воздух булаву, которую держал в руке, и подхватывал на скаку. Наконец, стоя в седле и держа правой рукой копье, он ударял им в перчатку и подцеплял ее, как при конной игре с кольцом. Еще он, стоя на ногах, крутил вокруг своей шеи взад и вперед пику, которую сначала сильно раскручивал рукой.

10 октября после обеда посол Франции[806] отправил мне нарочного сказать, что, если я хочу, он заедет за мной и возьмет меня в свою карету, чтобы мы вместе поехали посмотреть на мебель кардинала Урсино[807], которую продавали, потому что он умер этим самым летом в Неаполе и сделал наследницей большого имущества свою племянницу, которая была еще ребенком. Среди

---

[805] Примечания: 805

Позже Монтень вставит это воспоминание в «Опыты», I, 48: «Я видел, как один человек скакал, стоя обеими ногами на седле, как он сбросил седло, а затем на обратном пути поднял, приладил и сел в него, проделав все это на полном скаку, с брошенными поводьями; промчавшись над брошенной наземь шляпой, он сзади стрелял в нее из лука, а также поднимал с земли все что угодно, опустив одну ногу и держа другую в стремени, и показывал еще много подобных же фокусов, которыми зарабатывал себе на жизнь».

[806] Примечания: 806

Поль де Фуа, сменивший на этом посту Луи д'Абена, см. выше, с. 247, прим. 3.

[807] Примечания: 807

Фульвио Орсини, кардинал с 1565 года, был легатом *a latere* при

Карле IX.

редких вещей, которые я там видел, имелось постельное покрывало из тафты, подбитое лебедиными перьями. В Сиене встречается много этих лебединых шкурок, сохраненных целиком с перьями и надлежащим образом обработанных; с меня за такую просили полтора скудо. Они размером с овчину[808], и чтобы сделать такое покрывало, хватило бы нескольких. Еще я видел страусиное яйцо, резное со всех сторон и очень красиво расписанное; потом квадратный ларец для хранения драгоценностей, и кое-какие в нем уже лежали. Но поскольку этот ларец был весьма хитроумно устроен и там имелись зеркала, то, открывая его, казалось, что он гораздо более вместительный и глубокий со всех сторон, как снизу, так и сверху, и что там в десять раз больше драгоценностей, чем их там было на самом деле, потому что одна и та же вещь многократно отражалась в зеркалах, которые даже было нелегко заметить.

В четверг, 12 октября, кардинал Санский отвез меня одного в карете вместе с ним, чтобы посмотреть на церковь Св. Иоанна и Павла, титулярием и настоятелем которой он был, а также

---

[808] Примечания: 808
Здесь — со шкуру кастрированного барана: *pelle di castrato*.

на монахов, которые дистиллируют те душистые воды, о которых я уже говорил раньше[809]. Эта церковь расположена на Монте Челио, местоположение, которое, кажется, было выбрано с умыслом, потому что она вся сводчатая снизу, с большими коридорами и подземными залами. Утверждают, что это здесь был форум или площадь Гостилия[810]. Из садов и вертоградов этих монахов открывается очень красивый вид — оттуда любуешься и древним, и новым Римом. Место из-за своей высоты обрывисто, глухо, пустынно и почти недоступно со всех сторон.

В тот же день я отправил вперед изрядно набитый дорожный сундук, чтобы его доставили в Милан. У возчиков обычно уходит двадцать дней, чтобы туда добраться. Сундук весил сто пятьдесят фунтов, плата — четыре *байокко* за фунт, что соответствует двум французским солям. У меня там внутри были многие ценные вещи, прежде всего великолепные четки *Agnus Dei*[811], самые

---

[809] Примечания: 809

О монахах-иезуатах см. выше, с. 156, прим. 4, 5. О кардинале Санском также см. выше, с. 156, прим. 3.

[810] Примечания: 810

В те времена считалось, что *Curia Hostilia*, находившаяся на самом деле на Римском форуме, располагалась на Монте (холме) Челио.

[811] Примечания: 811

Четки с изображением жертвенного агнца, Агнца Божия — *агнус деи*.

прекрасные, что я нашел в Риме. Они были сделаны нарочно для посла императрицы, и один из его дворян давал их на благословение папе[812].

В воскресенье, 15 октября, рано утром я уехал из Рима, оставив там своего брата и дав ему сорок три золотых скудо, на которые он рассчитывал прожить здесь в течение пяти месяцев, упражняясь во владении оружием. Перед моим отъездом из Рима он снял славную комнату за двадцать джулио в месяц[813]. Г-да д'Эстиссак, де Монтю, барон де Шаз, Моран и некоторые другие проводили меня до первой почтовой станции[814]. Если бы даже я не торопился, мне все равно хотелось избавить от этого труда упомянутых дворян, многие из которых были готовы за мной последовать и даже наняли лошадей. Это были дю Белле,

---

[812] Примечания: 812

Императрица Мария, вдова Максимилиана II, направлялась в Испанию через Милан и Геную (см. ниже). Ее послом был барон де Первестан.

[813] Примечания: 813

Вероятно, как раз в течение этих пяти месяцев, уже в отсутствие старшего брата, у Бертрана-Шарля де Матекулона случится дуэль, о которой Монтень позже напишет в «Опытах», II, 27: «…мой брат, сьер де Матекулон, был приглашен в Риме одним не слишком знакомым ему дворянином быть секундантом в дуэли с другим дворянином, который вызвал его. И в этом поединке моему брату пришлось скрестить шпагу с человеком, более знакомым и близким ему, нежели тот, ради кого он принял вызов (хотел бы я, чтобы кто-нибудь разъяснил мне смысл этих законов чести, которые зачастую противоречат и рассудку, и здравому смыслу!)».

[814] Примечания: 814

С бароном де Шазом Монтень повстречался в Остии, равно как с Мариво (которым Лотре предлагает заменить «Морана») и дю Белле, который будет упомянут ниже (см. также выше, с. 239, прим. 1). Что касается Монтю (в копии Леде — Монта), то традиционно принятое исправление *Монлюк* на самом деле очень ненадежно. — Остальные дворяне, упомянутые в конце абзаца, это, без сомнения, три сына Франсуа де Вуазена (Луи, Жак, Жан-Жак); барон д'Амбр и Кристоф II д'Алегр.

д'Амбр, д'Алегр и другие. Я приехал на ночлег в

РОНЧИЛЬОНЕ, тридцать миль. Лошадей я нанял до Лукки, каждую за двадцать джулио, и возчик обязался сам оплачивать свои расходы.

В понедельник утром я был удивлен, почувствовав столь пронизывающий холод, что мне показалось, будто я никогда не испытывал такого, и при этом видел, что в этой области еще не закончен сбор винограда. Я приехал к обеду в

ВИТЕРБО, где достал свои меха и всю свою зимнюю одежду. Оттуда приехал пообедать в

САН ЛОРЕНЦО, тридцать восемь миль; и из этого селения отправился на ночлег в

САН КВИРИКО, тридцать две мили. Все эти дороги были приведены в порядок в нынешнем году по приказу герцога Тосканского, и это прекрасная и очень полезная работа для населения. И Бог вознаградил за нее, поскольку эти дороги, прежде очень плохие, теперь стали очень удобными и весьма торными, почти как городские улицы. Было удивительно видеть поразительное количество людей, направлявшихся в Рим. Упряжные лошади, чтобы доехать туда, стоят очень дорого, но на обратном пути их отдают почти за бесценок. Неподалеку от Сиены имеется «двойной» мост, то есть мост с желобом, по кото-

рому перебрасывают воды другой реки — такие встречаются и в некоторых других местах[815]. Вечером мы прибыли в Сиену.

СИЕНА, двадцать миль. Этой ночью я два часа промучился из-за колики и считал, что чувствую выход камня. В четверг рано утром ко мне пришел Гульельмо Феличе, врач-еврей, и много разглагольствовал об образе жизни, который я должен соблюдать в отношении моего почечного недуга, и о песке, который у меня выходит. Я, не мешкая, уехал из Сиены; колика возобновилась и продлилась три-четыре часа. По истечении этого времени я заметил по сильной боли, которую почувствовал в нижней части живота и во всех прилегающих угодьях, что камень вышел. Я приехал к ужину в

ПОНТЕ А ЭЛЬСА, двадцать восемь миль. У меня вышел камешек побольше просяного зернышка и немного песка, но безболезненно и без каких-либо трудностей на проходе. Я уехал оттуда в пятницу утром и остановился в

АЛЬТОПАШО, шестнадцать миль. Я остановился тут на час, чтобы задать овса лошадям. Еще у меня без большого труда и с большим количе-

---

[815] Примечания: 815

Таков мост Пон-дю-Гар в Нижнем Лангедоке, сооружение римлян (*прим. Керлона).*

ством песка вышел камень, длинный, частью твердый, а частью рыхлый, величиной с крупное пшеничное зерно. Нам попалось по дороге много крестьян, одни из которых обрывали виноградные листья, которые они сохраняли на зиму, чтобы кормить свою скотину; другие собирали папоротник для подстилки. Мы приехали на ночлег в Лукку.

ЛУККА, восемь миль. Меня навестили многие дворяне и ремесленники. В субботу, 21 октября, утром я вытолкнул наружу камень, который на некоторое время застрял в мочеточнике, но затем вышел без затруднений и без боли. Он был почти круглым, твердым, массивным, неровным, белым внутри, рыжим снаружи и размером гораздо больше зерна; и тем не менее при этом у меня по-прежнему выходило некоторое количество песка. Благодаря этому видно, что природа подчас успокаивается сама собой, поскольку я чувствовал, как это выходит при естественном мочеиспускании. Слава богу, что эти камни выходят таким образом, без острой боли и не расстраивая мои дела.

Поев винограда (поскольку в этой поездке я ел утром очень мало, даже почти ничего), я выехал из Лукки, не дожидаясь некоторых дворян, же-

лавших меня проводить. Дорога была хорошей, часто очень ровной. Справа от меня были невысокие горы, покрытые бесконечным множеством оливковых деревьев, слева болота, а еще дальше море.

Я видел в одном месте государства Лукки машину, наполовину развалившуюся из-за небрежения правительства, что причиняет большой ущерб окружающим деревням. Эта машина была построена, чтобы осушать болота и сделать их плодородными[816]. Выкопали большой ров, в начале которого поставили три колеса, которые крутила вода быстрого ручья, стекавшего с горы. Эти колеса, приведенные таким образом в движение, вычерпывали с одной стороны воду изо рва прикрепленными к ним черпаками, а с другой — выливали ее в канал, выкопанный с этой целью выше и со всех сторон окруженный стенами, который выносил эту воду в море. Вот так и осушалась вся окрестная область.

Я проехал через крепость герцога Флорентийского, которая называется Пьетра Санта, весьма

---

[816] Примечания: 816

Эту машину придумал фламандец Вильгельм Рает (Raet), но как только работы начались, уровень озера Массачукколи поднялся, и пострадавшие от этого прибрежные жители разрушили часть гидравлических приспособлений. В 1582 году работы были возобновлены, но потом окончательно заброшены.

большую, где имеется много домов, но мало людей, чтобы жить в них, потому что воздух здесь, как говорят, настолько плохой, что не годится для жизни и большинство жителей тут умерло либо чахнут. Отсюда мы приехали в Масса ди Каррару.

МАССА ДИ КАРРАРА, двадцать две мили, селение, принадлежащее князю ди Масса из дома Чибо[817]. На невысокой горе виден красивый замок, наполовину окруженный хорошими стенами, а ниже и вокруг проходят дороги и располагаются дома. Еще ниже за пределами стен находится предместье, которое простирается на равнину; оно тоже изрядно окружено стенами. Место красивое, прекрасные дороги и красивые расписанные дома.

Я был вынужден попробовать здесь молодые вина, потому что в этих местах других не пьют. Тут знают секрет, как их осветлять с помощью деревянной стружки и яичных белков, так что им придают вид выдержанных, хотя в них сохраняется какой-то непонятный неестественный вкус.

В воскресенье, 22 октября, я проследовал довольно ровной дорогой, по-прежнему имея слева

[817] Примечания: 817

Альберик I (1532–1623). Он обнес стенами нижний город и перестроил его, украсив дома росписями.

от себя Тосканское море на расстоянии выстрела из аркебузы. На этой дороге мы увидели между морем и нами не очень значительные руины, про которые местные жители говорят, что в давние времена тут был большой город, называвшийся Луна[818]. Оттуда мы приехали в

САРЦАНУ, землю Генуэзской синьории. Тут виден герб республики, на котором изображен св. Георгий на коне;

она здесь держит швейцарский гарнизон. Когда-то ею владел герцог Флорентийский, и если бы князь ди Масса не встрял между ними, чтобы их разнять, нет никакого сомнения, что Пьетра Санта и Сарцана, граничащие с обоими государствами, беспрерывно переходили бы из рук в руки.

По отъезде из Сарцаны, где мы были вынуждены заплатить четыре джулио за смену лошади, там сделали большой пушечный залп, из-за того что там проезжал дон Джован де Медичи, побочный брат герцога Флорентийского, который возвращался из Генуи, где по поручению своего

[818] Примечания: 818

Luna — древний этрусский, затем римский город *Luni*, довольно крупный, чтобы дать свое имя целой области *(Lunigiana)*, опустошенной в IX–XI веках корсарами (см. Данте, «Рай», XVI).

брата виделся с императрицей[819] в числе многих других принцев Италии. Больше всего шума произвел своим великолепием герцог Феррарский; он поехал в Падую навстречу этой государыне с четырьмястами каретами. Он просил у Венецианской синьории позволения проехать через их земли с шестью сотнями лошадей, они ответили ему, что дозволяют, но с гораздо меньшим количеством. Так что герцог рассадил всех своих людей по каретам и повез их всех, сократив таким образом количество лошадей. Я встретил принца [Джанни де Медичи] по дороге. Это молодой человек, он весьма недурен собою; его сопровождали двадцать хорошо снаряженных человек, но сидевших на упряжных лошадях, что в Италии никого не бесчестит, даже принцев. Проехав Сарцану, мы оставили слева дорогу на Геную.

Тут, чтобы добраться до Милана, не было большой разницы, проезжать через Геную или по-прежнему ехать той же дорогой: это одно и то же. Мне хотелось увидеть Геную и императрицу, которая там была. Я отказался от этой затеи, по-

[819] Примечания: 819

См. выше, с. 404, прим. 2; — дон Джованни де Медичи (1565–1621) был незаконнорожденным сыном Козимо I; он — автор плана капеллы Принцев (Capella dei Principi), которую с 1604 года строил, внося изменения, архитектор Маттео Ниджетти.

тому что туда имеются два пути: один в трех днях от Сарцаны, это сорок миль очень плохой и очень гористой дороги, где полно камней, обрывов, дурных и весьма редко посещаемых гостиниц. Другой путь через Леричи, которое находится в трех милях от Сарцаны. И оттуда водным путем за двенадцать часов достигают Генуи. Однако я не выношу плавание по воде из-за моего желудка, который даже не так боится трудностей этого пути, как невозможности найти жилье из-за огромных толп [чужестранцев], нахлынувших в Геную. Да к тому же ходили слухи, что дороги из Генуи в Милан ненадежны и кишат разбойниками; наконец, меня больше всего заботило мое возвращение [во Францию], так что я решил оставить Геную и двинулся напрямик через горы. Мы по-прежнему следовали по дну неглубокой лощины вдоль реки Магра, которая была у нас по левую руку. Так, проезжая то через генуэзские владения, то через флорентийские, то через владения дома Маласпина[820], но по-прежнему вполне проезжей и удобной дорогой, за исключением нескольких плохих участков, мы добрались на ночлег в

[820] Примечания: 820

Маркизат Маласпина в Луниджане тоже был независимым государством.

ПОНТРЕМОЛИ, тридцать миль. Это вытянутый город, довольно плотно застроенный старинными зданиями, но в них нет ничего замечательного. Много руин. Утверждают, что он некогда назывался *Арриа*; теперь зависит от Миланского государства, а еще недавно принадлежал семейству Фьески[821].

Первое, что мне подали за столом, был сыр, какой делается неподалеку от Милана и в окрестностях Пьяченцы, потом очень хорошие оливки без косточек, сдобренные оливковым маслом и уксусом на манер салата, который подают в Генуе. Город лежит между горами и у их подножия. Для мытья рук подавали наполненный водой таз, поставленный на маленькую скамеечку, и каждому приходилось мыть руки той же водой.

Я покинул это место в понедельник, 23-го, и, съехав из гостиницы, поднялся в Апеннины, проезд через которые не отличается ни трудностью, ни опасностью, несмотря на их высоту. Мы ехали весь день, то поднимаясь, то спускаясь по горам, по большей части диким и не очень плодород-

---

[821] Примечания: 821

Знаменитый генуэзский род, соперник рода Дориа. После неудачи заговора Джан Луиджи Фьески против Андреа Дориа (1547), который вдохновил Шиллера на историческую драму, в Понтремоли был отправлен испанский наместник, подчиненный миланскому.

ным, и приехали на ночлег в

ФОРНОВО, в государстве графа ди Сан Секондо[822], тридцать миль. Я был весьма доволен, видя, что избавился наконец от этих горцев-плутов, которые дерут с проезжих три шкуры на расходах за еду и лошадей. Мне подавали на стол различные рагу с горчицей[823], весьма хорошие; и среди прочих было одно с айвой. Я обнаружил здесь большую нехватку упряжных лошадей. Вы оказываетесь в руках народца, у которого в отношении чужестранцев нет ни чести, ни совести. Обычно платишь два джулио за лошадь на каждый перегон; здесь с меня требовали три, четыре, а то и пять за перегон, так что каждый день мне стоил больше одного скудо за наем одной лошади, да еще мне насчитывали два перегона там, где был только один.

В этом месте я был в двух перегонах от Пармы, а от Пармы до Пьяченцы расстояние такое же, как от Форново до этой последней, так что я укладывался всего в два перегона; но я не захотел

---

[822] Примечания: 822

Троило Росси, маркиз (а не граф) ди Сан Секондо (di San Secondo), умер в 1591 году. У *Форново суль Таро* Карл VIII в 1495 году разбил Ломбардскую лигу.

[823] Примечания: 823

На самом деле речь идет о *мостарде* (итал. *mostarda* — «горчица»), соусе из фруктов, замаринованных с горчицей и уксусом.

туда ехать, чтобы не ломать свое возвращение, а потому отбросил любой другой замысел. Это место — маленькая деревня в шесть-семь домиков, расположенная на равнине вдоль Таро; думаю, что таково название реки, которая ее омывает. На следующее утро мы долго ехали вдоль нее и приехали к обеду в

БОРГО САН ДОНИНО[824], маленькая крепостца, которую герцог Пармский начал окружать красивыми стенами с башнями по бокам. Мне подали к столу *мостарду* из нарезанного апельсина в меду, наподобие полусваренного котиньяка[825].

Оттуда, оставив Кремону справа на том же расстоянии, что и Пьяченцу, мы проследовали очень красивой дорогой по области, где, насколько хватает глаз, не видно никаких гор и даже никаких возвышенностей, а почва очень плодородна. Мы меняли лошадей на каждом перегоне; два последних я проделал галопом, чтобы придать силы своим бокам; я не устал, и моя моча осталась в своем естественном состоянии.

---

[824] Примечания: 824

Сегодня называется Фиденца. В римские времена это был город Fidentia Julia, пришедший в упадок к III веку, но затем возродившийся вокруг могилы св. Донино, чьим именем и стал называться вплоть до 1927 года.

[825] Примечания: 825

Cotignac — айвовое варенье.

Близ Пьяченцы по обе стороны дороги справа и слева стоят две колонны на расстоянии примерно в сорок шагов друг от друга. На основаниях этих колонн имеется латинская надпись, гласящая, что между ними запрещено строить, а также сажать деревья и виноградные лозы. Я не знаю, хотели ли сохранить только ширину дороги или оставить равнину такой же открытой, какой ее действительно видишь после этих колонн вплоть до города, который отсюда всего в полумиле. Мы приехали на ночлег в Пьяченцу.

ПЬЯЧЕНЦА, двадцать миль: довольно большой город[826]. Поскольку, когда я приехал сюда, до темноты было еще далеко, я успел сделать трехчасовой круг по городу. Улицы грязные, не вымощены; дома маленькие. На площади, которая особенно велика, имеется Дворец правосудия, с тюрьмой; в нем собираются все граждане. Окрестности занимают незначительные лавки. Я видел замок, который в руках короля Филип-

[826] Примечания: 826

Пьяченца, основанная римлянами как Colonia Placentia, познала эпоху расцвета под властью дома Фарнезе (1545–1731). Герцог Октавио (см. выше, с. 400, прим. 1) проживал в палаццо Фарнезе (строительство было начато по планам Ф. Пачотти и продолжено Виньолой), этот дворец еще называют Цитаделью (Citadella); испанский гарнизон, занимавший замок, покинул его в 1585 году. На красивой площади Пьяцца деи Кавалли расположен старинный палаццо дель Комуне, прекрасный образец ломбардской готической архитектуры.

па. Его гарнизон состоит из трехсот испанских солдат, которым плохо платят, как они сами мне сказали. Зорю играют утром и вечером в течение часа на инструментах, которые мы зовем гобоями и флейтами. Внутри многолюдно, имеются прекрасные артиллерийские орудия. Герцог Пармский, который в это время случился в городе, никогда не бывает в замке, который держит король Испании; у него свое собственное жилище в Цитадели, это другой замок, расположенный в другом месте. В общем, я тут не видел ничего примечательного, разве что новое здание церкви Св. Августина, которую король Филипп велел построить вместо прежней церкви Св. Августина, которой он воспользовался для строительства замка, удержав часть ее доходов. Строительство еще не закончено, хотя очень хорошо началось. Однако жилище монахов, которые тут в количестве семидесяти, и двойные внутренние галереи обители полностью завершены. Это здание красотой своих коридоров, *дормиториев*[827], погребов и прочих подсобных помещений мне показалось самым пышным зданием для нужд Церкви, что я

[827] Примечания: 827
Dormitorium (лат.) — общая спальня, спальное помещение.

видел в каком-либо другом месте[828].

Здесь соль кладут на стол куском и сыр тоже подают большим куском и без блюда.

Герцог Пармский ожидал в Пьяченце прибытия старшего сына, эрцгерцога Австрийского, молодого принца, виденного мной в Инсбруке и о котором говорят, что он ездил в Рим, чтобы короноваться королем римлян[829]. Здесь вам подносят воду, чтобы разбавлять вино большой латунной ложкой. Сыр, который тут едят, похож на те местные сыры, *пьячентини*, что продаются по всей этой области. Пьяченца находится ровно на полпути между Римом и Лионом. Чтобы ехать прямо в Милан, мне пришлось остановиться на ночлег в

МАРИНЬЯНО[830], тридцать миль, откуда до Милана десять; но я удлинил свое путешествие на десять миль, чтобы повидать Павию. В среду, 25 октября, я выехал рано и проследовал красивой

---

[828] Примечания: 828

Церковь Сант'Агостино была начата в 1569 году Бернардино Паниццари; рядом — грандиозный Monastero dei Canonici Regolari Lateranensi (упразднен в конце XVIII века).

[829] Примечания: 829

Кардинал Австрийский Андреас (см. выше, с. 134, прим. 3) никогда не был коронован королем римлян.

[830] Примечания: 830

Известен победой Франциска I над швейцарцами в 1515 году.

дорогой, на которой у меня вышел маленький рыхлый камень и много песка. Мы проехали через маленькую крепостцу, принадлежащую графу Сантафьоре[831]. В конце пути мы пересекли По по мосту, наведенному на двух барках с маленькой будкой, которые удерживают с помощью длинного каната, который опирается в разных местах на челны, выстроенные на реке друг против друга. Неподалеку оттуда Тичино сливается с водами По. Мы рано прибыли в Павию.

ПАВИЯ, тридцать миль. Я торопился увидеть главные достопримечательности этого города: мост через Тичино, собор Дуомо, церкви кармелитов, Св. Фомы, Св. Августина с саркофагом самого Августина и его богатой гробницей из белого мрамора со многими статуями. На одной из площадей города имеется кирпичная колонна, а на ней статуя, сделанная, кажется, с конной статуи Антонина Пия, которая установлена в Риме перед Капитолием[832]. Эта гораздо меньше и не может сравниться с ней по красоте, но что меня привело в замешательство, так это наличие седла

[831] Примечания: 831

Граф Сфорца ди Санта Фьора сражался при Монконтуре.

[832] Примечания: 832

Неточность Монтеня: перед римским Капитолием стояла и стоит конная статуя Марка Аврелия.

у павийской статуи, со стременами, с передними и задними луками, в то время как у римской ничего этого нет. Так что здесь я разделяю мнение ученых, которые смотрят на эти стремена и седло (по крайней мере на такие, как эти) как на современное измышление. Видимо, какой-то скульптор-невежда решил, что коню не хватает этих украшений. Еще я видел начатое здание, которое кардинал Борромео велел построить для студентов[833].

Город велик, довольно красив, весьма многолюден, в нем полно всевозможных ремесленников. Красивых домов мало, и даже тот, где недавно останавливалась императрица, невзрачен. Во французском гербе, который я видел, лилии стерты; в общем, нет ничего исключительного. В этих

[833] Примечания: 833

Вот главные достопримечательности, виденные Монтенем в Павии: мост через Тичино (Понте Коперто), построенный в XIV веке на опорах римского моста (в 1583 году был сделан крытым); Дуомо, внушительное творение ломбардского Ренессанса; Санта Мария дель Кармине, готическая церковь, начатая в 1390 году; бывшая церковь Сан Томмазо (в настоящее время упраздненная и тоже используется не по назначению); базилика Сан Пьетро ин Чель д'Оро (построенная в XII веке на месте базилики VI века) со знаменитой аркой св. Августина (XIV век) — пышным готическим монументом (девяносто пять статуй небольшого размера и барельефов). Статуя Марка Аврелия (прозванная Regisole) — возвышалась на Соборной площади (уничтожена в 1796 году и впоследствии заменена новоделом). Колледжо Борромео — был основан в 1564 году св. Карло Борромео для студентов университета, кстати, очень старинного, X–XI веков.

областях лошади обходятся по два джулио перегон. Лучшая гостиница, где я останавливался от Рима и досюда, была в Пьяченце, и я думаю, что она вообще лучшая в Италии после Вероны; однако наихудшая гостиница, на которую я наткнулся в этом путешествии, это «Сокол» в Павии. Здесь и в Милане за дрова платят отдельно, а на кроватях не хватает матрасов.

Я выехал из Павии в четверг, 26 октября, и на расстоянии в полмили отклонился от прямого пути вправо, чтобы увидеть равнину, где, как говорят, войско короля Франциска [I] было разгромлено [Карлом V][834], а также чтобы увидеть обитель и монастырскую церковь, которая считается, и по праву, очень красивой. Фасад со входом внушительного вида, весь из мрамора, богато изукрашен, бесконечно тонкой работы. На передней части алтаря из слоновой кости имеются рельефы с изображениями из Ветхого и Нового Завета, а также могила Джан Галеаццо Висконти, основателя этой мраморной церкви. Затем восхищаешься хором, украшениями главного алтаря и клуатра необычайного величия и редкостной красоты. Это наиболее прекрасное из того, что

[834] Примечания: 834

В 1525 году; именно после этой битвы побежденный Франциск якобы сказал: «Все пропало, кроме чести».

тут есть[835]. Монастырь очень пространен, и при виде размеров и количества различных построек, которые его составляют, при виде бесконечного количества слуг, лошадей, карет, рабочих и ремесленников, которых он в себе заключает, кажется, что это двор какого-то величайшего властителя. Тут работают безостановочно, с невероятными издержками, которые делаются на доходы обители. Этот монастырь расположен посреди очень красивой равнины. Оттуда мы приехали в

МИЛАН, двадцать миль. Это самый многолюдный город Италии: он велик и населен всевозможными ремесленниками и торговцами. Он изрядно похож на Париж и поддерживает много связей с городами Франции. Здесь совсем не найти прекрасных дворцов, как в Риме, Неаполе, Генуе, Флоренции, но он превосходит эти города по размерам, а наплыв иностранцев здесь

[835] Примечания: 835

Чертоза в Павии была заложена в 1396 году Джаном Галеаццо Висконти, дополнена Сфорца около 1450 года и обогащена в последующие века — один из самых грандиозных памятников ломбардского Возрождения. Главными создателями этого чуда были: Бернардино из Венеции, затем Джованни Солари с сыном. Богатый фасад начали Джованни Антонио Амадео и Мантегацца, а закончил Кристофоро Ломбардо. Полиптих из слоновой кости с шестьюдесятью шестью сценами из Ветхого и Нового Завета были исполнены около 1400 года в мастерской флорентийского скульптора Бальдассаре дельи Эмбриаки. Мавзолей Джана Галеаццо Висконти — работа Дж. Ч. Романо и его мастерской (1497).

не меньше, чем в Венеции. В пятницу, 27 октября, я отправился осматривать снаружи Замок и обошел его вокруг почти весь целиком. Это очень большое и великолепно укрепленное сооружение[836]. Гарнизон состоит по меньшей мере из семисот испанцев и весьма обеспечен артиллерией. Здесь еще делают починки со всех сторон. Я там задержался на весь день из-за неожиданно случившегося проливного дождя. До этого погода на дороге была к нам благосклонна.

В субботу утром, 28 октября, я уехал из Милана по прекрасной, очень ровной дороге; хотя шел беспрерывный дождь и все дороги покрылись водой, грязи совсем не было, потому что местность тут песчаная. Я приехал к обеду в Буффалору.

БУФФАЛОРА, восемнадцать миль. Мы переехали через канал Навильо по мосту. Он узкий, но такой глубокий, что по нему приводят в Милан большие барки[837]. Немного дальше мы переплыли Тичино на судне и приехали на ночлег

---

[836] Примечания: 836

Замок Сфорцеско, первоначально принадлежавший Висконти и перестроенный Сфорца в 1450 году, это обширный кирпичный прямоугольник с двумя цилиндрическими башнями на фасаде. В настоящее время там находится несколько важных музеев. — 27 октября; здесь Бартоли исправил очевидную описку — «7» на «27».

[837] Примечания: 837

Навильо — канал, отведенный от реки Тичино; служит для сообщения Милана с озером Маджоре.

в Новару.

НОВАРА, двадцать восемь миль, маленький городок, не слишком приятный, на равнине[838]. Она окружена виноградниками и рощами; почва тут плодородна. Мы уехали отсюда утром и остановились, чтобы покормить наших лошадей, в

ВЕРЧЕЛЛИ, десять миль. Город в Пьемонте, принадлежит герцогу Савойскому, расположен еще на равнине, вдоль реки Сезия, которую мы переплыли на лодке. Герцог велел построить в этом многолюдном городе, причем очень быстро, красивую крепость, насколько я мог судить о работах снаружи; что вызвало ревность испанцев, которые находятся по соседству[839].

Оттуда мы проехали через два маленьких замка Сан Джермано и Сан Джакомо[840] и проследовали дальше по прекрасной плодородной равнине, бо-

---

[838] Примечания: 838

В Новаре все же имелось несколько интересных зданий (например, Бролетто XV века), которые Монтень мог бы заметить, если бы так не торопился.

[839] Примечания: 839

Герцог — Карло Эммануэле I. Однако в «Анналах Италии» Муратоти эта крепость упоминается под 1553 годом, то есть еще при герцоге Савойском Эммануэле Филиберто, отце Карло Эммануэле. В 1705 году она была разрушена французами. Город много раз оказывался вовлечен в борьбу между Савойским домом, Францией и Испанией.

[840] Примечания: 840

В «Анналах Италии» этот замок указан как Сантия.

гатой в основном ореховыми деревьями (потому что в этом краю совсем нет олив и нет другого масла, кроме орехового), и приехали на ночлег в

ЛИВОРНО[841], двадцать миль, маленькая деревушка, достаточно застроенная домами. Мы уехали отсюда в понедельник рано утром и по очень ровной дороге приехали к обеду в

КИВАССО, десять миль. Преодолев многие реки и ручьи то на лодке, то вброд, мы прибыли в

ТУРИН, десять миль, куда легко смогли добраться до обеда. Это небольшой городок, расположенный в весьма многоводной местности, которая не слишком хорошо застроена и не слишком приятна, хотя через нее протекает ручей, который выносит оттуда все нечистоты[842]. Я дал в Турине пять сольдо с половиной за лошадь на шесть дней до Лиона; собственные издержки владельцев они должны оплачивать сами. Здесь обычно говорят по-французски и все местные люди весьма расположены к Франции. В их обиходном языке

---

[841] Примечания: 841

Не путать с портом Ливорно на Тосканском побережье. Сегодня этот населенный пункт называется Ливорно-Феррарис по имени физика Галилео Феррариса.

[842] Примечания: 842

Название ручья — Доретта. В XVI веке Турин насчитывал тридцать тысяч жителей. Его экономический подъем начался при Карло Эммануэле II (1634–1675).

почти нет итальянского произношения, и по сути он состоит из наших собственных выражений. Мы уехали оттуда во вторник, в последний день октября, и по длинной, но по прежнему ровной дороге прибыли к обеду в

САНТ'АМБРОДЖО, два перегона. Откуда, следуя по узкой равнине между гор, приехали на ночлег в Сузу.

СУЗА, два перегона. Это маленький замок, тесно застроенный множеством домов. Там я снова ощутил во время остановки сильную боль в правом колене, которая не отпускала меня несколько дней и все время только усиливалась. Гостиницы тут лучше, чем в других местах Италии: хорошее вино, плохой хлеб, на еду не скупятся. Хозяева гостиниц вежливы, как и по всей Савойе. В День Всех Святых, выслушав мессу, я уехал оттуда и прибыл в Новалезу.

НОВАЛЕЗА, один перегон. Я нанял тут восьмерых *марронов*[843], чтобы доставили меня в портшезе на перевал Мончензио и спустили на другую сторону в санях.

---

[843] Примечания: 843
Marroni — носильщики.

Часть 5, написанная Монтенем на родном языке

– Ланлебур – Сен-Мишель – Ла Шамбр – Эгбель – Монмельян – Шамбери – Иен – Сен-Рамбер – Монлюель – Лион – Бурдельер – Л'Опиталь – Тьер – Пон-Дю-Шато – Клермон – Понтомюр – Поншаро – Шатен – Совья – Лимож – Кар – Тивье – Перигё – Мориак – Монтень –

Здесь говорят по-французски, так что я оставляю чужой язык, которым пользуюсь довольно легко, хотя наверняка плохо, поскольку не имел досуга, чтобы научиться ему как следует, и все время находился в обществе французов. Я проехал через перевал Мон-Сени наполовину верхом, наполовину в портшезе, который несли четыре человека, а другие их сменяли. Они несли меня на своих плечах. Подъем занял два часа и был каменистый и тяжелый для лошадей, которые к такому не привычны, но в остальном без неприятных случаев и сложностей при подъеме, поскольку горы по-прежнему вздымаются во

всей своей мощи и вы там не видите ни пропасти, ни другой опасности, кроме как споткнуться. Под вами, на горах, имеется плоскогорье протяженностью в два лье, много домиков, озера, источники и почтовая станция; никаких деревьев или же деревья и луга, которыми пользуются в теплое время года. А тогда все было покрыто снегом. Спуск — длиною в одно лье, прямой и крутой, по которому меня спустили в санях те же носильщики, и за всю службу я дал на восьмерых два экю. Тем не менее спустить одного в санях стоит всего один тестон; сани — это такой тяжеловесный снаряд, бесхитростный и вполне безопасный.

ЛАНЛЕБУР, два перегона, это савойская деревня у подножия гор, откуда приехали на ночлег в маленькую деревушку[844]. Тут повсюду есть форели, выдержанные вина и превосходные молодые. Оттуда мы по каменистой горной дороге приехали к обеду в деревню

СЕН-МИШЕЛЬ[845], пять миль, где есть почтовая станция. Оттуда мы, изрядно промокшие, прие-

[844] Примечания: 844

У Леде текст здесь сокращен, зато он дает название деревни: Браман (Bramans), как предположил А. Ченто, вместо Терминьон (Termignon), предложенного всеми остальными издателями.

[845] Примечания: 845

Сен-Мишель-де-Морисьен.

хали на ночлег в

ЛА ШАМБР, пять миль, маленький городок, от которого происходит титул маркизов де ла Шамбров. В пятницу, 3 ноября, мы приехали к обеду в

ЭГБЕЛЬ, четыре лье, укрепленное селение, а потом на ночлег в

МОНМЕЛЬЯН, четыре лье, город и форт, расположенные на вершине невысокой горы, которая возвышается посреди равнины в окружении высоких гор; расположен этот город под сказанной крепостью на реке Изер, которая протекает в Гренобле, в семи лье оттуда. Я почувствовал здесь явное превосходство итальянских оливковых масел, потому что из-за здешних у меня начинаются боли в желудке, а ведь раньше я других и в рот не брал. К обеду приехали в

ШАМБЕРИ, два лье, главный город Савойи[846], маленький, красивый и торговый, лежащий между гор, но в месте, где они сильно расступаются и образуют довольно широкую долину. Оттуда мы проехали через Кошачью гору, высокую, крутую и каменистую, хотя ничуть не опасную или неудобную для подъема, у подножия которой разливается большое озеро, на его берегу имеется

---

[846] Примечания: 846

Шамбери был столицей герцогства до тех пор, пока Эммануэле Филиберто не перевел свое правительство в Турин.

замок, называемый Бордо[847], где делают шпаги, у которых большая известность, и приехали на ночлег в

ИЕН, четыре лье, небольшое селение. В воскресенье утром мы пересекли Рону, которая была у нас по правую руку, и проехали через маленькую крепостцу на ней, построенную герцогом Савойским между скал, которые там сильно сжимаются; вдоль одной из них имеется узкая дорога, в конце которой и находится сказанная крепость, которая совсем не отличается от Кьюзы[848], которую венецианцы втемяшили на выходе из Тирольских гор. Оттуда, по-прежнему продолжая двигаться меж гор, мы прибыли одним перегоном в

СЕН-РАМБЕР, семь лье, маленький городок в сказанной долине. Большая часть савойских городов имеет ручей, который протекает в них посредине, а оба берега сказанного ручья покрыты большими навесами, так что вы там защищены и сухи в любую погоду; правда, в лавках из-за

[847] Примечания: 847

Замок Бордо сохранился; Кошачья гора (Mont du Chat) возвышается над озером Бурже.

[848] Примечания: 848

О Кьюзе см. выше, с. 153, прим. 2; здесь же речь идет о форте Пьер-Шатель.

этого темнее.

В понедельник, 6 ноября, мы выехали утром из Сен-Рамбера, в каковом месте г-н Франческо Ченами, банкир из Лиона, который удалился сюда из-за чумы, послал мне со своим племянником вина, присовокупив много учтивых слов[849].

Я уехал оттуда в понедельник рано утром и, наконец-то окончательно покинув горы, начал выбираться на французские равнины.

Там я на лодке пересек реку Эн у гавани Шазе[850] и одним перегоном приехал в

МОНЛЮЭЛЬ, шесть лье, маленький городок в большом проходе, принадлежащий герцогу Савойскому и последнее из его владений. Во вторник после обеда я поменял лошадей и приехал на ночлег в

ЛИОН, два перегона, три лье. Город мне очень понравился своим видом.

В пятницу я купил у Жозефа де ла Сона трех новых *курто* в связке за двести экю; а днем ранее

---

[849] Примечания: 849

Ветвь луккского семейства Ченами обосновалась в Лионе в XVI веке Франческо Ченами, занимавшийся там банковским делом вместе со своим племянником Джованни Бартоломео, владел в Сен-Рамбере загородным домом.

[850] Примечания: 850

У Керлона было *au pont* — «у моста», но, поскольку в Шазе никогда не было моста, Лотре исправил это на *au port* — «у гавани».

купил у Малезьё ездовую лошадь за пятьдесят экю и другого *курто* за тридцать три[851].

В субботу, в день св. Мартина, у меня случилась сильная боль в животе и продержала меня в постели почти весь день, я совсем не обедал и очень мало поужинал.

В воскресенье, 12 ноября, г-н Альберто Джакинотти[852], флорентинец, который оказал мне много любезностей, пригласил меня на обед в своем доме и предложил одолжить мне денег, хотя я был с ним очень недолго знаком.

В среду, 15 ноября 1581 года, я покинул Лион после обеда и по гористой дороге приехал на ночлег в

БУРДЕЛЬЕР[853], пять лье, деревня, в которой всего два дома. Оттуда в четверг утром мы по-

---

[851] Примечания: 851

Курто (courtaud) — лошадь с подрезанными ушами и хвостом; «в связке» — имеется в виду *бийо (billot)* длинная палка, которую привязывали к боку нескольких лошадей, выстраивая их в цепочку. Упоминание чуть ниже о его «молодых лошадях» указывает на то, что речь действительно идет о «новых» *курто* (и копия Леде это подтверждает), потому они и стоили дороже.

[852] Примечания: 852

Джакинотти *(Giachinotti)* были ответвлением семейства Торнаквинчи; но более об этом персонаже ничего не известно.

[853] Примечания: 853

Маленькая деревушка на современной национальной дороге от Лиона до Клермон-Феррана; Монтеню еще предстояло проехать через Фёр и Л'Опиталь-су-Рошфор, прежде чем добраться до Тьера.

ехали прекрасным ровным путем и примерно на середине его, близ Фёра, маленького городка, переправились в лодке через реку Луару и за один перегон добрались в

Л'ОПИТАЛЬ, восемь лье, маленькое, обнесенное стеной местечко. Оттуда в пятницу утром проследовали гористым путем, в суровую погоду из-за снега и свирепого ветра, против которого нам приходилось ехать, и добрались в

ТЬЕР, шесть лье; маленький городок на реке Алье[854], весьма торговый, хорошо построенный и многолюдный. Главный их промысел — бумага, а еще они известны изготовлением ножей и игральных карт. Тьер на равном расстоянии от Лиона, Сен-Флура, Мулена и Пюи.

Чем ближе я подъезжал к своему дому, тем больше протяженность пути казалась мне нудной, хотя на самом деле я не был даже на полпути от Рима до моего дома и начал считать дни самое большее в Шамбери. Этот город относится к

[854] Примечания: 854

Точнее, на маленькой речке Дюроль, которая впадает в Дор, приток Алье. Тьер по-прежнему остается крупнейшим французским центром ножевого производства.

землям дома [Бурбонов][855] и принадлежит г-ну де Монпансье. Я тут видел, как делают карты у Пальмье. Здесь имеется столько же рабочих и способов делать это, как и в другом хорошем деле. Обычные карты продаются по солю [колода], а тонкие — по два каролюса[856].

В субботу мы проследовали равниной «тучного Лиманя»[857] и, переправившись на лодке через Дор, а потом через Алье, приехали на ночлег в

ПОН-ДЮ-ШАТО, четыре лье. Чума изрядно истерзала это место, и об этом рассказывают немало знатных историй. Жилище сеньора, которым являлся отчий замок виконта де Канийяка[858], сгорело, когда его захотели обеззаразить с помощью огня. Сказанный сеньор отправил ко мне одного из своих людей со многими предложе-

---

[855] Примечания: 855

В первых изданиях Керлона на месте «Бурбонов» стоял пропуск, который теперь заполнен по копии Леде. Тьер, принадлежавший коннетаблю де Бурбону, был отнят у него, когда он перешел на службу к императору, однако возвращен Бурбонам-Монпансье в 1569 году. Герцогом де Монпансье был Луи II де Бурбон, один из главных католических вождей; в 1574 году Монтень был послан к нему мэром Бордо с миссией и вернулся с посланием герцога к бордосскому парламенту.

[856] Примечания: 856

Пальмье — известный фабрикант, чья мануфактура была в нижнем городе. *Каролюс (carolus)* — монета стоимостью в два денье, отчеканенная при Карле VIII.

[857] Примечания: 857

Limagne grasse — земли этой равнины называли так из-за их пло-

дородия.

[858] Примечания: 858

Жан де Монбуасье, виконт де ла Мот-Канийяк. Его замок находился на месте построенной в XVIII веке ратуши.

ниями на словах и просил меня написать г-ну де Фуа для рекомендации своего сына, которого он недавно отправил в Рим. В воскресенье, 19 ноября, я приехал к обеду в

КЛЕРМОН, два лье, и остановился тут, щадя своих молодых лошадей[859].

В понедельник, 20-го, я уехал утром, и на вершине горы Пюи-де-Дом[860] у меня вышел камень, довольно большой, по форме широкий и плоский, который выходил у меня с самого утра, и я чувствовал его еще накануне, только в конце члена; а когда он хотел пройти в мочевой пузырь, я чувствовал его немного и в почках. Он оказался ни рыхлым, ни твердым.

Я завернул в Понжибо, где намеревался поприветствовать г-жу де Лафайет[861], и провел полчаса в ее зале. Этот дом не так прекрасен, как его имя; местоположение скорее некрасиво; сад маленький, квадратный, где аллеи весьма подняты на четыре-пять футов, а садовые четы-

---

[859] Примечания: 859

По поводу этих *молодых лошадей* см. выше, с. 424, прим. 3.

[860] Примечания: 860

Потухший вулкан, самая высокая точка Оверни.

[861] Примечания: 861

Анна де Вьен, вдова Луи де Лафайета, сеньора де Понжибо и прочая. Ее дочь Жаклин вышла замуж за Ги де Дайона, сеньора де Люда (см. ниже). Замок по-прежнему существует.

рехугольные грядки, наоборот, заглублены, где много плодовых деревьев и мало травы, боковины сказанных грядок заглублены и облицованы тесаным камнем. Шел снег, и погода была такая неприветливая из-за холодного ветра, что вокруг ничего не было видно. Я приехал на ночлег в

ПОНТОМЮР, семь лье, маленькая деревенька. Г-н и г-жа де Люд были в двух лье оттуда. На следующий день я приехал на ночлег в

ПОНШАРО, маленькая деревушка, шесть лье. На этой дороге жалкие гостиницы до самого Лиможа, однако нет недостатка в сносных винах. Сюда заглядывают только погонщики мулов да гонцы, которые направляются в Лион. С моей головой было не в порядке, и если это бури, холодные ветры и дожди ей тут вредят, то я сыт этим по горло на здешних дорогах, про которые тут говорят, что зимой нет более жестокого места во всей Франции.

В среду, 22 ноября, в очень дурную погоду я уехал отсюда и проехал мимо Фельтена, маленького городка, который, похоже, неплохо построен в низине и окружен со всех сторон высокими холмами. Он был еще наполовину опустошен из-за прошедшей тут чумы. Отсюда я приехал на ночлег в

ШАТЕН, пять лье, маленькая гадкая деревушка. Я тут выпил молодого неочищенного вина за отсутствием старых, выдержанных. В четверг, 23-го, моя голова по-прежнему оставалась в этом состоянии, а погода была все такой же суровой. Я приехал на ночлег в

СОВЬЯ, пять лье, маленькая деревенька, которая принадлежит сеньору де Лозену[862]. Оттуда на следующий день я приехал на ночлег в

ЛИМОЖ, шесть лье, где оставался всю субботу, и купил мула за девяносто экю-солей[863], и заплатил здесь за поклажу лионского мула пять экю, будучи обманут при этом на четыре ливра, поскольку вся остальная поклажа обошлась всего в три экю и две трети экю. Из Лиможа до Бордо платят экю за сотню [фунтов]. В воскресенье, 26 ноября, я уехал после обеда из Лиможа и приехал на ночлег в

КАР, пять лье, где оказалась только г-жа де Кар[864]. В понедельник я приехал на ночлег в

---

[862] Примечания: 862

Габриель-Номпар де Комон, граф де Лозен, муж сестры Шарля д'Эстиссака.

[863] Примечания: 863

Экю-соль (écus-sol) — «экю с солнцем»; см. выше, с. 101, прим. 4.

[864] Примечания: 864

Анна де Клермон-Талар, жена Жана д'Эскара, друга Этьена де Ла Боэси.

ТИВЬЕ, шесть лье. Во вторник на ночлег в

ПЕРИГЁ, пять лье. В среду ночлег в Мориаке.

МОРИАК, пять лье. В четверг, в день св. Андрея, в последний день ноября, я прибыл на ночлег в

МОНТЕНЬ, семь лье: откуда я уехал 22 июня 1580 года, направляясь в Ла Фер. Таким образом, мое путешествие продлилось семнадцать месяцев и восемь дней.

КОНЕЦ

Краткая хронология жизни Монтеня

1533. Мишель Экем де Монтень родился в замке Монтень в Перигоре в последний день февраля. Ребенком получил либеральное воспитание. С самого раннего возраста его доверили попечению учителя-немца, который говорил и занимался с ним исключительно на латыни, и то же самое делал его отец и по возможности остальные домашние, поэтому он без всякого труда выучил латынь как *живой* язык. В шесть лет он поступил в Гиеньский колледж в Бордо, один из лучших во Франции, где познакомился с такими учителями-гуманистами, как Груши, Герант, Бьюкенен и Мюре. Затем изучал право, вероятнее всего, в Тулузе.

1554. В двадцать один год Монтень становится советником в Перигё, при Высшем податном суде Перигора.

1557. После того как Высший податной суд Перигора был присоединен к парламенту Бордо, Монтень становится его членом. Здесь он позна-

комится с Этьеном де Ла Боэси, тоже перигорским уроженцем (родился в Сарла в 1530 году), советником того же парламента с 1552 года, и обоих свяжет глубокая дружба.

1559. Поездка Монтеня в Париж и Бар-ле-Дюк, куда он последует вместе с двором по случаю бракосочетания Клод, сестры Франциска II, и герцога Лотарингского, Карла III.

1561. Новая поездка ко двору. Монтень следует за армией короля, который намеревается отбить Руан у гугенотов.

1563. Смерть Этьена де Ла Боэси, о котором Монтень будет горевать всю оставшуюся жизнь.

1565. Женитьба Монтеня на Франсуазе де Ла Шассень, дочери одного из его коллег по парламенту Бордо. У них родится шесть дочерей, из которых выживет только одна — Леонора.

1569. Монтень публикует в Париже свой перевод книги *Theologia naturalis* каталонца Раймунда Сабундского.

1570. Унаследовав по смерти отца (умершего в 1568 году) замок и его земли, Монтень подает в отставку и слагает с себя должность советни-

ка. Он проводит шесть месяцев в Париже, где занимается публикацией произведений своего умершего друга Ла Боэси, предваряя каждое из них собственным посвящением.

1571. В возрасте тридцати восьми лет Монтень удаляется в свой замок, где посвящает себя написанию «Опытов». Однако полностью себя из общественной жизни он не исключил, будучи пожалован орденом Св. Михаила и получив младший придворный чин при королевском дворе.

1574. Во Франции свирепствует гражданская война. Монтень, присоединившийся к герцогу де Монпансье, главе королевской армии, двинувшейся из Пуату против гугенотов, получает от него поручение к бордосскому парламенту.

1577. Монтень пожалован придворным чином от Генриха, короля Наваррского.

1578–1579. Монтень лечится на пиренейских термальных курортах, поскольку уже несколько лет страдает от мочекаменной болезни.

1580. В Бордо выходит первое издание «Опытов» в двух томах. 22 июня Монтень покидает свой замок и отправляется в Париж, чтобы представить свою книгу королю Генриху III. В июле

— августе он присутствует при осаде Ла Фера, который армия маршала де Матиньона пытается отбить у гугенотов, затем сопровождает в Суассон останки своего друга графа де Грамона, погибшего от ран (см. «Опыты», III, 4). Он не дожидается окончания осады и за несколько дней до сдачи Ла Фера отправляется в путешествие по Италии через Швейцарию и Германию.

1580–1581. Путешествие в Италию (см. ниже *Хронологию и этапы путешествия*).

1581. Вернувшись домой, Монтень становится мэром Бордо. Ближе к концу года он публикует второе издание своего перевода Раймунда Сабундского.

1583. Второе издание «Опытов» в Бордо с некоторыми добавлениями, сделанными благодаря своему путешествию и чтению в основном итальянских авторов.

1583. Монтеня во второй раз избирают мэром Бордо на два года. После перерыва в Перигоре снова вспыхивает религиозная война.

1584. Генрих Наваррский останавливается на два дня в Монтене.

1585. Монтень играет роль посредника между маршалом де Матиньоном, королевским наместником в Гиени, и Генрихом Наваррским. В июне на Бордо обрушивается чума. Монтень, чьи обязанности мэра истекли в июле, покидает свой замок на несколько месяцев. По возвращении он возобновляет свои занятия: читает, продолжает работать над «Опытами», пишет третий том.

1587. Новое издание «Опытов». Генрих Наваррский, победитель при Куртра, останавливается в Монтене.

1588. Монтень отправляется в Париж, чтобы лично проследить за новым, трехтомным изданием «Опытов», которое обогащено также множеством добавлений к двум первым томам; он лично преподнесет его королю Генриху III. Во время этой поездки в лесу Вильбуа близ Орлеана на него нападают вооруженные люди, наверняка лигисты. В Париже он знакомится с Мари Ле Жар де Гурне, которая выразила свое восхищение «Опытами»: это начало отношений Монтеня с той, кого позже нарекут его «духовной дочерью». После *Дня баррикад* Монтень следует за Генрихом III в Руан. В июле, по возвращении из Руана в Париж, его заключают в Бастилию (герцог д'Эльбеф

захватил его в заложники, из-за того что один его родственник был арестован Генрихом III), но освобождают в тот же день благодаря вмешательству королевы-матери Екатерины Медичи. Затем он проводит несколько недель в Гурне, в Пикардии. В октябре он присутствует при первых заседаниях Генеральных штатов в Блуа, но покидает город до убийства герцога де Гиза.

1588–1592. Когда после убийства Генриха III королем Франции становится Генрих Наваррский, Монтень письменно свидетельствует ему свою преданность, но он уже пожилой, измученный болезнью человек, поэтому ведет уединенную жизнь, продолжая работу над «Опытами», наполняя их пометками на полях и добавлениями.

1592. Смерть — 13 сентября.

1595. Мари де Гурне публикует в Париже новое издание «Опытов», опираясь на копию экземпляра с собственными пометками автора, собранными, похоже, г-жой де Монтень и Пьером де Браком. Только в XIX веке аннотированный Монтенем экземпляр (в настоящее время он находится в муниципальной библиотеке города Бордо) был извлечен на свет, чтобы стать основой для последующих изданий.

Хронология и этапы путешествия Монтеня

Сентябрь 1580 года

5 — Бомон-сюр-Уаз → Мо
6 — Мо → Шарли
7 — Шарли → Дорман
8 — Дорман → Эперне
9 — Эперне → Шалон-сюр-Марн
10 — Шалон-сюр-Марн → Витри-ле-Франсуа
11 — Витри-ле-Франсуа → Бар-ле-Дюк
12 — Бар-ле-Дюк → Моваж
13 — Моваж, Вокулёр, Домреми → Нёфшато
14 — Нёфшато → Мирекур
15 — Мирекур, Пуссэ → Эпиналь
16 — Эпиналь → Пломбьер
16–27 ПЛОМБЬЕР
27 — Пломбьер → Ремирмон
28 — Ремирмон, Бюссан → Тан
29 — Тан, Мюлуз → Базель
29 БАЗЕЛЬ (до 1 октября)

Октябрь 1580 года

1 — Базель → Хорнуссен

2 — Хорнуссен, Брюгг → Баден
2–7 БАДЕН
7 — Баден → Шаффхаузен
8 — Шаффхаузен → Констанц
9 — Констанц → Маркдорф
10 — Маркдорф → Линдау
11 — Линдау → Ванген
12 — Ванген, Исни → Кемптен
13 — Кемптен → Пфронтен
14 — Пфронтен, Фюссен → Шонгау
15 — Шонгау, Ландсберг → Аугсбург
15–19 АУГСБУРГ
19 — Аугсбург → Брук
20 — Брук → Мюнхен
21 — Мюнхен → Кёнигсдорф
22 — Кёнигсдорф → Миттенвальд
23 — Миттенвальд, Зеефельд → Инсбрук
24 — Инсбрук → Халль → Инсбрук
25 — Инсбрук (через ущелье Бреннер) → Штерцинг (Випитено)
26 — Штерцинг → Бриксен (Брессаноне)
27 — Бриксен, Колльманн → Больцано
28 — Больцано, Бранцолль (Бронцоло) → Тренто
29 — Тренто → Роверето
30 — Роверето → Торболе, озеро Гарда, Торболе

→ Роверето
31 — Роверето, Боргетто → Воларне

Ноябрь 1580 года

1 — Воларне, Верона → Виченца
3 — Виченца → Падуя
5 — Падуя → Ка’ Фузина → Венеция
5–11 ВЕНЕЦИЯ
12 — Венеция → Ка’ Фузина → Падуя
13 — Падуя, Абано, Сан Пьетро → Батталья
14 — Батталья, Монселиче → Ровиго
15 — Ровиго → Феррара
15–17 ФЕРРАРА
17 — Феррара → Болонья
17–20 БОЛОНЬЯ
20 — Болонья → Лояно
21 — Лояно → Скарперия
22 — Скарперия, Пратолино → Флоренция
22–24 ФЛОРЕНЦИЯ
24 — Флоренция → Сиена
24–26 СИЕНА
26 — Сиена → Буонконвенто
27 — Буонконвенто, Монтальчино → Ла Палья
28 — Ла Палья → Монтефьясконе
29 — Монтефьясконе, Витербо → Рончильоне
30 — Рончильоне → Рим

РИМ
(до 19 апреля 1581 года)

Декабрь 1580 года

25 — Рождество, папская месса в соборе Св. Петра
29 — Аудиенция у папы Григория XIII
31 — Обед у кардинала Санского

Январь 1581 года

11 — Казнь Катены
26 — Экскурсия на Яникул
30 — Посещение синагоги и ритуал обрезания
Февраль 1581 года

5–7 — Римский карнавал
9 — Последний четверг перед постом, праздник у Кастеляна (коменданта замка Св. Ангела)

Здесь начинается часть, написанная рукой самого Монтеня

16 — Монтень присутствует на церемонии изгнания дьявола

Март 1581 года

1 — Месса в церкви Св. Сикста; первая встреча

с послом из Московии

6 — Посещение Ватиканской библиотеки

15 — Экскурсия в Остию

18 — Изъявление покорности португальцев Испании; вторая встреча с послом из Московии

13 — Встреча с патриархом Антиохийским

19 — Вербное воскресенье; церемония прощения юного убийцы

20 — Монтеню возвращают его «Опыты» с замечаниями папских цензоров

22 — Молитвенное посещение Монтенем «семи церквей»

23 — Великий четверг; церемония в соборе Св. Петра, *Вероника*, шествие, флагелланты

25 — Показ пастве в соборе Св. Иоанна Латеранского голов Св. Петра и Св. Павла

26 — Пасха

29 — Беседа с иезуитом Мальдонатом

Апрель 1581 года

2 — Первое воскресенье после Пасхи; церемония раздачи *благостыни* девственницам

3 — Экскурсия в Тиволи; сравнение виллы д'Эсте с виллой Пратолино

5 — Монтень получает звание римского гражданина в письме от 13 марта 1581 года

15 — Монтень прощается с Магистром *del sacro Palazzo*; новая беседа о цензуре «Опытов»

18 — Посещение палаццо Чезарини

19 — Монтень покидает Рим, направляясь в Лорето

19 — Рим → Кастельнуово

20 — Кастельнуово → Нарни

21 — Нарни, Сполето → Фолиньо

22 — Фолиньо → Вальчимара

22 — Вальчимара, Мачерата → Лорето

23–26 ЛОРЕТО

26 — Лорето → Анкона

27 — Анкона → Сенигаллья

28 — Сенигаллья, Фано → Фоссомброне

29 — Фоссомброне, Урбино → Кастель Дуранте (Урбания)

30 — Кастель Дуранте, Борго Паче → Борго Сан Сеполькро

Май 1581 года

1 — Борго Сан Сеполькро, Понте Бурьяно → Леванелла

2 — Леванелла, Пьян делла Фонте → Флоренция

3 — Флоренция, Прато → Пистойя

4 — Пистойя → Лукка

4–7 ЛУККА

4 — Лукка → Баньи делла Вилла
4 БАНЬИ ДЕЛЛА ВИЛЛА
(водолечение, крестьянский бал и т. д. вплоть до 21 июня)

Июнь 1581 года

21 — Баньи делла Вилла, Пеша → Пистойя
22 — Пистойя, Кастелло → Флоренция
22 ФЛОРЕНЦИЯ
(до 2 июля)

Июль 1581 года

2 — Флоренция, Эмполи → Скала
3 — Скала → Пиза
3–27 ПИЗА
27 — Пиза → Лукка
27 ЛУККА
до 13 августа

Август 1581 года

13 — Лукка → Вилла Пинитези
14 — Вилла Пинитези → Баньи делла Вилла
14 БАНЬИ ДЕЛЛА ВИЛЛА
(лечение вплоть до 12 сентября)

Сентябрь 1581 года

7 — находясь на водах, Монтень получает письмо о своем избрании мэром Бордо
12 — Баньи делла Вилла → Лукка
12–20 ЛУККА
20 — Лукка → Скала
21 — Скала, Чертальдо, Поджибонси → Сиена
21–24 СИЕНА
24 — Сиена → Сан Квирико
24–26 САН КВИРИКО
26 — Сан Квирико → Ла Палья → Сан Лоренцо
27 — Сан Лоренцо → Витербо
27–30 ВИТЕРБО и окрестности
30 — Витербо, Баньайя (Вилла Ланте), Капрарола → Монтеросси

Октябрь 1581 года

1 — Монтеросси → Рим
1 РИМ
(Монтень получает официальные письма о своем избрании мэром Бордо и остается в Риме до 15 октября)

8 — Термы Диоклетиана: Монтень наблюдает за трюками ловкого наездника
10 — Продажа мебели кардинала Орсини
12 — Посещение вместе с кардиналом Санским церкви

Святых Иоанна и Павла
15 — Рим → Рончильоне
16 — Рончильоне, Витербо → Сан Лоренцо
17 — Сан Лоренцо → Сан Квирико
18 — Сан Квирико → Сиена
19 — Сиена → Понте а Эльса
20 — Понте а Эльса, Альтопашо → Лукка
21 — Лукка → Масса ди Каррара
22 — Масса ди Каррара, Сарцана → Понтремоли
23 — Понтремоли → Форново
24 — Форново, Борго Сан Донино → Пьяченца
25 — Пьяченца → Павия
26 — Павия → Милан
26–28 МИЛАН
28 — Милан, Буффалора → Новара
29 — Новара, Верчелли → Ливорно(-Феррарис)
30 — Ливорно(-Феррарис), Кивассо → Турин
31 — Турин, Сант-Амброджо → Суза

Ноябрь 1581 года

1 — Суза, Новализа, Монченизио (Мон-Сени) → Ланлебур → Браман
2 — Браман → Сен-Мишель → Ла Шамбр
3 — Ла Шамбр → Эгбель → Монмельян
4 — Монмельян, Шамбери → Иен
5 — Иен → Сен-Рамбер

6 — Сен-Рамбер → Монлюель
7 — Монлюель → Лион
7–15 ЛИОН
15 — Лион → Бурдельер
16 — Бурдельер → Л’Опиталь
17 — Л’Опиталь → Тьер
18 — Тьер → Пон-дю-Шато
19 — Пон-дю-Шато → Клермон(-Ферран)
20 — Клермон(-Ферран), Пюи-де-Дом → Понжибо → Понтомюр
21 — Понтомюр → Поншаро
22 — Поншаро → Шатен
23 — Шатен → Совья
24 — Совья → Лимож
24–26 ЛИМОЖ
26 — Лимож → Кар
27 — Кар → Тивье
28 — Тивье → Перигё
29 — Перигё → Мориак
29 — Мориак → Монтень

Послесловие переводчика

История обретения и утраты этого манускрипта похожа на детектив. Правда, чтобы связно изложить ее, потребуется отчасти повторить факты, приведенные в предисловии Менье де Керлона, первого издателя *Дневника*. Итак, в 1770 году, через сто семьдесят восемь лет после смерти Монтеня, в бумагах его родового замка копался с разрешения владельца безвестный краевед, ученый каноник, а проще говоря, монах Прюни, искавший старинные документы, относящиеся к истории Перигора. И вот в одном древнем сундуке он совершенно неожиданно для себя обнаружил потрепанную рукопись с отсутствующими первыми страницами. Это и оказался тот самый «Путевой дневник». Каноник Прюни сразу же предложил собственнику рукописи и замка (кстати, потомку самого Монтеня) издать ее. Тот согласился. Однако излишне целомудренный каноник, наткнувшись на довольно натуралистичные заметки Монтеня о том, как у него выходили камни, и прочие физиологические подробности — ведь он предпринял свое путешествие в том

числе и с лечебной целью, поскольку страдал от мочекаменной болезни, — решил опустить их. С чем не согласился хозяин рукописи, граф де Сегюр, и сменил каноника на библиофила Менье де Керлона, сотрудника Королевской библиотеки. И тот стал готовить рукопись к печати, а заодно связался с главным издателем-просветителем того времени д'Аламбером. Но тот, ознакомившись с рукописью, не проявил к ней интереса. Представший в «Дневнике» образ Монтеня не слишком совпадал с тем портретом, который рисовали с него просветители. Этот Монтень вполне ладил с католической церковью, был не только религиозен, но и побывал в паломничестве в Лорето, в доме Богородицы, и даже оставил там вотивное изображение своей семьи, целовал туфлю папы Григория XIII, нимало не смущаясь тем, что тот чуть ли не благословил Варфоломеевскую ночь, упорно добивался высокого, хотя и пустого звания римского гражданина, нигде не проявлял склонности к протестантизму… И прочая, прочая. В общем, д'Аламбер отверг рукопись.

И Керлон решил издать ее сам, в чем и преуспел, выпустив в течение 1774 года аж четыре издания! Но вот о чем в его «Предисловии» не сказано: сама рукопись, переданная в Королев-

скую библиотеку, бесследно и самым загадочным образом исчезла в ее недрах. И до сих пор не найдена. Хотя не так давно (всего лишь в 80-х годах XX века) в одной из библиотек обнаружилась ее неполная копия, сделанная каноником Леде (другом и соратником каноника Прюни) и в некоторых местах уточняющая копию Керлона.

Напоследок пару слов о «Предисловии». Почти все французские (и не только) издания «Дневника» педантично перепечатывают его: во-первых, как дань традиции, во вторых, как дань уважения, ведь Керлон был первым издателем «Дневника» и плотно ввел его в обиход французской литературы, буквально заставив публику проявить интерес к этому произведению и даже читать его. Он последним держал в руках исчезнувшую рукопись и знал ее досконально; наконец, если не обращать внимания на некоторые анахронизмы, «Предисловие» до сих пор вполне годится к употреблению, избавляя пишущих послесловия от повторения уже сказанного им.

Вот краткая предыстория событий «Дневника»: после встречи с Генрихом III в замке Сен-Мор, где тот отдыхал со своей матерью Екатериной Медичи, Монтень отправился к городку Ла Феру, осажденному по приказу короля, чтобы очистить

его от гугенотов. Потом сопровождал в Суассон останки своего убитого при осаде друга Филибера де Грамона, супруга «прекрасной Коризанды» (любовницы Генриха Наваррского). И наконец, добравшись в Бомон-сюр-Уаз, он, не дожидаясь сдачи осажденного города (которая вскоре и воспоследовала), 5 сентября 1580 года вместе с несколькими молодыми родственниками и друзьями семьи, в сопровождении слуг и *секретаря* (всего человек девять — двенадцать) отправился из погрязшей в вялотекущей гражданской войне Франции в долгое путешествие по Германии, Швейцарии и Италии, из которого вернется лишь через семнадцать месяцев, 30 ноября 1581 года.

Не был ли он облечен во время этого путешествия какой-либо секретной миссией? Например, от короля Генриха III к папскому престолу? Кто знает. Монтень умел быть скрытным, когда хотел, и выполнение им дипломатических поручений в прошлом и будущем это подтверждает. Одна-то миссия ему была поручена точно, и о ней даже упоминается в «Дневнике»: от старейшины Ремирмонской женской обители к папе — похлопотать о назначении на пост аббатисы *правильной* преемницы.

Теперь немного о самом «Дневнике». Для тех,

кто интересуется творчеством Монтеня, это неоценимое сокровище, поскольку дополняет, а порой и прояснят текст «Опытов». Французский писатель и литературный критик Филипп Соллерс, с удивлением прочитав эту книгу, назвал ее «секретным приложением» к «Опытам». Что совершенно верно: ее внимательный читатель наверняка будет постоянно сопоставлять оба текста и находить то отголоски «Опытов» в «Дневнике», то отголоски «Дневника» в «Опытах». Он писался по выходе двух первых томов, что отчасти даже стало причиной путешествия, поскольку Монтень собирался представить свою книгу двум европейским властителям: во-первых, королю Генриху III, во-вторых, римскому папе Григорию XIII. Третий же том был написан уже по возвращении из путешествия, а общее количество добавлений, сделанных им к последующим переизданиям двух предыдущих томов, — примерно шестьсот (!). Но если «Опыты» изначально предназначались для публикации, то «Дневник» писался для себя, как подспорье для памяти, на которую Монтень вечно жаловался и даже приводит в «Дневнике» примеры этого. Однако он обладал «всеобъемлющим любопытством», причем его интересовали не

столько культурные ценности и памятники архитектуры, сколько люди, которых он наблюдал беспрестанно. Хотя читатель с интересом узнает от него, например, что флорентийский Дуомо и знаменитая колокольня Джотто были тогда облицованы белым и черным мрамором, а вовсе не цветным, как сейчас. Впрочем, возможно, что тут его подвели глаза или память. Но с его описанием интересно перекликаются заметки русских путешественников, побывавших во Флоренции *до* и *после* него, один в середине XV века, а двое других в конце XVII:

«И есть во градѣ том божница устроена велика, камень моръморъ бѣлъ, да чернъ; и у божницы тое устроен столпъ и колоколница, тако же бѣлы камень моръморъ…» (Анонимный автор *Хождения на Флорентийский собор*, 1438 г.).

«Потом пришел к саборной церкве, которая называется италиянским языком Санта Мария Фиоре, то есть Святыя Марии Цветковой. Та церковь зело велика, а снаружи зделана вся из белаго мрамору, а в белой мрамор врезываны черные каменья изрядными фигурами…» *(Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699 гг.).*

«Колокольня здѣлана вся из белово камня в

столпах резных…» *(Путешествие по Европе боярина Б. П. Шереметева. 1697–1699)*.

Их тоже подвели глаза и память? Есть над чем задуматься.

К тому же Монтень был наделен удивительной способностью оказываться там и в тот момент, где и когда происходит что-то важное и интересное. Так, в Венеции он получил в дар от известнейшей венецианской куртизанки и поэтессы Вероники Франко (чьи стихи непременно входят во все антологии поэзии итальянского Возрождения) ее только что изданную книгу *Lettere familiari a diversi* («Интимные письма к разным людям»), причем за четыре дня до отъезда Монтеня из Венеции инквизиция предъявила ей обвинение в колдовстве (по доносу учителя ее сына, которого она уличила в воровстве). А в Риме он наталкивается на Истому Шевригина, посла из далекой Московии от Ивана Грозного с деликатной миссией к папе Григорию XIII (ни много ни мало — убедить того вмешаться в войну царя со Стефаном Баторием), и оставил нам его великолепное описание. Ведь нигде — повторим — нигде более не описано, как этот посол выглядел, как вел себя и что говорил, кроме как у Монтеня. Сохранились лишь сухие отчеты, а тут — набросан портрет

живого человека! Что говорить, наблюдателем Монтень был исключительным. И после тех встреч с Истомой Шевригиным в третьем томе «Опытов» появились упоминания о России (в том числе и о Древней Руси).

Однако есть и удивляющие лакуны. Монтень неоднократно ссылается в своих «Опытах» на Торквато Тассо и цитирует его стихи, почитая поэта чуть ли не гением, однако в своем «Дневнике» он ни словом не обмолвился о своем визите к нему (хотя из «Опытов» известно, что они виделись, есть даже не одна картина на этот сюжет). Почему же тогда он об этом не упоминает? Тассо, правда, был тогда душевно болен и содержался в лечебнице, но посетителям видеться с ним не препятствовали. Загадка. Думается, что виной тут была именно слишком большая острота и непосредственность впечатления. При виде гениального поэта в столь плачевном состоянии Монтень наверняка был так поражен и удручен этим гнетущим зрелищем, что даже отказался его описывать. И смог пересказать эпизод, лишь когда яркость картины несколько поблекла и ослабела: по возвращении из путешествия сделал вставку во второе издание «Опытов» (в гл. XII 2-го тома), которая недвусмысленно подтверждает,

что он все-таки встречался с поэтом, находившимся тогда в приюте для умалишенных. Вот ее неполный текст: «…какой внезапный оборот вдруг приняло жизнерадостное одушевление у одного из самых одаренных, вдохновенных и проникнутых чистейшей античной поэзией людей, у того великого итальянского поэта, подобного которому мир давно не видывал? Не обязан ли был он своим безумием той живости, которая для него стала смертоносной, той зоркости, которая его ослепила, тому напряженному и страстному влечению к истине, которое лишило его разума, той упорной и неутолимой жажде знаний, которая довела его до слабоумия, той редкостной способности к глубоким чувствам, которая опустошила его душу и сразила его ум? Я ощутил скорее горечь, чем сострадание, *когда, будучи в Ферраре,* увидел его в столь жалком состоянии, пережившим самого себя, не узнающим ни себя, ни своих творений, которые без его ведома были у него на глазах изданы в изуродованном и неряшливом виде».

Кстати, ни в одном из примечаний к нашим изданиям «Опытов» нет упоминания об их связи с «Путевым дневником».

Несмотря на то что «Дневник» не предназна-

чался автором к печати (а может быть, как раз поэтому), он буквально переполнен меткими наблюдениями, сделанными как бы «навскидку», по первому впечатлению, которые позднее претворились в ткань третьего тома его «Опытов», написанного и изданного уже после путешествия. Ватиканская библиотека — лишь один из примеров этого. Среди книг Монтень был в своей стихии, и хотя его отчет — это всего лишь не претендующие на стилистическое совершенство рабочие заметки, в них уже вполне узнаваем его «фирменный» афористичный стиль: «В то же время отсюда уезжал наш посол, так толком и не повидав ее, и жаловался, что… не получил возможности увидеть этого рукописного Сенеку, чего он бесконечно желал. Меня же тут влекла фортуна, хотя я, основываясь на его свидетельстве, почитал сие предприятие безнадежным. Все дела, недоступные для других, становятся легки на обходном пути. У случая и своевременности имеются свои исключительные права, и они нередко предоставляют народу то, в чем отказывают королям. Любопытство подчас мешает само себе, и так же бывает с величием и могуществом».

А описание руин древнего Рима, его огромной

«могилы»? Вот что Монтень пишет в «Опытах»: «И в других местах я видел развалины зданий, и статуи, и землю, и небо, и везде и всюду — людей. Все это так, но тем не менее, как бы часто я ни посещал гробницу некогда столь великого и могучего города, я неизменно в восхищении от него и благоговею пред ним. Не забывать мертвых похвально. А с этими мертвыми я знаком с детства, вырос бок о бок с ними; я познакомился с историей Рима намного раньше, чем с историей собственного рода. Я знал Капитолий и его план прежде, чем узнал Лувр, и Тибр — прежде, чем Сену. У меня в голове было больше сведений об образе жизни и богатствах Лукулла, Метелла и Сципиона, чем о ком-либо из моих соотечественников» (Опыты, III, «О суетности»). И словно продолжает, но уже в «Дневнике»: «…в Риме не видно ничего, кроме неба, под которым он был основан, да плана его местоположения, приобретенное же… знание о нем — отвлеченное и умозрительное — ничего не дает чувствам, и люди, говорящие, что тут, по крайней мере, видны руины Рима, изрядно преувеличивают, потому что руины столь чудовищной громады оказали бы гораздо больше чести его памяти и внушили бы к ней гораздо больше почтения, а

так это всего лишь могила. Мир, исполненный враждебности к долгому господству Рима, первым делом сокрушил его, вдребезги разбив все члены этого восхитительного тела, потому что, даже совершенно лишенный жизни, поверженный, обезображенный, он все еще внушал страх, а потому мир похоронил и сами его руины. То, что мелкие образчики этих обломков все еще появляются из гроба, — заслуга фортуны, сохранившей их как свидетельство бесконечного величия, с которым столько веков, столько пожаров и неоднократных поползновений мира уничтожить этот город так и не смогли ничего сделать. Но вполне вероятно, что эти разрозненные члены, которыми теперь любуются, — наименее достойное из того, что от него осталось, потому что ярость врагов этой бессмертной славы подвигла их разрушить в первую очередь наиболее прекрасное и достойное; и хотя у зданий даже этого ублюдочного Рима еще было чем вызвать восхищение нашего нынешнего века, его сейчас привлекают эти древние лачуги, заставляя снова вспомнить гнезда воробьев и ворон, что лепятся во Франции под сводами и на папертях церквей, недавно разрушенных гугенотами».

Приходится согласиться с Керлоном, что это

одно из лучших описаний Рима в литературе.

Кстати, этот надиктованный Монтенем отрывок был написан рукой его слуги, судя по некоторым замечаниям в «Дневнике», — камердинером, выполнявшим заодно и функцию секретаря. Можно только гадать, кем он был. Керлон жалуется на его плохой почерк и не слишком большую грамотность. Трудно даже сказать, знал ли он хоть немного латынь. В Риме он покинул Монтеня. Может, этот человек с самого начала направлялся в Вечный город, а обязанности слуги и секретаря выполнял в качестве платы за путешествие? Сбивает с толку, что он по большей части упоминает своего хозяина в третьем лице, видимо, от избытка почтительности, причем пытается делать это, даже когда пишет под его диктовку. И еще надо представлять себе, как писались эти заметки. Порой после целого дня в седле до записей ли в «Дневнике» было пожилому и вдобавок больному человеку? Поэтому часты просто краткие упоминания мест, через которые путешественники проехали. Порой Монтень располагал досугом и бывал в ударе, как в случае с размышлениями о римских руинах, но в другое время он не слишком хорошо себя чувствовал (а мы видим, что это случалось довольно часто)

и ограничивался лишь общими указаниями: мол, запиши то-то и то-то; правда, при условии, что слуга был этому свидетелем, ведь во многих случаях этого и быть не могло, например, на аудиенции у папы, на торжественном обеде у кардинала Санского, да мало ли где и при каких обстоятельствах у него не было слуги под рукой! В таких случаях он уже потом надиктовывал ему более-менее подробный рассказ. Однако тот не всегда верно понимал, что ему втолковывают, поэтому бóльшая часть описаний всяких технических диковин, которыми Монтень очень интересовался, довольно невнятна. Иногда слугу посылали с вещами вперед, в то время как «господа» ехали отдельно, и тогда он вообще умолкает — все виденное им при нем и остается. Всего один единственный раз он описывает то, чего не видел сам Монтень, — парильню в Миттенвальде: «В гостинице имеется парильня, где проезжие имеют обычай потеть за полтора *батца*. Я ходил туда, пока господа ужинали. Там было много немцев, которым ставили банки и отворяли кровь». Судя по тому, что эти наблюдения остались в «Дневнике», Монтень, вероятно, сам послал слугу разузнать об этой парильне, по какой-то причине не сумев или не захотев посетить ее. О самом себе

*секретар*ь упоминает лишь в связи с поручениями, которые давал ему хозяин, и часто путается в своих «я» и «он»; временами его «я» попросту означает, что слово взял сам Монтень, который как-то заметил, «что всю свою жизнь остерегался чужих суждений». А поэтому потуги некоторых исследователей представить *секретаря* чуть не соавтором Монтеня не выдерживают никакой критики и остаются лишь досужими спекуляциями. Они сразу рушатся, если вспомнить, что нашего писателя всегда интересовали только собственные наблюдения, собственные впечатления, собственный опыт. Именно ради них, вообще-то, он и затеял писать свой «Дневник».

Кому-то могут показаться скучными, малоинтересными, а то и раздражающими описания того, как Монтень занимался самолечением (стоит назвать это именно так, ведь по большому счету это соответствовало действительности, поскольку в медицину он не верил). Однако надо вспомнить, что его «Дневник» вовсе не предназначался для печати, а само путешествие было предпринято не в последнюю очередь как раз ради этого, потому что Монтень был уже до предела измучен своей болезнью. Хотя предоставим слово самому писателю, и он ответит со всей присущей ему

откровенностью: «…Если не ошибаюсь, был с Периклом такой случай: когда его спросили, как он себя чувствует, он ответил: “Вы можете судить по этим вещам” — и указал на амулеты, висевшие у него на шее и на руках. Этим он хотел сказать, что серьезно болен, раз дошел до того, что прибегнул к столь безнадежным средствам, позволив нацепить на себя эти штуки. Я не зарекаюсь, что могу когда-нибудь прийти к нелепому решению вверить свою жизнь и здоровье врачам; я могу поддаться такой безумной мысли и не поручусь за свою стойкость на будущее время. Однако и тогда, если кто-нибудь спросит меня о моем самочувствии, я отвечу ему, как Перикл: “Можете судить по этому” — и покажу зажатые у меня в кулаке шесть драхм опия; это будет бесспорным доказательством серьезности моей болезни. К этому времени я уже успею основательно свихнуться; если страх и нетерпение смогли довести меня до такого, то можно вообразить всю глубину моего душевного смятения» (Опыты, II, «Госпоже де Дюра»).

Еще одна проблема текста — его итальянская часть. Впрочем, отношение к ней в некотором смысле предопределяет сам Монтень: «Находясь в Италии, я дал одному человеку, дурно изъясняв-

шемуся по-итальянски, вот какой совет: раз он не стремится хорошо говорить на этом языке, а хочет только, чтобы его понимали, пусть употребляет первые попавшиеся слова — латинские, французские, испанские или гасконские, — прибавляя к ним итальянские окончания; в таком случае его речь непременно совпадет с каким-нибудь наречием страны: тосканским, римским, венецианским, пьемонтским или неаполитанским, или с какой-нибудь из их разновидностей» («Опыты», II, 12). На сей счет Луи Лотре, выпустивший одно из лучших критических изданий «Дневника», замечает: «Эти слова всегда стоит иметь в голове, переводя заметки Монтеня… потому что его итальянский язык — всего лишь плохо замаскированный латинский, французский либо гасконский, который подчас итальянцам непонятен более, нежели читателям, близко знакомым с его *Опытами*». Находясь на водах, он пишет (уже своей рукой): «Мне пришла фантазия изучать флорентийское наречие, причем усердно и старательно; я потратил на это достаточно времени и усилий, но мало чего добился». И уже покинув Италию: «Здесь… я оставляю чужой язык, которым пользуюсь довольно легко, хотя наверняка плохо, поскольку не имел

досуга, чтобы научиться ему как следует, и все время находился в обществе французов». И действительно, его итальянский можно, пожалуй, назвать «кухонным», а потому вполне понятны смертные муки Керлона, пытавшегося продраться не только через дурной почерк автора, через его причудливую орфографию, но и через язык, «притворявшийся итальянским». Во всяком случае, на *таком* итальянском никто, кроме Монтеня, не говорил и не писал. Керлону помог итальянский эрудит Бартоли (хотя Керлон не всегда прислушивался к его советам и временами нес откровенную отсебятину), а для нынешнего перевода неоценимую помощь оказали несколько хороших критических изданий «Дневника», сделанных французами и итальянцами после 1774 года (Лотре, д'Анконы, Фаусты Гаравини и др.), где они совместными усилиями разбирали (одни убедительнее в одном, иные в другом), что же именно написал Монтень. Ведь если слепо следовать за всем, что написано в итальянском тексте (а потом еще и было переврано переписчиками), читатель получил бы в переводе порой нечто совершенно неудобоваримое. Поэтому в некоторых местах вынужденно приходилось переводить не то, *что получилось* у Монтеня, а

то, *что он хотел сказать*. Надеемся, что, имея на рабочем столе итальянский текст и несколько его французских интерпретаций (поскольку по большей части он в некотором смысле все-таки *французский*, хоть и написан в основном итальянскими словами), нам все же удалось добиться вразумительности. Возможно, когда-нибудь выйдет в свет академический том «Дневника» с тщательным разбором всех ошибок, оговорок, описок, архаизмов, неологизмов, латинизмов и диалектизмов монтеневского текста, но наше издание было изначально предназначено для самого широкого круга читателей, а потому мы сочли своей главной задачей сделать его максимально ясным и доступным для понимания.

И напоследок. Уже на последнем этапе путешествия, будучи на водах, а затем в Риме, Монтень получил письма из города Бордо, граждане которого избрали его своим мэром. И вот пожилой (хотя ему было всего сорок семь лет, но по меркам того времени он считался почти стариком), больной человек после второго сообщения проделывает верхом до своего замка примерно полтысячи километров за пятнадцать дней! Фантастика. Впрочем, он сам утверждал в «Опытах», что лучше всего чувствует себя в седле. Однако

что же все-таки побудило его сначала совершить путешествие *туда*, а затем в такой спешке *обратно*? Предоставим слово самому Монтеню.

Вот его собственные слова: «Обычно я отвечаю тем, кто спрашивает меня о причине моих путешествий, что я отлично знаю, от чего бегу, но не знаю, чего ищу» («Опыты», III, 9).

Остальное — в примечаниях.